В. ВАСИЛЬЕВСКІЙ.

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ

ПО

ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРІИ.

Выпускъ I.

С.-Петербургъ.
Типографія В. С Балашева, Екатерининскій кан., № 80.
1890.

2 К

„Пров 38“

354
37

Предисловіе.

Предлагаемый первый выпускъ „Обозрѣнія трудовъ по византійской исторіи“ представляетъ перепечатку, съ нѣкоторыми дополненіями, статей, появлявшихся въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1887 — 1889 годовъ. Какъ показываетъ самое заглавіе, имѣлось въ виду не обозрѣніе источниковъ византійской исторіи, а обозрѣніе трудовъ по изданію и непосредственному объясненію источниковъ, начиная съ эпохи Возрожденія. Въ настоящемъ выпускѣ это обозрѣніе доведено до XIX столѣтія,—въ слѣдующемъ должны заключаться окончаніе главнаго отдѣла и затѣмъ характеристика новѣйшихъ и болѣе общихъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Византіи, а также перечисленіе русскихъ частныхъ изслѣдованій въ этой области.

Исторія византійскихъ ученыхъ занятій—какъ иначе можно обозначить тему нашего опыта — до сихъ поръ не была еще предметомъ спеціальнаго и цѣльнаго обозрѣнія. Бѣглый очеркъ г. Саѳы (Sathas), помѣщенный во введеніи къ четвертому тому его „Средневѣковой Библіотеки“ (Bibliotheca graeca medii aevi, Μεσαιωνικη βιβλιοθηκη), не можетъ быть принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ почти ничего, кромѣ перечисленія именъ главныхъ дѣятелей (на 14 страницахъ). Впрочемъ, мы должны признаться, что этотъ очеркъ все-таки послужилъ программою для нашихъ университетскихъ лекцій, представлявшихъ вступленіе въ одинъ изъ спеціальныхъ курсовъ по византійской исторіи, откуда произошли и вышеозначенныя статьи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія; такимъ образомъ мы обязаны г. Саѳѣ первою идеею нашего труда. Само собою разумѣется, что при составленіи своего обозрѣнія мы пользовались тѣми готовыми пособіями, какія заключаются въ библіографическихъ и біографическихъ изданіяхъ, а также въ трудахъ историко-литературныхъ, касающихся византійской письменности. Такъ, мы должны назвать:

„Греческую Библіотеку“ Фабриція въ обработкѣ Гарлесса (Fabricius Harless, Bibliotheca graeca);

„Историческую библіотеку“ Струве въ изданіи Мейзеля (Struve, Bibliotheca historica, ed. Meusel. Voluminis V pars I = tom. IX; Lipsiae. 1790);

„Исторію византійской литературы“ Николаи (Nicolai, Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur — первоначально въ Encyclopedie v. Ersch und Gruber, t. 87 (1869), затѣмъ какъ третій томъ исторіи греческой литературы: Griechische Literaturgeschichte: Dritter Band. Die nachklassische Literatur. Magdeburg. 1879);

Nicéron. Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres de la république des lettres (многотомное изданіе прошлаго вѣка);

Biographie universelle ancienne et moderne (Paris. 1811—1828);

Bursian. Geschichte der classischen Philologie in Deutschland (1883);

Βρετου Νεοελληνικη Φιλολογια (1854);

Σαθα, Νεοελλινικη Φιλολογια (1868) и т. д.

Впрочемъ, когда дѣло шло о знаменитѣйшихъ дѣятеляхъ въ нашей области—объ Аллаціѣ, Меурсіѣ, Дюканжѣ, Монфоконѣ или Бентли, мы обращались за біографическими данными къ спеціальнымъ ихъ жизнеописаніямъ, а для внѣшней исторіи изданій пользовались преимущественно парижскимъ и боннскимъ изданіями византійцевъ, въ которыхъ сохранены предисловія и посвященія прежнихъ изданій.

С.-Петербургъ.
25-го мая 1890 года.

I.

ИЗДАНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ.

1.

Отъ Іеронима Вольфа до Дюканжа.

Эпоха возрожденія въ Италіи; занятія греческимъ языкомъ и классическою греческою литературою. — Ученые греки: Хрисолоръ, Виссаріонъ Никейскій, Ѳеодоръ Газа и ученики ихъ. Ліонардо Бруни и его переводъ Прокопія. Шестнадцатый вѣкъ: еллинизмъ во Франціи, Янъ Ласкарисъ, Антоній Епархъ; переводы и изданія Коперника, Беата Ренана, Етьенней во Франціи.—Іеронимъ Вольфъ, какъ основатель византійской исторіи, Бузбекъ, Мартинъ Крузій.—Ксиландръ.—Бонавентура Вулканій.—Галоандръ.—Леунклавій, Гешель, Петавій, Гретсеръ и Понтанъ; Меурсій.—Алеманнъ и Алляцій.

Когда на Западѣ и прежде всего въ Италіи въ такъ-называемую эпоху Возрожденія дѣятельно принялись за изданіе и изученіе древнихъ классиковъ, тогда стали ближе знакомиться и съ византійцами, хранителями сокровищъ древняго образованія. Хотя при этомъ мало думали объ изученіи византійской исторіи и литературы, даже относились къ нему съ пренебреженіемъ, однако это отношеніе должно было по необходимости измѣниться. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ греческимъ языкомъ, пріобрѣтеніе запаса греческихъ рукописей были необходимыми предварительными условіями и для византійскихъ будущихъ занятій, приготовляли для нихъ почву.

Во второй половинѣ XIV вѣка Петрарка и Боккачіо, познакомившись съ Гомеромъ, пришли отъ него въ восторгъ и начали отыскивать людей, которые, зная основательно греческій языкъ, могли бы облегчить имъ чтеніе безсмертныхъ поэмъ въ подлинникѣ.

Къ сожалѣнію, первые учителя греческаго языка въ Италіи были люди необразованные и даже не знавшіе своего языка ученымъ образомъ; то были Барлаамо, и Леонціо Пилато, калабрійцы родомъ, говорившіе по гречески потому, что въ Калабріи во все теченіе среднихъ вѣковъ со времени византійскаго господства греческіе говоры держались въ мѣстномъ населеніи, отчасти сохранились и до новѣйшаго времени. Такіе люди, конечно, не могли принести существенной пользы, и только въ началѣ XV вѣка занятія греческою литературою были поставлены на болѣе прочную основу. Въ это время появился въ Италіи Мануилъ Хрисолоръ, человѣкъ высокообразованный, котораго весьма уважали въ Византіи какъ отличнаго учителя. Его личныя высокія, нравственныя качества внушали къ нему почтеніе и въ италіанцахъ. Онъ основалъ школу въ Италіи и училъ лучшихъ людей того времени—Гварино, Роберто Росси, Ліонардо Бруни, Ченчи и другихъ. Онъ возбудилъ въ своихъ ученикахъ такой интересъ къ греческой литературѣ, что италіанцы начали ѣздить въ Византію, чтобы почерпать греческую мудрость изъ самаго источника и пріобрѣтать греческія книги. Первымъ изъ нихъ въ этомъ отношеніи былъ Гварино, за нимъ послѣдовалъ Джіовани Ауриспа; послѣдній въ продолженіе своего пребыванія въ Константинополѣ (въ 1422 и 1423 гг.) скупилъ массу греческихъ книгъ, какъ классическихъ, такъ и византійскихъ; въ числѣ ихъ были произведенія Прокопія. За Ауриспою, поѣздка котораго была особенно удачна, послѣдовалъ Филельфо и другіе; началось то переселеніе греческихъ рукописей въ Италію, а послѣ и въ другія страны Европы, которое обогатило и прославило библіотеки Медичисовъ и папскую, впослѣдствіи — Лаврентійскую (Флорентійскую) и Ватиканскую. Сами греки помогали оскудѣнію книгъ въ своемъ отечествѣ, такъ какъ переселяясь на западъ, они привозили съ собою и памятники своей литературы [1]).

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ у *Фойхта*: Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма—въ русскомъ переводѣ *Рассадина*, томъ I, 243 и сл. Далѣе относительно эпохи возрожденія мы пользуемся тѣмъ же сочиненіемъ, а также трудомъ *Леграна*: Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs au XV et XVI siècles par *Emile Legrand*, Paris, 1885. Обширныя введенія при первомъ и второмъ томѣ описанія содержатъ чрезвычайно тщательно составленныя біографіи Хрисолора и прочихъ грековъ.

Въ 1438 году въ Феррарѣ былъ созванъ соборъ по вопросу о соединеніи церквей, который потомъ былъ перенесенъ во Флоренцію и закончился Флорентійскою уніей. По этому случаю собралось въ Италіи не мало византійцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ, оставшись на Западѣ, пріобрѣли большое вліяніе; таковъ, напримѣръ, Георгъ Гемистъ Плееонъ, одинъ изъ послѣднихъ греческихъ философовъ, нашедшій много приверженцевъ своему ученію, которое основывалось на Платонѣ и его комментаторахъ. Съ этого времени начинается усиленное переселеніе грековъ въ Италію, что̀ объясняется плачевнымъ состояніемъ Византійской имперіи, все болѣе и болѣе тѣснимой и наконецъ окончательно завоеванной турками.

Самымъ выдающимся изъ этихъ переселенцевъ былъ безъ сомнѣнія Виссаріонъ, архіепископъ Никейскій [1]), ученикъ вышеупомянутаго Плееона, богословъ-философъ; онъ былъ однимъ изъ представителей Византіи на Флорентійскомъ соборѣ, первый согласился принять римскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и былъ назначенъ кардиналомъ. Виссаріонъ остался жить въ Римѣ и сдѣлался центромъ кружка италіанскихъ и греческихъ ученыхъ. Онъ писалъ богословскія сочиненія преимущественно о догматѣ Filioque и проповѣди, но кромѣ того, занимался греческою философіей, Платономъ и Аристотелемъ и переводилъ греческія сочиненія на латинскій языкъ. Большая заслуга Виссаріона заключается еще въ томъ, что онъ собиралъ греческія книги и рукописи; онъ отчасти пріобрѣталъ ихъ въ даръ или покупкой, а еще чаще путемъ переписыванія; особенно много книгъ пріобрѣтено было имъ послѣ паденія Константинополя, но и раньше онъ дѣлалъ закупки въ самой Италіи, напримѣръ, въ греческомъ монастырѣ св. Николая близъ Отранто (Касульскомъ). Виссаріонъ поручалъ копировать рукописи писцамъ, извѣстнымъ своимъ искусствомъ и умѣньемъ; часто такими переписчиками были люди ученые, переселившіеся въ Италію греки. Извѣстенъ разказъ объ экземплярѣ Иліады, переписанномъ для Филельфо Газою, считавшимся однимъ изъ лучшихъ каллиграфовъ: когда Виссаріонъ хотѣлъ пріобрѣсть этотъ манускриптъ для своей библіотеки, то Филельфо ни за что не хотѣлъ уступить сокровища, котораго, по его словамъ,

[1]) Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на феррарско-флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма. *Александра Садова*, С.-Петербургъ. 1883.

ничего въ жизни не было для него драгоцѣннѣе [1]). Передъ своею смертію Виссаріонъ (въ 1472 году) подарилъ Венеціи всю свою библіотеку, и прежде всего именно рукописи она составила основаніе венеціанской библіотеки св. Марка.

Въ то же время при папскомъ дворѣ въ Римѣ жило множество переселившихся грековъ, изъ которыхъ болѣе образованные были учителями и переводчиками, другіе же—переписчиками рукописей. Къ числу ихъ принадлежитъ Георгій Трапезунтскій, бывшій учителемъ логики и діалектики, риторики и краснорѣчія. Онъ перевелъ Евсевія, Іоанна Златоуста и нѣкоторыхъ другихъ отцовъ церкви, кромѣ того, „Законы“ Платона; но переводы его отличались крайнею недобросовѣстностью, которую замѣчали даже его современники; онъ выпускалъ мѣста, которыя ему не нравились, вставлялъ и передѣлывалъ цѣлые отрывки. Сюда же принадлежитъ и Ѳеодоръ Газа, котораго мы уже назвали, и который перевелъ нѣкоторыя сочиненія Аристотеля, Ѳеофраста, и исправлялъ текстъ Плинія и Геллія.

Знаменитый въ исторіи Возрожденія папа Николай V до завоеванія Константинополя и послѣ того скупалъ рукописи въ Греціи и въ азіатскихъ владѣніяхъ турокъ. Дѣло это велось тайными агентами, потому что стыдились подобныхъ мирныхъ сношеній съ заклятыми врагами христіанской вѣры, также потому, что бездѣятельность папы во время потрясающихъ событій 1453 года уже вызывала негодованіе. Ославленная греческая неопрятность и пыль, которою были покрыты пергаменные свитки, полученные изъ турецкихъ владѣній, были для папы пріятнѣе тѣхъ греческихъ пословъ, которые являлись къ нему просить помощи и денегъ. Гуманистъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Греція не гибнетъ, а только переселяется въ Италію. Прежде Византія была неистощимымъ рынкомъ для добычи рукописей, но теперь, со времени турецкаго завоеванія, дѣла принимали иной оборотъ; количество книгъ, погибшихъ въ это время, бывшій Русскій митрополитъ, кардиналъ Исидоръ опредѣлялъ въ 120,000 томовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Византія сдѣлалась на первое время недоступною для христіанскихъ купцовъ и агентовъ; приходилось ограничиваться Мореей и греческими островами, остававшимися подъ властію Венеціи, гдѣ, однако, венеціанцы и флорентійцы часто опережали папу. Извѣстно, что Николай V уже помышлялъ объ устройствѣ публичной библіотеки

[1]) Два письма Филельфо, писанныя по этому поводу, сохранились; они приведены у *Леграна* въ біографіи Газы.

въ Римѣ, но эта мысль была осуществлена лишь гораздо позже, при папѣ Сикстѣ IV (1471—1484), когда значительная часть рукописныхъ сокровищъ папы Николая была уже растрачена небрежностью его ближайшихъ преемниковъ [1]).

Занятія греческою литературою въ эпоху Возрожденія ограничивались переводами греческихъ авторовъ на латинскій языкъ. Казалось бы, что не имѣло смысла переводить съ иностраннаго языка на мертвый; но дѣло въ томъ, что въ тѣ времена на Западѣ почти никто не зналъ греческаго языка, а всѣ образованные люди могли читать по латыни. Когда начали заниматься латинскими классиками и узнали ихъ поклоненіе греческому краснорѣчію и греческой образованности, явилось настоятельною потребностью познакомиться съ греческими авторами. Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ положенъ Мануиломъ Хрисолоромъ, переведшимъ „Государство“ Платона. Ученики его шли по его стопамъ: Джіакомо да Скарпарія перевелъ космографію Птолемея, Роберто Росси—нѣкоторыя аристотелевскія сочиненія, Палла Строцци—Плутарха, Платона и Златоуста. Но всѣ эти переводы не отличались большими достоинствами, потому что переводчики недостаточно знали латинскій языкъ. Всѣхъ своихъ товарищей и даже своего учителя превзошелъ Ліонардо Бруни, который одинаково хорошо зналъ и по латыни и по гречески. Онъ перевелъ прежде всего слово Василія Великаго о пользѣ изученія языческой литературы, въ 1406 г., потомъ рѣчи Демосѳена, затѣмъ Плутарха, нѣкоторые діалоги Платона, Аристотеля. Переводы эти по своимъ относительнымъ достоинствамъ доставили Бруни громкую извѣстность; новѣйшіе ученые признаютъ, что они передаютъ подлинникъ не всегда вѣрно и по большей части совсѣмъ не точно. Однако не надо забывать, что въ то время не было никакихъ ученыхъ пособій, ни грамматикъ, ни словарей, и что переводы дѣлались не для ученыхъ, а для любознательныхъ диллетантовъ, которые искали новаго научнаго матеріала и требовали легкаго и красиваго слога: имъ нельзя было представлять греческаго автора со всѣми его трудностями и темными мѣстами Особенною заслугою считалось придать греческому философу или историку римское краснорѣчіе, которое, по соображеніямъ тогдашнихъ переводчиковъ, должно было заключаться и въ оригиналѣ. Съ этой

---

[1]) См. *Фойхтъ*, Возрожденіе, т. I, стр. 123. Папа Каликстъ III, уважавшій только каноническое право, подарилъ престарѣлому Русскому митрополиту Исидору 200 греческихъ кодексовъ.

точки зрѣнія надо смотрѣть и на плагіаторство Бруни; онъ нѣсколько разъ, сдѣлавъ вольный переводъ какого-нибудь древняго автора, выставлялъ на книгѣ свое имя, вмѣсто имени оригинальнаго писателя. Онъ написалъ „Комментаріи на греческую исторію“ и выдавалъ этотъ трудъ за свой, не упоминая о томъ, что онъ почти цѣликомъ взятъ изъ „Греческой исторіи“ Ксенофонта. Его комментаріи на первую Пуническую войну представляютъ не что иное какъ передѣлку Поливія. Точно также Бруни перевелъ или, лучше сказать, передѣлалъ сочиненіе Прокопія „О Готской войнѣ“ и въ 1441 г. посвятилъ его кардиналу Чезарини, не упомянувъ нигдѣ имени Прокопія. Эта тайна открылась еще при жизни Бруни; когда Флавіо Біондо задумалъ писать свои „Историческія Декады отъ паденія Рима“ (собственно отъ взятія Рима Аларихомъ), представляющія первый опытъ научной исторіи среднихъ вѣковъ, и заказалъ для этого Христофору Персонѣ переводъ Прокопія, онъ къ крайнему удивленію замѣтилъ, что представленный ему переводъ ни въ чемъ не разнится отъ сочиненія Бруни [1]). Знаменитаго переводчика обвинили въ плагіатѣ, но онъ защищался тѣмъ, что воспользовался древнимъ авторомъ точно также, какъ Ливій или Поливій пользовались чужими сочиненіями, которыхъ никогда не называли. Дѣйствительно, здѣсь не слѣдуетъ думать объ умышленномъ обманѣ, и сужденіе г. Саѳы, поддерживающаго обвиненіе Бруни въ плагіатѣ, кажется слишкомъ строгимъ; нѣкоторые современники знали, что Бруни не оригинальный писатель, а передѣлываетъ древнихъ авторовъ.

Другой ученикъ Хрисолора, Траверсари, переводилъ больше всего отцовъ церкви, Василія Великаго, Златоуста, Григорія Назіанзина и др. [2]) Въ эпоху Возрожденія переводили по большей части греческихъ классиковъ, и только съ XVI вѣка начинаютъ болѣе дѣятельно переводить и издавать византійскихъ писателей.

Между тѣмъ подготовлялась почва для греческихъ византійскихъ занятій и въ другихъ странахъ Европы, за Альпами. Греческій языкъ преподавался въ Парижѣ еще при Людовикѣ XI грекомъ Георгіемъ Гермонимомъ [3]); на нѣкоторое время появился здѣсь и Андроникъ

---

[1]) О Ф. Біондо и его достопамятномъ трудѣ есть отдѣльная монографія: *Masius*, Flarius Biondo sein Leben und seine Werke. Leipzig. 1879; рецензія *Вильманса* въ *Gotting. Gelehrt. Anz.* 1879 s. 1432.

[2]) Объ его открытіяхъ (Оригенъ) см. *Фойгтъ*, Возрожд. II, 244.

[3]) Ранѣе Гермонима, около 1470 или даже около 1453 года, упоминается Тиферна, какъ преподаватель греческаго языка въ университетѣ, но его дѣятельность мало извѣстна и не имѣла важныхъ послѣдствій.

Каллистъ, ради пріобрѣтенія средствъ для далекаго путешествія разставшійся съ своею богатою коллекціею рукописей, проданною въ Миланѣ; затѣмъ онъ переселился въ Англію. Учениками Гермонима въ Парижѣ были три знаменитыхъ гуманиста, Гильомъ Бюде (Budé), возстановитель греческихъ занятій во Франціи (restaurateur des études grecques en France), Рейхлинъ, имѣвшій потомъ подобное же значеніе для Германіи, и самъ Еразмъ Роттердамскій, виновникъ ученаго раскола по вопросу о древне-греческомъ произношеніи. Гермонимъ, кромѣ преподаванія греческой грамматики, занимался также перепискою книгъ, такъ какъ былъ хорошимъ каллиграфомъ, а обычай копировать греческія рукописи удержался даже послѣ открытія книгопечатанія; каллиграфія довольно долго выдерживала въ этой области конкурренцію съ типографскимъ искусствомъ; не только отъ Гермонима, но и отъ нѣсколько позднѣйшаго по времени дѣятеля Вергеція съ острова Крита сохраняются до сихъ поръ рукописные изящные экземпляры въ Парижской Національной библіотекѣ. Шрифты, впервые отлитые для основанной въ 1539 году Парижской королевской типографіи, должны были увѣковѣчить прекрасныя формы греческаго алфавита, къ которымъ пріучили глаза знатоковъ названные византійскіе каллиграфы. Впрочемъ, греческія книги стали печататься въ Парижѣ ранѣе того въ частныхъ типографіяхъ; первая изъ нихъ, содержавшая въ себѣ греческій букварь (Alphabetum graecum), съ приложеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній, появилась въ 1507 году. По образцу коллегіи трехъ языковъ, возникшей въ Лувэнѣ (Louvain) благодаря стараніямъ Еразма, въ Парижѣ, при томъ же королѣ, который былъ виновникомъ порученія, даннаго Гарамону (относительно матрицъ для греческаго шрифта), основано было новое независимое отъ Сорбонны и богословія ученое учрежденіе, долженствовавшее служить въ одно и то же время и академіей, и высшею школою, и прославившееся подъ именемъ Французской коллегіи, Collège de France; преподаваніе классическихъ языковъ стояло въ немъ на первомъ планѣ. Франциск I, сверхъ того, можетъ быть считаемъ настоящимъ основателемъ французской королевской, теперешней Національной библіотеки, и въ частности ея богатаго греческаго рукописнаго отдѣла. Въ самомъ началѣ его царствованія прибылъ въ Парижъ съ рекомендательными письмами отъ папы Льва X знаменитый грекъ Янъ (Ἰάνης, Ianus) Ласкарисъ, потомокъ бывшихъ Византійскихъ императоровъ, послѣ взятія Константинополя турками еще въ дѣтствѣ перевезенный въ Венецію по требованію кардинала Виссаріона и на

его счетъ обучавшійся въ Падуанскомъ университетѣ, вмѣстѣ со многими другими греками, нашедшими убѣжище подъ покровомъ республики. Ласкарисъ имѣлъ за собою уже длинную біографію и не въ первый разъ сближался съ Французскимъ королемъ. Послѣ кончины перваго своего покровителя, кардинала Виссаріона, онъ жилъ во Флоренціи, гдѣ съ блестящимъ успѣхомъ преподавалъ греческій языкъ, снискавъ себѣ расположеніе Лаврентія Медичи, который поставилъ его во главѣ своей библіотеки; для обогащенія этой библіотеки греческими рукописями, онъ совершилъ два путешествія на Востокъ; въ первомъ онъ посѣтилъ Корфу, Солунь, гдѣ нашелъ своихъ однофамильцевъ, и что особенно замѣчательно—былъ на Аѳонѣ: вотъ когда началось переселеніе рукописныхъ сокровищъ Хиландарской и Ватопедской лавры на Сѣверъ. Во второе путешествіе Ласкарисъ дольше всего оставался въ Константинополѣ, гдѣ представилъ рекомендательныя письма отъ Медичи султану Баязету II, и при помощи мѣстныхъ ученыхъ со всѣхъ сторонъ скупалъ манускрипты. Онъ, впрочемъ, имѣлъ въ виду и другую, политическую цѣль: ознакомиться съ состояніемъ умовъ на Востокѣ между христіанскимъ населеніемъ и опредѣлить, какія вѣроятности успѣха могла бы имѣть попытка борьбы съ Турками. Послѣ этого понятно сближеніе Ласкариса съ королемъ Французскимъ Карломъ VIII, отъ котораго всѣ ожидали, что послѣ завоеванія Неаполя, послѣ утвержденія своего преобладанія въ Италіи, онъ обратится на Востокъ и будетъ ожидаемымъ освободителемъ грековъ и Цареграда: одинъ изъ потомковъ Палеологовъ уступилъ въ пользу его свои права на византійскій престолъ; болѣе существенные услуги могъ оказать Ласкарисъ, увѣрявшій, что множество янычаръ, насильно обращенныхъ въ мусульманство, ждутъ только сигнала, чтобы поднять знамя возмущенія. Извѣстно, какъ скоро эти надежды разсѣялись. Впрочемъ, Ласкарисъ и въ промежуткѣ между смертью Карла VIII и восшествіемъ на престолъ Франциска не прерывалъ своихъ связей съ Франціей—ни ученыхъ, ни дипломатическихъ, такъ какъ служилъ ея посломъ при Венеціанской республикѣ. Побѣдитель при Мариньяно нашелъ въ немъ прекраснаго и опытнаго совѣтника въ ученыхъ дѣлахъ, а именно въ отысканіи средствъ къ умноженію греческихъ книгъ въ библіотекѣ, основанной Франциском въ Фонтенбло и вскорѣ умноженной вывезенною изъ Италіи и хранившеюся въ Блуа ученою добычею Карла VIII: по указанію Ласкариса обратились въ Венецію, гдѣ жило много грековъ, для которыхъ каллиграфія была средствомъ жизни; подъ наблюденіемъ королевскихъ пословъ при республикѣ по

двѣнадцати копистовъ за разъ постоянно работали для библіотеки французскаго короля. Въ письмахъ эитхъ пословъ къ Франциску содержатся иногда очень подробные отчеты о ходѣ всего дѣла [1]). Значительное количество готовыхъ греческихъ кодексовъ было получено изъ Венеціи отъ греческаго уроженца острова Корфу, Антонія Епарха. Этотъ греческій дворянинъ (gentilhomme grec), какъ его называли французы, занималъ особое выдающееся положеніе среди своихъ земляковъ, осужденныхъ жить поденнымъ трудомъ переписки книгъ; онъ велъ свои дѣла на широкую и благородную ногу, онъ не продавалъ, а подносилъ собранныя имъ рукописи королю французскому и получалъ въ вознагражденіе не плату, а богатые подарки. Антоній Епархъ для своихъ дѣлъ, то-есть для пріобрѣтенія рукописей, нѣсколько разъ ѣздилъ изъ Венеціи на востокъ, то на счетъ папы, то по порученію короля французскаго, онъ посѣщалъ монастыри Леванта и былъ вообще главнымъ поставщикомъ греческихъ оригинальныхъ рукописей на итальянскомъ рынкѣ около половины XVI вѣка. Не одни французы поживились отъ него: одну свою коллекцію онъ продалъ городскому совѣту Аугсбурга; книги, вывезенныя изъ послѣдней своей поѣздки въ Морею и вообще въ Грецію (1566 г.) и назначавшіяся первоначально для библіотеки Ватиканской (такъ какъ самая экспедиція устроена была на счетъ папы), пріобрѣтены были—впрочемъ уже по смерти Антонія отъ его наслѣдниковъ—испанскимъ посломъ короля Филиппа II Гусманомъ для своего государя и послужили основаніемъ греческаго собранія рукописей Эскуріальской библіотеки. Собранія Діего Гуртады Мендозы (Don Diego Gurtado Mendoza), довѣреннаго сановника и дипломата при королѣ и императорѣ Карлѣ V, а также ученаго епископа тарраконскаго и гуманиста Антонія Августина, обогатившія потомъ (1576. 1587 гг.) Эскуріальскую библіотеку, составились такимъ же путемъ, то-есть отчасти пріобрѣтеніемъ оригинальныхъ греческихъ рукописей, подъ которыми разумѣются кодексы, вывезенные съ востока и писанные греками для грековъ, частію путемъ заказовъ переписчикамъ въ Италіи. Посредникомъ и поставщикомъ Мендозы былъ грекъ Николай Софіанъ изъ Корфу, ѣздившій по его поруче-

[1]) См. письма Pellicier въ книгѣ *Delisle*, Cabinet des manuscrits de la bibliothèque nationale (Paris, 1868), I, 154. См. тамъ же и вообще о дѣятельности Ласкариса, а равно у *Леграна*, написавшаго превосходную біографію Ласкариса въ видѣ введенія къ каталогу принадлежащихъ ему печатныхъ изданій.

нію въ Грецію и на Аѳонъ, авторъ первой новогреческой грамматики, а у Августина грекъ Дармарій, усердный, но мало добросовѣстный переписчикъ манускриптовъ [1]). Что касается опять Франціи, то сюда приходили кодексы изъ самой ихъ родины, еще отъ Пьера Жиля (Gille), автора Топографіи Константинополя, который отправленъ былъ Франциском̀ъ на востокъ въ концѣ царствованія именно съ цѣлью пріобрѣтенія рукописей. При Карлѣ IX королевская библіотека перенесена была изъ Фонтенбло въ Парижъ и сдѣлалась доступною для пользованія публики. Въ ней было тогда около 250 греческихъ рукописей; но не слѣдуетъ упускать изъ виду существованія другаго, еще болѣе обширнаго собранія, принадлежавшаго Екатеринѣ Медичи, недоброй памяти матери короля Карла IX. Это послѣднее собраніе, составленное первоначально въ Италіи подъ руководствомъ Яна Ласкариса и заключавшее въ себѣ до 800 рукописныхъ, большею частію греческихъ кодексовъ, было присоединено къ королевской библіотекѣ при Генрихѣ IV стараніями президента Де-Ту. Между тѣмъ не только въ Парижѣ, но и въ другихъ мѣстахъ завелись греческіе шрифты и стали печататься греческія книги. Мануцій Альдъ въ Венеціи давно уже началъ издавать греческія грамматики Хризолора и Газы, а затѣмъ и греческихъ классиковъ, а въ 1516 году Фробенъ въ Базелѣ напечаталъ греческій текстъ Новаго Завѣта, приготовленный къ изданію Эразмомъ Роттердамскимъ [2]). Обращаемся къ такого рода явленіямъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ византійской литературѣ.

Въ 1509 году грекъ съ острова Крита, переселившійся въ Италію, проживавшій то въ Венеціи, то въ Римѣ и занимавшійся тамъ перепискою и преподаваніемъ греческаго языка, Захарія Каліерги, извѣстный въ исторіи классической филологіи изданіями Ѳеокрита и Пиндара, сочиненіями объ Аристотелѣ, а также изданіемъ Большого Этимологикона (Μέγα ἐτυμολόγικον) на счетъ Анны, дочери Луки Нотары, напечаталъ подлинный греческій текстъ увѣщательныхъ главъ императору Юстиніану діакона Агапита: Ἀγαπητοῦ διακόνου παραινετικὰ κεφάλαια πρὸς Ἰουστιανόν [3]). Сочиненіе это, издававшееся не менѣе восемнадцати разъ въ теченіе одного XVI вѣка, было

---

[1]) Объ Епархѣ, кромѣ Леграна см. *Graux*, Essai sur les origines du Fonds grec de l'Escurial (Paris. 1880). Тамъ же и о Софіанѣ и Дармаріѣ.

[2]) *Didot*, Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris. 1875.

[3]) Точное воспроизведеніе заглавнаго листа у *Леграна* I 95.

потомъ любимо и у насъ и часто встрѣчается въ каталогахъ старопечатныхъ славянскихъ книгъ. Въ томъ же году знаменитый астрономъ Николай Коперникъ издалъ въ Краковѣ латинскій переводъ писемъ Ѳеофилакта Симокатты, которыя привлекли его вниманіе, конечно, своимъ отчасти естественно-научнымъ содержаніемъ, а впрочемъ не имѣютъ большаго значенія; важнѣе было бы издать Исторію дѣяній императора Маврикія того же автора, касающуюся великаго переселенія славянъ за рѣку Дунай въ концѣ VI вѣка; но хотя Коперникъ былъ славянинъ, исторія славянъ его не занимала.

Въ 1531 году въ Базелѣ появилось изданіе подъ заглавіемъ De rebus Gothorum, Persarum et Vandalorum; оно принадлежало извѣстному нѣмецкому гуманисту, ученику Еразма Роттердамскаго, не чуждому стремленій къ изученію и родной нѣмецкой древности; Беату Ренану (собственно Bild изъ Шлеттштадта). Въ этомъ изданіи были помѣщены латинскіе переводы сочиненій Прокопія и Агаѳіи о войнахъ Юстиніана, принадлежавшіе Рафаилу Волатеррану и Христофору Персонѣ, передѣлка Бруни Аретина о войнѣ италійцевъ противъ готовъ (De bello Italorum contra Gothos) и въ первый разъ сочиненіе Прокопія о постройкахъ (De aedificiis) въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ [1]). Въ томъ же городѣ былъ отпечатанъ нѣсколько позже (1536) Каталогъ Константинопольскихъ императоровъ и патріарховъ Никифора Ксанѳопула или Каллиста, который и самъ былъ патріархомъ около 1341 года [2]). Гораздо болѣе важное и обширное сочиненіе того же автора, именно, его Церковная исторія отъ Рождества Христова до 610 года, также обратило на себя вниманіе уже въ XVI вѣкѣ и, начиная съ 1560 года, много разъ (по счету Саѳы — девять) была издаваема въ латинскомъ переводѣ; былъ и одинъ французскій переводъ, греческій подлинникъ явился только въ слѣдующемъ столѣтіи [3]). Не чуждою византійской исторіографіи была и дѣятельность Етьенней, столь достопамятная въ исторіи французскаго Возрожденія [4]). Ро-

---

[1]) О Беатѣ Ренанѣ и его историческихъ занятіяхъ: см. *Wegele*, Geschichte der deutschen Historiographie (Munchen. 1885) стр. 134 и 135.

[2]) Catalogus imperatorum et patriarcharum C. Politanorum (въ стихахъ: graece et latine editus una cum Theodori Prodromi epigramm. Basileae. 1536.

[3]) Nicephori Callisti, Historia ecclesiastica latine reddita à Langio. Basileae. 1560. см. у *Поттласта* (*Potthast*, Bibliotheca medii aevi).

[4]) См. *Egger*, L'hellénisme en France au XVI siècle (Paris. 1869) I, 198; *Michelet*, Renaissance, p. 378—380.

доначальникъ этой знаменитой, по выраженію Мишле, династіи еллинистовъ, Генрихъ Етьеннъ или Стефанъ открылъ въ 1502 году небольшую типографію подъ вывѣскою кроликовъ на одной изъ глухихъ парижскихъ улицъ; скоро она прославилась своими изданіями. Это была уже вполнѣ ученая типографія; Генрихъ Етьеннъ былъ друженъ съ извѣстнымъ греческимъ гуманистомъ Яномъ Ласкарисомъ, который, говорятъ, даже работалъ въ его типографіи, какъ корректоръ; другими справщиками были грекъ съ острова Крита Петръ Портъ, вышеупомянутый Беатъ Ренанъ и многіе другіе, славившіеся тогда знатоки греческаго и латинскаго языковъ; въ самомъ семействѣ Етьенней даже женщины говорили не иначе какъ по латыни; простые наборщики въ типографіи понимали этотъ языкъ [3]). Извѣстны и по своему изяществу и по своему значенію для развитія идей Реформаціи изданія Новаго Завѣта въ подлинникѣ и переводахъ, выходившія изъ типографіи Генриха Етьенна. Его сынъ и наслѣдникъ Робертъ, прославившійся составленіемъ большаго словаря латинскаго языка (Thesaurus linguae latinae), издалъ въ подлинникѣ церковныхъ писателей IV и VI вѣка: Евсевія Кесарійскаго, Сократа, Созомена и Ѳеодорита, Анагноста и Евагрія. Изданіе это было предпринято по порученію и при денежномъ вспомоществованіи короля Франциска I и появилось въ 1544 году; оно было перепечатано съ нѣкоторыми исправленіями и прибавленіемъ разночтеній въ 1602 году въ Женевѣ, но до появленія новыхъ изданій церковныхъ историковъ Генриха Валезія (Valois) во второй половинѣ XVI вѣка, изданіе Етьенна оставалось лучшимъ не только по внѣшнему своему изяществу, но и по внутреннему достоинству. Внукъ Генриха старшаго и сынъ Роберта, Генрихъ младшій Етьеннъ († 1598) съ пятнадцати лѣтъ зналъ греческій языкъ какъ природный; онъ знаменитъ своимъ словаремъ или Сокровищницею греческаго языка (Thesaurus linguae graecae), который и до сихъ поръ пользуется уваженіемъ филологовъ, такъ какъ на замѣну его не явилось чего-нибудь подобнаго латинскому словарю Форчеллини; въ настоящемъ столѣтіи этотъ словарь былъ изданъ съ исправленіями и дополненіями, стараніемъ

---

[3]) Біографъ великаго филолога Казобона замѣчаетъ, что его жена, дочь Генриха II Етьенна, хотя и знала латинскій языкъ, столь обычный въ домѣ ея отца, но впослѣдствіи его, должно быть, забыла, такъ какъ сдѣлала по французски свою замѣтку въ Ефемеридахъ (дневникѣ) мужа, писавшаго по латыни. *Pattison*, Isaac Casaubon (London. 1875) pay. 98.

типографщика и издателя Дидо (Didot), во многомъ напоминающаго по характеру своей дѣятельности Етьенней. Хотя при составленіи Сокровищницы греческаго языка Генриха Стефана собственно византійскій періодъ и не былъ принятъ въ расчетъ, все-таки сюда вошли слова и реченія Священнаго Писанія въ переводѣ семидесяти толковниковъ, а также и словоупотребленіе древнѣйшихъ греческихъ отцевъ церкви, такъ что и всякому византинисту приходится обращаться за справками къ этому пособію. Упомянемъ еще, что Генрихъ младшій Етьеннъ въ 1581 году въ первый разъ напечаталъ подлинный текстъ греческаго историка Зосимы, описывающаго время Константина Великаго, Юліана и Ѳеодосія; у Поттгаста это изданіе пропущено (см. объ этомъ изданіи ниже).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ первой половинѣ XVI вѣка и позднѣе появлялись пока отдѣльныя изданія, касающіяся византійской исторіи, именно первоначальнаго ея періода, въ сущности болѣе римскаго, а также сочиненія по исторіи церкви того же періода; никто еще не произносилъ словъ „Византійская исторія“. Честь воскрешенія Византіи изъ мертвыхъ вполнѣ принадлежитъ нѣмецкому филологу, современнику Лютера, Іерониму Вольфу (1516—1580). Съ отроческихъ лѣтъ пристрастившись къ классическимъ занятіямъ, молодой Вольфъ отказался отъ хорошей служебной карьеры, на которую вступилъ было по волѣ отца; по окончаніи университетскихъ занятій въ Тюбингенѣ, онъ остался педелемъ при университетѣ, чтобъ избѣжать не нравившейся ему придворной службы; онъ провелъ два года въ Виттенбергѣ, куда вызвалъ его Меланхтонъ, былъ школьнымъ учителемъ въ Нюренбергѣ и другихъ городахъ, посѣтилъ Базель и Парижъ, наконецъ основался въ Аугсбургѣ, гдѣ занималъ мѣсто секретаря и библіотекаря въ домѣ знаменитаго патриція, богача и мецената Якова Фуггера [1]); всѣмъ извѣстна роль этой фамиліи въ эпоху Реформаціи, когда Фуггеры ссужали деньгами въ качествѣ банкировъ Карла V, и когда ихъ агенты сопровождали продавцевъ индульгенцій, именно даже Тецеля, для контроля поступленій, имѣющихъ послужить къ погашенію заранѣе сдѣланной ссуды. Фуггеры имѣли большую библіотеку и сношенія съ Константинополемъ; по внушенію и указанію своего патрона, Іеронимъ Вольфъ, занимавшійся

---

[1]) *Bursian*, Geschiche der classischen Philologie in Deutschland, 210 — 213. Есть спеціальное сочиненіе: *Passow*, Wolfs Jugendleben въ Historisches Taschenbuch *Раумера*, 1830.

классическими греческими писателями, Исократомъ и Демосѳеномъ, изданіемъ которыхъ и оставилъ послѣ себя память въ исторіи классической филологіи, обратился сначала къ Зонарѣ, а потомъ къ другимъ византійскимъ историкамъ. Изданіе хроники Іоанна Зонары, жившаго въ началѣ XII вѣка, вышло въ свѣтъ въ 1557 году въ Базелѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Ioannis Zonarae monachi, qui olim Bysantii Magnus Drungarius excubiarum seu Byglae et protosecretarius fuit, compendium historiarum, in tres tomos distinctum: quorum Primus agit de rebus judaicis, ab exordio mundi usque ad Hierosolymitarum excidium Secundus Historiam Romanam ab urbe condita usque ad Constantinum Magnum breviter complectitur Tertius imperatorum res gestas à Constantino Magno usque ad obitum Alexii Comneni tractat. Opus praeclarum ac diu desideratum: nunc vero demum liberalitate magnifici et generosi viri D. Antonii Fuggeri — et labore Hieronymi V. Volfii graece et latine quinque codicibus inter se collatis, quam emendatissime fieri potuit, in lucem editum. Singulis tomis additi sunt indices et variarum lectionum Annotationes. (Слѣдуетъ еще указаніе на привилегіи императора и короля Французскаго Генриха II). Basileae, per Ioannem Oporinum. 1557.

Въ предисловіи, въ которомъ Вольфъ обращается къ Антонію Фуггеру, говорится о трудностяхъ изданія; трудности происходятъ отъ неисправности списковъ, отъ ихъ неразборчивости вслѣдствіе того, что они писаны каллиграфически—съ разными сокращеніями признаніе довольно наивное съ точки зрѣнія нынѣшнихъ требованій отъ издателя греческихъ текстовъ. Но я, говоритъ Вольфъ,—употребилъ всѣ старанія къ болѣе исправному изданію автора; однако и самое усердіе, разсуждаетъ онъ,—ни къ чему бы не повело, еслибъ у меня не было достаточнаго числа списковъ. Изъ нихъ три я получилъ, пишетъ Вольфъ,—изъ твоей библіотеки, для которой они были пріобрѣтены съ большими издержками въ Константинополѣ стараніемъ отличнаго мужа, знаменитаго не менѣе древняго Уллиса своимъ умомъ, странствованіями и большою опытностью въ дѣлахъ, Іоганна Дерншвама (Ioannis Dernschvam: о немъ см. ниже). Далѣе приводится надпись, собственноручно сдѣланная Дерншваммомъ на древнѣйшемъ изъ списковъ: „Хроника Іоанна Зонары, раздѣленная на два тома (первый—до разоренія Іерусалима Титомъ, второй—о царяхъ Греческихъ и Римскихъ до Алексѣя Комнина), куплена мною въ Константинополѣ, въ Перѣ или Галатѣ, за 150 дукатовъ угорскихъ отъ отличнаго господина Антонія Кантакузина, коего фамилія, пока стояла Византія, была импе-

раторскою, а теперь, при турецкомъ владычествѣ, обращена въ частное состояніе: и онъ просилъ меня, чтобъ это произведеніе когда нибудь было напечатано, и экземпляръ печатнаго изданія былъ бы присланъ ему за сохраненіе Зонары. Сверхъ того, второй томъ Зонары объ императорахъ я пріобрѣлъ для сличенія отъ Александра хартофилакса (діакона при Великой церкви) за 30 угорскихъ дукатовъ. Наконецъ, еще одинъ списокъ Зонары о дѣлахъ имперіи и церкви съ Константина Великаго до Юстиніана я позаботился снять съ иного древняго кодекса". Это—слова Дерншвамма. Вольфъ прибавляетъ, что четвертый списокъ, начинающійся съ Константина Великаго, доставила ему богатая библіотека его мецената Іоганна Якова Фуггера; наконецъ, по благосклонности королевскаго совѣтника Гаспара Нейдпруга (Nydprug) сверхъ всякой надежды, онъ получилъ изъ Вѣнской библіотеки еще пятый и полный кодексъ Зонары, при помощи котораго и восполнилъ многіе пробѣлы другихъ списковъ. Съ напряженными усиліями и не щадя своего здоровья, Вольфъ кончилъ всю работу, включая и переводъ на латинскій языкъ, въ девять мѣсяцевъ, желая засвидѣтельствовать свою преданность Фуггеру. Предисловіе датировано: въ Аугсбургѣ, ex bibliotheca herili (Вольфа или Фуггеровъ?), ноябрь 1556.

Изданіе хроники Зонары само по себѣ было уже большою заслугою, каковы бы ни были его недочеты и пробѣлы; оно вводило уже въ самую средину византійской исторіи, такъ какъ Зонара доводилъ свой разказъ отъ сотворенія міра до кончины царя Алексѣя Комнина въ 1118 году. Но еще важнѣе было то, что Вольфъ на этомъ не остановился, и вслѣдъ за Зонарою занялся другимъ византійскимъ историкомъ, Никитою Акоминатомъ изъ Хонъ (древнихъ Колоссъ), котораго поэтому мы привыкли звать Хоніатомъ [1]). Побужденія, которыя руководили при этомъ Вольфа, объяснены опять имъ самимъ въ предисловіи къ изданію творенія Никиты, вышедшему въ 1557 году. Прежде всего выставляется на видъ, что трудъ Никиты Хоніата служитъ естественнымъ продолженіемъ Хроники Зонары; тамъ, гдѣ одинъ кончаетъ, начинается повѣствованіе другаго, обнимая періода времени въ 86 лѣтъ отъ смерти Алексѣя Комнина до взятія Кон-

[1]) Подробности объ изданіяхъ исторіи Никиты можно найти въ сочиненіи *Ѳ. И. Успенскаго*: Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ. С.-Пб. 1874. Тамъ приведено и длинное заглавіе изданія Вольфа, которое мы, повтому, не выписываемъ.

стантинополя франками и основанія Латинской имперіи (1206 г.). Не могъ такой опытный и не лишенный вкуса филологъ, какъ Іеронимъ Вольфъ, остаться равнодушнымъ и къ высшимъ литературнымъ достоинствамъ позднѣйшаго писателя, по сравненію съ безжизненнымъ хронографомъ, лишеннымъ всякой искры одушевленія и всякихъ признаковъ изящнаго вкуса. Вольфъ еще не догадывался, что Зонара совсѣмъ даже не самостоятельный писатель, а компиляторъ, почти механически списывающій другихъ; но сужденія его о литературныхъ достоинствахъ, о языкѣ и слогѣ Никиты Хоніата не лишены основательности. У него, по видимому, осталось такое впечатлѣніе, что эта странная рѣчь, представляющая на первый взглядъ какую-то пеструю амальгаму или мозаику, составленную изъ смѣшенія Иліады и Одиссеи съ Библіей, фразеологіи, добытой изъ Гомера и драмъ Эврипида, съ изреченіями изъ псалмовъ Давида и посланій апостола Павла, все-таки служитъ выраженіемъ сильнаго и оригинальнаго ума, не имѣвшаго въ своемъ распоряженіи другаго орудія для выраженія своихъ мыслей на письмѣ, кромѣ искусственнаго языка, на которомъ уже не говорили ни въ народѣ, ни въ обществѣ, и однако умѣвшаго справиться съ разнообразными его элементами, унаслѣдованными отъ прошедшаго, умѣвшаго слить ихъ въ нѣчто цѣльное, не лишенное своеобразной красоты и выразительности. Во всякомъ случаѣ, Вольфъ говоритъ о краснорѣчіи (facundia) Никиты, хотя и съ примѣсью нѣкотораго стремленія къ искусственному, необычному изяществу: nescio cujus insolentis elegantiae affectationem; ему нравится подробное повѣствованіе историка Комниновъ и Ангеловъ не только потому, что всякій вообще обстоятельный разказъ интереснѣе сухаго и краткаго сообщенія о событіяхъ, но и потому, что оно изложено плавно (planius at fusius orationis genus). Сверхъ всего прочаго, сочиненіе Никиты представлялось Іерониму Вольфу практически поучительнымъ для его современниковъ, точно также какъ послѣ Юсту Липсію, который въ своей политикѣ особенно рекомендуетъ чтеніе Никиты государственнымъ людямъ [1]). Никита съ горькою скорбію описываетъ нападенія

[1]) Отзывъ Липсія весьма любопытенъ и потому не лишнимъ будетъ привести его здѣсь. Nicetas Choniates parum adhuc vulgo notus, fateor: sed dignissimus notitia, purum rectumque ingenium, si aliud illo aevo. Stilus ejus operosus, poëtas et Homerum saepe resipiens: at res et narratio ipsa distincta, composita, sine vanitate, sine ineptiis, brevis, quod satis est, et fida. Crebra apud eum et opportuna monita: judicia non libera solum, sed sana. Ad summam: legite vos, politici! Gratiam mihi aliquis pro judicio habebit, certe debebit.

варваровъ, борьбу грековъ или ромеевъ съ персами или, что то же, съ турками; эта борьба въ сущности есть прелюдія той, которую западный христіанскій міръ съ большою для себя опасностью и явными потерями въ продолженіе XVI столѣтія долженъ былъ выдерживать противъ полчищъ Солимана и его преемниковъ. Въ южной Германіи естественно было думать о завоеванной турками Венгріи и тревожиться за свою собственную безопасность. Вольфъ надѣется, что чтеніе византійскаго историка можетъ возбудить умы и энергію его соплеменниковъ къ защитѣ своей страны и особенно паннонскихъ провинцій, такъ какъ въ сочиненіи Никиты выставляются блистательные примѣры императоровъ Конрада и Фридриха (Барбароссы) и высокими похвалами превозносится ихъ храбрость и самоотверженіе при завоеваніи Сиріи и Святой земли и т. д. [1]). Греческій текстъ Никиты былъ сообщенъ Вольфомъ по рукописи, принадлежавшей опять-таки Фуггеру и купленной для него вышеупомянутымъ Дерншваммомъ въ Константинополѣ у хартофилакса Александра, діакона Великой церкви, но этотъ списокъ былъ неполный, имѣлъ посрединѣ пробѣлы; для сличенія и восполненія служили два другіе кодекса, одинъ—изъ городской Аугсбургской библіотеки, другой—изъ наслѣдственной; первому Вольфъ отдаетъ преимущество на основаніи бо́льшей простоты языка. На сей разъ нѣтъ рѣчи о пользованіи рукописями Вѣнской библіотеки, въ которой находился несравненно лучшій списокъ исторіи Никиты Акомината, отмѣченный послѣ Алляціемъ; тѣмъ менѣе доступны были Вольфу другіе списки, которые теперь указываются въ италіанскихъ и французскихъ библіотекахъ [2]).

За Никитою Хоніатомъ послѣдовали Византійской исторіи Никифора Григоры одиннадцать книгъ отъ Θеодора Ласкариса до смерти Андроника младшаго (вышла въ 1562 г.) [3]). Изъ предисловія, обращеннаго по прежнему къ Фуггеру, видно, что Вольфъ нѣкоторымъ образомъ уже вошелъ во вкусъ византійцевъ. Онъ признается, что за Зонару онъ взялся первоначально не столько по собственному влеченію, сколько побуждаемый предложеннымъ ему отъ Фуггера вознагражденіемъ, приходившимся въ то время весьма

---

[1]) Ср. *Θ. И. Успенскаго*, Никита Акоминатъ, стр. 32.

[2]) См. статью *Θ. И. Успенскаго*: О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской національной библіотекѣ въ *Ж. М. Нар. Пр.*, ноябрь, 1877 года.

[3]) Nicephorae Gregorae Bysantinae historiae libri XI a Theod. Lascari usque ad Andronici posterioris obitum graec. et lat. edid. *Hieron. Wolfius* Basileae, 1562 fol.

кстати [1]); Хоніатомъ онъ уже занимался съ большею охотою, такъ какъ ему больше нравился самый стиль писателя помимо бо̀льшаго интереса содержанія. Окончивъ этотъ послѣдній трудъ, Вольфъ не столько былъ радъ его завершенію, сколько смущенъ былъ представленіемъ, что онъ остановился какъ бы по срединѣ дороги, не достигши настоящаго предѣла и развязки своей исторіи. И вотъ въ это время ему, сверхъ ожиданія, предложенъ былъ Фуггеромъ Никифоръ Григора (Γρηγορᾶς), разказывающій дальнѣйшую исторію Византійской имперіи отъ латинскаго завоеванія до смерти Андроника Младшаго въ теченіи 137 лѣтъ (ошибочно сказано, 145 лѣтъ, такъ какъ Андроникъ III умеръ въ 1341 году) и восполняющій повѣствованіе Зонары и Хоніата. Но все-таки оказывалось, что Григора не доводилъ византійской исторіи до близкой къ XVI вѣку эпохи, а между тѣмъ Вольфъ не зналъ никакого другаго историка, который описывалъ бы послѣдніе дни Византійскаго царства и исторію взятія Константинополя турками. Поэтому онъ былъ очень доволенъ, когда одинъ юристъ изъ Вѣны (Gundelius) прислалъ ему недавно изданный въ латинскомъ переводѣ трудъ Лаоника Халкокондила „О происхожденіи и дѣлахъ турокъ и паденіи Греческой имперіи“, въ которомъ разказъ начинается отъ 1298 года и доходитъ до 1462 [2]). Пробѣжавъ томъ съ жадностью, Вольфъ уже не нашелъ нужнымъ хлопотать объ отысканіи и обнародованіи греческаго подлинника, а остановился на мысли передать въ сокращеніи недостающее у Григоры, пользуясь готовымъ переводомъ Клаузера. Сверхъ того, Вольфъ послѣ замѣтилъ, что въ извѣстномъ отдѣлѣ своей исторіи — именно отъ Михаила Палеолога до отпаденія Каталонской ко̀мпаніи при Андроникѣ Старшемъ въ 1305 году, — Григора представляетъ большое сходство съ другимъ историкомъ той же эпохи, съ Пахимеромъ, и какъ

---

[1]) По свидѣтельству Іереміи Марція, который помогалъ Вольфу при копированіи текста Зонары и Никиты съ рукописей, плата, предложенная Фуггеромъ, была очень значительна; самъ Марцій, избравшій потомъ медицинскую карьеру въ Стразбургѣ и тамъ издавшій медика Нонна, съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ сотрудничествѣ и о щедрой за него наградѣ. См. предисловіе Дюканжа къ его изданію Зонары.

[2]) Laonici Chalcocondilae, Historia de origine atque rebus Turcarum et imperii Graecorum interitu interprete *Conr. Clausero* latine prodiit, Basil. 1556 fol.—Гунделіусъ и самъ занимался Халкокондиломъ, даже перевелъ его сочиненіе на латинскій языкъ, но этотъ переводъ остался не изданнымъ и только послужилъ Клаузеру при второмъ изданіи его труда (въ 1562 г.).

будто у него заимствуется, только сокращая повѣствованіе; ближе ознакомившись съ Пахимеромъ, по списку Аугсбургской городской библіотеки, Вольфъ извлекъ отсюда то, что̀ казалось полезнымъ прибавить къ Григорѣ въ видѣ дополненій, впрочемъ только на латинскомъ языкѣ. Не смотря на всѣ эти усовершенствованія, нужно все-таки признать, что послѣднее изданіе, а именно основная его часть, исторія Григоры, явилась въ видѣ гораздо болѣе несовершенномъ, чѣмъ Никита Хоніатъ. Списки, которыми пользовался издатель, были крайне неисправны, да притомъ и далеко не полны; исторія Григоры имѣетъ въ подлинномъ и цѣльномъ видѣ не 11 книгъ, а 38, и простирается далѣе 1341 года, такъ что Вольфомъ напечатана была собственно только четвертая почти часть цѣлаго.

Такъ или иначе, но теперь получалась полная и связная исторія Византіи, начиная отъ основанія Константинополя до его завоеванія турками, притомъ съ нѣкоторымъ общимъ введеніемъ о предшествовавшихъ судьбахъ міра. Іеронимъ Вольфъ ясно сознавалъ и первый отчетливо высказалъ эту идею о цѣльной и самостоятельной византійской исторіи. Обращаясь къ Фуггеру, онъ пишетъ: „Я думалъ бы, что по нѣкоторому рѣшенію судьбы (а не случайно) дѣло пришло къ тому, что нашимъ современникамъ могла быть предложена византійская исторія въ цѣльномъ своемъ составѣ, почти совершенномъ во всѣхъ частяхъ“ (Integrum totius byzantinae historiae corpus et omnibus prope numeris suis absolutum nostris hominibus proponeretur). Дѣло въ томъ, конечно, что именно для современниковъ и соотечественниковъ Іеронима Вольфа византійская исторія заключала-де въ себѣ особую поучительность: отъ своихъ внутреннихъ болѣзней Византія оказалась безсильною предъ турецкимъ завоеваніемъ; такая же участь могла постигнуть и Германію, если не прекратятся раздоры ея князей и правителей, и гроза была тѣмъ страшнѣе и ближе, что въ Венгріи уже господствовали османы.... Труды Вольфа возбудили большое къ себѣ вниманіе въ Европѣ, и общій интересъ къ византійской исторіи выразился въ различныхъ болѣе популярныхъ изданіяхъ извлеченныхъ имъ на свѣтъ Божій писателей. Французы первые издали въ одномъ томѣ латинскіе переводы Іеронима Вольфа и назвали этотъ сборникъ „Corpus universae historiae, praesertim Byzantinae“. Парижское изданіе сборника 1567 года было перепечатано три раза во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1568, 1574 и 1587 гг.; послѣдній разъ подъ заглавіемъ Historia rerum in Oriente gestarum. Тотчасъ же появились италіанскіе переводы Зонары, Никиты Хоніата,

Никифора Григоры (въ 1560 1562 1569; см. Potthast, Bibliotheca medii aevi). Они печатались въ Венеціи, гдѣ связи съ христіанскимъ Востокомъ были особенно тѣсны и живы. Въ концѣ столѣтія, въ Женевѣ, сдѣлано было новое изданіе исторіи Никиты Хоніата не только съ греческимъ текстомъ, заимствованнымъ, какъ и латинскій переводъ, у Вольфа, но и съ нѣкоторыми дополненіями, имѣющими цѣлью облегчать пользованіе книгой [1]). Особыя обстоятельства содѣйствовали распространенію изданныхъ Іеронимомъ Вольфомъ византійскихъ историковъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ полемикѣ, возгорѣвшейся между папистами и православными по поводу уніи, тѣ и другіе искали себѣ либо оружія, либо защиты въ исторіи византійской церкви и государства. Паписты проводили ту мысль, что самое паденіе Византіи было явнымъ послѣдствіемъ ея вражды къ Римскому престолу, выставляли на видъ отдѣльные факты рѣзкаго проявленія ненависти грековъ къ католикамъ, отмѣчали признаки постепеннаго оскуденія нравственной силы и образованія между ними; оружіе заимствовалось, преимущественно, изъ только что изданныхъ сочиненій Зонары, Никиты Хоніата и Григоры, какъ это можно видѣть на страницахъ вышедшей въ 1617 году Оборсны уніи Льва Кревзы. Православные обязаны были защищаться оружіемъ изъ того же арсенала, указывать умолчанія и лжетолкованія своихъ противниковъ. Въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго, относящейся къ 1621 году, приводятся цѣлыя страницы изъ исторіи Никиты Хоніата (о разореніи Цареграда латинами въ 1204 году); онъ ссылается и на подлиннаго Зонару, отличая его отъ славянскаго переводнаго, дополняетъ ссылку Кревзы на Грегораса и т. д. [2]).

Германія имѣла много побужденій къ ближайшему ознакомленію съ современнымъ положеніемъ Турецкой имперіи, не исключая и религіозныхъ симпатій протестантовъ къ православному греческому ея населенію, симпатій, высказывавшихся со времени Лютера. Страшные успѣхи турокъ, передавшіе въ руки Солимана почти всю Венгрію (три ея четверти), заставляли Габсбурговъ, Карла V и его брата Фер-

---

[1]) См. объ этомъ изданіи 1593 года у *Ѳ. И. Успенскаго*, Никита Акоминатъ, стр. 2 и 3. Оно принадлежало Симону Гулару (Goulart).

[2]) Оба сочиненія напечатаны въ шестомъ томѣ Русской исторической библіотеки, издаваемой археографическою коммиссіею, подъ редакціею *П. А. Гильтебрандта*; см. составленный имъ указатель подъ словами Зонара, Хоніатъ, Григора. Экземпляръ перваго изданія Зонары въ библіотеку С.-Петербургскаго университета достался изъ Полоцкой іезуитской коллегіи.

динанда держать своихъ пословъ при Оттоманскомъ дворѣ, хотя имъ всегда грозила опасность попасть въ Семибашенный замокъ; когда такими послами были люди образованные въ духѣ гуманизма, тогда можно было ожидать отъ нихъ интереса къ греческому языку и къ греческимъ рукописямъ. Таковъ былъ уже Антонъ Вранчичъ (Verantius, Vrančić), родомъ хорватъ-далматинецъ, занимавшій послѣдовательно важнѣйшія епископскія каѳедры Венгріи, отправленный посломъ въ Царьградъ въ 1553 году и подробно описавшій свой путь отъ Буды до Адріанополя въ сочиненіи, которое, впрочемъ, въ первый разъ было издано только въ XVIII столѣтіи (1744, въ Венеціи, а затѣмъ недавно мадьярскою академіею); его сопровождалъ упомянутый выше корреспондентъ Фуггера Дерншваммъ (или Дорншваммъ), въ свою очередь оставившій подробный дневникъ о своемъ пребываніи въ Турціи и доселѣ остающійся не изданнымъ [1]). Затѣмъ посломъ короля Римскаго Фердинанда (вскорѣ затѣмъ императора и уже тогда государя Венгріи и Чехіи) былъ знаменитый Ожье Гизелинъ Бузбекъ, родомъ изъ Фландріи, отправленный туда въ самую критическую минуту, когда почти все зависѣло отъ искусства посла, и проведшій въ Константинополѣ и Турціи около шести лѣтъ, съ 1555 по 1562 г. Онъ описалъ свое путешествіе и свое пребываніе при дворѣ Солимана въ письмахъ, составившихъ послѣ крайне интересную книгу [2]). Изъ нея мы между прочимъ узнаемъ, что онъ заботился и о пріобрѣтеніи рукописей, хотя, по его собственному замѣчанію, ему приходилось собирать послѣдніе колосья на нивѣ, уже сжатой другими; тѣмъ не менѣе, у него же мы читаемъ о цѣлыхъ возахъ греческихъ рукописей, отправленныхъ на корабли для нагрузки; около 240 греческихъ кодексовъ прибыли черезъ Венецію въ Вѣну, будучи назначены для императорской библіотеки, основанной Максимиліаномъ I [3]).

---

[1]) О Вранчичѣ, его предшественникахъ и преемникахъ см. любопытныя статьи *Матковича* въ южно-славянскомъ *Радѣ* (*Matković*, Putowania po Balkanskom poluotoku XVI vieka (*Rad jugosl. Acad.* LXXI (1884), XLIX (1879), LVI (1881), LXII (1882). О рукописяхъ дневника *Дерншваммa*, хранящихся въ Прагѣ и Вольфенбюттелѣ, сообщаетъ краткое извѣстіе К. Иречекъ: *Irečeк*, Heerstrasse, pag 2.

[2]) A. Gislenii Busbequii omnia quae extant. Lugd. Batavorum. Ex officina Elzeveriana. Anno 1633 (ранѣе были другія изданія). Письма Бузбека недавно появились въ англійской обработкѣ въ книгѣ: The life and letters of Ogier Ghiseline de Busbecq, by ch. *Thornton Forster*. In two volumes. London, 1881; только первый томъ касается пребыванія въ Греціи.

[3]) Ad haec librorum Graecorum manuscriptorum tota plaustra, totas navos.

Вслѣдъ за ними, но нѣсколько позже, пріобрѣтенъ былъ отъ придворнаго турецкаго доктора удивительный и прославленный списокъ Діоскорида, украшающій и теперь Вѣнскую придворную библіотеку. Посломъ Максимиліана II и Рудольфа II къ султану Селиму былъ баронъ Угнаде, съ 1573 г., также весьма образованный человѣкъ, стоявшій на сторонѣ протестантизма. Онъ захотѣлъ взять съ собою благочестиваго и знающаго греческій языкъ проповѣдника; по рекомендаціи герцога Вюртембергскаго избранъ былъ Стефанъ Герлахъ, магистръ, а послѣ докторъ богословія въ Тюбингенскомъ университетѣ: его товарищи, тюбингенскіе протестантскіе богословы, среди которыхъ выдающуюся роль игралъ Мартинъ Крузій (Crusius), возлагали на предпринятую Герлахомъ поѣздку большія надежды. Онъ долженъ былъ ближе ознакомиться съ религіознымъ положеніемъ современныхъ грековъ, съ ихъ догматическими вѣрованіями и церковными обрядами, а также и съ церковнымъ устройствомъ; онъ долженъ былъ собирать и ученыя свѣдѣнія о книгахъ и библіотекахъ, о греческомъ языкѣ, которымъ теперь говорили на востокѣ; особенно же стараться войдти въ тѣсныя сношенія съ лучшими представителями греческаго духовенства. Герлахъ прекрасно выполнилъ данныя ему инструкціи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его высокозанимательный дневникъ, напечатанный, впрочемъ, почти черезъ сто лѣтъ его внукомъ [1]). Но черезъ его посредство уже и самъ Мартинъ Крузій завязалъ личную переписку съ греческимъ патріархомъ, который былъ тогда Іеремія II, а также съ окружавшими его учеными совѣтниками, риторомъ Великой церкви Іоанномъ Зигомалою и его сыномъ Ѳеодоромъ. Плодомъ этихъ литературныхъ связей было появленіе въ 1584 г. драгоцѣнной книги, которую Крузій назвалъ Туркогреціей [2]). Кромѣ двухъ трактатовъ о судьбахъ и бѣдствіяхъ Константинополя, написанныхъ одинъ—Крузіемъ, а другой—Ѳеодоромъ Зигомалою, книга содержитъ въ себѣ анонимную исторію патріарховъ Константинопольскихъ съ 1453 г. (Patriarchica Constantinopoleos historia), съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями издателя, а затѣмъ болѣе по-

Sunt credo libri haud multo infra 240, quos mari transmisi Venetias, ut inde Viennam deportentur. Nam Caesareae bibliothecae eos destinavi sunt aliquot non contemnendi, communes multi. Converri omnes angulos, ut quicquid restabat hujusmodi mercis tanquam novissimo specilegio cogerem (Элзевировскаго изданія, pag. 391).

[1]) Stephan Gerlachs des älteren Tagebuch: herfürgegeben durch seinen Enkel M. *Samuelem Gerlach.* Franckfurth am Mayn. 1674.

[2]) Turcograeciae libri octo a Martino Crusio, in Academia Tyvengensi Graeco et Latino professore, utraque lingua edita. Basileae.

ловины тома посвящено ученой перепискѣ Крузія съ Константинополемъ. Не имѣя нужды и возможности на ней останавливаться, замѣтимъ только, что традиціи благожелательныхъ и дружелюбныхъ отношеній между греческими учеными богословами и нѣмецкими протестантскими еллинистами держались и послѣ, даже не остались безъ вліянія на ходъ византійскихъ занятій. Какъ увидимъ ниже, одинъ изъ учениковъ Іеронима Вольфа, Гешель, былъ въ дружбѣ съ грекомъ Маргуніемъ и пользовался его сотрудничествомъ при своихъ ученыхъ предпріятіяхъ.

Іеронимъ Вольфъ имѣлъ нѣсколькихъ учениковъ и послѣдователей. По его совѣту и указанію, на счетъ сыновей Антона Фуггера нѣмецкій еллинистъ изъ Гейдельберга, Вильгельмъ Голцманнъ (Holzmann), а по ученому наименованію, подъ которымъ онъ гораздо болѣе извѣстенъ, Ксиландръ, издалъ въ 1566 году сочиненіе Георгія Кедрина, жившаго въ XII$_2$ вѣкѣ [1]). Кедринъ есть писатель однородный съ Зонарою въ томъ отношеніи, что и онъ не былъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ историкомъ близкихъ къ нему по времени событій, извѣстнаго царствованія или періода, а составилъ историческій Синопсисъ (Σύνοψις ἱστοριῶν) или хронику, по обычаю начинающуюся отъ сотворенія міра и доведенную далѣе половины XI столѣтія, при чемъ даже и самая послѣдняя часть не принадлежитъ ему, а рабски списана у другихъ. Еще Іеронимъ Вольфъ замѣтилъ, что въ извѣстныхъ отдѣлахъ и періодахъ компиляція Кедрина имѣетъ преимущество предъ таковою же Зонары, по большей полнотѣ и подробности повѣствованія [2]). На кодексѣ, содержавшемъ въ себѣ сочиненіе Кедрина и находившемся въ библіотекѣ Фуггеровъ, Вольфъ даже надписалъ, что еслибы съ самаго начала онъ имѣлъ возможность выбора, то предпочелъ бы издать Кедрина. Самъ Ксиландръ нашелъ въ предложенномъ ему трудѣ много интереснаго для себя и для другихъ; по его мнѣнію, хроника Кедрина могла послужить не только къ восполненію древнихъ писателей, Зонары и Прокопія, а также и новѣйшихъ Куспи-

---

[1]) Georgii Cedreni Annales ab O. C. ad Isaacum Comnenum gr. et lat. cum notis à *G. Xylandro*. Basileae. 1566.

[2]) Противъ этого замѣчанія послѣ слегка возражалъ Дюканжъ (въ предисловіи къ изданію Зонары): отзывъ Вольфа не можетъ, де, относиться къ первымъ двумъ томамъ Зонары, содержащимъ исторію до Константина Великаго, такъ какъ они составлены гораздо лучше и толковѣе, чѣмъ соотвѣтствующая часть компиляціи Кедрина, да и въ дальнѣйшимъ изложеніи краткость Зонары соотвѣтствуетъ его плану и намѣреніямъ.

піана, Панвиніо и т. д., а равнымъ образомъ къ обогащенію географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о Константинополѣ и его окрестностяхъ. Греческій текстъ былъ изданъ по двумъ рукописямъ, но обѣ были неисправны и съ пробѣлами, хотя одна была писана въ самой Византіи еще при Ангелахъ, то-есть, въ концѣ XII столѣтія, какъ оказывалось изъ приписокъ и замѣтокъ переписчика на поляхъ. Кромѣ латинскаго перевода, Ксиландръ прибавилъ свои примѣчанія, которыя, впрочемъ, довольно скудны и неудовлетворительны. Въ предисловіи издатель чистосердечно признается въ своемъ маломъ знакомствѣ съ языкомъ и терминологіей византійца; его очень смущали слова варварскія и полуварварскія, отчасти совсѣмъ неизвѣстныя древнимъ грекамъ и латинамъ: одни изъ нихъ обозначаютъ вещи, какъ scaramangium, tuldum и т. д., другія — названія должности, какъ barangi, protovestiarius, logotheta dromi, protospatharius и т. п.; съ барангами (то-есть, варягами) Гольцманнъ такъ и не справился. Послѣ Гоаръ во многомъ дополнилъ и исправилъ комментаріи своего предшественника, но надъ барангами и онъ затруднялся и готовъ быть производить отъ бароновъ: baranagium—baronium.

Въ тѣхъ рукописяхъ, по которымъ издается хроника Кедрина, она оканчивается восшествіемъ на престолъ Исаака Комнина въ 1057 году, а затѣмъ въ печатныхъ изданіяхъ прилагается въ видѣ продолженія отрывокъ изъ Іоанна Скилиція Ѳракисійскаго; но этотъ послѣдній началъ свое сокращеніе исторіи съ гораздо болѣе ранняго времени и состоитъ въ особенномъ внутреннемъ родствѣ съ Кедриномъ. Въ значительной части своего сочиненія, начиная съ Никифора I, (съ 812 г.) преемника Ирины, Кедринъ, вполнѣ зависитъ отъ своего предшественника Іоанна Скилиція, является по отношенію къ нему совершеннымъ плагіаторомъ. Отношенія эти были совсѣмъ не ясны для первыхъ издателей, да невполнѣ разъяснены и до сихъ поръ, потому что отдѣльнаго изданія хроники Скилиція (начинающейся съ 812 года) въ подлинникѣ до сихъ поръ не появлялось; это сдѣлалось почти не нужнымъ вслѣдствіе того, что она цѣликомъ вошла въ составъ Кедрина, исключая только той доли, которая продолжаетъ исторію Византіи до средины царствованія Никифора Вотаніата (до 1079 г.): эта послѣдняя доля и прилагается въ новѣйшихъ изданіяхъ къ хроникѣ Кедрина въ видѣ ея продолженія. Отдѣльное полное изданіе Скилиція существуетъ только въ латинскомъ переводѣ іезуита Габія, вышедшемъ въ Венеціи въ 1570 году—подъ заглавіемъ: Joannis Curopalatae

Scilizzae historiarum compendium, quod incip. à Nicephori imperatoris à Genicis obitu ad imper. Js. Comneni pertinet, Latine ed. J. Bapt. Gabius. Venet. 1570 fol. Къ нему и приходится обращаться въ случаѣ нужды [1]).

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и оживленныхъ центровъ умственнаго движенія и ученой дѣятельности въ концѣ XVI вѣка сдѣлался Лейденскій университетъ, основанный голландцами въ самый разгаръ борьбы за свое освобожденіе отъ испанскаго ига и католическаго гнета (въ 1575 году). Представителями классической филологіи были здѣсь въ данный періодъ, кромѣ знаменитаго латиниста Юста Липсія (Lipsius), Бонавентура Вулканій, собственно de-Smet, и первый кураторъ университета, важный государственный дѣятель времени освобожденія, Янъ Дуза съ другими членами той же фамиліи (van der Does). Бонавентура Вулканій (1538—1595) родился въ Брюгге; отецъ его Петръ Сметъ состоялъ въ перепискѣ и дружбѣ съ Эразмомъ Роттердамскимъ: понятно, что сынъ долженъ былъ получить хорошее гуманистическое образованіе. По окончаніи онаго, онъ поступилъ къ кардиналу Франциску Мендозѣ, архіепископу Бургосскому въ Испаніи, воспитателемъ его сына, но исполнялъ также при знатномъ и образованномъ прелатѣ должность секретара для сочиненія латинскихъ писемъ, а сверхъ того завѣдывалъ его библіотекою, въ которой было не мало греческихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ во время пребыванія Мендозы въ Италіи и затѣмъ умноженныхъ позднѣйшими заказами греческимъ переписчикамъ въ Римѣ: часть этой коллекціи находится теперь въ Мадридской публичной библіотекѣ. Возвратившись на родину по случаю смертельной болѣзни отца, Бонавентура, не принимая участія въ политикѣ, удалился въ Германію и жилъ нѣкоторое время въ Кельнѣ и Базелѣ, занимаясь изданіемъ сочиненій греческихъ отцовъ церкви (Кирилла Іерусалимскаго); онъ воротился въ отечество, послѣ того какъ миновалъ опасный и критическій періодъ борьбы, и въ 1588 году былъ назначенъ профессоромъ греческаго языка въ Лейденскомъ университетѣ [2]). Бонавентура Вулканій для насъ важенъ какъ издатель продолжателя Прокопія и историка послѣднихъ лѣтъ Юстиніана, Агаѳіи Миринейскаго [3]), какъ

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ заглавіи перевода Габія есть неточность. Хроника Скилиція не оканчивается у него восшествіемъ Исаака, а идетъ далѣе.

[2]) Athenae Batavae: Meursii opera X, 510.

[3]) *Agatiae* De imperio et rebus gestis Justiniani Libri V. Graece cum interpre-

издатель сочиненія Константина Багрянороднаго о Θемахъ [1]), то-есть, объ отдѣльныхъ провинціяхъ или военныхъ округахъ византійской имперіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Вулканій издалъ только часть сочиненія, то-есть первую книгу, касающуюся восточныхъ или что̀ тоже, азіатскихъ θемъ; вторая часть, содержащая описаніе западныхъ или европейскихъ провинцій, была обнародована нѣсколько позднѣе (въ 1609 году) Морелемъ, профессоромъ въ королевской коллегіи (Collège de France) въ Парижѣ и въ то же время типографомъ [2]). Георгъ Дуза первый познакомилъ ученыхъ съ сочиненіемъ Гезихія о происхожденіи и древностяхъ города Константинополя, которое онъ издалъ подъ именемъ Кодина. [3]). Другое сочиненіе, уже безспорно принадлежащее Кодину, жившему въ XV вѣкѣ, о придворныхъ должностяхъ византійскихъ появилось нѣсколько ранѣе, а затѣмъ было перепечатано въ Гейдельбергѣ, въ типографіи Коммелена, въ которой было издано и первое только что упомянутое произведеніе о древностяхъ цареградскихъ [4]). Издателемъ Кодина оба раза былъ Франциск Юніусъ, родомъ изъ Буржа, гугенотъ, удалившійся въ Нидерланды и бывшій пасторомъ французской реформатской общины въ Антверпенѣ, искавшій потомъ убѣжища въ Гейдельбергѣ, бывшій профессоромъ богословія въ Лейденѣ. Первое изданіе, выпущенное подъ псевдонимомъ, самъ издатель скоро сталъ считать неисправнымъ и даже негоднымъ, тѣмъ болѣе что ученые друзья снабдили его новыми рукописями, но и второе изданіе оказалось впослѣдствіи неудовлетворительнымъ. Коммеленъ, имя котораго не безъизвѣстно въ исторіи классической филологіи по его ученымъ сношеніямъ съ Казобономъ и Скалигеромъ, былъ по своему происхожденію

---

tat. latina et notis *Bonavent. Vulcanii.* Lugduni Batavor. 1594. (Есть въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета).

[1]) Περὶ θεμάτων sive de praefecturis imperii orientalis sapientissimi regis Constantini Porphyrog. (и т. д.)....liber nunquam antehac editus. Ex bibliotheca et versione *Bonav. Vulcanii.* Cum notis ejusdem. Lugduni Batavor. 1588.

[2]) Constant. Porphirogenisi de thematibus occiduae partis orientalis imperii a *F. Morello* recensiti. Lutet. Paris. 1609.

[3]) G. Codini Selecta de originibus Constantinopolis graece et latine primum ed. *Georg. Dousa.* Heidelbergae apud Commelin. 1596. Есть въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

[4]) *Codini* de officialibus palatii Constantinopolit. et officiis magnae ecclesiae. Nunc primum graece et latine in lucem editus. Ex biblioth. Julii Pacii (op. Fr. Junii). Lugdun. 1588. Второе изданіе: Gr. et latine notis illustravit lacunas ope manuscript. supplevit *Fr. Junius.* Ex officina Commeliana 1596.

соотечественникъ, а также единовѣрецъ Юніуса; его типографія служила преимущественно протестантскимъ ученымъ. Въ ней же появились за одинъ разъ два изданія, посвященныя сочиненіямъ Ѳеофилакта Симокатты: греческій подлинникъ, приготовленный къ печати Грутеромъ и украшенный посвященіемъ Скалигеру, гдѣ оплакивается смерть одного изъ сыновей Яна Дузы, и латинскій переводъ того же самаго текста, принадлежащій Кимендонку, уроженцу Нидерландовъ, но проживавшему въ Гейдельбергѣ, ревностному защитнику евангелическаго исповѣданія не только противъ католиковъ, но и противъ лютеранъ [1]). Нужно при этомъ замѣтить, что, не смотря на пышное заглавіе, указывающее на полное изданіе всѣхъ сочиненій Симокатты, въ немъ все еще не было самаго главнаго — подлинной исторіи Симокатты, сочиненія довольно обширнаго и по изложенію весьма подробнаго, а вмѣсто того—его оглавленіе или περίοχα изъ библіотеки Фотія, да отрывки, помѣщенные въ Извлеченіяхъ (Collectanea, Excerpta) Константина Багрянороднаго о посольствахъ. Въ такомъ же родѣ было, конечно, и то изданіе Симокатты, которое приписываются Бонавентурѣ Вулканію и обозначается въ библіографическихъ руководствахъ: Грутеръ въ предисловіи хвалится, что его Симокатта полнѣе, чѣмъ вышедшій два года передъ тѣмъ подъ редакціею (только предполагаемою) Вулканія. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о принадлежащемъ Ѳеодору Дузѣ изданіи Георгія Акрополиты, очень важнаго византійскаго историка, описывающаго событія отъ 1204 года до возстановленія греческаго господства въ Константинополѣ при Михаилѣ Палеологѣ (по 1264 г.); основою для изданія послужила рукопись, вывезенная изъ Царьграда братомъ Ѳеодора, вышеупомянутымъ Георгомъ: послѣ оказалось, что рукопись была не изъ лучшихъ и не передавала вполнѣ подлинника.

Не безъ успѣха также трудились въ XVI вѣкѣ и юристы надъ изданіемъ памятниковъ греко-римскаго права. Здѣсь первое мѣсто по времени занимаетъ Григорій Галоандръ или Алоандръ (Haloander), по настоящему Мельцеръ (Meltzer, нѣмецкое Maltz приравнено къ греческому ἄλως, ἀλωά гумно), ученикъ нѣмецкихъ гуманистовъ, посѣтившій Италію. Онъ въ первый разъ издалъ въ подлин-

---

[1]) Theophylacti Simocati quae reperiri potuerunt omnia. Graece ex biblioth. *A. Schotti* (ed. *Gruterus*). Ex officina Commeliana. 1598. Th. Simocatti opuscula omnia J. Kimendoncius e graeco vertit. 1598 (въ той же типографіи). Оба изданія есть въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

никѣ новеллы императора Юстиніана, въ 1531 г., въ Нюренбергѣ, вслѣдъ за другими частями Юстиніанова собранія. Галоандръ пользовался уже готовою копіей, сдѣланною однимъ италіанскимъ ученымъ, Болоньини, съ рукописи, принадлежавшей прежде Марціанской (Венеціанской), а теперь находящейся въ Флорентійской библіотекѣ; это было собраніе, составленное еще во время Тиберія II, и заключавшее въ себѣ 168 новеллъ. Но изданіе Галоандра не было полнымъ, а состояло только изъ 122 новеллъ; 23 новеллы приведены въ рубрикахъ (summae) или оглавленіяхъ, 20 совсѣмъ нѣтъ: Галоандръ опускалъ тѣ, которыя не принадлежали самому Юстиніану. Тѣмъ не менѣе изданіе Галоандра было весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки; латинскій переводъ, принадлежащій самому издателю, заслуживалъ одобренія [1]). Въ теченіи 50 лѣтъ это изданіе новеллъ перепечатывалось девять разъ, и столько же разъ латинскій переводъ до 1567 года; экземпляръ перваго изданія, принадлежавшій самому Галоандру и подаренный имъ Ебнеру, находится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета. Только появленіе изданія шотландца Скримгера стало вытѣснять трудъ нѣмецкаго ученаго; оно вышло въ 1558 году въ Женевѣ, подъ надзоромъ Генриха младшаго Етьенна, который тогда находился въ бѣдственномъ положеніи и жилъ внѣ своего отечества, въ изгнаніи, работая въ разныхъ типографіяхъ [2]). Въ 1540 году было издано (Суаллембергомъ) руководство или краткое изложеніе законовъ Арменопула (Πρόχειρον νόμων), составленное въ XIV вѣкѣ и получившее потомъ большое приложеніе въ странахъ православнаго исповѣданія. Французъ Бонефидій (Bonnefoi) издалъ свои Три книги восточнаго права [3]): небольшой томъ, заключающій въ себѣ на греческомъ языкѣ съ присоединеніемъ латинскаго перевода: 1) императорскія конституціи — бо́льшею частію не подлинныя, а въ извлеченіи изъ историческихъ сочиненій, сообщающихъ только содержаніе законодательства, 2) постановленія по дѣламъ церковнымъ Константинопольскихъ патріар-

---

[1]) О Галоандрѣ и объ его изданіи новеллъ см. особенно *Stintzing*, Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft 1,180 и сл. 197 и сл., и *Mortreuil*, Histoire du droit Byzantin, I, 32 и сл.

[2]) Imperatorum Justiniani, Justini et Leonis novellae constitutiones. Excudebat *Henr. Stephanus Huld.* Fuggeri typographus (только по гречески). Genevae. 1558.

[3]) Juris orientalis libri tres ab *E. Bonefidio* digesti et notis illustr. Gr. et lat. excud. *H. Stephanus*. 1573.

ховъ и 3) отвѣты, письма и опредѣленія каноническія прочихъ патріарховъ и святыхъ отцовъ, гдѣ наиболѣе значительный отдѣлъ составляютъ отвѣты Ѳеодора Валсамона (XII в.). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность Леунклавія (или собственно Loewenklau). Этотъ ученый нѣмецъ, родомъ изъ Вестфаліи (р. 1533 — 1593), былъ вмѣстѣ филологъ и юристъ, историкъ и оріенталистъ. Нѣкоторое время онъ преподавалъ греческій языкъ въ Гейдельбергѣ, въ педагогіумѣ, затѣмъ онъ много путешествовалъ; во время своего пребыванія въ Турціи онъ изучилъ турецкій языкъ и собралъ драгоцѣнные матеріалы для оттоманской исторіи, которой никто до сихъ поръ лучше его не зналъ; по возвращеніи вращался при разныхъ дворахъ (между прочимъ при Савойскомъ), былъ назначенъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ, но не занималъ каѳедры, поселился въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ. До его времени на западѣ мало были знакомы съ византійскимъ сводомъ законовъ, составленнымъ при Македонской династіи и, правда, почти безъ измѣненій воспроизводящимъ римское Юстиніаново право, съ такъ-называемыми Василиками (τὰ Βασιλικά). Леунклавій впервые издалъ по рукописи, найденной въ Тарентѣ, извлеченіе изъ нихъ, отчасти буквальное, отчасти сокращенное, составленное около X вѣка, такъ-называемую Еклогу или Синопсисъ (обозрѣніе) шестидесяти книгъ Василикъ [1]), и это изданіе до послѣдняго времени оставалось единственнымъ, не смотря на свои большіе недостатки. Только латинскій переводъ нѣсколькихъ книгъ Василикъ былъ обнародованъ раньше французомъ Hervet [2]); за тѣмъ важное значеніе по отношенію къ означенному памятнику (Синопсису) имѣютъ замѣчанія, исправленія и дополненія, обнародованныя впослѣдствіи французскимъ ученымъ юристомъ Шарлемъ Лаббэ (Labbé, Labbaeus) [3]). Преждевременная смерть помѣшала Леунклавію издать самому всѣ сокровища, имъ собранныя. Въ 1596 году послѣ его кончины, вышелъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, подъ редакціею Фрегера (Freher) посмертный сборникъ Леунклавія, извѣстный подъ названіемъ „Jus Graecoromanum“ [4]), гдѣ собрано много важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ

---

[1]) LX librorum Βασιλικῶν i. e. universi juris romani graecam in linguam traducti Ecloga sive Synopsis, nunc edita per *Leunclavium*. Gr. et lat. Basileae. 1575.

[2]) Libri VIII Βασιλικῶν διατάξεων—*Herveto* interprete. Lutetiae Paris. 1557.

[3]) *Caroli Labbaei*, Observationes et emendationes in Synopsim Basilicorum. Paris. 1606.

[4]) Juris graecoromani tam canonici quam civilis tt. II. *Jo. Leunclavii* studio

церковнаго (въ первомъ томѣ) и гражданскаго права (во второмъ): Арменопула Сокращеніе церковныхъ каноновъ, новеллы императоровъ о дѣлахъ и привилегіяхъ церковныхъ, синодальныя постановленія Константинопольскаго патріархата, отвѣты и посланія по разнымъ вопросамъ каноническаго права другихъ іерарховъ, отвѣты по разнымъ вопросамъ капоническимъ Валсамона, Матвѣя Властаря вопросы о брачныхъ дѣлахъ, небольшое сочиненіе Арменопула о Сектахъ или ересяхъ; Синопсисъ Михаила Атталіаты, Еклога Льва и Константина, новеллы позднѣйшихъ императоровъ (послѣ Юстиніана) свѣтскаго содержанія, юридическій трактатъ Евстаѳія Римлянина, законы военные, земледѣльческіе, морскіе. Сверхъ того, Леунклавію принадлежитъ та заслуга, что онъ впервые ознакомилъ ученый міръ съ весьма важнымъ историкомъ послѣднихъ столѣтій Римской исторіи, грекомъ Зосимомъ, котораго онъ издалъ въ латинскомъ переводѣ вмѣстѣ съ Прокопіемъ, Агаѳіемъ и др. (въ Базелѣ въ 1576 году). Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, трудъ Зосима появился и въ подлинникѣ, изданный Генрихомъ Стефаномъ (1581 г. и снова въ 1611 г.), впрочемъ не въ полномъ видѣ, а только первыя двѣ книги изъ шести, и это кажется отчасти страннымъ, потому что, какъ видно изъ одного письма Леунклавія къ Стефану, не только переводъ, но и списокъ подлинника былъ сообщенъ первымъ въ Женеву по адресу Стефана (см. Praefatio Рейтемейера въ новыхъ изданіяхъ Зосима). Полный греческій текстъ Зосима появился только въ 1590 году, изданный Зильбургомъ на основаніи списковъ Леунклавіева и Палатинскаго, которымъ и пользовались до появленія изданія Рейтемейера (въ 1783 г.): исключенный изъ Парижскаго собранія, Зосимъ вновь появился въ Боннскомъ, мало измѣнившись послѣ рецензіи Е. Беккера. Возвращаясь къ Леунклавію, мы должны отмѣтить еще два его переводныя изданія второстепенныхъ византійскихъ хроникъ—Михаила Глики до 1118 г. и Константина Манасси, жившихъ въ XII вѣкѣ и ничего самостоятельнаго не имѣющихъ: послѣдній, доведши свое изложеніе до Алексѣя Комнина, до 1801 года, впрочемъ, гораздо обширнѣе и замѣчательнѣе какъ по своей стихотворной формѣ, такъ и по вниманію къ нему позднѣйшихъ славянскихъ переводчиковъ: слѣды его есть и въ русскихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ. Интересна повѣсть или

---

ex variis bibliothecis eruti latineque redditi, nunc primum editi cura *Freheri* Frcf. 1596.

реляція о посольствѣ императора Мануила Комнина къ армянамъ, открытая и изданная Леунклавіемъ по гречески съ латинскимъ переводомъ (перепечатана въ Патрологіи Миня), а также наставленіе императора Мануила Палеолога къ сыну Іоанну о царскомъ воспитаніи [1]). Остается еще цѣлый рядъ трудовъ по турецкой исторіи, которыхъ мы не перечисляемъ.

Ученикъ Іеронима Вольфа, ректоръ гимназіи и библіотекарь въ Аугсбургѣ, Давидъ Гешель (Hoeschel), или, какъ онъ именуется на греческій манеръ, Есхелій, состоявшій въ дружбѣ съ знаменитымъ филологомъ Казабономъ, а также въ перепискѣ и дружескихъ сношеніяхъ съ грекомъ Маргуніемъ, епископомъ острова Чериго (Цитеры), проживавшимъ большею частію въ Венеціи, при содѣйствіи ихъ обоихъ, француза и грека, въ 1601 году, издалъ словарь писателей (Μυριόβιβλος) или Библіотеку патріарха Фотія и собраніе его писемъ. Въ первомъ сочиненіи патріархъ даетъ отчетъ о книгахъ, которыя онъ прочелъ, сообщаетъ характеристики авторовъ, дѣлаетъ изъ нихъ извлеченія: замѣтки его тѣмъ болѣе важны, что многіе писатели съ тѣхъ поръ пропали и извѣстны намъ только по сообщеніямъ Міріовивлія. Самъ князь тогдашнихъ филологовъ и величайшій филологъ всѣхъ временъ, Юстъ Скалигеръ, просматривалъ корректурные листы изданія [2]). Объ историческомъ значеніи писемъ Фотія нѣтъ нужды и говорить; довольно припомнить, что въ одномъ изъ посланій упоминается о крещеніи Руси. Въ настоящее время мы, конечно, имѣемъ лучшія изданія того и другаго сборника, для писемъ—изданіе Валетты (Valetta). Кромѣ того, Гешелю принадлежитъ первое изданіе одной части извлеченій (Excerpta, Collectanea), сдѣланныхъ при Константинѣ Багрянородномъ изъ разныхъ историковъ, именно отдѣла о посольствахъ (de legationibus), заключающаго въ себѣ между прочимъ отрывки изъ писателей-историковъ послѣднихъ временъ Римской имперіи и начальныхъ византійскихъ, какъ-то изъ Дексиппа, Евнапія, Менандра. Тотъ же самый Гешель, на основаніи двухъ парижскихъ списковъ, скопированныхъ и доставленныхъ ему Скалиге-

---

[1]) Legatio imperatoris Manuelis Comneni ad Armenios gr. et lat. Basil. 1578 — Manuelis Paleologi imperatoris praecepta educationis regiae. Basil. 1578.

[2]) *Bernays*, Joseph Justus Scaliger. Berlin. 1855, pag. 183. Скалигеръ содѣйствовалъ также изданію Прокопія. Объ участіи Казобона въ изданіи Фотія см. *Pattison*, Isaac Casaubon, pag. 144.

ромъ и Казобономъ и одного баварскаго, издалъ въ подлинникѣ исторіи Прокопія о войнахъ, чего до сихъ поръ не было сдѣлано, и повторилъ изданіе греческаго текста вышеупомянутаго трактата Прокопіева О постройкахъ Юстиніана (De aedificiis) въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ это было сдѣлано ранѣе. Какъ извѣстно, большія сочиненія Прокопія были переведены или, по выраженію Гиббона, изуродованы (mutilated) на латинскій языкъ Христофоромъ Персоною и Рафаиломъ Волатерраномъ, которые даже не заглядывали въ подлежащія рукописи Ватиканской библіотеки, гдѣ они были префектами. Изданіе Гешеля для своего времени было большимъ прогрессомъ; послѣ, Прокопія опять постигла злая доля (при Парижскомъ изданіи). Кромѣ того, заслугу Гешеля составляетъ первое изданіе Алексіады, то-есть, дѣяній императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.), описанныхъ его дочерью, знаменитою Анною Комниною. Существованіе этого сочиненія было извѣстно еще Іерониму Вольфу, который на него указывалъ въ предисловіи къ своему Зонарѣ, объясняя, на сколько скуднымъ и краткимъ представляется разказъ этого хронографа въ сравненіи съ спеціальными историческими сочиненіями. Гешель издалъ въ 1610 г. интересное твореніе греческой царевны по одному только списку, XV вѣка, который нашелъ въ Аугсбургской библіотекѣ и который теперь находится въ Мюнхенской; но этотъ списокъ представляетъ не полный трудъ Анны, а сокращеніе его (epitome), сдѣланное, какъ доказываютъ новѣйшіе рецензенты текста Алексіады, очень рано, еще при жизни Анны. Особенно сокращена вторая половина; въ восьмую книгу, которая здѣсь приходится послѣднею, заключено все, что въ полной редакціи составляетъ текстъ отъ седьмой книги до четырнадцатой. По видимому, рукопись была писана труднымъ и неразборчивымъ почеркомъ, такъ что Гешель иного не понималъ и дѣлалъ пропуски.— Послѣ издавали Анну по Флорентійскому и Коаленеву спискамъ—въ гораздо болѣе исправномъ видѣ.

Около того же времени, именно въ 1615 году, появилось въ Женевѣ изданіе трехъ византійскихъ историковъ—Григоры, Акрополиты и Халкокондила: въ этомъ изданіи, представляющемъ въ остальномъ перепечатку уже извѣстнаго, въ первый разъ являлся въ подлинникѣ и съ латинскимъ переводомъ хотя и поздній по времени (XVI вѣка), но очень важный по содержанію историкъ паденія Византіи и возвышенія турокъ. Сочиненіе Халкокондилы обнимаетъ

время отъ 1298 г. по 1452 годъ [1]). Изданіе, явившееся анонимно, принадлежало Баумбаху, профессору греческаго и еврейскаго языковъ въ Гейдельбергѣ [2]). Іезуитъ Радеръ, уроженецъ Тироля, умершій въ Мюнхенѣ, извѣстный своимъ изданіемъ Марціала (въ Ингольштадтѣ, 1602 г.), напечаталъ Пасхальную или Александрійскую хронику, въ послѣдней своей части содержащую важныя подробности для царствованія Ираклія (начало VII вѣка) и даже подлинныя его посланія или реляціи о побѣдахъ во время борьбы съ ново-персами; остовъ хроники составляетъ собственно росписаніе годовъ отъ сотворенія міра съ обозначеніемъ различныхъ эпохъ и по различнымъ эрамъ, и къ этому уже прибавлены замѣтки о событіяхъ, извлеченныя изъ готовыхъ источниковъ и принимающія иногда довольно обширные размѣры: въ нѣкоторомъ отношеніи Пасхальная хроника, слѣдовательно, напоминаетъ нашу первоначальную лѣтопись, почему къ ней и обращаются при объясненіи состава послѣдней (такъ, между прочимъ, сдѣлано въ изслѣдованіи М. И. Сухомлинова). Ясное дѣло, что Пасхальная хроника представляетъ первостепенный интересъ для научнаго изученія хронологіи, чѣмъ стали заниматься съ большимъ усердіемъ со времени появленія знаменитыхъ трудовъ Скалигера, который собственно и обратилъ вниманіе на это сочиненіе и другіе сродные ему византійскіе памятники. Мы разумѣемъ при семъ не столько общее, болѣе теоретическое произведеніе Скалигера—De emendatione temporum, имѣвшее уже при его жизни два изданія (1583 и 1598 годовъ), хотя уже и въ немъ есть указанія на византійскихъ писателей, но преимущественно большой историческій архивъ, свидѣтельствующій о необъятной учености и необыкновенной критической проницательности составителя, такъ-называемый Thesaurus temporum, явившійся въ 1606 году. Издавая здѣсь хронику Евсевія въ Іеронимовомъ переводѣ и сохранившихся отрывкахъ, Скалигеръ напалъ на слѣдъ заимствованій, сдѣланныхъ изъ нея византійскимъ писателемъ, Георгіемъ Синкелломъ, и первый

---

[1]) *Laonici Chalcocondylae*, Historia de origine atque rebus Turcorum et imperii Graecorum interitu. Общее заглавіе: Tres Historiae Byzantinae scriptores. Genevae. 1615 (=Coloniae Allobr.).

[2]) Объ авторствѣ Баумбаха сообщаютъ знающіе издатели Парижской коллекціи византійцевъ. Его имя встрѣчается въ недавно изданныхъ документахъ для исторіи Гейдельбергскаго университета: *Winkelmann*, Urkundenbuch der Universitat Heidelberg. Bd. I №№ 1523. 1524 (годъ 1620).

указалъ его важное значеніе для древней исторіи. Кромѣ того, Скалигеръ не мало здѣсь пользовался Кедриномъ, перепечаталъ хронографію патріарха Никифора, а главное — сообщилъ извлеченія изъ Пасхальной хроники по копіи, полученной отъ Казобона, и сдѣланной Дармаріемъ: она послѣ поступила въ собственность Гольстена. Такая честь, оказанная византійцамъ великимъ французскимъ филологомъ, должна была сообщить имъ новую привлекательность въ глазахъ ученыхъ, что̀ и сказалось какъ въ занятіяхъ Радера, такъ и въ дальнѣйшемъ движеніи византійскихъ занятій.

Іезуиты, которые были тогда вождями католической реакціи, съ завистью смотрѣли на ученое торжество своихъ противниковъ въ лицѣ Скалигера и его голландскихъ послѣдователей. Они уже ранѣе поняли, что для господства надъ умами имъ необходимо имѣть первенство и преобладаніе въ сферѣ собственно научной дѣятельности. Да и вообще, если отношеніе католической реакціонерной партіи къ классическимъ занятіямъ въ первой половинѣ XVI вѣка было враждебнымъ, то къ концу столѣтія это совершенно измѣнилось. Практическое чутье іезуитовъ помогло имъ догадаться, что гораздо больше можно извлечь пользы покровительствуя классическому образованію, чѣмъ преслѣдуя его. Со времени извѣстной Ratio Studiorum обученіе въ іезуитскихъ школахъ построено было на классической основѣ — въ противоположность даже парижскому университету, который пока держался схоластической средневѣковой традиціи. Іезуиты старались привлекать къ себѣ способныхъ и даровитыхъ юношей, направляли ихъ на изученіе древнихъ языковъ, особенно греческаго, который съ конца XVI вѣка очень хорошо былъ поставленъ въ ихъ школахъ, по крайней мѣрѣ во Франціи и Германіи, поощряли ихъ къ ученымъ трудамъ, доставляли имъ всякія средства и досугъ, что̀ при громадныхъ средствахъ ордена было не трудно дѣлать. Этимъ отчасти объясняется такое множество іезуитовъ на всѣхъ поприщахъ ученой дѣятельности въ XVII вѣкѣ, а между прочимъ и въ области византійскаго изученія. Кромѣ Радера, къ іезуитамъ принадлежали Фронтонъ-ле Дюкъ (Fronton-le Duc), издавшій въ подлинникѣ церковную исторію Никифора Каллиста (о латинскомъ переводѣ ея см. выше), а также сочиненія Златоуста, Дамаскина; Жакъ Сирмондъ, за свою ученость вызванный изъ Франціи въ Римъ, гдѣ онъ былъ секретаремъ Аквавивы, генерала ордена, и пользуясь расположеніемъ Баронія имѣлъ доступъ къ Ватиканской библіотекѣ, посвятившій послѣ возвращенія на родину свою дѣятельность преимущественно

изданію памятниковъ французской исторіи и оказавшій въ этомъ отношеніи неоцѣненныя услуги наукѣ, а въ исторіи византійскихъ занятій достопамятный изданіемъ сочиненій Ѳеодора Студита, письма котораго составляютъ важный источникъ для эпохи иконоборства. Затѣмъ слѣдуютъ Гретсеръ (Gretser), Понтанъ и Петo или Петавій. Наиболѣе важенъ для насъ послѣдній. Діонисій Петавій (Denis Petau 1583—1652 гг.) былъ сынъ французскаго купца и еще въ школѣ изучилъ греческій языкъ на столько, что могъ защищать свои тезисы на первую ученую степень на этомъ самомъ языкѣ, при чемъ оказалось, что онъ превосходилъ въ знаніи его профессоровъ Сорбонны; съ юности онъ не зналъ другаго высшаго удовольствія какъ сличеніе рукописей въ королевской библіотекѣ въ Парижѣ; знаменитый Казобонъ угадалъ его призваніе и поручилъ ему приготовить изданіе сочиненій Синезія (писателя времени Ѳеодосія Великаго и его сыновей); поступивъ въ орденъ іезуитовъ, Петo сдѣлался его славою и опорою, во всѣхъ своихъ трудахъ обнаруживая громадную ученость, а также остроуміе и вкусъ, но запальчиво и ожесточенно преслѣдуя протестантскихъ ученыхъ, а также янсенистовъ Портъ-Ройяля. Вслѣдъ за Скалигеромъ и отчасти съ намѣреніемъ подорвать его авторитетъ, онъ занимался хронологіей; въ этой области классическое значеніе имѣетъ его трудъ De doctrina temporum (1627 г.), а также Uranologia (1630 г.), въ которыхъ идетъ рѣчь и о христіанскихъ системахъ лѣтосчисленія. Еще ранѣе того онъ издалъ текстъ весьма цѣнной византійской исторіи патріарха Никифора (жилъ въ VIII вѣкѣ), въ которой описываются событія отъ смерти Маврикія до Константина Копронима (602 г.—770 г.) и которая носитъ названіе Исторіи сокращенной, Ἱστορία σύντομος, или Бревіарія историческаго въ отличіе отъ другаго труда, еще болѣе краткаго и представляющаго простой списокъ царей и патріарховъ: χρονογραφία σύντομος = „лѣтописецъ вскорѣ“ славянскихъ переводовъ. [1]) Петавій напечаталъ сочиненіе патріарха Никифора по копіи, которая недавно была сдѣлана въ Римѣ съ одного списка Сирмондомъ и которая, по его собственному признанію, изобиловала всяческими неисправностями; оставляя въ текстѣ многое безъ измѣненія, Петавій дѣлалъ удачныя поправки въ примѣчаніяхъ; сверхъ того, въ видѣ приложенія здѣсь были помѣщены отрывки изъ Ѳео-

[1]) Nicephori patriarchae, Ἱστορία σύντομος sive Breviarium historicum—et cet. Nunc primum vulgatum ac latine redditum op. *D. Petavii* cum ejusdem notis chronologicis. Paris. 1616.

фана, Никифора Григоры, Пахимера. Тридцать лѣтъ спустя изданіе было повторено въ общемъ парижскомъ изданіи византійцевъ. Что касается Хронографіи Никифора, то она уже была напечатана два раза — въ Базелѣ въ 1561 году Камераріемъ и Скалигеромъ въ его Thesaurus temporum (1606 г.). Іезуитъ Гретсеръ, профессоръ въ Ингольштадтѣ, главномъ очагѣ католической реакціи предъ Тридцатилѣтнею войной, отличавшійся громадною ученостію, но также рѣзкостью и грубостью своей полемики противъ протестантовъ [1]), оставилъ массу трудовъ, но изъ нихъ для насъ имѣетъ значеніе только его большой трактатъ „De Sancta Cruce", къ которому приложены многочисленныя сказанія о происхожденіи и исторіи Крестнаго древа: помимо апокрифическихъ, между ними есть и чисто историческія, представляющія подлинникъ къ славянскимъ повѣстямъ, перепечатаннымъ теперь въ Макарьевской Минеѣ за сентябрь мѣяцъ. Изъ византійцевъ обратилъ на себя вниманіе Гретсера Кодинъ (De officiis et officialibus magnae ecclesiae) и отрывки не сохранившейся позднѣйшей хроники Ипполита Ѳивейскаго, которыхъ онъ издалъ въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ; при этомъ сильно досталось прежнему протестантскому издателю Кодина, Юніусу [2]). Яковъ Понтанъ собственно Spanmüller изъ Brucke въ Чехіи, откуда и его прозваніе († 1626 г.) извѣстенъ въ исторіи педагогіи какъ авторъ многихъ учебниковъ, долго употреблявшихся во всѣхъ школахъ Европы, а въ исторіи византійскихъ занятій — изданіемъ въ греческомъ подлинникѣ большаго историческаго сочиненія Ѳеофилакта Симокатты, а также переводомъ на латинскій языкъ Исторіи Іоанна Кантакузина, сочиненія Георгія Франдзи, и разныхъ богословскихъ статей и трактатовъ какъ древнихъ учителей церкви, такъ и позднѣйшихъ—патріарха Филоѳея, Симеона Младшаго.

Къ другой школѣ принадлежалъ Іоаннъ Меурсій (de Meurs, 1579—1639 гг.), профессоръ въ Лейденскомъ университетѣ сначала по исторіи, а потомъ по каѳедрѣ греческаго языка, которую онъ зани-

---

[1]) Впрочемъ даже его смиреніе проявлялось въ непривлекательной формѣ, если вѣренъ анекдотъ о томъ, какъ онъ жителямъ роднаго городка, желавшимъ имѣть его портретъ въ ратушѣ, посовѣтовалъ взять и нарисовать ослиную голову.

[2]) *Georgius Cedinus Curopalata* de officiis et officialibus magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae, latine versus, adjunctis tribus commentariorum, observationum et emendationum libris et cet. Paris, 1625. Fol. и въ *Gretseri* opera t. XV.

малъ съ великимъ отличіемъ (съ 1610 года), достигшій званія исторіографа новообразованной республики соединенныхъ Нидерландскихъ штатовъ, при началѣ поприща воспитатель дѣтей, а впослѣдствіи приверженецъ и другъ знаменитаго Барнефельда. Съ сыновьями Барнефельда онъ путешествовалъ по Европѣ, посѣтилъ дворы большей части христіанскихъ государей, при чемъ, однако, особенное вниманіе обращалъ на библіотеки; изъ этихъ послѣднихъ онъ извлекъ много важныхъ памятниковъ, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ, или же неизданныхъ, которыми и воспользовался впослѣдствіи—во время пребыванія въ Лейденѣ. По собственнымъ словамъ Меурсія, въ пятнадцать лѣтъ своего профессорства онъ издалъ болѣе греческихъ книгъ, чѣмъ ихъ было обнародовано въ пятидесятилѣтіе, протекшее отъ основанія университета до удаленія его изъ Голландіи: въ этомъ дѣлѣ, составляющемъ задачу и настоящую славу университета онъ, де, никѣмъ не былъ превзойденъ, да едва ли имѣлъ кого равнаго себѣ [1]). Послѣ казни Барнефельда, подвергаясь преслѣдованіямъ противной партіи, оскорбляемый въ самой своей аудиторіи, Меурсій вынужденъ былъ принять предложеніе датскаго короля, предложившаго ему каѳедру исторіи въ академіи въ Soroe, на островѣ Зеландіи, основанной за два года до того, и кончилъ свою жизнь въ Даніи, сдѣлавъ многое и для исторіи Скандинавскаго сѣвера. Его труды по римскимъ и греческимъ древностямъ должны быть извѣстны классикамъ; насъ интересуютъ его изданія, относящіяся къ византійской исторіографіи. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ знаменитое и столь для насъ, русскихъ, дорогое сочиненіе Константина Багрянороднаго, содержащее „наставленія собственному своему сыну Роману“, именно Меурсіемъ окрещенное заглавіемъ: „de administrando imperio“. Императоръ объясняетъ сыну принципы имперской византійской политики, и прежде всего перечисляетъ народы и племена, опасныя для имперіи, указывая, посредствомъ какихъ другихъ народовъ можно ихъ обуздывать: тутъ идетъ рѣчь о русскихъ, печенѣгахъ, мадьярахъ, хозарахъ, болгарахъ; затѣмъ переходитъ къ сообщеніямъ о происхожденіи, нравахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ и о взаимныхъ ихъ отноше-

---

[1]) Для біографіи Меурсія мы пользуемся статьей, помѣщенной въ его сочиненіи *Athenae Batavae*, содержащемъ біографіи знаменитыхъ голландскихъ ученыхъ; хотя авторъ статьи и говоритъ о Меурсіѣ въ третьемъ лицѣ, но она носитъ въ себѣ явные признаки автобіографіи—нѣсколько самодовольнаго и педантичнаго ученаго. См. *Meursii* opera, ed. *Lami*, t. X, pag. 546. 547.

ніяхъ между собою; здѣсь идетъ рѣчь объ арабахъ или сарацинахъ, о западныхъ европейскихъ народахъ, о венеціанцахъ, хорватахъ, сербахъ, далматинцахъ, о Венгріи, Моравіи, печенѣгахъ, Хозаріи, Аланіи, Арменіи, Кавказѣ; въ особомъ отдѣлѣ, посвященномъ внутреннимъ дѣламъ имперіи, говорится о славянахъ въ Пелопоннисѣ. Что касается достоинствъ и достовѣрности впервые изданнаго Меурсіемъ текста, то нужно знать, что, по собственному его сообщенію, онъ обнародовалъ произведеніе Багрянороднаго по копіи, которую ему удалось снять во время пребыванія въ Гейдельбергѣ съ тамошней (Палатинской) рукописи; а это былъ въ свою очередь довольно поздній списокъ, приготовленный по неизвѣстному оригиналу Антоніемъ Эпархомъ почти еще въ дѣтствѣ (въ 1509 году). Меурзій далѣе напечаталъ Тактику Льва Мудраго, царствовавшаго въ началѣ X вѣка. гдѣ даются указанія, какъ устроивать и обучать войско, какъ сражаться съ разнаго рода непріятелями, примѣнительно къ ихъ военнымъ привычкамъ, описывается характеръ тогдашнихъ враговъ Византіи, печенѣговъ, болгаръ, мадьяръ; впрочемъ Левъ Мудрый много заимствовалъ изъ такого же сочиненія, приписываемаго императору Маврикію. Послѣднее еще болѣе важное по своимъ извѣстіямъ о древнѣйшемъ бытѣ славянъ и антовъ было издано въ Упсалѣ Шефферомъ въ 1664 году. Существуетъ редакція Тактики, приписываемая Константину Багрянородному, но первоначально составленная его дядею, одноименнымъ съ нимъ сыномъ Василія I македонянина: она также была напечатана Меурсіемъ. Переведенная Леунклавіемъ хроника Манасси была напечатана Меурсіемъ въ греческомъ подлинникѣ съ сохраненіемъ готоваго перевода, (Lugduni Batavor. 1616) и съ посвященіемъ шведскому королю Густаву Адольфу. Онъ же въ первый разъ издалъ письма Θеофилакта, архіепископа болгарскаго— въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, заключающія въ себѣ чрезвычайно важныя данныя для внутренней исторіи Византіи въ этотъ періодъ: послѣ собраніе было дополнено Лами, издателемъ полнаго собранія сочиненій Меурсія. Къ первичнымъ изданіямъ (editio princeps), которыми особенно хвалился Меурсій, должна быть причислена и напечатанная имъ Исторія Римская отъ Юлія Цезаря до Константина Великаго—Θеодора Метохиты, оказавшаяся впослѣдствіи простымъ отрывкомъ хроники Глики. Меурсій занимался также Кодиномъ, и однимъ изъ первыхъ его трудовъ были составленныя имъ примѣчанія къ константинопольскимъ древностямъ этого писателя (вышли въ Орлеанѣ, въ 1607 году), который въ сущности буквально выписывалъ

изъ Гезихія, не смотря на то, что сей послѣдній имѣлъ въ виду свое время, то-есть эпоху Юстина и Юстиніана; существуютъ также изданія текстовъ Гезихія и Кодина, принадлежащія Меурсію. Церковная литература обязана ему появленіемъ въ печати одного важнѣйшаго произведенія изъ разряда патериковъ, то-есть, собранія краткихъ поучительныхъ повѣствованій о святыхъ пустынникахъ и отшельникахъ, вообще о монашествующихъ; разумѣемъ Лавсаикъ Палладія (перепечатано въ Патрологіи Миня) [1]). Всего больше Меурсій сдѣлалъ для Константина Багрянороднаго; послѣ отдѣльныхъ изданій неизданныхъ прежде сочиненій de Administrando imperio и Тактики Меурсій обнародовалъ въ 1617 году въ Лейденѣ у Ельзевировъ полное собраніе всѣхъ дотолѣ сдѣлавшихся извѣстными трудовъ Багрянороднаго, при чемъ соединены были вмѣстѣ прежде разрозненныя двѣ части сочиненія о θемахъ (въ изданіяхъ Вулканія и Фридерика Мореля): не доставало сочиненія de ceremoniis aulae Byzantinae, но помѣщены были новеллы императора Константина, ранѣе изданныя Леунклавіемъ и Лаббэ. Нужно затѣмъ принять къ свѣдѣнію, что всѣ византійскія изданія Меурсія были включены въ полное собраніе его трудовъ, вышедшее во Флоренціи въ двѣнадцати томахъ въ 1741—1763 годахъ (Meursii opera, ed. Lami), занимая тамъ томы VI-й (тактика Льва, Константинъ Багрянородный), VII-й (Манасси, Кодинъ, Метохита, Юлія Африкана Κεστοί) и VIII-й (разнаго рода богословскія сочиненія Прокопія Газскаго и другихъ, Палладія Лавсаикъ, слова Кирилла Іерусалимскаго, письма Θеофилакта Болгарскаго). Издатель трудовъ Меурсія, ученый Лами, съ своей стороны сдѣлалъ при этомъ многія прибавленія и улучшенія. Напримѣръ, Тактика Льва была напечатана Лами по Флорентійскому списку, который былъ полнѣе и лучше того, которымъ пользовался Меурсій (Парижскій Медицейскій); Тактика Константина точно также перепечатана по Веронскому списку и т. п.; письма Θеофилакта Болгарскаго были умножены прибавленіемъ новой ихъ серіи. Ко времени Меурсія издано было столько византійскихъ памятниковъ, что ощущалась необходимость какого-нибудь пособія для легчайшаго ихъ пониманія. Для классическаго языка существовалъ словарь Генриха Стефана (Thesaurus graecae linguae), но онъ оказывался недостаточнымъ для уразумѣнія собственно средневѣковаго греческаго языка, особенно для объясненія техническихъ словъ и реченій, какія затруд-

[1]) *Palladii* episcopi Helenopoleos Historia Lausiaca, seu vitae SS. Patrum

няли, на примѣръ, Ксиландра: Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ Меурсій издалъ еще въ 1599 году Glossarium graeco-barbarum, словарь не филологическій, а скорѣе реальный, объясняющій преимущественно юридическіе термины византійской эпохи. Не много позже Николай Риго (Riganlt) составилъ свой словарь византійскихъ терминовъ [1]). Что касается изданія Лаббэ „Veteres glossae verborum juris“ (Paris. 1606), то оно заключаетъ переводъ на греческій языкъ или толкованіе латинскихъ юридическихъ терминовъ, не самимъ Лаббэ составленное, а извлеченное изъ старинныхъ рукописей византійскаго періода.

Не мало услугъ оказали византійской исторіи и пріобрѣли большую славу два грека, жившіе въ Римѣ: Николай Алеманнъ и Левъ Алляцій. Алеманнъ, отецъ котораго былъ грекъ съ острова Андроса, родился уже въ Италіи (въ Анконѣ) и девяти лѣтъ (въ 1592 году, а родился въ 1583 г.) былъ отправленъ въ Римъ для обученія, гдѣ и поступилъ въ основанную папою Григоріемъ XIII греческую школу (collegium Athanasianum, collegium graecum), предназначенную именно для приготовленія въ средѣ природныхъ грековъ дѣятелей католической или уніатской пропаганды. Алеманнъ съ успѣхомъ занимался науками, особенно греческимъ и латинскимъ языками; заранѣе предназначивъ себя къ духовному званію, онъ былъ посвященъ въ иподіаконы по греческому обряду, но затѣмъ, говорятъ біографы,— прямо перешелъ въ католичество; потомъ самъ былъ преподавателемъ въ коллегіи по каѳедрѣ греческаго языка и риторики, оставивъ послѣ себя въ этомъ отношеніи хорошую память, такъ что школа долго сохраняла его портретъ. Учениками Алеманна были Алляцій, Францискъ Аркудій, извѣстный потомъ своею дѣятельностью по укрѣпленію уніи въ Литовской Руси, куда онъ два раза былъ посылаемъ изъ Рима[2]), а также Сципіонъ Кобелутти. Послѣдній, получивъ влія-

---

[1]) *Rigaltii* Glossarium τακτικὸν μιξοβάρβαρον. De verborum significatione quae ad novellas impp. qui in oriente post Iustinianum regnaverunt de re militari constitutt. pertinent. Lutetiae. 1601. Въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета находится экземпляръ, подаренный самимъ Риго Меурсію.

[2]) О пребываніи Аркудія въ Литвѣ есть русскіе документы. Онъ прибылъ изъ Рима вмѣстѣ съ Ипатіемъ Потѣемъ, который и поручилъ ему управленіе братскою школою въ Брестѣ; послѣ Аркудій былъ сдѣланъ архипресвитеромъ Пинскимъ и архимандритомъ Лавришевскаго монастыря. Двѣ жалованныхъ грамоты короля Сигизмунда III, данныя по этому случаю, напечатаны въ Актахъ Западной Россіи т. IV, №№ 141 (стр. 196) и 155 (стр. 241) отъ 1601 года.

тельное мѣсто при папѣ, доставилъ учителю мѣсто секретаря у кардинала Боргези. Въ 1614 году Алеманнъ былъ назначенъ книгохранителемъ (custos) въ Ватиканской библіотекѣ, мѣсто хотя второстепенное, но почетное; главными библіотекарями (bibliothecarius) бывали здѣсь обыкновенно высшіе сановники церкви, кардиналы, между прочимъ послѣ Баронія самъ Кобелутти. Усердно занимаясь греческими рукописями, Алеманнъ издавалъ мало, но ему посчастливилось сдѣлать одну важную находку, которая и обезсмертила его имя. Онъ первый открылъ и издалъ съ критическими и историческими примѣчаніями Ἀνέκδοτα Прокопія, сочиненіе по самому характеру своему способное надѣлать много шуму, помимо неожиданности появленія [1]). Дѣло въ томъ, что это произведеніе Прокопія находилось въ видимомъ противорѣчіи съ тогда уже извѣстными другими сочиненіями того же автора. Между тѣмъ какъ Прокопій раньше прославлялъ Юстиніана за его побѣдоносныя войны, Вандальскую и Готскую и, казалось, представлялъ его образцовымъ и великимъ государемъ, онъ теперь изображалъ его злымъ тираномъ и человѣконенавистникомъ, который самыя войны велъ не ради славы или завоеванія, а просто ради опустошенія цвѣтущихъ странъ и ради истребленія людей; кровопійцею, который налагалъ на своихъ подданныхъ непомѣрныя подати изъ одной жадности къ деньгамъ, просто изъ злобной ненависти къ римлянамъ и грекамъ, да изъ пристрастія къ варварамъ, осыпаемымъ безъ нужды подарками; который нарочно назначалъ министрами не знающихъ состраданія взяточниковъ, чтобы дѣлиться съ ними добычею, наконецъ—изображалъ не только вампиромъ, высасывающимъ послѣднюю кровь изъ народа, но и буквально демономъ въ образѣ человѣческомъ, котораго, впрочемъ, благочестивые люди видали возсѣдающимъ на тронѣ въ настоящемъ его видѣ, то-есть, въ видѣ дьявола. Жену Юстиніана, императрицу Ѳеодору, которая прежде выставлена была женщиною героическою (въ разказѣ о возстаніи Ника), теперь

---

[1]) Оно появилось подъ такимъ заглавіемъ:

Procopii Caesariensis V. J. Ἀνέκδοτα.
Arcana Historia.
Qui est liber nonus Historiarum.
Ex bibliotheca Vaticana Nicolaus Alemannus protulit, latine reddidit, notis illustravit.
Nunc primum in lucem prodit triplici indice locupletata.
Lugduni sumptibus Andreae Brugiotii bibliopolae Romani. MDCXXIII.

Это изданіе есть въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

Прокопій изображалъ въ самомъ ненавистномъ и позорномъ видѣ, разказывалъ грязныя исторіи изъ тѣхъ временъ, когда она была мимическою актрисой, и будто бы являлась предъ зрителями въ циркѣ въ крайне соблазнительныхъ сценахъ. Вообще Ἀνέκδοτα или, какъ перевелъ Алеманнъ заглавіе по латыни, Historia arcana, представляла нѣчто въ родѣ скандальной хроники императорскаго двора. Алеманнъ обрадовался не только своей находкѣ, но и самому содержанію сочиненія; развѣнчаніе императора Юстиніана, а тѣмъ болѣе Ѳеодоры, могло только послужить къ возвеличенію папскаго престола. Въ своемъ предисловіи, которое начинается посвященіемъ изданія кардиналу Лудовизи, Алеманнъ развивалъ такую мысль, что слава Юстиніана вообще была подозрительна, такъ какъ онъ позволялъ себѣ вмѣшательство въ духовныя дѣла, предписывалъ церкви свои уставы, касался даже догматическаго ученія, а главное непочтительно обращался съ Римскими первосвященниками, какъ будто совсѣмъ не признавая ихъ главенства, даже, по внушенію своей жены, нечестивой Ѳеодоры, подвергая ихъ гоненіямъ, ссылкѣ, истязаніямъ; дурной католикъ не могъ быть хорошимъ человѣкомъ и достойнымъ правителемъ. Объ этомъ-де догадывался покойный кардиналъ Бароній авторъ недавно появившихся знаменитыхъ „Церковныхъ лѣтописей“ (Annales ecclesiastici: о значеніи ихъ для Византійской исторіи будетъ сказано ниже); изъ упоминаній Свиды и патріарха Никифора Ксанѳопула (о сочиненіи послѣдняго было сказано выше) Бароній зналъ о томъ, что существовало нѣкогда сочиненіе Прокопія съ вышеозначеннымъ многообѣщающимъ заглавіемъ, и какъ будто предчувствовалъ, что отсюда онъ могъ бы узнать настоящую и прямую правду о нравственныхъ качествахъ и о правительственныхъ способностяхъ этого государя и о препрославленномъ его благочестіи, сомнительный характеръ котораго не могъ ускользнуть отъ вниманія проницательнаго изслѣдователя. Что касается Ѳеодоры, то онъ уже и безъ того сравнивалъ ее съ Далилою Самсона, называлъ Иродіадою, жаждущею крови праведниковъ, и т. д. Теперь все разъясняется, христіанскій міръ не будетъ болѣе смущаться предъ небывалою аномаліей; остается только оплакивать судьбу Юстиніана, который, уклонившись отъ праваго пути, преткнулся о камень и уготовалъ себѣ погибель. Я увѣренъ, замѣчаетъ Алеманнъ,—что Бароній радъ былъ бы появленію этой книги, о потерѣ которой онъ сожалѣлъ,— хотя, прибавимъ, она, по ироническому замѣчанію Гиббона, хранилась подъ его собственной охраной (custody) въ Ватиканской библіотекѣ. Въ особомъ из-

ложеніи собственнаго взгляда на Прокопія и его Тайную исторію (de Procopio et arcana ejus historia judicium), Алеманнъ высказываетъ предположеніе, что издаваемое имъ сочиненіе особенно не понравится юристамъ, которые привыкли преклоняться предъ именемъ Юстиніана, какъ законодателя, предъ Юстиніановымъ кодексомъ и пандектами; ожидаемыя ихъ возраженія издатель уже заранѣе старался обезоружить указаніемъ на то, что и въ исторіяхъ о войнѣ персидской и готской встрѣчаются болѣе или менѣе открытыя порицанія Юстиніанова правительства, что упреки тамъ высказываемыя иногда (будто бы) даже тяжелѣе, чѣмъ въ секретной исторіи; онъ ссылается также на свидѣтельства другихъ близкихъ и современныхъ источниковъ, такъ или иначе — отрывочно, косвенно, иногда даже прямо подтверждающихъ показанія Тайной Исторіи. Ожиданія Алеманна оправдались; Юстиніанъ нашелъ себѣ горячихъ защитниковъ и особенно среди юристовъ. Однимъ изъ первыхъ выступилъ нѣкто Триворъ (Trivorius), исторіографъ Французскаго короля Людовика XIII. Онъ объяснялъ дѣло такъ, что Прокопій, будучи тайнымъ язычникомъ, всегда питалъ въ душѣ ненависть къ христіаннѣйшему государю, защитнику вѣру и церкви, гонителю еретиковъ (аріанъ), Юстиніану, но сначала сдерживалъ свои чувства, хотя уже и въ исторіяхъ позволилъ себѣ нѣкоторыя неодобрительныя выходки противъ правительства; когда же императоръ, справедливо раздраженный—съ одной стороны, слѣдами язычества въ сочиненіяхъ Прокопія, а съ другой—его неблагонамѣренными отзывами объ администраціи, сталъ оказывать ему прямую немилость, не давая ему повышенія, исключая отъ высшихъ государственныхъ должностей, то оскорбленное самолюбіе талантливаго писателя и честолюбиваго чиновника—выразилось сочиненіемъ злостнаго памфлета. За довольно поверхностнымъ сочиненіемъ французскаго исторіографа, явившемся въ 1631 году, послѣдовали другія болѣе серьезныя. Профессоръ правъ въ Гельмштедтѣ, Ейхель, перепечаталъ (въ 1654 г.) текстъ Тайной исторіи съ латинскимъ переводомъ Алеманна, прибавивъ отъ себя обширное введеніе и критическій комментарій въ концѣ; то и другое было направлено къ обличенію ея лживости на основаніи свидѣтельствъ другихъ современниковъ [1]); сверхъ того Ейхель, переработалъ и одно-

[1]) Ἀνέκδοτα seu historia arcana Procopii caesariensis Nicolao Alemanno defensore primum ex bibliotheca vaticana prolata nunc plerisque in locis συγχρόνων testimoniis falsitatis convicta a Ioanno *Eichelio*, prof. Helmst. Helmstadii. 1654.

временно издалъ „Защиту Юстиніана противъ Алеманна“, написанную англійскимъ королевскимъ адвокатомъ, Ривомъ (Rivius). Ейхель и Ривъ нападали прежде всего на Алеманна а затѣмъ уже и на Прокопія. По ихъ мнѣнію, такого злостнаго произведенія не слѣдовало даже издавать, тѣмъ болѣе что и самъ авторъ, можетъ быть, не имѣлъ въ виду его публичнаго распространенія. Измѣнивъ недавно греческой церкви переходомъ въ католичество, Алеманнъ хотѣлъ изданіемъ этого темнаго произведенія подслужиться своему новому владыкѣ, то-есть, папѣ; онъ хотѣлъ подорвать славу императора, въ которомъ чудовищное и безмѣрное честолюбіе нынѣшнихъ римскихъ первосвященниковъ видитъ себѣ противника. Въ лицѣ Юстиніана оба юриста, исповѣдывавшіе къ тому же протестантство, думаютъ защищать общее дѣло всѣхъ князей и государей, права свѣтской власти противу притязаній церковной, въ особенности же права государства на верховный надзоръ и руководство въ дѣлахъ церковныхъ, то-есть, въ сущности протестантскій принципъ, провозгласившій jus circa sacra территоріальныхъ князей Германіи; они говорятъ также о международномъ правѣ, охраняющемъ неприкосновенность доброй славы умершихъ государей. Что касается достовѣрности автора, то это былъ либо атеистъ, либо язычникъ, только лицемѣрно притворявшійся христіаниномъ; свидѣтельства его не имѣютъ никакой юридической цѣны, потому что они не могли бы быть подтверждены присягою, которой онъ, вѣроятно, не признавалъ и къ которой самый законъ не допускалъ язычниковъ; притомъ этотъ свидѣтель часто противорѣчитъ самому себѣ, а тѣмъ болѣе показаніямъ другихъ свидѣтелей. Наиболѣе серьезная часть опроверженія заключается именно въ разборѣ отдѣльныхъ пунктовъ и въ сличеніи Тайной исторіи съ другими сочиненіями какъ самого Прокопія, такъ и прочихъ современныхъ писателей. Не трудно было доказать, что многое изъ того, что̀ сообщается въ Arcana, просто не возможно (происхожденіе Юстиніана отъ демоновъ), другое опровергается общимъ свидѣтельствомъ современниковъ (убійство Амалазунты Θеодорою, необразованность, ограниченность и безграмотность Юстиніана), иное должно быть отнесено къ виновности не самого правителя и государя, а его

Imperatoris Iustiniani defensio adversus Alemannum autore Thoma Rivio, regis Angliae advocato—curante Eichelio. Оба сочиненія, переплетенныя въ одинъ томъ, находятся въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета. Подробное обозрѣніе всей литературы по поводу Ἀνέκδοτα находится въ книгѣ Дана о Прокопіи.

исполнителей и чиновниковъ, иное даже, вопреки злостному порицателю, можетъ быть объяснено въ хорошемъ смыслѣ и поставлено въ похвалу (вмѣшательство въ дѣла церковныя, самое преслѣдованіе еретиковъ, противъ законности котораго не возставали и протестанты, скупость, а лучше — бережливость императора) и т. д. Только мимоходомъ Ейхель остановился на предположеніи, что, быть можетъ, Тайная исторія есть не подлинное сочиненіе, а подложное, подложное не въ томъ смыслѣ, чтобъ оно было сочинено самимъ Алеманномъ; этому препятствовали какъ упоминанія объ Arcana у Свиды и Никифора Каллиста, такъ и указанія Алеманна на рукописи. Алеманнъ издавалъ открытое имъ произведеніе по двумъ манускриптамъ Ватиканской библіотеки, изъ коихъ впрочемъ одинъ былъ производнымъ отъ другаго; сверхъ того, онъ зналъ о существованіи еще двухъ рукописей: одна была пріобрѣтена въ Константинополѣ для Лаврентія Великолѣпнаго и Катериною Медичи унесена была во Францію, гдѣ и пропала безъ вѣсти, а другая, принадлежавшая Пинелли, утонула въ морѣ вслѣдствіе кораблекрушенія на пути въ Неаполь [1]). Можно было усумниться только въ принадлежности сочиненія Прокопію, и эта тема была выставлена впослѣдствіи съ гораздо большею рѣшительностію, не смотря на авторитетъ Гиббона, вообще защищавшаго какъ подлинность, такъ и достовѣрность Тайной исторіи. Мармонтель въ предисловіи къ своему „Велизарію“ прямо провозгласилъ, что это безобразное собраніе грубыхъ выходокъ и осязательной лжи не можетъ принадлежать Прокопію, а какому-нибудь декламатору столько же не искусному, сколько злобному. Оспаривали въ этомъ смыслѣ подлинность и новѣйшіе нѣмецкіе изслѣдователи, какъ Рейнкенсъ [2]). Долго длившійся процессъ казался совершенно порѣшеннымъ послѣ капитальной книги профессора Дана (Dahn: Procopius von Caesarea. Berlin. 1865), и притомъ въ смыслѣ подлинности и достовѣрности; но вотъ мы видимъ, что не кто-либо другой меньшій, а самъ великій учитель новѣйшей критической школы въ Германіи, Леопольдъ Ранке, считалъ невѣроятнымъ, чтобы въ пресловутомъ произведеніи, впервые обнародованномъ Алеманномъ, все

---

[1]) Нужно замѣтить, что впослѣдствіи для парижскаго изданія послужили другія рукописи, изъ коихъ одна оказалась въ библіотекѣ канцлера Сегье, а вторая была найдена въ Миланѣ.

[2]) Въ написанной по латыни диссертаціи 1858 года: Anecdota sint—ne scripta a Procopio Caesariensi, inquiritur.

отъ начала до конца принадлежало Прокопію: онъ видитъ въ немъ компиляцію, въ коей лишь нѣкоторые отрывки могутъ вести свое происхожденіе отъ Прокопія, а другое заимствовано изъ явившагося послѣ смерти Юстиніана памфлета, выражавшаго взгляды пробудившейся оппозиціи минувшему царствованію, съ прибавленіемъ городскихъ сплетней, да яростныхъ и страстныхъ выходокъ, намѣренно прикрытыхъ именемъ и авторитетомъ Прокопія [1]). Самая фактическая внутренняя достовѣрность Тайной исторіи, которую Данъ весьма тщательно и подробно доказывалъ, за вычетомъ, конечно, внушенныхъ страстью преувеличеній, вновь подвергается сомнѣнію, и дѣлаются не совсѣмъ безнадежныя попытки возстановить репутацію императрицы Θеодоры [2]).

Левъ Алляцій происходилъ изъ знатной фамиліи на островѣ Хіо, такъ что по матери могъ вести свою генеалогію отъ Иппократа Косскаго, родился въ 1586 году [3]). Его дядя и воспитатель самъ учился въ греческой коллегіи въ Римѣ и въ юности былъ отправленъ на островъ Хіо, для преподаванія греческаго языка въ новоучреждаемой іезуитской коллегіи. Когда онъ, послѣ успѣшной дѣятельности возвращался въ Римъ, то ему въ видѣ награды позволено было взять съ собою кого-нибудь изъ его земляковъ, для опредѣленія въ греческую коллегію Св. Аѳанасія. Онъ взялъ съ собою сына своей сестры, даровитаго, но крайне болѣзненнаго мальчика. Вслѣдствіе болѣзни и малолѣтства племянникъ былъ оставленъ на нѣкоторое время въ Калабріи, въ домѣ хорошихъ друзей его дяди, въ домѣ Пинелли, былъ даже усыновленъ въ этой фамиліи. Въ 1600 году Алляцій, наконецъ, прибылъ въ Римъ и поступилъ въ среду питомцевъ греческой коллегіи, гдѣ въ числѣ его руководителей находился и Алеманнъ. Уже въ бытность свою ученикомъ коллегіи, Алляцій много занимался перепискою рукописей, потому что отличался вели-

---

[1]) См. Weltgeschichte VI. 2. Analecten, pagg. 300—312.

[2]) Имѣемъ въ виду латинскую диссертацію Дебидура, которую самъ авторъ недавно въ виду появленія драмы Сарду передѣлалъ въ книгу: *Debidour*. L'impératrice Theodore. Paris. 1885. См. также статью *Mallet'a* въ *The English Historical Review* 1887 (январь): The emperess Theodora.

[3]) Лучшая біографія Алляція, написанная его близкимъ знакомымъ, Рагузинцемъ *Градичемъ* (Gradius), издана въ шестомъ томѣ Novae Patrum bibliothecae (Romae. 1853),—къ сожалѣнію, она безъ конца; мы пользовались ею и можемъ замѣтить, что краткія свѣдѣнія въ книгахъ *Врето* и *Савы* (Νεοελληνικὴ Φιλολογία—заглавіе той и другой) оказываются не совсѣмъ точными.

чайшею любознательностью, а пріобрѣтать въ свою собственность манускриптовъ онъ не былъ въ состояніи по ихъ дороговизнѣ. Въ числѣ переписанныхъ имъ тогда сочиненій называютъ Филокалію Оригена, историческія сочиненія византійцевъ Константина Манасси и Георгія Акрополиты, а также Ѳедора Анагноста, любовную исторію Евмаѳія Макремволиты и др. Окончивъ курсъ со степенью доктора философіи и теологіи, онъ еще три года оставался въ Италіи, именно въ Мессинѣ, при Бернардѣ Джустиніани, епископѣ, происходившемъ тоже съ острова Хіо изъ среды тамошней генуезской колоніи; не смотря на какое-то временное грѣховное увлеченіе, Алляцій и здѣсь все-таки оставался вѣрнымъ своему призванію и продолжалъ занятія греческою литературой. Затѣмъ Левъ пожелалъ посѣтить родину, гдѣ между тѣмъ умерли его родители, оставивъ ему богатое наслѣдство. Островъ Хіо находился подъ властью турокъ, сохраняя, впрочемъ, самоуправленіе и не испытывая особенной тяжести отъ мусульманскаго ига. Были, правда, нѣкоторыя непріятности у Алляція съ турецкими властями, подробно разказанныя его біографомъ, но онѣ не представляются важными; важнѣе были раздоры между самими христіанами, даже между католиками. Вслѣдствіе ссоры съ мѣстнымъ церковнымъ братствомъ (изъ среды старыхъ генуезскихъ поселенцевъ) епископъ (Маркъ Джустиніани), а съ нимъ и Левъ Алляцій, отправились въ Римъ; Алляцій велъ тяжбу католическаго прелата предъ Римскою куріей и подвергся нѣкоторымъ нареканіямъ за то, что будучи греко-унитомъ, служилъ какъ бы намѣстникомъ (викаріемъ) у римскаго католика. Между тѣмъ Алляцій обратилъ на себя вниманіе ученыхъ кардиналовъ Барберини и Кобелутти, пріобрѣлъ степень доктора медицины послѣ приготовительныхъ занятій, продолжавшихся только нѣсколько мѣсяцевъ, получилъ мѣсто при Ватиканской библіотекѣ въ качествѣ копіиста или переписчика греческихъ рукописей безъ жалованья, а потомъ и съ жалованьемъ; здѣсь онъ очутился подъ начальствомъ прежняго своего профессора, Николая Алемана, ученѣйшаго между греками, которыхъ тогда жило въ Римѣ не мало (Аркудій, Каріофиллъ и другіе). Нѣкоторое время и самъ Алляцій былъ преподавателемъ греческой словесности въ Аѳанасіевской коллегіи, но не ужился со своемъ землякомъ завистливымъ Каріофилломъ и вышелъ въ отставку, огорчивъ тѣмъ покровителя школы, кардинала Барберини, послѣ вошедшаго на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII. Но пока папою былъ Григорій XV (Лудовизи), расположенный къ Кобелутти, и благодаря рекомендаціи послѣдняго, Алляцій получилъ чрезвычайно важное спеціальное поруче-

ніе. Шла тридцатилѣтняя война; въ Бѣлогорской битвѣ подъ Прагою сокрушены были силы чешской народности и надежды призваннаго чехами короля Фридриха V Палатинскаго (Пфальцскаго); борьба была перенесена въ область рѣки Рейна, войска лиги подъ начальствомъ Тилли взяли Гейдельбергъ, столицу курфюрста—палатина и бывшаго Чешскаго короля. Папа помогалъ лигѣ не только нравственно, но и деньгами, и въ вознагражденіе за это выговорилъ себѣ заранѣе право на сокровища Палатинской библіотеки въ Гейдельбергѣ, славившейся своими греческими рукописями, собранными при прежнихъ курфюрстахъ, особенно поступившими отъ Фуггеровъ (см. ниже, въ отдѣлѣ о каталогахъ библіотекъ). Такъ какъ вождь лиги, Максимиліанъ Баварскій, изъявилъ готовность исполнить обѣщаніе, данное Римскому престолу, то еще Григорій XV ранѣе своей кончины могъ отправить довѣреннаго человѣка для принятія цѣнныхъ сокровищъ и для препровожденія ихъ въ Ватиканъ. Въ концѣ 1622 года Алляцій, рекомендованный, какъ сказано, покровительствующимъ ему кардиналомъ, отправился въ южную Германію и въ декабрѣ достигъ Гейдельберга; онъ хорошо былъ принятъ Тилли и успѣшно исполнилъ порученіе, такъ что тою же зимой на 50 фурахъ палатинскія рукописи и книги направились черезъ Альпы въ Италію. Однако, Алляцій не получилъ той награды, на которую расчитывалъ. Папа Григорій умеръ въ тотъ самый моментъ, когда Алляцій, опередившій обозъ, выѣхалъ ему опять на встрѣчу, а новый первосвященникъ, Урбанъ VIII, прежній кардиналъ Барберини, не былъ къ нему столь же расположенъ, тѣмъ болѣе, что еще не забылъ прежняго неудовольствія. Пользуясь этимъ, противъ ученаго грека возстали его враги и завистники, особенно извѣстный нѣмецкій филологъ, жившій тогда въ Италіи, Шоппе (Scioppius), canis grammaticus, пасквилянтъ, облаявшій ранѣе Скалигера, провозглашавшій необходимость истребленія еретиковъ огнемъ и мечемъ [1]); враги обвиняли Алляція въ утайкѣ книгъ и рукописей (напримѣръ, автографа Де-Ту); но эти обвиненія оказались злостною ложью: при помощи каталоговъ, составленныхъ Грутеромъ и въ послѣднее время Зильбургомъ, Алляцій имѣлъ возможность доказать, что все, что̀ было тамъ на лицо, имъ доставлено. Алляцій все-таки остался при Ватиканской

---

[1]) О Шоппе см. *Bursian*, Geschichte der classisch. Philologie pag 283. *Nisard*, Les gladiateurs de la république des lettres (Paris, 1865). *Kowallek*, Ueber Gaspar Scioppius: Forschungen zur deutsch Gesch. Bd XI, 401—482 (1871). *Pattison*, Casaubon, pag. 350.

библіотекѣ, въ которую поступила и Палатинская, составивъ ея особенное отдѣленіе; послѣ смерти Алеманна и Голстена, онъ былъ сдѣланъ книгохранителемъ и, даже сверхъ того, начальникомъ Ватиканскаго архива, а послѣ достигъ почетнаго титула префекта библіотеки. Къ этому періоду относятся наиболѣе ревностныя его занятія греческими рукописями. Его трудолюбіе было неизмѣнно, равно какъ и его привычки; по разказу, слышанному Мабильономъ въ Римѣ отъ людей, близко знавшихъ ученаго грека, въ продолженіе сорока лѣтъ Алляцій писалъ однимъ и тѣмъ же перомъ и едва не плакалъ, когда оно потерялось. Онъ умеръ въ 1669 году. Въ длинномъ спискѣ приготовленныхъ Аллаціемъ изданій важное мѣсто занимаютъ его полемическія сочиненія противъ лютеранъ и еще болѣе противъ православныхъ въ пользу уніи; особенно ревностно онъ защищалъ то положеніе, что сама Восточная церковь въ лицѣ своихъ великихъ древнихъ учителей, а равно и многихъ позднѣйшихъ богослововъ, всегда признавала главенство римскаго престола, и что даже послѣ Фотія и Керуларія истинное преданіе не было порвано, прежде чѣмъ оно было возстановлено на Флорентійскомъ соборѣ. Какъ извѣстно, этотъ тезисъ питомцами римскихъ школъ и ихъ послѣдователями прилагался и къ русской церкви, такъ что не только Владиміръ Святой и Ярославъ, но даже митрополитъ Московскій Алексѣй оказывались уніатами и папистами,—послѣдній потому, что получилъ посвященіе отъ патріарха, будто бы признававшаго главенство папы. Одно изъ сочиненій Алляція въ указанномъ направленіи носитъ слѣдующее характеристическое заглавіе „О постоянномъ согласіи Западной и Восточной церкви“ [1]), другое „Православная Грецiя“, гдѣ по латыни и по гречески приводятся сочиненія, благопріятствующія латинамъ [2]). Изъ богатаго запаса Ватиканскихъ архивовъ и библіотекъ Алляцій извлекалъ много до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстныхъ данныхъ о сношеніяхъ между Востокомъ и Западомъ, приводилъ новые документы, касающіеся сношеній Византійскихъ императоровъ и Константинопольскихъ патріарховъ съ Римскимъ престоломъ въ эпоху Комниновъ и послѣдующія; вслѣдствіе того эти изданія по-

[1]) De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione lib. III. (Cum dissertatione de Dominicis et Hebdomadibus Graecorum et de missa praesanctificatorum). Coloniae Agrippinae. 1648.

[2]) Graecia orthodoxa, in quo opere graece et latine exhibentur latinis faventia scripta. Romae 1652 (первый томъ) и 1659 (второй); третій томъ не выходилъ хотя и былъ обѣщанъ.

лучили большую цѣнность для историка и до сихъ поръ не утратили таковой. Только немногимъ въ такой степени доступны были сокровища Ватикана, да и немного нашлось людей, способныхъ идти по слѣдамъ ученаго грека. Сочиненіе „О постоянномъ согласіи церкви“ было написано по порученію папы Урбана VIII, много заботившагося объ утвержденіи уніи, къ чему подавали поводъ и дѣла церковныя въ Литовской Руси; тѣмъ не менѣе въ началѣ приложено стихотвореніе, написанное еще въ 1642 году, въ честь новорожденнаго французскаго дофина (будущаго Людовика XIV), и отправляющееся отъ темы не столько религіозной, сколько патріотической. Грецiя представляется одѣтою въ трауръ, она припадаетъ къ новорожденному принцу, повѣствуетъ о своей прежней славѣ и проситъ о помощи противъ поработителей. Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе „О восьмомъ соборѣ Фотіевомъ“ [1]) и „О согласіи обѣихъ церквей въ ученіи о чистилищѣ“ [2]). Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на цѣлый рядъ библіографическихъ трудовъ, касающихся отчасти древней греческой литературы, но и преимущественно христіанской и византійской. Любимый пріемъ Алляція заключался въ томъ, что онъ бралъ цѣлый рядъ писателей, носившихъ одно и то же имя (омонимы) и составлялъ объ нихъ изслѣдованіе, которое онъ обыкновенно называлъ діатрибою, размѣщая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, указывая данныя для ихъ біографіи, приводя свидѣтельства объ ихъ трудахъ изъ всевозможныхъ побочныхъ источниковъ, указывая изданія ихъ сочиненій, если таковыя появились въ печати, либо же рукописи, сохранившіяся въ римскихъ библіотекахъ или въ какихъ другихъ, приводя иногда обширныя выписки изъ неизданнаго. Такія изслѣдованія помѣщались Алляціемъ въ видѣ приложенія къ изданіямъ памятниковъ средневѣковой греческой литературы, а также и отдѣльно. При изданіи одного сочиненія Меѳодія Патарскаго приложено было изслѣдованіе о Меѳодіяхъ [3]); при изданіи Похвалы Пселла Симеону Метафрасту — помѣщено было изслѣдованіе о Симеонахъ [4]); от-

[1]) De octava Synodo Photiana. Romae. 1662.

[2]) De utriusque ecclesiae, occidentalis atque orientalis perpetua in dogmate de purgatorio consensione. Romae. 1655.

[3]) S. Methodii Convivium Virginum, graece et latine cum notis et diatriba de Methodiis. Romae. 1655.

[4]) Pselli Encomium in Simeonem Metaphrastem et officium. Symeonis Metaphrastae oratio in lamentationem S. Deiparae et epistolae IX graece ac latine cum diatriba de Simeonibus. Parisiis. 1664.

дѣльно появились изслѣдованія о Пселлахъ) и о Нилахъ [2]); діатриба о Георгіяхъ и сочиненіяхъ ихъ появилась съ приложеніи къ изданію исторіи Георгія Акрополиты, которое было приготовлено Алляціемъ для парижскаго собранія (см. ниже). Не всѣ такіе библіографическіе опыты были изданы тотчасъ послѣ ихъ составленія; нѣкоторые увидѣли свѣтъ только въ настоящемъ столѣтіи. Чрезвычайно важныя діатрибы о Никитахъ, о Филонахъ и о Θеодорахъ — напечатаны въ VI томѣ издававшейся кардиналомъ Маи Библіотекѣ отцовъ церкви [3]); списокъ Θеодоровъ начинается греческимъ художникомъ Θеодоромъ Самосскимъ (съ острова Само), который, между прочимъ, приготовилъ перстень Поликрататиранна, и кончается Θеодоромъ Газою, который печаталъ свои сочиненія у Альдовъ въ Венеціи; всѣхъ Θеодоровъ, имѣвшихъ право войдти въ каталогъ писателей, оказалось 136. Отмѣтимъ еще Σύμμικτα (смѣсь) Алляція, изданіе появившееся въ Кельнѣ въ 1653 году, куда вошли нѣкоторыя статьи, прежде напечатанныя отдѣльно [4]). Оно состоитъ изъ двухъ частей; первая содержитъ, кромѣ четырехъ греческихъ описаній Святой Земли (Фока, Епифаній, Пердикка, Анонимъ) и одного латинскаго (Гегезиппъ), нѣсколько трактатовъ самого Алляція о церковныхъ древностяхъ (de solea veteris ecclesiae, de Liturgia S. Jacobi, de Graecorum communione sub specie unica, de lignis sancti crucis); во второй части напечатаны въ первый разъ слѣдующія византійскія статьи съ переводомъ на латинскій языкъ: Константина Порфиророднаго о Василіѣ Македонянинѣ, Іоанна Каменіаты о раззореніи города Солуни (Excidium urbis Thessalonicae — разумѣется раззореніе въ 904 году сарацинами), Іоанна Анагноста о послѣднемъ раззореніи того же города (турками, въ 1430), его же монодія о томъ же раззореніи, Θеодоры Газы о происхожденіи турокъ, Льва Алляція—о паписсѣ Іоаннѣ и еще нѣкоторыя другія. Алляцій принималъ ревностное участіе въ полномъ изданіи всѣхъ византійскихъ историковъ, которое было предпринято во Франціи; собственнымъ важнымъ вкладомъ Алляція въ эту коллекцію была исторія Георгія Акрополиты въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями; сверхъ того, Алляцій сооб-

[1]) De Psellis et eorum scriptis. Romae. 1633.

[2]) De Nilis. Romae in fol. 1668.

[3]) Patrum novae bibliothecae tomus *sextus*. Romae. 1853.

[4]) *Leonis Allatii* Σύμμικτα sive opuscula graecorum et latinorum vetustiorum ac recentiorum ed. a *Nihusio*. Coloniae Agrippinae. 1653. Другое изданіе: Romae 1668.

щалъ нужныя свѣдѣнія о рукописяхъ и отмѣчалъ разночтенія; онъ занимался и Георгіемъ Амартоломъ, даже приготовилъ латинскій полный переводъ его хроники, сдѣланный съ ватиканскихъ списковъ (что̀ именно и важно), но этотъ переводъ остался не изданнымъ, какъ, впрочемъ, и многое другое изъ трудовъ Алляція, — онъ находится теперь въ Вѣнской придворной (публичной) библіотекѣ. Въ бумагахъ Алляція, хранящихся въ одной изъ римскихъ библіотекъ, хотя онѣ и были разсмотрѣны кардиналомъ Анджело Маи, все еще могутъ отыскаться новыя интересныя вещи; на нихъ при удобномъ случаѣ не мѣшало бы обратить вниманіе тѣмъ молодымъ русскимъ ученымъ, занятія которыхъ соприкасаются съ византійскою исторіей [1]). Болѣе или менѣе полные списки разнообразныхъ трудовъ Алляція по классическимъ и христіанскимъ древностямъ, по церковной исторіи и патрологіи можно найдти у Фабриція-Гарлеса, у Саѳы, у Врето (заглавія этихъ изданій указаны выше). Въ новогреческомъ аѳинскомъ журналѣ Πανδώρα также помѣщались статьи объ Алляціѣ — томы XVIII и XIX (годъ 1868), и здѣсь, въ №№ 433, 437 и дальнѣйшихъ, авторъ ихъ, Родоконаки, сообщилъ библіографическое болѣе, чѣмъ у другихъ, подробное обозрѣніе изданій и сочиненій Алляція. Оно повторено при новомъ изданіи вышеупомянутаго стихотворенія Алляція „Еллада“, вышедшемъ въ Аѳинахъ въ 1872 г. съ разными приложеніями [2]).

---

[1]) *Laemmer*, De L. Allatii codd., qui in bibliotheca Vallicellana asservantur. Friburg, 1864. Этой брошюры мы не имѣли въ рукахъ.

[2]) Λέοντος τοῦ Ἀλλατίου Ἑλλάς. μετὰ λατινικῆς μετάφράσεως ὑπο τῆς Ροδοχαναχίδος Ἐν Ἀθήναις, 1872.

II.

Время Дюканжа.

Занятіе византійцами во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. — Покровители ученыхъ занятій и собиратели греческихъ рукописей.—Людовикъ XIII.— Мазарини, Сегье, Фуке, Кольберъ. — Предшественники Дюканжа: Лаббъ, Фабро, Гоаръ, Комбефизъ, Валуа; изданія Кантакузина, Кедрина и Никиты.— Воззваніе къ ученымъ или протрептиконъ.—Дальнѣйшія изданія: Кодинъ, Дука, Анна Комнина, Георгій Синкеллъ, Θеофанъ, его продолжатели и т. д.; труды Дюканжа: Historia Constantinopolitana. — Словарь средневѣковой латыни и греческій.—Топографія Константинополя и византійскія фамиліи. — Изданія Зонары, Киннама и Пасхальной хроники.

Всего больше было сдѣлано для византійцевъ во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. До сихъ поръ занимались исключительно изданіемъ текстовъ, и притомъ безъ опредѣленнаго плана и общей программы, безсвязно и спорадически, руководясь при этомъ разнообразными побужденіями и цѣлями. Въ Италіи прежде всего обращено было вниманіе на историковъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ ея судьбамъ послѣ паденія Западной Римской имперіи, на Прокопія и Агаѳія Къ этому присоединилось уваженіе, питаемое учеными юристами къ памяти Юстиніана, а затѣмъ и къ византійскимъ остаткамъ и отраженіямъ его законодательства. Въ Германіи у Вольфа и его послѣдователей (Ксиландра и Гешеля) впервые высказался общій интересъ уже прямо къ византійской исторіи съ той точки зрѣнія, какая подсказывалась продолжающимися успѣхами мусульманъ, борьба съ которыми прежде составляла постоянную жизненную задачу разрушенной турками имперіи. Въ Голландіи, такъ много сдѣлавшей для византійцевъ въ лицѣ Вулканія и особенно Меурсія, преобладали, по видимому, стремленія чистой науки, которая тогда почти вполнѣ во-

площалась въ классической филологіи. Какъ скоро вмѣсто гуманизма, господствовавшаго въ первый италіанскій періодъ возрожденія, вступила въ силу научная филологія, то вмѣсто непосредственнаго наслажденія изящными формами древне-греческой литературы и непосредственнаго усвоенія ея содержанія, соединеннаго съ поклоненіемъ и восторгомъ, задачею стало изученіе всего, что̀ могло содѣйствовать познанію этой самой древности, оставившей столь прекрасные образцы мысли и слова, изученіе ея исторіи, ея гражданственности, ея учрежденій и т. д. При новомъ направленіи приходилось гораздо менѣе брезговать византійцами, чѣмъ прежде, тѣмъ болѣе, что направленіе это и не искало одного удовлетворенія чувствамъ изящнаго и высокаго. При первомъ серьезномъ опытѣ возстановить простой, но точный хронологическій остовъ событій древней исторіи, предпринятомъ Скалигеромъ, оказалась необходимость изучать Кедрина, Синкелла, Пасхальную хронику. Традиція, принесенная въ Лейденъ знаменитымъ французомъ, продолжала держаться въ Голландіи и вызвала труды надъ сочиненіями Константина Багрянороднаго и прочими авторами. Не нужно также забывать могущественнаго вліянія религіозныхъ и церковныхъ интересовъ. Первоначальную исторію своей церкви и католики должны были изучать въ произведеніяхъ греческихъ писателей; со времени Флорентійской уніи, и затѣмъ послѣдующей Брестской уніи, у поборниковъ папскаго главенства, преимущественно у тѣхъ, которые выходили изъ греческой православной среды, являлась потребность съ этой точки зрѣнія разъяснять себѣ и своимъ соплеменникамъ весь ходъ предыдущей исторіи Востока. Іезуиты, которые взяли въ свои руки дѣло уніи и сдѣлались главными носителями универсальныхъ римскихъ тенденцій, также руководились не однимъ отвлеченнымъ ученымъ одушевленіемъ въ дѣлѣ занятія византійскою литературою... Почти всѣ означенные мотивы имѣли силу и для Франціи XVII вѣка. Легко указать политическіе и церковные интересы, съ которыми соединено было неслыханное усердіе къ обнародованію памятниковъ византійской исторіи въ католической Франціи. Но конечно, гораздо важнѣе того общій уровень умственнаго и научнаго развитія, котораго достигли руководящіе общественные слои Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. Возможно, что въ извѣстной странѣ очень ясно будутъ сознаваться побужденія къ занятію прошлыми судьбами другой, но, хотя бы дѣло шло о единовѣрной и отчасти единоплеменной странѣ, за недостаткомъ собственныхъ ученыхъ силъ, все будетъ оставаться

втунѣ. Не въ такомъ, конечно, положеніи было дѣло во Франціи въ тотъ вѣкъ, когда ея національная литература становилась классическою для всей Европы, когда короли, министры, епископы и частныя лица соперничали въ уваженіи къ учености, въ заботахъ объ основаніи библіотекъ и собираніи рукописей: значительная часть этихъ заботъ доставалась на долю всего греческаго, именно греческихъ рукописей, а въ нихъ наиболѣе значительный процентъ всегда составляли произведенія византійскаго періода.

О Людовикѣ XIII извѣстно, что онъ въ юности (съ 1612 г.) изучалъ греческій языкъ и успѣлъ въ немъ на столько, что самъ могъ перевести на французскій извѣстныя наставленія діакона Агапита Юстиніану [1]). Кардиналъ Мазарини, не будучи природнымъ французомъ, не могъ питать такого живого участія къ развивающейся національной французской литературѣ и языку, какимъ былъ проникнутъ Ришелье, но за то онъ принималъ близко къ сердцу интересы общей учености; онъ былъ большимъ любителемъ книгъ и собирателемъ рукописей. Когда во время Фронды его библіотека, вывезенная еще изъ Италіи, была разрушена и расхищена, то послѣ возвращенія къ власти онъ не щадилъ ни заботъ, ни денегъ для ея возстановленія. Его библіотекарь долженъ былъ всегда выставлять новыя пріобрѣтенія на особомъ столѣ въ комнатѣ, чрезъ которую кардиналъ проходилъ на аудіенціи и возвращался отъ нихъ, дабы онъ могъ найдти свободную минуту обозрѣть пріобрѣтенное, и онъ особенно бывалъ доволенъ, когда въ новомъ признавалъ старое достояніе своего прежняго книгохранилища. Когда послѣ смерти Мазарини устроена была Кольберомъ извѣстная въ исторіи просвѣщенія сдѣлка, по которой рукописи Мазариніевой библіотеки, сдѣлавшейся публичною и отданной въ завѣдываніе Коллегіи четырехъ націй (имъ же основанной), поступили въ королевскую библіотеку въ обмѣнъ за книги, то оказалось, что вслѣдствіе того королевская библіотека обогатилась собраніемъ въ 2156 манускриптовъ, и въ томъ числѣ было 229 греческихъ кодексовъ, отчасти весьма цѣнныхъ, такъ какъ для кардинала нѣкогда была пріобрѣтена главная часть коллекціи знаменитаго Пейреска, о которомъ у насъ была рѣчь выше [2]).

---

[1]) *Egger*, L' Hellénisme en France II, 46.

[2]) О библіотекѣ и рукописяхъ Мазарини см. *Delisle*, Cabinet des manuscrits, I, 280 и сл.

Современникъ Мазарини, возвысившійся при Ришелье и пережившій обоихъ, образованный и ученый канцлеръ Сегье (Séguier) точно также основалъ богатое частное книгохранилище, которое особенно славилось своими манускриптами [1]). Сегье болѣе всего цѣнилъ греческія рукописи. Онъ ихъ получалъ отчасти путемъ переписки или копированія, чѣмъ занимался по его порученіямъ какой-то Беллерофонъ. Но канцлеръ понялъ, что для пріобрѣтенія дѣйствительно цѣнныхъ греческихъ манускриптовъ, которые не имѣли бы себѣ равныхъ во Франціи, Италіи и Испаніи, слѣдовало найдти доступъ въ греческіе монастыри, библіотеки которыхъ почти не были тронуты путешественниками. Агенты, чрезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, были въ такомъ положеніи, что черпали, можно сказать, полными руками въ сокровищахъ горы Аѳона, богатствъ которой до тѣхъ поръ и не подозрѣвали во Франціи. Половина греческихъ манускриптовъ, пріобрѣтенныхъ для библіотеки Сегье, ведетъ свое происхожденіе изъ монастырей аѳонскихъ. Главнымъ орудіемъ канцлера въ этомъ случаѣ былъ одинъ греческій священникъ, Аѳанасій Риторъ, прибывшій за чѣмъ-то во Францію и затѣмъ въ 1642 году воротившійся въ Турцію: онъ, очевидно, умѣлъ ладить съ калугерами Аѳонской горы [2]); за нимъ наблюдалъ и уплачивалъ деньги французскій посолъ въ Константинополѣ La Haye. Впрочемъ были и другіе пути: объ ученыхъ вкусахъ могущественнаго канцлера и его пристрастіи къ рѣдкимъ рукописямъ знали французскіе купцы, торговавшіе съ Левантомъ, даже основавшіеся въ Абиссиніи. Марсельскій купецъ извѣщаетъ Сегье, что онъ далъ порученіе своему фактору въ Египтѣ во что бы то ни стало отыскать творенія св. Ефрема (saint Ufrene) и добыть каталогъ рукописей монастыря св. Макарія; приходили также письма изъ Каира съ обѣщаніемъ присылки греческихъ книгъ и т. п. Дальнѣйшая судьба библіотеки и рукописей Сегье извѣстна; все досталось по наслѣдству внуку его, герцогу Коалену (Henri-Charles de Cambout de Coislin), епископу Мецскому. По его порученію, греческія рукописи библіотеки были опи-

---

[1]) *Delisle*, Cabinet des manuscrits, II, 84. *Kerviler*, Le Chancelier Pierre Séguier. Paris. 1875. У послѣдняго отрывки изъ корреспонденціи Сегье, относящейся къ пріобрѣтенію рукописей, приводятся частію въ текстѣ (pagg. 166—175), частію въ приложеніяхъ (pagg. 662, 664).

[2]) Les manuscrits grecs achetés de *caloyers* du Mont Athos; говорится въ описаніи галлереи для рукописей канцлера: *Delisle* II, 88.

саны знаменитымъ Монфокономъ (Montfaucon), и въ 1715 году каталогъ ихъ явился въ печати въ видѣ большого тома in fol. подъ извѣстнымъ заглавіемъ: Bibliotheca Coisliniana et cet. Коаленъ завѣщалъ драгоцѣнное наслѣдство бенедиктинцамъ Сенъ-Жерменскаго аббатства; во время революціи, въ 1795 и 1796 гг., вмѣстѣ съ другими учеными сокровищами закрытаго Сенъ-Жерменскаго монастыря, греческія рукописи перенесены были въ Національную библіотеку, бывшую королевскую. Онѣ нисколько не пострадали отъ грабежа, которымъ подверглись наиболѣе драгоцѣнныя собственно французскія коллекціи, часть которыхъ досталась секретарю русскаго посольства Дубровскому, а отъ него—Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Извѣстный въ исторіи Людовика XIV сюринтендантъ финансовъ Фуке (Foucquet), слѣдуя модѣ времени, тоже устроилъ въ своемъ замкѣ великолѣпную библіотеку, состоявшую изъ 30,000 томовъ, въ томъ числѣ 1050 манускриптовъ. Послѣ опалы, его постигшей, библіотека Фуке была конфискована на покрытіе начетовъ казны и распродавалась по самой низкой оцѣнкѣ; между тѣмъ нѣкоторыя рукописи ея имѣли очень благородное происхожденіе и принадлежали прежде Шарлю Моншалю (Montchal), архіепископу Тулузскому, библіотека котораго очень высоко цѣнилась за свои драгоцѣнные греческіе манускрипты; нѣкогда они (то-есть, греческіе манускрипты) привлекали вниманіе королевы Христины, конкуррировавшей съ Фуке, а теперь они достались Летелье (Letellier), архіепископу Реймскому († 1710), а отъ него перешли въ королевскую библіотеку.

Преемникъ Фуке по управленію финансами, знаменитый Кольберъ, завѣдывавшій также и королевскою библіотекою, держался такого взгляда, что Франція должна пользоваться всякимъ случаемъ для умноженія своихъ ученыхъ сокровищъ и пріобрѣтенія рукописей за границею. Онъ обращалъ на это вниманіе дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ и въ то же время давалъ спеціальныя порученія ученымъ путешественникамъ. Такъ, въ 1667 году путешественники по Леванту, de Monceaux и Laisné, получили наказъ пріобрѣтать греческія и восточныя рукописи. Именно по этому случаю составлена была любопытная инструкція, въ которой рекомендовали обращаться къ калуерамъ и другимъ монахамъ греческимъ [1]), а также къ

[1]) Les caloyers et autres moynes grecs: *Delisle*, Cabinet des manuscrits, I, 275.

маронитамъ горы Ливана; тогда же или нѣсколько позже Котелье (Cotelier, Jean Baptiste), занимавшійся по порученію Кольбера пересмотромъ каталога греческихъ рукописей королевской библіотеки и получившій за это въ награду каѳедру греческаго языка въ королевской коллегіи, составилъ замѣтки о манускриптахъ греческихъ, въ которыхъ опредѣлялась ихъ цѣнность соотвѣтственно съ содержаніемъ и древностью письма, кратко указывались признаки, по которымъ можно различить древнее письмо отъ новаго и т. д. [1]). Монсò принялъ къ сердцу данныя ему внушенія и хорошо исполнилъ порученіе: онъ прислалъ 62 греческихъ кодекса древняго письма и хорошаго качества. Большія надежды, которыя возлагались на посольство Нуантеля (Nointel) въ Константинополь, не были вполнѣ оправданы, хотя посла сопровождалъ ученый оріенталистъ, Галландъ, оставившій журналъ своего тамъ пребыванія, недавно обнародованный [2]).

Кольберъ имѣлъ и собственную библіотеку, которая уже съ 1662 г. пользовалась извѣстностью и сначала обогащалась преимущественно собраніемъ документовъ по французской исторіи, подъ руководствомъ первыхъ ея библіотекарей Каркави и знаменитаго Балюза (Baluze). Но Кольберъ желалъ имѣть у себя тоже и греческія рукописи; когда онѣ получались, онъ пересматривалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ его письмахъ къ Балюзу встрѣчаются такого рода замѣтки: „Въ будущую середу я очень радъ буду ознакомиться съ только что пришедшими греческими манускриптами“ и т. д. [3]). Ихъ присылали консулы Леванта; такъ одинъ изъ нихъ (Sauvar) прислалъ въ 1673 году 16 манускриптовъ съ острова Кипра, а послѣ заразъ 50 нумеровъ. Посольство въ Константинополѣ тоже получало запросы и порученія. Разыскивались всякаго рода рукописныя сокровища и въ самой Франціи, въ провинціальныхъ городахъ, въ старинныхъ

---

[1]) Ibid. pag. 276. 277. Для примѣра приводимъ три параграфа:

13. Il ne faut point laisser échapper aucun livre historique, ni aucun livre de loix civiles ou ecclésiastiques, c'est à dire canons.

14. Les livres de prières et d'office ecclésiastique sont le plus méprisables, s'ils ne sont fort anciens.

20. Dans le doute, il vaut mieux acheter que laisser: un livre rare en paye cinquante méchants.

[2]) Journal d'Antoine Galland pendant son séjour à l'ambassade de France à Constantinople, publ. par *Scheffer*.

[3]) *Delisle*, Cabinet des manuscrits I, 449.

монастыряхъ, и такимъ путемъ пріобрѣтались иногда интересныя греческія находки, въ родѣ подлиннаго акта Флорентійской уніи, привезеннаго изъ Фландріи [1]). Пріобрѣтеніе путемъ покупки бывшей библіотеки историка и канцлера де Ту (Jacques Auguste de Thou), которая имѣла европейскую извѣстность и заключала въ себѣ 1000 манускриптовъ, а также рукописей Пьера Питу (Pithou), поставило книгохранилище Кольбера на самое видное мѣсто. Всѣ рукописи, его украшавшія, при наслѣдникахъ великаго министра въ 1732 году были куплены королемъ Людовикомъ XV для королевской библіотеки. Значительныя заслуги въ дѣлѣ обогащенія ея книгами и рукописями и устройства оказаны были двумя братьями Дюпюи (Pierre и Jacques Dupuis); они первоначально управляли богатою библіотекою президента де Ту; потомъ были преемниками Николая Риго (Rigault) въ званіи книгохранителей (Garde de librairie) королевской библіотеки, получивъ это назначеніе въ 1645 году. Но и ранѣе того они принимали живое участіе въ дѣлахъ королевской библіотеки; ихъ стараніями достались ей (въ 1621 году) рукописи бывшаго посла въ Константинополѣ при Карлѣ IX, Гюрò (Jean Hurault), въ числѣ которыхъ было до ста греческихъ манускриптовъ. Сами братья, отличавшіеся наслѣдственною въ ихъ фамиліи любовью къ просвѣщенію и большою ученостью, составили собственное богатое собраніе книгъ и рукописей, начало которому было положено ихъ отцомъ: по общему соглашенію тотъ изъ братьевъ, который пережилъ другаго, отказалъ по завѣщанію это дорогое наслѣдство королевской библіотекѣ, дабы обезпечить его цѣльность и предотвратить всякое раздробленіе. Когда намъ встрѣтится указаніе на codex Puteanus по поводу изданія того или другаго источника, то при этомъ нужно вспоминать о братьяхъ Дюпюи, которые по ученому именовались Puteani. Нужно прибавить, что завѣдывая королевскою библіотекою и стоя весьма близко ко всѣмъ ученымъ интересамъ времени, братья (особенно второй, Жакъ) вели обширную корреспонденцію, часть которой, какъ увидимъ ниже, прямо касалась византійскихъ занятій. Королевская библіотека въ Парижѣ уже и тогда богатствомъ греческихъ рукописей не уступала никакой другой, кромѣ Ватиканской. Тѣмъ не менѣе, когда заходила рѣчь объ изданіи того или другаго греческаго автора, то не всегда можно было довольствоваться рукописями парижскими; всего естественнѣе было обращаться въ

[1]) *Delisle*, I, 467.

Римъ, къ сокровищамъ Ватикана, умноженнымъ недавно пріобрѣтеніемъ Палатинской библіотеки. Въ данную эпоху существовали весьма оживленныя сношенія между парижскими учеными кружками и римскими—особенно чрезъ посредство кардинала Барберини и филолога Голстена (Holsten, Holstenius), съ одной стороны, канцлера Сегье и братьевъ Дюпюи — съ другой. Кардиналъ Барберини (Франческо, 1597—1679), племянникъ папы Урбана VIII, библіотекарь Ватикана, получившій при своемъ дядѣ княжеское положеніе, послѣ его смерти долженъ былъ искать убѣжища во Франціи и покровительства у Мазарини; благодаря послѣднему, онъ дѣйствительно воротился въ Италію и примирился съ Римскимъ дворомъ новаго папы. Будучи знакомъ съ древними и восточными языками, самъ обладая богатою библіотекою, Барберини продолжалъ быть до своей смерти покровителемъ ученыхъ; въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ Голстенъ, родомъ нѣмецъ изъ Гамбурга, но давно оставившій родину; во Франціи онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и успѣлъ завести ученыя связи (1624 — 1627), принялъ католичество, а затѣмъ переселился въ Римъ, гдѣ получилъ мѣсто библіотекаря въ Барберинской библіотекѣ (1636), а впослѣдствіи должность и званіе custos въ ватиканской (при Иннокентіѣ X). Онъ именно былъ наиболѣе усерднымъ корреспондентомъ братьевъ Дюпюи, исполнителемъ различныхъ запросовъ отъ Парижской библіотеки къ Ватиканской и Барберинской.—Обращаемся къ прерванному изложенію.

Послѣ смерти Кольбера королевская библіотека поступила въ завѣдываніе министра Лувуа, который передалъ ее своему сыну, Камиллу Летелье, извѣстному больше подъ именемъ аббата Лувуа, съ дѣтства обнаружившему большую склонность къ научнымъ занятіямъ. Въ его управленіе продолжались поиски на Востокѣ съ цѣлью пріобрѣтенія новыхъ греческихъ рукописей. Преемникъ Нуантеля въ Константинополѣ, Жирарденъ, вслѣдствіе распространенныхъ путешественниками слуховъ о необычайномъ богатствѣ рукописями султанской библіотеки въ сералѣ, будто бы сохранившей сокровища, наслѣдованныя отъ Византійскихъ императоровъ, производилъ тамъ тщательныя разслѣдованія, и результаты оказались очень скудными, хотя баснословные разказы о греческихъ рукописяхъ сераля не умолкали даже до настоящаго времени [1]). Изъ дальнѣйшихъ прира-

[1]) *Delisle*, Cabinet des manuscrits I, 296. Вопросу о греческихъ рукописяхъ библіотеки сераля посвящено спеціальное изслѣдованіе Ферстера: *Foerster*, De antiquitatibus et libris manuscriptis constantinopolitanis commentatio. Rostochii. 1877.

щеній греческаго фонда въ королевской библіотекѣ, кромѣ пожертвованія архіепископа Летелье въ 1700 г., должно быть отмѣчено пріобрѣтеніе остатковъ библіотеки Биго (Bigot), собранной трудами названной ученой служилой фамиліи въ продолженіе столѣтія; это совершилось въ 1706 году и послужило къ умноженію греческихъ рукописей, которыми, впрочемъ, уже ранѣе пользовались ученые, въ числѣ ихъ Дюканжъ, благодаря особенной прославленной обязательности Емерика Биго [1]).

По старой традиціи даже при Людовикѣ XV продолжали заботиться о пріобрѣтеніи восточныхъ и греческихъ манускриптовъ. Въ этомъ отношеніи выдается миссія Фурмона и Севена (Fourmont, Sevin) въ 1727—1730 годахъ: первый занимался по преимуществу монетами и медалями, второй—рукописями. Въ отчетѣ о дѣятельности Севена весьма много любопытнаго [2]): опять шла рѣчь о библіотекѣ Византійскихъ императоровъ въ сералѣ, при чемъ были сообщены положительныя данныя —объ ея несуществованіи; болѣе плодотворны были старанія пріобрѣсть расположеніе патріарховъ Цареградскаго и Іерусалимскаго: благодаря этому, получена была возможность посѣтить греческія монастыри въ окрестностяхъ Константинополя—и не безплодно, такъ какъ тамъ отысканы были нѣкоторыя не изданныя слова Златоуста, романъ объ Іосафатѣ и Варлаамѣ и т. п.; свои сношенія и связи аббатъ Севенъ умѣлъ распространить на весь христіанскій востокъ—до Арменіи и Ечміадзина и даже помышлялъ о книжныхъ сокровищахъ, хранившихся въ Бухарѣ со времени Тамерлана. Одно изъ секретныхъ донесеній Севена посвящено было путешествію какого-то попа греческаго (un papas grec) въ Θессалію въ качествѣ агента для покупки книгъ въ монастыряхъ; здѣсь идетъ рѣчь о жалкомъ невѣжествѣ и жадности высшаго греческаго духовенства, что̀, правда, повело къ большимъ утратамъ, къ прямому истребленію драгоцѣнныхъ памятниковъ греческой письменности, но за то отнюдь не мѣшало торговлѣ сохранившимся еще матеріаломъ и продажѣ его чужеземцамъ-иновѣрцамъ.

Въ бесѣдѣ съ французскимъ аббатомъ, пріѣхавшимъ скупать послѣдніе остатки прежнихъ греческихъ и византійскихъ ученыхъ сокровищъ, патріархъ Іерусалимскій, болѣе другихъ греческихъ іерар-

---

[1]) О библіотекѣ Биго: *Delisle*, Cabinet des manuscrits, I, 322 и сл. Тамъ же приведены отрывки изъ переписки Биго.

[2]) Онъ вполнѣ напечатанъ у Делиля, I, 380—385, точно также и другой документъ Севена.

ховъ образованный, высказалъ такую мысль, что если Грецiя обязана своею славою превосходнымъ созданiямъ древнихъ еллиновъ, то за сохраненiе этихъ самыхъ произведенiй она должна считать себя обязанною щедрости королей Французскихъ: они не довольствуются тѣмъ, что ихъ собираютъ, но сдѣлали ихъ безсмертными посредствомъ великолѣпныхъ печатныхъ изданiй [1]). Въ словахъ патрiарха заключается не какой-либо искусный и льстивый оборотъ рѣчи и не простая похвала типографскому станку, а совершенно правильная и знающая оцѣнка дѣятельности одного спецiальнаго учрежденiя, знаменитаго вообще въ исторiи науки, а впрочемъ оказавшаго еще болѣе заслугъ христiанской греческой литературѣ, чѣмъ древне-еллинской. Мы разумѣемъ королевскую типографiю въ Луврѣ и королевскiй или луврскiй шрифтъ, послужившiе между прочимъ извѣстному роскошному изданiю византiйцевъ, какого они никогда больше не удостоивались ни прежде, ни послѣ. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ учрежденiи тѣмъ болѣе, что не только внѣшнее исполненiе, но самая мысль полнаго изданiя византiйцевъ тѣсно связана съ его существованiемъ. Прежде всего нужно припомнить нѣсколько фактовъ изъ исторiи греческаго шрифта, отлитаго при королѣ Францискѣ I и послужившаго изданiямъ первыхъ Етьенней.

Робертъ Етьеннъ при удаленiи въ Женеву взялъ съ собою матрицы этихъ шрифтовъ, а сынъ его Генрихъ II Етьеннъ, извѣстный превратностями своей жизни, вынужденъ былъ ихъ заложить въ обезпеченiе сдѣланнаго займа. Такъ какъ долгъ остался непокрытымъ, то послѣ его смерти, по рѣшенiю женевскаго сената, на этотъ залогъ наложено было запрещенiе. Такое рѣшенiе, какъ извѣстно, очень огорчило Казобона, такъ какъ оно лишало всякаго наслѣдства его жену, дочь Етьенна. При Людовикѣ XIII рѣшено было ради чести Францiи снова воротить на родину матрицы, уплативъ долги Етьенна; сперва это дѣло замедлилось вслѣдствiе разнаго рода опасенiй и затрудненiй; но въ 1619 году духовенство Францiи, въ виду предположеннаго изданiя отцевъ церкви и авторовъ греческихъ, просило короля, чтобы матрицы были окончательно выкуплены и возвращены во Францiю. По рѣшенiю королевскаго совѣта отпущено было для этой цѣли 3,000 ливровъ изъ суммъ церковныхъ, поступившихъ въ королевскую казну; Полю Етьенну, сыну умершаго Генриха, поручено было доставить въ Парижъ старое французское достоянiе; оно оставалось еще

[1]) *Delisle*, Cabinet des manuscrits, I, 382.

нѣкоторое время въ распоряженіи его сына, обратившагося въ католичество. Со времени возвращенія во Францію les grecs du roi-греческіе королевскіе шрифты, опять появились въ разнаго рода изящныхъ ученыхъ изданіяхъ. Прежде всего они послужили новому изданію (четвертому) Парижской Библіотеки свв. отцевъ (Bibliotheca sanctorum Patrum) Биня (Margerin de la Bigne), въ первый разъ вышедшей въ 1575 году и теперь умноженной двумя добавочными греко-латинскими томами (Auctaria graeco-latina), то-есть, посвященными исключительно греческимъ отцамъ помимо латинскихъ, но съ переводомъ на латинскій языкъ [1]). Эти дополненія вышли въ свѣтъ въ 1624 году, когда еще королевскій греческій шрифтъ продолжалъ оставаться достояніемъ частныхъ типографій. Основаніе королевской типографіи не имѣетъ точной хронологической даты. Еще въ 1620 году король Людовикъ XIII устроилъ у себя въ луврскомъ дворцѣ маленькую книгопечатную мастерскую; но это было личное дѣло короля. Возвращеніе греческихъ матрицъ Франциска I и пріобрѣтеніе восточныхъ (арабскихъ) шрифтовъ въ 1632 году дали новое возбужденіе умамъ, и кардиналъ-министръ (Ришелье) рѣшился основать королевскую или государственную типографію, чтобъ издавать для публики произведенія хорошихъ писателей достойнымъ ихъ образомъ [2]). Съ 1640 года типографія несомнѣнно существуетъ; высшее управленіе надъ нею было сначала поручено Де-Нойе (Sublet seigneur des Noyers marquis de Dangu), суперинтенданту и генеральному распорядителю построекъ и мануфактуръ короля, извѣстному участіемъ въ основаніи академіи художествъ.

Первымъ греческимъ изданіемъ типографіи была Королевская коллекція соборныхъ актовъ въ 37-ми томахъ, которые всѣ помѣчены 1644 годомъ, хотя, конечно, не могли быть отпечатаны въ одинъ годъ; выставленъ былъ годъ выхода въ свѣтъ [3]). Королевская коллекція соборовъ представила прекрасный образецъ для всѣхъ послѣ-

---

[1]) *Aug. Bernard,* Histoire de l'imprimerie royale du Louvre (Paris, 1867). Оглавленіе двухъ греческихъ томовъ Парижской библіотеки отцевъ. См. въ старомъ изданіи *Иттига* (Ittigius) De Bibliothecis et catenis Patrum (Lipsiae, 1707) pag. 92—97.

[2]) Donner au public les ouvrages des bons auteurs en caractères dignes de leurs travaux.

[3]) Conciliorum omnium generalium et provincialium collectio regia. 37 vol. Ср. *A. Bernard* op. c. pag. 71. Это изданіе соборовъ находится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

дующихъ подобныхъ собраній и въ сущности послужила для нихъ основаніемъ относительно внутренняго содержанія и распредѣленія матеріала. Особенно выдаются своимъ внѣшнимъ изящнымъ видомъ греческіе отдѣлы сборника, отпечатанные крупными королевскими или, какъ теперь стали говорить, луврскими типами (typis regiis, typis Luparaeis). Принято было за правило издавать не одни только соборные акты въ собственномъ смыслѣ, то-есть, протоколы засѣданій соборныхъ, но и всѣ относящіеся къ предмету историческіе документы, объясняющіе поводъ и цѣль собора, способъ его собранія, отношеніе къ возбужденному вопросу заинтересованныхъ сторонъ, папскаго престола, знаменитыхъ современныхъ іерарховъ и т. п.; напримѣръ, по поводу собора на Фотія (869 г.) напечатано (въ XXIII-мъ томѣ) въ подлинникѣ и переводѣ все житіе патріарха Игнатія, принадлежащее Никитѣ Пафлагонскому, и всѣ сколько-нибудь касающіяся дѣла письма папы Іоанна VIII. Такимъ образомъ луврское изданіе соборовъ, а затѣмъ и дальнѣйшія его переработки, Лабба, Гардуена и особенно Манси (Mansi), должны считаться въ числѣ важнѣйшихъ пособій для изученія средневѣковой исторіи вообще, и въ частности византійской. Еще первыя изданія королевской типографіи встрѣчены были всеобщимъ вездѣ одобреніемъ; Константинопольскій патріархъ еще ранѣе Іерусалимскаго призналъ ихъ важность и поздравилъ Де Нойе очень лестнымъ письмомъ.

Непосредственно за изданіемъ сборника соборовъ приступлено было къ печатанію византійскихъ историковъ. Здѣсь мы должны послѣ учрежденій, сдѣлавшихъ возможнымъ предпріятіе, ближе познакомиться съ лицами, которыя его двигали. Въ первомъ періодѣ главную роль играли три лица: Ф. Лаббъ, Гоаръ и Фабро.

Филиппъ Лаббъ (Labbe, 1607—1667) считался расположенными къ нему современниками однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей Франціи и ставился на ряду съ Петавіемъ (Petau), съ которымъ онъ принадлежалъ къ одному и тому же ордену, то-есть, къ іезуитскому. Какъ и другіе его собратья, прославившіеся ученою дѣятельностью, Лаббъ сначала былъ преподавателемъ различныхъ наукъ — риторики, философіи и богословія — въ разныхъ орденскихъ коллегіяхъ (въ Буржѣ на родинѣ, послѣ въ Парижѣ), но затѣмъ получилъ позволеніе отдаться вполнѣ своимъ ученымъ влеченіямъ и осуществленію обширныхъ, тоже ученыхъ проектовъ, которые его занимали. Первые труды Лабба относились къ древней географіи и французской археологіи; и впослѣдствіи онъ обращался къ вопросамъ этого рода, вообще писалъ спе-

ціальныя изслѣдованія, составлялъ каталоги библіотекъ и рукописей; въ то же самое время онъ успѣлъ если не прославиться, то пріобрѣсть себѣ болѣе широкую извѣстность своею полемикою противъ Портъ-Рояля и въ частности противъ дидактическихъ пріемовъ преподаванія греческаго языка въ школахъ этой общины [1]). Такъ какъ просвѣщенные и образованные люди болѣе стояли, конечно, на сторонѣ Паскаля и его товарищей, то въ послѣдующихъ литературныхъ отзывахъ о дѣятельности Лабба встрѣчаются признаки нѣсколько ироническаго и недоброжелательнаго къ нему отношенія. Несомнѣнно, что Ф. Лаббъ отличался духомъ предпріимчивости и почина; онъ не только самъ любилъ работать, но и другихъ побуждалъ работать, составляя разнаго рода компиляціи и сборники, пускалъ въ оборотъ чужія работы, переиздавалъ прежде изданное въ новомъ улучшенномъ видѣ. За это называли его плагіаторомъ и отчасти пиратомъ, прибавляя снисходительную оговорку, что такіе люди также нужны въ ученой республикѣ, какъ и на морѣ [2]). Подобные отзывы уже потому нельзя считать вполнѣ справедливыми, что Лаббъ никогда не выдавалъ чужаго за свое и не отнималъ насильно у ближнихъ ихъ достоянія. Во всякомъ случаѣ Лаббъ отличался необычайнымъ трудолюбіемъ и неутомимою дѣятельностью, о чемъ уже достаточно свидѣтельствуетъ безконечный списокъ обнародованныхъ имъ изданій (у Нисерона); несомнѣнно, что самъ онъ обладалъ громадною эрудиціей въ различныхъ областяхъ знанія; никакъ нельзя отрицать и большихъ его заслугъ исторической наукѣ. Изъ числа ученыхъ его предпріятій здѣсь нужно упомянуть о многотомномъ изданіи Соборныхъ дѣяній [3]), котораго онъ не успѣлъ докончить при своей жизни, впрочемъ, уже напечатавъ восемь первыхъ томовъ и двѣнадцатый; остальное было довершено собратомъ его по ордену Коссаромъ (Cossart). Изданіе это не было, конечно, самостоятельнымъ, а составлено по королевскому собранію, о кото-

[1]) *Saint-Beuve*, Histoire du Port-Royal, III, 438, 439.

[2]) On a vu un grand nombre des ouvrages, je ne dirai pas tout-à-fait de lui, mais de toutes sortes de personnes sous son nom. Les autres enfantaient et lui comme parain nommoit l'enfant et lui donnoit un begain et des langes. Aussi, a-t-il-été accusé d'être un peu pirate, mais il faut de ces gens dans la république des lettres, aussi bien que sur mer. *Niceron*, Mémoires, XXV, 12. Ср. *Saint-Beuve*, l. c. Le père Labbe mettait en circulation le bien des riches, et il était utile en ce sens là à la république des lettres. Иное о немъ сужденіе со стороны его собратьевъ: *Sotwel*, Scriptores societatis Jesu.

[3]) Concilia ad regiam editionem exacta cum duobus apparatibus. Paris. 1671—1672.

ромъ мы говорили выше; только нѣкоторыя дополненія и новыя примѣчанія принадлежатъ Лаббу. За то въ свою очередь коллекція Лабба послужила основаніемъ для подобныхъ же изданій Гардуена и Манси: послѣднее пользуется наибольшимъ уваженіемъ по своей полнотѣ [1]). Въ 1648 году отъ имени Лабба появилось знаменитое воззваніе къ ученымъ объ изданіи византійскихъ писателей, составляющее, можно сказать, эпоху въ исторіи интересующихъ насъ занятій. Объ этомъ документѣ рѣчь будетъ далѣе; теперь замѣтимъ только, что участіе самого Лабба въ грандіозномъ предпріятіи на дѣлѣ выразилось вовсе не столь обширными размѣрами, какъ предполагалось сначала. Все-таки его имя носитъ Лѣтопись Михаила Глики и Notitia utriusque imperii, вошедшія въ составъ Парижской коллекціи византійскихъ историковъ.

Жакъ Гоаръ (Goar, 1601—1653) не принадлежалъ къ ордену Іисуса, а былъ доминиканецъ, что̀ не лишено значенія въ виду выше отмѣченнаго ученаго преобладанія іезуитовъ; въ молодости онъ преподавалъ философію и теологію въ учебныхъ заведеніяхъ своего ордена, особенно прилежно изучалъ греческій языкъ; эти занятія возбудили въ немъ желаніе посѣтить Востокъ, гдѣ онъ надѣялся найдти много рукописей, доселѣ неизвѣстныхъ. Восемь лѣтъ Гоаръ прожилъ на островѣ Хіо, родинѣ Алляція, и былъ тамъ сдѣланъ настоятелемъ (аббатомъ) одного католическаго монастыря; не изданныхъ рукописей онъ отыскалъ гораздо менѣе, чѣмъ ожидалъ, хотя и есть извѣстія объ ихъ многочисленности [2]); за то онъ близко ознакомился съ новогреческимъ говоромъ, съ обрядами и практикою греческой православной церкви, съ народными повѣрьями и обычаями. Возвратившись черезъ Италію и городъ Римъ на родину (въ 1644 г.), Гоаръ сталъ готовить къ изданію свой извѣстный греческій Евхологіонъ (молитвенникъ или требникъ), который и появился въ 1647 году [3]). Многія статьи въ этомъ изданіи имѣютъ прямой интересъ для историка, какъ, напримѣръ, молитвы при заключеніи названнаго братства или побратимства — обычай, нѣкогда распростра-

---

[1]) Conciliarum amplissima collectio. Florentiae, 1759. 31 vol. Недавно объявлено было о подпискѣ на новое изданіе.

[2]) *Delisle*, Cabinet des manuscrits, II, 245.

[3]) *Euchologium* sive Rituale *Graecorum*, complectens ritus et ordines divinae liturgia, officiorum sacramentorum, consecrationum, benedictionum, funerum, orationum—juxta usum orientalis ecclesiae.... Paris. 1647. Болѣе доступно венеціанское изданіе 1740 года.

ненный не только у славянъ, но и у грековъ; молитвы при вѣнчаніи на царство или же при возведеніи въ другой, не столь высокій санъ (куропалата, патриція) и т. д. Гоаръ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Алляціемъ, а послѣ былъ въ сношеніяхъ съ Дюканжемъ; при помощи перваго онъ могъ воспользоваться для своего изданія манускриптами Ватиканской библіотеки. Какъ увидимъ ниже, Гоаръ былъ весьма усерднымъ сотрудникомъ при изданіи византійцевъ Парижской коллекціи. Послѣ смерти Гоара его мѣсто въ числѣ сотрудниковъ Византины занялъ другой его собратъ по ордену, Комбефизъ (Combefis, Francois, 1605—1679). Комбефизъ уже · двадцати лѣтъ поступилъ въ доминиканцы у себя на родинѣ, въ городѣ Бордо, гдѣ потомъ оставался около десяти лѣтъ преподавателемъ философіи и теологіи; въ 1640 году онъ переселился въ Парижъ и былъ проповѣдникомъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Будучи знатокомъ греческаго языка, онъ поставилъ своею задачей возстановленіе и обнародованіе подлиннаго текста греческихъ отцевъ церкви и посвятилъ этому дѣлу болѣе 50 лѣтъ; французское духовенство назначило ему ежегодную пенсію въ 1000 ливровъ именно въ виду такихъ его занятій. Комбефизу принадлежитъ большое количество изданій и переводовъ, относящихся преимущественно къ греческой патрологіи, но нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ матеріалъ, прямо интересующій историка. Въ 1644 году онъ издалъ въ подлинникѣ и переводѣ творенія Амфилохія, Меѳодія и Андрея Критскаго. Въ 1648 году вышли его два новыхъ дополнительныхъ тома къ вышеупомянутой греко-латинской Парижской коллекціи отцевъ церкви, Novum Auctarium [1]); особенно важенъ для насъ второй томъ, названный историческимъ и догматическимъ; въ началѣ его находится исторія моноѳелитовъ и шестаго вселенскаго на нихъ собора съ разными сюда же относящимися документами, а затѣмъ не мало отдѣльныхъ статей, содержащихъ либо житія святыхъ, какъ Николая Студита и Луки Елладскаго, которыя здѣсь являлись въ первый разъ, либо сказанія объ иконахъ и чудесахъ, какъ исторія образа, называемаго Антифонитомъ, или образа въ источникѣ Великой церкви (historia imaginis Salvatoris, quam ἀντιφωνητήν dicunt, de imagine Salvatoris in puteo magnae ecclesiae), которыя даже и послѣ не были перепечатываемы. Подобнаго же содержанія и другое изданіе Комбефиза, носящее неудачно придуманное заглавіе: Originum rerumque Constantinopolitanorum ex variis

[1]) Graecolatinae Patrum bibliothecae novum Auctarium, 1648. 2 vol. fol.

autoribus manipulus, 1664 г. Кромѣ анонимнаго писателя о древностяхъ Константинополя (Patria), здѣсь заключались: сказаніе Константина Богрянороднаго объ Едесскомъ изображеніи Христа (о святомъ убрусѣ) и перенесеніи его въ Царьградъ, синодальное посланіе восточныхъ патріарховъ къ императору Ѳеофилу о почитаніи иконъ, житіе св. Ѳеодора начертаннаго (Grapti), патріарха Фотія описаніе церкви—новой базилики и т. под. Въ 1679 году вышло Новѣйшее дополненіе (Auctarium novissimum) къ библіотекѣ греческихъ отцевъ [1])—опять въ двухъ частяхъ, гдѣ слѣдуетъ отмѣтить Никиты Пафлагонскаго похвальныя рѣчи двѣнадцати апостоламъ, оглавленіе рѣчей Фотія, Сказаніе о Никитѣ патриціѣ (Narratio rei gestae Carthagine Niceta Patricio). Комбефизу пронадлежитъ также полное изданіе твореній Василія Великаго. Объ его долѣ участія въ изданіи византійскихъ историковъ рѣчь будетъ ниже. Здѣсь же нужно назвать двухъ свѣтскихъ дѣятелей, не уступающихъ по своимъ заслугамъ для византійской исторіи, ни Гоару, ни кому другому,—мы разумѣемъ Гейнриха Валезія и въ особенности Фабро [2]).

Фабро (Charles Annibal Fabrot, 1580 — 1659) былъ сначала адвокатомъ при парламентѣ въ г. Э (Aix), гдѣ въ числѣ судей находился знаменитый Пейрескъ (Peiresc), усердный и счастливый собиратель, прозванный поставщикомъ ученой республики (le pourvoyeur de la république des lettres), обладатель богатой коллекціи манускриптовъ, надписей и медалей, своею обширною корреспонденціей поддерживавшій вкусъ къ классическимъ занятіямъ не только во Франціи но и внѣ ея границъ [3]). Фабро вступилъ съ нимъ въ дружбу, и благодаря его вліянію, а также совѣтамъ другаго ученаго юриста и судьи, Дювэра (Duvair, Duvarius), обратился къ ученымъ занятіямъ, переселился на нѣкоторое время въ Парижъ, потомъ сдѣлался профессоромъ права въ университетѣ Эсскомъ (Aix). Такъ какъ латинскіе источники римскаго права казались уже достаточно разработанными,

---

[1]) Bibliothecae graecorum Patrum Auctarium novissimum, gr. et lat. 1672. 2 vol. fol.

[2]) О Фабро существуетъ спеціальное сочиненіе *Жиро*: *Giraud*, Notice sur la vie de C. A. Fabrot. Aix. 1834. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не могли отыскать его.

[3]) *Egger*, L'hellénisme en France, II, 68. Корреспонденція Пейреска въ настоящее время издается, но такъ спорадически и въ столь различныхъ и мало доступныхъ спеціальныхъ изданіяхъ, что трудно достать ее: *Tamizey de Larroque*, Les correspondants de Peiresc.

то Фабро обратился къ греческимъ, на которые уже ранѣе обращалъ вниманіе славный юристъ Куяцій или собственно Кюжа (Cujas). Главную заслугу Фабро въ этой области составляетъ изданіе Василикъ, наиболѣе обширнаго законодательнаго памятника византійской эпохи, съ которымъ только отчасти познакомили ученыхъ вышеупомянутые труды Леунклавія, Лаббэ, въ особенности Герве (Hervet) и самого Куяція [1]). Изъ шестидесяти книгъ Василикъ были пока обнародованы девять, но и то въ латинскомъ переводѣ; ни одна не была издана въ греческомъ подлинникѣ. Кюжа, настоящій основатель историческаго и литературнаго изученія римскаго права, очень ясно сознавалъ всю настоятельность ближайшаго знакомства съ византійскими памятниками для критики и возстановленія правильнаго текста въ самомъ Corpus juris Юстиніана. Онъ всю жизнь заботился о разысканіи юридическихъ памятниковъ византійскаго происхожденія; большая часть рукописей, которыя впослѣдствіи послужили къ печатному изданію Василикъ, принадлежали ему. Послѣ смерти Кюжа онѣ пріобрѣтены были президентомъ парламента въ Тулузѣ, Дюфоромъ (Pierre du Faur de Saint-Jorry); изъ одного письма Пейреска, писаннаго въ 1614 г., видно, что уже ранѣе существовалъ проектъ изданія Василикъ на основаніи оныхъ: упомянутый выше нами іезуитъ Фронтон-ле-Дюкъ предложилъ обществу парижскихъ книгопродавцевъ напечатать этотъ памятникъ; но военныя смуты тогдашняго времени и распаденіе ассоціаціи помѣшали осуществленію плана; самъ Пейрескъ былъ озабоченъ дѣломъ, и къ нему обращались ученые юристы (Jacques Godefroi) съ самыми горячими пожеланіями и поощреніями. Фабро не было безызвѣстно желаніе его знаменитаго друга увидѣть возможно полное изданіе Василикъ, и когда онъ по смерти Пейреска (1637 г.) прибылъ въ Парижъ, то сейчасъ же выступилъ на сцену интересовавшій ученую республику важный вопросъ. Отъ канцлера Сегье Фабро получилъ прямое порученіе заняться изданіемъ византійскаго кодекса. Первымъ актомъ обширнаго литературнаго предпріятія было пріобрѣтеніе рукописей Кюжа, остававшихся въ рукахъ наслѣдниковъ Дюфора, уже погибшаго. Издателю предоставлено было пользоваться станкомъ королевской типографіи, король назначилъ ему пенсію въ 2000 ливровъ на все время, пока будетъ продолжаться печатаніе. Вопреки завистливымъ и насмѣшливымъ замѣчаніямъ недоброжелателей, Фабро велъ

[1]) Βασιλικῶν tomi VII. *C. A. Fabrotus* latine vertit et graece edidit. Parisiis. 1647.

дѣло съ величайшею энергіею и быстротою, часто два станка работали заразъ. Дѣло потребовало все-таки шести лѣтъ неустанной работы, такъ какъ, кромѣ установленія текста по рукописямъ, находившимся въ королевской библіотекѣ, по обычаю прилагался латинскій переводъ; притомъ не для всѣхъ книгъ существовало готовое рукописное преданіе; нѣкоторыя приходилось возстановлять ученымъ путемъ при помощи Юстиніанова кодекса, Синопсиса и другихъ пособій. Наконецъ монументальное изданіе явилось въ свѣтъ съ посвященіемъ канцлеру Сегье въ семи томахъ in fol.; оно считается однимъ изъ великихъ литературныхъ событій XVII вѣка [1]); и до появленія, уже въ XIX вѣкѣ, новой обработки трудами нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ, братьевъ Геймбахъ (Heimbach), оно было единственнымъ и незамѣнимымъ [2]). Энергія, съ которою Фабро довелъ до конца принятую на себя задачу, представляется тѣмъ болѣе удивительною, что одновременно съ тѣмъ онъ принималъ ревностное участіе въ трудахъ по изданію византійскихъ историковъ, съ которыми близко ознакомился при своихъ занятіяхъ византійскимъ правомъ. Какъ сейчасъ увидимъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ въ осуществленіи плана, возникшаго при королевской типографіи, можетъ быть, подъ непосредственнымъ личнымъ его вліяніемъ.

Изъ братьевъ, носившихъ имя Валуа или Валезіевъ (Valois, Valesius), очень извѣстное въ исторіи филологіи, для насъ особенно важенъ Анри (Генрихъ) изъ благородной норманнской фамиліи (seigneur d'Orcé), ученикъ іезуитскихъ школъ, Петавія и Сирмонда; по своей профессіи тоже юристъ, какъ и Фабро, онъ прославился изданіемъ фрагментовъ древнихъ греческихъ историковъ со включеніемъ Іоанна Антіохійскаго (VI вѣка по Р. Х.) по рукописи вышеупомянутаго Пейреска, заключавшей въ себѣ одинъ отдѣлъ сборника (Collectanea) Константина Багрянороднаго, именно пятидесятый περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας. Изданіе извѣстно подъ именемъ Excerpta Peirescіana или Valesiana [3]); всѣмъ занимающимся исторіей греческой литературы, всѣмъ, кто имѣлъ въ своихъ рукахъ изданія Поливія,

---

[1]) *Mortreuil*, Histoire du droit Byzantin, II, 241.

[2]) *Heimbach*, Basilicorum libri LX. Leipzig. 1833—1850.

[3]) А также Liber Peirescianus. Изданіе вышло подъ слѣдующимъ титуломъ, который ближе знакомитъ съ его содержаніемъ: Polybii, Diodori Siculi, Nicolai Damasceni, Dionysii Halicarn., Appiani Alexandr., Dionis et Ioannis Antiocheni excerpta ex collectaneis Constantini Aug. Porphyrogeniti. *Henr. Valesius* nunc primum graece edidit, latine vertit notisque illustravit. Paris. 1634.

Аппіана или Діона, хорошо извѣстно, какая значительная часть ихъ сочиненій дошла до насъ именно только этимъ путемъ извлеченій въ позднѣйшихъ компиляціяхъ. Объ ἐκλογαὶ περὶ πρεσβειῶν мы сказали выше, говоря объ изданіи ихъ Гешелемъ, и напоминаемъ, что этотъ послѣдній отдѣлъ (двадцать-седьмой) Константинова сборника содержалъ только отчасти тѣ же имена, большею же частью совсѣмъ другія, чѣмъ Excerpta Peiresciana, и по содержанію своему гораздо ближе къ византійской исторіи, ибо заключалъ въ себѣ наиболѣе значительные отрывки историковъ времени переселенія народовъ, начиная Дексиппомъ и оканчивая Θеофилактомъ Симокаттою. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Адріаномъ Генрихъ Валезій издалъ также найденные ими отрывки анонимнаго латинскаго историка отъ Діоклетіана до Теодориха Остготскаго по рукописи, затѣмъ потерянной совершенно изъ виду и только въ послѣднее время вновь отысканной въ Англіи. Это есть такъ называемый Anonymus Valesii, часто издаваемый при сочиненіи Амміана Марцеллина [1]). Въ области византійской литературы Г. Валезій особенно памятенъ превосходнымъ для своего времени изданіемъ церковныхъ историковъ—Евсевія и его продолжателей: Сократа, Созомена и Θеодорита, Филосторгія, а также Евагрія Схоластика, который довелъ разказъ до восшествія на престолъ императора Маврикія (582—602 гг.) и уже имѣлъ случай говорить о первыхъ славянскихъ движеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Валезій трудился надъ этимъ изданіемъ по порученію французскаго духовенства, отъ котораго ему была назначена ради того пенсія. Греческій текстъ изданія сопровождался не только латинскимъ переводомъ, но и обширными, полными учености примѣчаніями. При помощи внимательнаго изученія рукописей и сдѣланныхъ для него другими учеными сличеній Валезій исправилъ множество неправильно прочтенныхъ и темныхъ мѣстъ въ изданіи Етьенна. Текстъ Валезія съ небольшими дополненіями перепечатывается и въ новѣйшихъ изданіяхъ церковныхъ греческихъ писателей, напримѣръ, въ Патрологіи аббата Миня. Для Евсевія, конечно, можно теперь обращаться къ новѣйшему его изданію, Гейнинхеномъ [2]); но и здѣсь оказывается, что

---

[1]) Фрагменты именуются также Excerpta Valesiana. Послѣднее и лучшее изданіе при Амміанѣ Марцеллинѣ Гардтгаузена: Ammiani Marcellini, Libri qui supersunt. Recens. *Gardthausen*. Lipsiae, 1875. Vol. alterum.

[2]) Eusebii Pamphyli Historiae ecclesiasticae libri X. Recensuit *Heininchen*, Lipsiae 1868. См. въ предисловіи оцѣнку изданія Валезіева. Vita Constantini et Panegyricus. Denuo edidit *Heininchen*. Lipsiae. 1869.

многое такое, чего не было сдѣлано Валезіемъ, остается не сдѣланнымъ и по настоящее время. Разумѣемъ сличеніе кодекса Евсевія Московской синодальной библіотеки, которымъ только отчасти пользовались для церковной исторіи и совсѣмъ не пользовались для житія Константина, а между тѣмъ, какъ мы имѣли случай убѣдиться, именно для этой части московскій списокъ могъ бы оказать неоцѣненныя услуги. Указывается здѣсь московскій кодексъ № LI (по каталогу Маттеи), относимый у Маттеи къ XI или XII вѣку, на самомъ дѣлѣ скорѣе принадлежащій XII вѣку, но при позднемъ происхожденіи и всѣхъ другихъ списковъ, содержащихъ житіе Константина, не теряющій отъ того своего достоинства [1]).

Упомянемъ здѣсь же еще о двухъ сотрудникахъ Лабба и Фабро, Измаилѣ Булліо и Петрѣ Пуссинѣ. Измаилъ Булліо (Boulliau, 1605—1694), астрономъ и математикъ, обладавшій филологическимъ образованіемъ, былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ членовъ кружка (кабинета) президента де-Ту, много путешествовалъ, между прочимъ въ качествѣ агента короля Польскаго Яна-Казимира, къ которому, вѣроятно, черезъ жену его родомъ француженку, Марію Гонзага, онъ былъ въ какихъ-то отношеніяхъ; онъ оставилъ большое количество сочиненій по астрономіи и математикѣ древнихъ, а также издавалъ ихъ сочиненія; онъ одинъ изъ первыхъ познакомился также съ наблюденіями арабскихъ астрономовъ. Участіе его въ изданіи византійскихъ историковъ выразилось тѣмъ, что онъ приготовилъ къ печати одного до тѣхъ поръ совсѣмъ неизвѣстнаго, но важнаго писателя времени разрушенія Византійской имперіи. Пуссинъ (Poussines, по латыни Possinus, 1609—1686), родомъ изъ южной Франціи, пятнадцати лѣтъ вступилъ въ іезуитскій орденъ, и такъ какъ обнаружилъ хорошія способности къ ученымъ занятіямъ, то былъ отправленъ въ Парижъ къ Петавію для дальнѣйшаго образованія; возвратившись на родину въ Тулузу (въ 1642 г.), онъ преподавалъ риторику и объяснялъ Священное Писаніе въ іезуитской коллегіи; послѣ вызванъ былъ въ Римъ, чтобы продолжать исторію ордена, не оконченную Sacchini, и затѣмъ назначенъ былъ на каѳедру Священнаго Писанія въ римской (іезуитской) коллегіи. Знаніе греческаго языка,

---

[1]) Codex Mazarinaeus, писанный въ X вѣкѣ, содержитъ въ себѣ только церковную исторію, а Codex Regius (Парижской національной библіотеки № 1437), по которому главнымъ образомъ издавалось житіе Константина, принадлежитъ XIII столѣтію; другіе еще моложе.

принесенное имъ изъ Франціи, было причиною того, что его выбрали давать уроки Орсини и аббату Албани, будущему папѣ Клименту XI. Къ концу своей жизни воротился въ Тулузу, гдѣ продолжалъ работать, не смотря на упадокъ силъ; предъ смертью онъ сжегъ свою обширную корреспонденцію, которую онъ велъ нѣкогда съ учеными многихъ странъ. Къ первому періоду его дѣятельности относятся переводы съ греческаго нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій Никиты, писемъ св. Нила, слова императора Льва Мудраго въ похвалу Николаю Мирликійскому, одного произведенія Θеофилакта Болгарскаго (Institutio regia). Главную заслугу Пуссина составляютъ, однако, изданія исторій Анны Комнины, Никифора Вріеннія и Пахимера, о чемъ будетъ сказано ниже. Сверхъ того, онъ участвовалъ въ изданіи Acta Sanctorum Болландистовъ, именно за мѣсяцъ февраль.

Въ ученомъ кружкѣ, который группировался около королевской типографіи, къ которому принадлежали братья Дюпюи, Лаббъ, Фабро, Гоаръ и Валуа, и который былъ въ сношеніяхъ съ Голстеномъ и Алляціемъ въ Римѣ, созрѣла мысль о полномъ собраніи всѣхъ источниковъ византійской исторіи. Въ 1645 году изъ королевской типографіи вышло изданіе сочиненія императора Іоанна Кантакузина въ греческомъ подлинникѣ [1]), тогда какъ до сихъ поръ это произведеніе, представляющее апологію продолжительной государственной дѣятельности автора, а вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшій источникъ для исторіи греко-славянскихъ отношеній съ первой половинѣ XIV вѣка (отъ 1320 по 1357 г.), было извѣстно только въ латинскомъ переводѣ Понтана съ примѣчаніями Гретсера (см. выше). Основой изданія послужила рукопись, принадлежавшая канцлеру Сегье. Въ предисловіи говорилось, что хотя Кантакузинъ, писатель въ высшей степени интересный, и былъ доступенъ для всѣхъ образованныхъ людей въ латинскомъ переводѣ Понтана, но все-таки многимъ казалось ненатуральнымъ читать греческаго писателя не на греческомъ

[1]) Ioannis Cantacuzeni historiarum libri VI (gr. lat.), ex interpretatione *Pontani* cum ejusdem ac *Jac. Gretseri* annotationibus. 3 vol. in fol. Заглавія отдѣльныхъ томовъ Парижской коллекціи мы приводимъ здѣсь и далѣе большею частію по каталогу, напечатанному въ книгѣ *Бернара* (Histoire de l'imprimerie du Louvre), который въ свою очередь заимствовалъ ихъ изъ старыхъ каталоговъ типографій. Оговориться объ этомъ слѣдовало потому, что эти заглавія иногда нѣсколько отступаютъ отъ тѣхъ, которыя стоятъ на выпускныхъ листахъ изданія, и бываютъ то слишкомъ длинны, то коротки, а притомъ неодинаковы на первомъ и второмъ листахъ.

языкѣ; поэтому сановный мужъ D. de Noyers, завѣдующій королевскими зданіями и королевскою типографіей, а также искусствами, нашелъ нужнымъ, чтобъ исторія Кантакузина была обнародована на обоихъ языкахъ. Имя издателя, приготовившаго текстъ къ печатанію, не было обозначено ни въ заглавіи, ни въ предисловіи, но по замѣчанію позднѣйшаго филолога, занимавшагося сочиненіемъ Кантакузина (именно Шо́пена, редактора боннскаго изданія этого автора), ясно было, что издатель былъ человѣкъ ученый и знающій; это показывали прибавленныя на поляхъ замѣчанія, въ коихъ объясняются трудныя для пониманія мѣста, которыя обличаютъ глубокое знакомство съ самымъ содержаніемъ комментируемаго текста, и вообще съ предметомъ изложенія, и въ коихъ дѣлаются большею частью весьма счастливыя попытки для исправленія испорченныхъ мѣстъ рукописи. Мы думаемъ, что въ данный періодъ времени такимъ человѣкомъ могъ быть только Фабро.

Затѣмъ, въ 1647 году, послѣдовало изданіе хроники Георгія Кедрина съ сохраненіемъ перевода и примѣчаній Ксиландра (Голцманна), но съ восполненіемъ обширныхъ пропусковъ въ подлинномъ текстѣ, и съ устраненіемъ многихъ неисправностей [1]). Сверхъ того, въ предисловіи, хотя и не совсѣмъ правильно, но по возможности разъяснено было взаимное отношеніе между хроникою Кедрина и сочиненіемъ Скилиція, и часть исторіи послѣдняго въ первый разъ была издана съ именемъ ея автора; латинскій переводъ Габія въ соотвѣтствующей его части былъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ. Къ этому изданію Гоаръ прибавилъ свои примѣчанія, поставивъ ихъ рядомъ съ комментаріями Ксиландра; мы уже мимоходомъ замѣтили, что эти новыя примѣчанія свидѣтельствуютъ о громадномъ прогрессѣ въ пониманіи средневѣковаго греческаго языка и византійской терминологіи. Сверхъ того, Фабро присоединилъ отъ себя объяснительный словарь затруднительныхъ словъ и реченій (Glossarium sive interpretatio obscurorum verborum Cedreni), а къ этому разряду причислены здѣсь, какъ техническія выраженія, относящіяся къ политическому и церковному византійскому быту, такъ и реченія обыденныя, по значенію или формѣ отличающіяся отъ классическаго словоупотребленія;

[1]) Georgii Cedreni historiarum ab orbe condito ad Isaacum Comnenum, a *Guill. Xylandri* interpretatione cum ejusdem et *Iacobi Goar* annotationibus, necnon Caroli Annibalis Fabroti glossario Cedrenano; accessit Ioannis Scylitzae curopalatae historia (gr. lat.), excipiens ubi Cedrenus desinit ad Nicephorum Botoniatem, cum ejusdem notis. 1647, in Fol. 2 vol.

напримѣръ, ἄλογον лошадь и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи словарь, конечно, неполонъ, то-есть, не всѣ своеобразныя выраженія у Кедрина въ немъ исчерпаны. Изданіе было посвящено кардиналу Юлію Мазарини, въ немъ прославлялись заслуги его для возвышенія могущества и славы Франціи, и между прочимъ въ концѣ говорилось объ его великолѣпной библіотекѣ; подъ этимъ посвященіемъ подписался К. А. Фабро.

Далѣе въ томъ же 1647 году появилось и новое изданіе Никиты Хоніата подъ редакціею все того же неутомимаго Фабро и опять посвященное Мазарини [1]); за основаніе, конечно, приняты были текстъ и переводъ Іеронима Вольфа, но прибавлены были разночтенія по вновь открытымъ спискамъ (по вѣнскому), присоединена была хронологія Никиты, то-есть, таблица годовъ, подъ которыми размѣщены по порядку событія, описываемыя въ сочиненіи: нужно замѣтить, что она теперь оказывается весьма несостоятельною [2]); прибавленъ составленный Фабро словарь греко-варварскихъ реченій, встрѣчающихся въ исторіи Никиты, къ которымъ отнесены опять самыя обычныя и ходячія греко-византійскія выраженія (ῥόγα, πορφυρογένητος и т. п.); впрочемъ, есть ссылки на аугсбургскій (теперь мюнхенскій) кодексъ Никиты, codex barbarus, гдѣ въ изобиліи встрѣчаются особенныя слова, приближенныя къ тогдашнему разговорному и народному греческому языку. По мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, именно въ такомъ видѣ продиктована или была набросана первоначально исторія Никиты (αὐτοσχεδιαστί), а затѣмъ уже она получила приличную литературную оболочку. Въ концѣ тома помѣщенъ улучшенный указатель собственныхъ именъ и содержанія.

Въ началѣ 1649 года было перепечатано королевскою типографіей сочиненіе Θеофилакта Симокатты безъ всякихъ перемѣнъ противъ изданія Понтана и выпущено новое изданіе Бревіарія патріарха Никифора, въ которомъ Петавій сдѣлалъ нѣкоторыя дальнѣйшія улучшенія въ текстѣ вслѣдствіе болѣе внимательнаго изученія все

---

[1]) Nicetae Acominati Choniatae historiae, ab imperio Ioannis Comneni, Alexii filio, ad Henricum, Balduini fratrem (gr. lat.), interprete *Gieron. Wolphio* ex recensione et cum notis ac glossario *Car. Ann. Fabroti*.

[2]) Хронологическая путаница господствуетъ уже въ самомъ произведеніи Никиты и чтобы замѣтить ее нужно было бы спеціальное изученіе при помощи многихъ посторонниихъ источниковъ. Причина путаницы отчасти объяснена въ моей рецензіи на книгу *Ѳ. И. Успенскаго*: Образованіе втораго Болгарскаго царства (*Журн. Мин. Нар. Пр.* іюнь, 1879 г.).

того же доставленнаго Сирмондомъ манускрипта[1]). Оба сочиненія вышли въ одномъ томѣ.

Дѣло шло какъ бы по извѣстному опредѣленному плану, который, впрочемъ, хотя отчасти былъ уже заявленъ. Еще при изданіи Кантакузина въ предисловіи было сказано, что если читатели отнесутся благосклонно къ этому опыту, то подъ руководствомъ вышеназваннаго сановнаго мужа (De Noyers) и подъ покровительствомъ короля въ скоромъ времени королевскою типографіей будутъ обнародованы всѣ писатели византійской исторіи, какъ напечатанные, такъ и остающіеся въ рукописяхъ, что очень многіе признаютъ полезнымъ. При выходѣ Кедрина было обѣщано появленіе хроники Θеофана, которая до сихъ поръ не видала свѣта, а между тѣмъ имѣла первостепенное значеніе для эпохи иконоборства, когда жилъ авторъ, а также и для предыдущаго времени, такъ какъ, продолжая Синкелла, онъ начиналъ изложеніе со времени Діоклетіана. Изъ переписки одного изъ братьевъ Дюпюи съ Голстеномъ видно, что изданіе Θеофана, а равно и Георгія Синкелла предполагалось поручить племяннику Голстена Ламбеку (Ламбецію), нѣмецкому начинающему ученому, находившемуся тогда въ Парижѣ; изъ Рима ожидали рукописи, которую долженъ былъ прислать кардиналъ Барберини. Сообщивъ потомъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ Василикъ Фабро—письмо было писано въ сентябрѣ 1646 года, корреспондентъ Голстена продолжалъ: „предпринимаютъ также при королевской типографіи изданіе корпуса греческихъ историковъ Восточной имперіи[2]). Вы могли бы видѣть Кантакузина въ трехъ небольшихъ томахъ in fol. по гречески и по латыни. Вы знаете, что греческій текстъ еще не былъ напечатанъ. Въ настоящее время работаютъ надъ Кедриномъ, но хотятъ только повторить прежнее изданіе, не заботясь объ исправленіи перевода, который въ томъ нуждался бы“. Во всемъ этомъ обращаетъ на себя вниманіе способъ выраженія, избирающій безличныя мѣстоименія и лишающій насъ возможности сказать, кому именно принадлежалъ починъ и первая мысль предпріятія[3]). На первомъ планѣ

---

[1]) Theophylacti Simocatae historiarum libri VIII ex versione et cum notis *Sac. Pontani*. 1647. S. Nicephori patriarch Constantinopolitani Breviarium historicum ex versione et cum notis Petavii.

[2]) On entreprend aussi à la Typographie Royale un corps des historiens grecs de l'empire d'Orient... *Pélissier*, Les amis d'Holstenius: Mélanges d'archéologie et d'histoire d'école Française de Rome. Mars 1887. pag. 98.

[3]) Въ свою очередь Голстенъ пишетъ (Іюль 1647) къ Гейнзію: *Moliuntur*

стоитъ королевская типографія и ея начальство. Что касается предположеній объ участіи Ламбека, то въ такомъ видѣ, какъ писалъ Дюпюи, они не оправдались.

Въ 1648 г. сначала отдѣльно, а потомъ при изданіи новаго тома византійцевъ, напечатано и обнародовано было написанное Лаббомъ воззваніе ко всѣмъ любителямъ византійской исторіи, гдѣ заявляется уже, что византійская исторія составляетъ предметъ общаго вниманія ученыхъ, и что книги, къ ней относящіяся, усердно требуются и жадно вездѣ разыскиваются, и притомъ большею частью тщетно, потому что вездѣ почти полки библіотекъ, назначенныя для этого отдѣла, пусты. Большая часть византійскихъ историковъ остается въ рукописяхъ, покрытыхъ пылью и паутиною, а тѣ, которые обнародованы, обнародованы либо только по латыни, либо только по гречески, а если которые по латыни и по гречески, то появились въ разнообразной формѣ, напечатаны различными шрифтами, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, такъ что весьма трудно даже при большихъ издержкахъ собрать ихъ вмѣстѣ. По этой причинѣ и многимъ другимъ рѣшено издать королевскимъ шрифтомъ (typis regiis) въ одинаковомъ форматѣ всѣхъ византійскихъ историковъ, какіе гдѣ-либо отыщутся— въ библіотекахъ Ватиканской, королевской (Парижской), Барберинской, Мазариніевой и т. д., и т. д. Для всеобщаго свѣдѣнія при этомъ объявленіи прилагался и проспектъ изданія, то-есть, списокъ авторовъ-византійцевъ съ указаніемъ, какіе уже изданы (Кантакузинъ, Кедринъ Никита), какіе печатаются (Симокатта, Никифоръ), какіе предположены къ изданію и съ указаніемъ именъ ученыхъ, кому это поручено и кто за это взялся. Ученые всѣхъ странъ усердно приглашались къ содѣйствію, къ разысканію по библіотекамъ, музеямъ, по всѣмъ угламъ, всего относящагося къ византійской исторіи, съ тѣмъ, чтобы сообщать отысканное главному директору Луврской типографіи, Крамуази (Cramoisy): въ вознагражденіе обѣщается признательность и вѣчная память въ потомствѣ [1]).

Томъ, къ которому приложено было это воззваніе, Protrepticon, вышелъ тоже въ 1648 году и заключалъ въ себѣ Выборку о посольствахъ, составленную при Константинѣ Багрянородномъ, иначе Excerpta legationum, уже разъ изданныя Гешелемъ и теперь перевe-

magnum et absolutissimum historiae Byzantinae corpus et subsidia undique conquirunt... Ibid. pag. 108.

[1]) Philippi Labbaei de Byzantinae historiae scriptoribus publicam in lucem e typographia regia Luparaea emittendis ad omnes eruditos protrepticon. 1648 in fol.

денныя на латинскій языкъ Кантокларомъ (Cantoclarus); но при этомъ были прибавлены примѣчанія Генриха Валезія, да сверхъ того, присоединены эксцерпты изъ Симокатты, до тѣхъ поръ не входившіе въ собраніе. Вторую часть тома подъ заглавіемъ Eclogae historicorum составляли взятыя изъ библіотеки Фотія оглавленія такихъ историческихъ византійскихъ писателей, которые до насъ не дошли въ цѣлости, именно Олимпіодора, Кандида, Θеофана Византійскаго; затѣмъ Гезихій Милетскій о древностяхъ константинопольскихъ по изданію Меурсія и извлеченіе изъ лексикона Свиды (IX вѣка) статей, касающихся византійской исторіи; наконецъ, примѣчанія Меурсія къ Гезихію и Филиппа Лабба къ Олимпіодору, Кандиду, Θеофану и Свидѣ, обличающія значительную начитанность въ источникахъ и не безполезныя. Слѣдуетъ замѣтить, что посвященіе кардиналу Мазарини, въ формѣ письма къ нему (epistola), опять подписано Аннибаломъ Фабро. А что касается воззванія, то въ немъ обѣщано было Лаббомъ еще многое, долженствовавшее появиться при ближайшихъ томахъ коллекціи, чего, однако, пришлось ожидать довольно долго, потому, вѣроятно, что оказалось дѣломъ гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ казалось сначала. Именно обѣщаны были: 1) Хроника новаго Рима—нѣчто въ родѣ регестъ или краткой погодной лѣтописи византійскихъ событій; 2) Синтагма или каталогъ писателей по византійской исторіи съ краткимъ указаніемъ времени, когда жилъ каждый и его трудовъ; 3) Топографія Константинополя, и 4) лексиконъ византійскій. Только второй пунктъ оказался болѣе осуществимымъ и уже при первомъ томѣ, вышедшемъ послѣ воззванія, то-есть, при Excerpta legationum приложены были подъ названіемъ „Apparatus byzantinae historiae“, списки Византійскихъ императоровъ, патріарховъ, а затѣмъ и писателей въ самой краткой формѣ и въ началѣ тома. Тѣмъ не менѣе, нужно считать весьма замѣчательнымъ заявленіе о необходимости лексикона и топографіи, хотя мы и не знаемъ, чтобы великій ученый, впослѣдствіи осуществившій идею, взялся за свой трудъ подъ чужимъ вліяніемъ.

Дальнѣйшій ходъ дѣла точно также не вполнѣ соотвѣтствовалъ заявленной программѣ; вмѣсто однихъ предположенныхъ редакторовъ нѣкоторые авторы переданы были другимъ; перемѣны иногда были къ лучшему, и даже такъ было въ большей части случаевъ; особенно когда на сцену появились дѣятели, далеко превосходившіе Лабба, которому первоначально выпадала слишкомъ большая доля въ распредѣленіи труда, и даже способные затмить Фабро и Гоара. Прибавимъ еще, что съ самаго начала инціатива, взятая на себя Лаб-

бомъ, не всѣмъ близкимъ къ дѣлу лицамъ одинаково нравилась, отчасти изъ нѣкотораго, можетъ быть, соревнованія къ іезуитамъ болѣе галликански настроенныхъ лицъ. Извѣстный намъ корреспондентъ Голстена находилъ, что предпріятію недостаетъ компетентнаго руководителя и что недавно проявившійся іезуитъ Лаббъ едва ли обладаетъ для того достаточными силами [1]).

Мы не будемъ отдѣльно излагать программы, возвѣщенной въ Воззваніи, а воспользуемся ею для сравненія съ дѣйствительнымъ исполненіемъ, которое постараемся представить въ краткихъ чертахъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Къ 1648 году, сверхъ всего прочаго, относится еще изданіе Кодина „О должностяхъ великой церкви и двора Константинопольскаго“ съ примѣчаніями и приложеніями, которыя уже были у Гретсера, а также съ присоединеніемъ разныхъ не изданныхъ каталоговъ церковныхъ и придворныхъ должностей, заимствованныхъ изъ рукописей Королевской и Мазаринѣевой библіотеки, съ придачею списковъ епархій, приписываемыхъ Льву Мудрому и Андронику Палеологу [2]). Это не была простая перепечатка прежняго изданія; трудъ Гоара, который согласно съ предположеннымъ планомъ завѣдывалъ редакціею Кодина, былъ исполненъ съ большимъ тщаніемъ и даже любовію къ дѣлу. Хотя за основаніе былъ принятъ текстъ Гретсера, но онъ былъ сличенъ и по мѣстамъ исправленъ по двумъ спискамъ Парижской королевской библіотеки; точно также пересмотрѣнъ былъ и латинскій переводъ, который вовсе не былъ безошибоченъ и безупреченъ; обширныя примѣчанія Гретсера были оставлены неприкосновенно, но на ряду съ ними Гоаръ нашелъ необходимымъ помѣстить еще болѣе пространныя собственныя толкованія. Дѣло въ томъ, что хотя Гретсеръ и обличалъ съ большою рѣзкостью своего голландскаго пред-

[1]) Ce qui nous manque ici, c'est un bon conducteur de l'ouvrage, tant pour le texte grec que pour la version latine — — — et je ne sçay si le P. Labbe, jésuite qui s'est produit depuis peu, a les espaules asses fortes pour cela. Письмо Дюпюи къ Голстену отъ 13-го марта 1648 г. (Mélanges et cet. pag. 114). Дюпюи предпочиталъ бы видѣть во главѣ дѣла Фабро, но онъ слишкомъ обремененъ другими работами и т. д.

[2]) Georgius Codinus Curopalata, de officiis magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae, ex interpretatione Jac. Gretseri, cum ejusdem commentariis in Codinum et syntagmate de imaginibus manu non factis, deque aliis a S. Luca pictis; item notitiae episcopatuum graecorum a Leone Sapiente ad Andropicum Palaeologum et tituli honoris quibus proceres tum ecclesiastici, tum palatini celebrantur in orientali imperio. 1648.

шественника (Юнія) въ непониманіи и незнаніи, но и самъ надѣлалъ много промаховъ въ толкованіи византійскихъ терминовъ и словъ новогреческаго образованія. Гоару при этомъ крайне полезнымъ оказалось его знакомство съ живымъ новогреческимъ языкомъ, съ настоящею практикой и обрядностью восточной православной церкви, съ богослужебными книгами грековъ и т. д. Онъ извиняетъ своего предшественника, человѣка почтеннаго и благочестиваго, тѣмъ, что во время Гретсера весь этотъ словарь новшествующей Греціи еще не былъ принесенъ на западъ, voces illae neotericae Greciae nondum in occiduas partes essent allatae, и что онъ принужденъ былъ руководствоваться лексикономъ Меурсія, который часто самъ ошибался и вводилъ такимъ образомъ въ искушеніе, увлекалъ за собою въ яму другаго. Гоаромъ весьма много сдѣлано для объясненія писателя, который былъ труднымъ и темнымъ не вслѣдствіе какой-либо своей древности, а именно вслѣдствіе новизны своей, для воскрешенія обрядовъ, нравовъ, обычаевъ, одеждъ, погребенныхъ подъ недавними развалинами, а еще болѣе подъ необычнымъ и недоступнымъ для непосвященныхъ языкомъ описанія. Томъ, посвященный Кодину, нужно считать однимъ изъ лучшихъ парижскаго собранія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ, не исключая боннскаго, ничего новаго къ сдѣланному Гоаромъ не прибавлено.

Въ 1649 году вышло въ свѣтъ изданіе церковной исторіи или Трехчленной хронографіи Анастасія Библіотекаря [1]), сочиненія на латинскомъ языкѣ, представляющаго извлеченіе изъ трехъ византійскихъ хроникъ — Синкелла, патріарха Никифора и Θеофана. Особенное значеніе этотъ трудъ, совершенный авторомъ послѣ его поѣздки въ Константинополь въ 869 году, приблизительно около 874 года, представлялъ, конечно, для запада, гдѣ его компиляція имѣла въ средніе вѣка самое обширное распространеніе; но вслѣдствіе того, что она составлена едва черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ появленія подлинной хроники Θеофана, котораго передаетъ почти въ цѣлости и въ буквальномъ переводѣ, она могла служить нѣкоторою замѣной подлинника этой послѣдней хроники, а для новѣйшихъ ученыхъ — средствомъ для точнѣйшаго возстановленія греческаго оригинала, извѣстнаго намъ по спискамъ гораздо болѣе позднимъ. Парижское

[1]) Anastasii bibliothecarii historia ecclesiastica, sive chronographia tripertita, ex Georgio Syncello, Nicephoro et Theophane excerpta, recensita et notis ac glossariis mixo-barbaris illustrata, a *Car. Annib. Fabroto.* 1649.

изданіе, повторявшееся въ другихъ собраніяхъ, было въ сущности единственнымъ до послѣдняго времени. Оно было сдѣлано Фабро, который располагалъ для этого двумя французскими рукописями, довольно поздними, однимъ ватиканскимъ спискомъ, съ котораго копія приготовлена была Лукою Голстеномъ и прислана изъ Рима; но и этотъ списокъ относился къ XV столѣтію. Хотя Лука Голстенъ и сдѣлалъ далѣе сличеніе ватиканской копіи своей съ манускриптомъ Монтекассинскаго монастыря, безъ того послужившимъ въ качествѣ оригинала для римскаго, но это мало помогло дѣлу, потому, вопервыхъ, что и Монтекассинскій списокъ не передаетъ подлиннаго текста Анастасія вслѣдствіе произвольныхъ безчисленныхъ большихъ и малыхъ измѣненій позднѣйшей руки, а вовторыхъ, потому, что сличеніе сдѣлано было, по видимому, весьма поверхностно, по крайней мѣрѣ слѣды его въ печатномъ изданіи Фабро совершенно ничтожны. Упреки, которые высказаны противъ парижскаго изданія Анастасія новѣйшимъ издателемъ Ѳеофана (де-Бооромъ), должны падать нѣкоторымъ образомъ на Голстена, и во всякомъ случаѣ, если взять въ расчетъ тогдашнія условія и уровень критическихъ требованій, не отнимаютъ цѣнности труда, совершеннаго Фабро; прибавленный къ тому словарь темныхъ словъ еще оную увеличиваетъ.

Хроника Дуки заключаетъ въ себѣ по обычаю краткій обзоръ событій отъ сотворенія міра, затѣмъ начинаетъ свой болѣе подробный разказъ отъ смерти Андроника Палеолога Младшаго въ 1341 году и доводитъ оный до завоеванія турками Митилены (Лезбоса, 1462 г.); такимъ образомъ она какъ бы составляетъ продолженіе къ исторіи Кантакузина. Еще дѣдъ автора выселился изъ Константинополя въ Малую Азію, его отецъ состоялъ на службѣ богатаго и могущественнаго владѣтельнаго дома Гаттилузи на островѣ Лезбосѣ, основаннаго зятемъ (по сестрѣ) императора Іоанна V Палеолога, генуэзцемъ Франческо Гаттилузіо (съ 1354). Самъ авторъ, во время своего пребыванія при дворѣ Гаттилузи, еще ранѣе паденія Константинополя признавшихъ турецкое верховенство, нѣсколько разъ былъ отправляемъ въ послахъ къ Магомету II, котораго, слѣдовательно, зналъ лично, а при своемъ образованіи и большомъ умѣ онъ лучше, чѣмъ другіе его соотечественники, Халкокондила и Франдзи, могъ бы понимать причины паденія своего отечества и послѣдней катастрофы, если бы не былъ отчасти ослѣпленъ своими фамильными и личными сочувствіями и антипатіями, склонявшими его на сторону франковъ и уніи. Его

интересное и важное сочиненіе, дотолѣ совершенно неизвѣстное и дошедшее до насъ въ единственномъ спискѣ Парижской библіотеки, издано было, согласно съ заявленіемъ предварительной программы (prŏprtrerpticon), Измаиломъ Булліо, который прибавилъ еще краткую анонимную греческую хронику отъ 1089 по 1523 годъ, впослѣдствіи цитованную Дюканжемъ въ его словарѣ подъ названіемъ греко-венеціанской [1]). Такъ какъ она писана совершенно варварскимъ, то-есть, ново-греческимъ языкомъ, законы котораго не совсѣмъ были понятны издателю, то при установленіи текста легко могли быть допущены многія неправильности и ошибки: послѣ на это обращали вниманіе ученые филологи. Отчасти тѣ же трудности и опасности представляла рукопись и относительно Дуки, и не вездѣ можно было съ ними справиться безъ спеціальнаго филологическаго изученія народной греческой рѣчи [2]).

Къ 1650 году относится изданіе Халкокондилы подъ редакціею Фабро [3]). Основаніемъ служилъ греческій текстъ Баумбаха (женевское изданіе 1615 г.), съ нѣкоторыми исправленіями и варіантами изъ двухъ парижскихъ списковъ королевской библіотеки; латинскій переводъ взятъ тоже прежній (Клаузера, 1556), но прибавленъ словарь къ Дукѣ и Халкокондилѣ, составленный по обычному способу Фабро; кромѣ того, здѣсь же присоединены лѣтописи Османскихъ султановъ отъ 1289 по 1550 годъ, переведенныя съ турецкаго на нѣмецкій и изданныя вмѣстѣ съ подлинникомъ Іоанномъ Шпигелемъ (Gaudier dictus Spiegel) во Франкфуртѣ, а послѣ переведенныя на латинскій Леунклавіемъ, который и продолжилъ ихъ по 1588 годъ и т. п. Изданіе въ сущности является перепечаткою прежнихъ, о которыхъ рѣчь была выше.

Въ 1651 году было выпущено уже упомянутое нами изданіе Георгія Акрополиты Алляціемъ; къ основному тексту присоединена была краткая и малозначущая хронографія Іоиля (по 1204 г.) и повѣсть Іоанна Канана, о войнѣ Константинопольской 1422 года съ султаномъ Амуратомъ II, когда Цареграду уже угрожала конечная гибель, предотвращенная однимъ чудомъ. При комментаріѣ сохранены

---

[1]) Ducae, Michaelis Ducae nepotis, historia Byzantina; accessit chronicon breve aliquot gestorum Graecorum, Venetorum et Turcorum, ex interpretatione et cum notis *Ismaelis Bullialdi*. 1649.

[2]) *Mullach*, Collectaneorum byzantinorum libri duo (Berolini, 1852), 3—14.

[3]) Laonici Chalcocondyli historiae Turcorum libri X, ex interpretatione Conradi Clauseri, cum annalibus sultanorum ex interpretatione Ioann. Leunclavii; accessit *Cur. Annib. Fabroti* index et Chalcondylae glossarium, 1650.

примѣчанія Дузы, перваго издателя Акрополиты, и приложена діатриба Алляція о Георгіяхъ [1]).

Къ тому же году относится появленіе Алексіады, то-есть, исторіи императора Алексѣя Комнина (1081—1118), сочиненной его дочерью Анною [2]). Въ новомъ изданіи этого памятника византійской письменности, одного изъ наиболѣе въ ней интересныхъ, давно ощущалась потребность, потому что текстъ, изданный Гешелемъ, какъ это скоро замѣчено было учеными, содержалъ въ себѣ не болѣе какъ только извлеченіе изъ подлиннаго произведенія. Для приготовленія его къ печати (см. Protrepticon) избранъ былъ іезуитъ Пуссинъ, проживавшій тогда въ Тулузѣ, и этотъ выборъ не только не былъ удаченъ, какъ показали послѣдствія, но и представлялъ въ себѣ нѣчто загадочное и странное. Дѣло въ томъ, что Алексіадою занимались ранѣе гораздо болѣе выдающіеся тогда филологи. Еще въ 1636 году Голстенъ извѣщалъ Пейреска изъ Рима, что, по его совѣту, кардиналъ Барберини велѣлъ сдѣлать копію съ ватиканскаго списка Алексіады. Черезъ десять лѣтъ, когда въ Парижѣ созрѣла мысль о полномъ собраніи византійцевъ, уже отсюда писали въ Римъ Голстену, что его рукописная исторія Анны Комнины будетъ очень кстати, дабы войдти въ сборникъ, тѣмъ болѣе, что во Франціи не имѣли ея полнаго списка [3]). Однако, самъ Голстенъ, по видимому, не хотѣлъ взяться за это дѣло. Алексіаду сбирался издавать Яковъ Гроновъ, извѣстный тогда голландскій филологъ, посѣтившій въ 1641 году Римъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Голстеномъ; отъ него онъ получилъ возможность имѣть свою копію барберинскаго или, что̀ то же, ватиканскаго текста Анны; затѣмъ этотъ неполный и неисправный текстъ онъ сличилъ съ медицейскимъ флорентійскимъ, наиболѣе исправнымъ и древнимъ, впрочемъ, не очень тщательно: этотъ его экземпляръ сохранился въ Лейденской библіотекѣ. Но это же самое сличеніе, имѣя болѣе свободнаго времени, съ бо̀льшимъ досугомъ произвелъ и Голстенъ въ своемъ экземплярѣ, который онъ и предложилъ Гронову въ посо-

---

[1]) Georgii Acropolitae historia Bysantina; Ioelis chronographia compendiaria et Ioannis Canani narratio de bello Constantinopolitano, ex interpetatione Leonis Allatii, cum ejusdem notis et Theodori Douzae observationibus; accessit ejusdem Allatii diatriba de Georgiorum scriptis. I, 651, Paris.

[2]) Annae Comnenae Alexias, sive de rebus aḃ Alexio Comneno vel ejus tempore gestis, ex interpetatione *Petri Possini*, cum ejusdem notis et praefationibus, annotationibusque *Davidis Hoeschelii*.

[3]) *Pélissier*, Les amis d' Holstenius l. c. pag. 103.

біе при предполагаемомъ изданіи. Пока Гроновъ ожидалъ посылки, она, по его словамъ, какъ-то очутилась въ Парижѣ. Какъ теперь разъясняется, первоначальное намѣреніе, по видимому, дѣйствительно, было такое, чтобы поручить изданіе Анны для Парижской коллекціи Гронову; Голстена извѣщали (въ апрѣлѣ 1647 г.) изъ Парижа (письмо Дюпюи), что вотъ Гроновъ предлагаетъ прислать сюда свой экземпляръ Анны (s'offre de bailler son exemplaire de l'Alexias d'Anna Comnena), но прежде желаетъ ознакомиться съ корректурами, вами (Голстеномъ) сдѣланными на вашемъ экземплярѣ. Значитъ, хотѣли имѣть текстъ Гронова, но тотъ по добросовѣстности ждалъ помощи Голстена. Съ своей стороны, Голстенъ, посылая на имя Дюпюи свою посылку, предполагалъ, что она будетъ передана Гронову. Но она была передана не ему, а Пуссину, и когда объ этомъ узналъ Голстенъ, то онъ былъ очень недоволенъ, а Гроновъ тѣмъ болѣе. Въ 1648 году Голстенъ писалъ къ одному постороннему ученому въ Голландіи (Гейнзію), что онъ не повѣрилъ бы никакимъ извѣстіямъ о своей Алексіадѣ, еслибы ихъ не подтвердило присланное воззваніе (Protrepticon) изъ королевской типографіи [1]); въ немъ, какъ упомянуто, при Алексіадѣ Анны стояло имя Пуссина. Съ своей стороны, Пуссинъ въ предисловіи къ своему изданію Алексіады, и въ посвященіи его канцлеру Сегье сообщаетъ иныя данныя. Онъ ранѣе зналъ о существованіи очень хорошаго списка Алексіады, принадлежавшаго нѣкогда Куяцію (Кюжа), и еще прежде, чѣмъ на него возложено было порученіе приготовить къ изданію Алексіаду, то-есть, самое главное, сдѣлать ея латинскій переводъ, онъ употреблялъ много стараній, чтобы добраться до этого манускрипта, но не смотря на содѣйствіе ученаго Тулузскаго архіепископа (Charles de Montschal), всѣ поиски оказались тщетными. Однако, они были извѣстны канцлеру Сегье, и потому, какъ скоро онъ пришелъ къ сознанію необходимости включить Алексіаду въ византійское собраніе, онъ обратился къ Пуссину, но съ другой стороны, зная о тщетѣ его прежнихъ усилій, принялъ свои мѣры. „Ты обращаешься въ Италію“, — съ паѳосомъ восклицаетъ Пуссинъ въ посвященіи, — „хлопочешь въ Римѣ, привлекаешь оттуда кодексъ Барберинской библіотеки, хотя не самый лучшій и не совсѣмъ полный, но достаточно удовлетворительный для того, чтобы несовсѣмъ тупой и сколько-ни-

[1]) Все это заимствовано нами изъ обнародованной у Пелиссье переписки Дюпюи съ Голстеномъ.

будь опытный переводчикъ могъ утѣшиться въ недостаткѣ лучшаго и съ нѣкоторою увѣренностью взяться за дѣло". Въ предисловіи къ читателямъ сообщается, что этотъ списокъ, который Сегье досталъ изъ Рима чрезъ посредство письменныхъ сношеній и чрезъ извѣстныхъ лицъ, былъ произведеніемъ трудовъ Голстена, и что Голстенъ сличилъ текстъ римскаго кодекса съ болѣе древнимъ пергаментнымъ флорентійскимъ спискомъ, — „который я", мимоходомъ замѣчаетъ Пуссинъ,—„нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самъ лично видѣлъ въ Медицейской библіотекѣ во Флоренціи". Недоставало въ сообщенной Пуссину копіи очень немногаго, такъ какъ ватиканскій и флорентійскій списки не имѣли вполнѣ развѣ только вступленія Анны въ свое повѣствованіе, которое было совсѣмъ утрачено, да самаго окончанія книги, гдѣ вслѣдствіе порчи листовъ не все можно было разобрать; недостающее въ началѣ Пуссинъ съ полнымъ правомъ могъ пополнить по сокращенной редакціи, изданной Гешелемъ. Приведенная нами, не во всѣхъ своихъ подробностяхъ понятная, исторія подготовительныхъ мѣръ къ изданію Анны, кажется достаточно объясняетъ, почему оно вышло столь неудовлетворительнымъ. Издатель или редакторъ самъ лично не изучалъ текста по рукописямъ и едва ли могъ составить себѣ ясное представленіе о взаимномъ отношеніи и обоюдномъ достоинствѣ тѣхъ двухъ редакцій, какія слиты были вмѣстѣ въ доставленной ему копіи. Основаніемъ всего послужилъ ватиканскій списокъ, который уже тогда считался неудовлетворительнымъ по сравненію съ флорентійскимъ; послѣдній, признанный наиболѣе древнимъ и цѣннымъ, былъ только привлеченъ для полученія варіантовъ и поправокъ, но не извѣстно, по какой системѣ и въ какой степени. Впрочемъ, самъ Пуссинъ ради своего извиненія указывалъ на слабыя стороны своего дѣла. „Въ моихъ рукахъ былъ одинъ только кодексъ", говоритъ онъ,—„торопливо и безъ разбора составленный и сшитый изъ двухъ попорченныхъ, и онъ изобиловалъ иногда непонятными и сомнительными, иногда явно ошибочными выраженіями" [1]). Считая опаснымъ пускаться въ произвольныя исправленія и догадки, Пуссинъ рѣшился оставить греческій текстъ неприкосновеннымъ, какъ онъ былъ, не трогая даже очевидныхъ погрѣшностей, но за то обратить все свое вниманіе на латин-

[1]) Codex qui ad manum erat unicus tumultuarie, ut dixi, ex duobus mutilis congestus consutusque passim incertae, palamque interim mendosae lectionis vocibus scatebat.

скій переводъ. Объ этомъ латинскомъ переводѣ нужно сказать, что, занимаясь имъ, Пуссинъ опять-таки думалъ, кажется, болѣе объ изяществѣ своего латинскаго стиля, чѣмъ о близости къ подлиннику; иногда онъ принимаетъ видъ отдаленнаго и совсѣмъ неточнаго перифраза. Наконецъ, Пуссинъ утѣшалъ себя и другихъ тѣмъ, что пониманію Анны много помогутъ словарь и примѣчанія, коими должно было сопровождаться изданіе. Словарь, дѣйствительно, былъ приложенъ къ вышедшему тому и былъ крайне плохъ и недостаточенъ, а примѣчанія были отложены до будущаго времени и долженствовали появиться въ отдѣльномъ томѣ, вмѣстѣ съ приложеніями, въ числѣ коихъ названа была жизнь Анны по древнимъ источникамъ и Панегирикъ императору Алексѣю, сказанный Ѳеофилактомъ въ его присутствіи, и т. д. [1]). Пуссину впослѣдствіи посчастливилось отыскать тотъ самый списокъ Алексіады, котораго онъ такъ усердно и такъ тщетно искалъ въ Тулузѣ, и по его словамъ, находка принесла ему большую пользу, такъ какъ давала возможность дополнить всѣ пробѣлы и представила множество болѣе исправныхъ и надежныхъ чтеній отдѣльныхъ словъ: до двухъ тысячъ отмѣтилъ ихъ Пуссинъ въ своемъ печатномъ экземплярѣ Анны и хотѣлъ обнародовать все въ томъ же дополнительномъ томѣ. Но этотъ томъ никогда не появлялся. Что касается примѣчаній къ Аннѣ, то они были написаны нѣсколько позже другимъ болѣе къ тому подготовленнымъ ученымъ.

Изданная вслѣдъ за Алексіадою Анны, переведенная на латинскій языкъ съ арабскаго, Восточная хроника была посвящена Авраамомъ Екхеленскимъ канцлеру Сегье, такъ какъ самая рукопись, съ которой сдѣланъ переводъ, принесена была съ Востока благодаря стараніямъ канцлера, и такъ какъ переводчикъ былъ многимъ обязанъ щедрости этого сановника [2]). Онъ родился среди маронитовъ горы Ливана въ мѣстечкѣ Екхель, отъ коего и получилъ свое прозваніе; былъ преподавателемъ сирійскаго и арабскаго языковъ — сначала въ римской коллегіи de propaganda fide, затѣмъ былъ вызванъ (1640) въ Парижъ для участія въ изданіи многоязычной библіи (Biblia polyglotta), предпринятомъ по мысли кардинала Дю-Перрона Мишелемъ Ле-же (Le Jay. — Въ краткомъ предисловіи къ изданію объяснено, что авторъ

[1]) Рѣчь Ѳеофилакта была напечатана сто лѣтъ послѣ въ четырехтомномъ венеціанскомъ изданіи всѣхъ трудовъ Болгарскаго архіепископа доминиканцемъ *Финетти* (1751—1752) и перепечатана *Минемъ* въ Патрологіи т. 126.

[2]) Chronicon orientale, nunc primum latinitate donatum ab Abrahamo Ecchensi Syro maronita e Libano. Parisiis. 1651.

хроники не извѣстенъ по имени, но что его нужно считать за копта; впослѣдствіи, при новомъ (венеціанскомъ) изданіи онъ уже былъ названъ Ибн-ар-Рахебомъ. Что касается до содержанія хроники, то она заключаетъ въ себѣ списки ветхозавѣтныхъ патріарховъ отъ Адама до Моисея, списки судей и царей Израильскихъ до плѣненія вавилонскаго, царей Халдейскихъ, Персидскихъ, Греческихъ, Маккавейскихъ и дома Иродова, далѣе хронику Римскихъ императоровъ до 11-го года Ираклія, потомъ статьи о происхожденіи магометанства, о халифахъ, царствовавшихъ въ Аравіи, Египтѣ и Багдадѣ (Вавилонѣ) по 655 годъ гиджры (=1257), наконецъ, списокъ коптскихъ (монофизитскихъ) патріарховъ въ Александріи, начиная отъ Марка Евангелиста до Аѳанасія въ половинѣ XIII вѣка (1251—1262). Въ своей первой части она имѣетъ близкое родство съ хроникою мелхитскаго (православнаго) патріарха Евтихія (=Саида-Ибн-уль-Батрика), жившаго въ X вѣкѣ (+940). Переводчикъ присоединилъ отъ себя нѣсколько добавочныхъ статей, составленныхъ на основаніи арабскихъ источниковъ и касающихся исторіи до-магометанской Аравіи, вѣрованій и ученыхъ воззрѣній послѣдующихъ арабовъ и т. п. Обѣщанныя къ хроникѣ примѣчанія не появлялись на свѣтъ. Отчасти это было исполнено другимъ маронитомъ, Ассемани, для венеціанскаго изданія византійцевъ.

Къ тому же 1651 году относится появленіе двухъ какъ бы дополнительныхъ изданій небольшаго объема и въ другомъ форматѣ, но включаемыхъ въ каталоги византійской французской коллекціи: это, вопервыхъ, наставленіе своему царскому питомцу Константину Дукѣ, сыну императора Михаила Дуки (1071—1077) извѣстнаго болгарскаго архіепископа Ѳеофилакта[1]), и вовторыхъ, списокъ военныхъ и другихъ чиновъ Римской имперіи съ указаніемъ размѣщенія военныхъ разнаго рода отрядовъ по различнымъ провинціямъ, относящійся по своему происхожденію къ первой половинѣ V вѣка [2]). Издателемъ перваго сочиненія былъ Пуссинъ, а втораго—Филиппъ Лаббъ,

---

[1]) S. Patris nostri Theophylacti, Bulgariae archiepiscopi, institutio regia ad Porphyrogennitum Constantinum, interprete *Petro Possino*

[2]) Notitia dignitatum imperii romani ex nova recensione *Philippi Labbaei* Bituricensis... cum pluribus aliis opusculis, indicibus et notis. Новѣйшія изданія этого документа, чрезвычайно важнаго для изученія имперской администраціи, принадлежатъ Бёккингу и Зееку. Notitia dignitatum—commentariis indicibusque illustravit *Ed. Bocking.* Bonn. 1839=1853. — Notitia dignitatum—accedit notitia urbis Constantinop. et laterculi provinciarum ed. *O. Seeck.* Berlin, 1876.

присоединившій къ нему нѣсколько приложеній, не имѣющихъ для насъ важнаго значенія.

Въ ряду трудовъ, посвященныхъ обнародованію памятниковъ византійской исторіи, первостепенное значеніе принадлежало изданію трехъ дотолѣ неизданныхъ или только отчасти изданныхъ произведеній, находящихся въ связи между собою и потому въ самыхъ оригинальныхъ рукописяхъ иногда слѣдовавшихъ одно за другимъ: разумѣются хроники Георгія Синкелла, Ѳеофана Исповѣдника и Льва Грамматика, въ совокупности излагающія исторію отъ начала міра до половины X столѣтія.

Изборникъ хронографіи, составленный Георгіемъ Синкеломъ[1]), то-есть буквально, сокелейникомъ патріарха Тарасія, извѣстнаго по своей дѣятельности на вселенскомъ соборѣ 787 года, доходитъ только до времени Діоклетіана, такъ какъ смерть помѣшала автору продолжать свой трудъ далѣе. Такимъ образомъ, эта хронографія хотя и писана византійцемъ, но не касается собственно византійскаго времени; для древней исторіи она важна особенно тѣмъ, что сохранила драгоцѣннѣйшія извлеченія изъ древнѣйшихъ утраченныхъ трудовъ Манеѳона (для Египта), Африкана и Евсевія, изъ перваго едва ли заимствованныя непосредственно. Знаменитый Скалигеръ, напечатавшій значительную часть Синкелла въ своей Сокровищницѣ временъ (Thesaurus temporum), полагалъ, что все это прямо можетъ служить къ возстановленію утраченнаго подлинника (первой части) хроники Евсевія, но, какъ теперь (послѣ открытія армянскаго перевода обѣихъ частей хроники Евсевія) сдѣлалось очевидно, Скалигеръ ошибался въ своемъ предположеніи объ исключительной зависимости Синкелла отъ Евсевія [2]). Аллацій разсуждалъ о Синкеллѣ въ своей діатрибѣ о Георгіяхъ и показалъ, что иные изъ ученыхъ (Possevinus, Vossius) напрасно смѣшивали этого писателя съ другимъ Георгіемъ, съ тѣмъ, которому потомъ было усвоено имя Амартола. Мысль о цѣльномъ изданіи Синкелла, и что для насъ особенно важно, вмѣстѣ съ его продолженіемъ, касающимся византійской эпохи, существовала гораздо ранѣе, чѣмъ королевская типографія въ Парижѣ заявила о

[1]) Georgii Syncelli chronographia, ab Adamo usque ad Diocletianum, et Nicephori, patriarchae Constantinopolitani, breviarium chronographicum et cet. ex interpretatione et cum notis *Iacobi Goar*. 1652. По гречески трудъ Синкелла называется Ἐκλογὴ χρονογραφίας.

[2]) См. обо всемъ этомъ подробнѣе у *Шёне* (Schoene) при новѣйшемъ изданіи хроники Евсевія.

планѣ общаго изданія византійцевъ. Объ этомъ шла рѣчь съ 1628 года въ перепискѣ Голстена, только что переселившагося въ Римъ изъ Парижа, сначала съ Перейскомъ, потомъ съ Дюпюи [1]). Во Франціи переводомъ Синкелла на латинскій языкъ занимался одинъ изъ ученыхъ членовъ французской магистратуры, какихъ тогда было не мало, Готенъ (Hautin, Haultinus, Altinus), совѣтникъ судебной палаты (conseiller au Chatelet), умершій въ 1640 году. Въ проспектѣ при воззваніи (Protrepticon) Лабба этотъ самый переводъ, пересмотрѣнный сыномъ умершаго, уже имѣлся въ виду. Самый греческій текстъ Лаббъ предполагалъ напечатать по рукописи Парижской королевской библіотеки, сообщенной братьями Дюпюи, при помощи сличенія ея съ другими манускриптами библіотеки Мазариніевой, а также съ тою копіей Ва-

[1]) Считаемъ не излишнимъ привести хотя въ примѣчаніи нѣкоторыя, сюда относящіяся свѣдѣнія, находящіяся у *Пелиссье*, Les amis d'Holstenius, l. c. Въ 1628 году Голстенъ писалъ Пейреску, что по приказанію кардинала Барберини списаны были съ ватиканскихъ хартій хроника Георгія монаха и его продолжатель Θеофанъ, а также латинскій переводъ того и другаго сочиненія, принадлежащій Анастасію Библіотекарю: Tum alia Theophanis continuatio jussu Leonis cognomento sapientis imperatoris Constantinopolitani confecta, quae res orientis sedulo narrat ad Leonis tempora. Operae pretium foret omnia ista junctim prodire in lucem. Потомъ еще разъ Голстенъ писалъ, что весьма полезно было бы издать Синкелла и Θеофана вмѣстѣ съ продолжателями, но что они въ Римѣ не видятъ къ тому средствъ (sed adminicula ad rem nulla video). Въ томъ же 1628 г. Голстенъ писалъ снова Пейреску о томъ же дѣлѣ и уже предлагалъ нѣкотораго рода соединеніе и раздѣленіе труда между Парижемъ и Римомъ. Онъ совѣтовалъ кардиналу, пусть тотъ поощритъ Готена, чтобъ онъ спѣшилъ со своимъ изданіемъ (Синкелла? въ латинскомъ переводѣ?); и пусть либо самъ Готенъ, либо Пейрескъ сообщитъ о планѣ изданія въ Римъ, кардиналу Барберини и попроситъ у него содѣйствія, а еще лучше попроситъ того, чтобъ одна часть столь обширнаго предпріятія была исполнена въ Римѣ, а исполненію другой въ Парижѣ оказано было содѣйствіе. Monueram ill. cardinalem ut clarissimum et amplissimum D. Altinum potius ad maturandam editionem cohortaretur. Vellem itaque vel ipsum Altinum vel te (Пейреска, очевидно) illius nomine ill-mo cardinali exponere consilium editionis jampridem ab eo susceptum ac rogare ut si quid adjumenti ex Vaticanis codd. accedere possit ad tam praeclarum studium suggerere dignetur, aut id saltem petere ut tam magni operis partem aliquam à suis hic concinnari curaret Georgium Syncellum et duos continuatores Theophanis, in ipsius Theophanis editione et Georgii sive monachi sive abbatis Altinum adjuvaret. Ita enim partitis operis editio citius absolveretur et laus integra ad ill-mum principem tamquam ἐργοδιώκτην rediret. Въ Римѣ сталъ работать надъ переводомъ Θеофана Бушаръ (о чемъ ниже), уже въ 1634 году, и этотъ переводъ вмѣстѣ съ барберинскими списками Синкелла и Θеофана, сдѣланными Дормаліемъ (Dormalius) былъ посланъ въ Парижъ въ 1646 году.

тиканскаго кодекса, которая прислана была изъ Рима кардиналомъ Барберини чрезъ посредство Голстена. Сверхъ того, предполагались комментаріи хронологическаго содержанія знаменитаго Петавія и сличеніе напечатаннаго текста съ какими-то двумя манускриптами (помимо вышеозначенныхъ), что̀ Лаббъ предоставлялъ себѣ самому. На самомъ дѣлѣ всѣ труды по изданію Синкелла достались на долю Гоара, о привлеченіи котораго къ этой задачѣ идетъ рѣчь уже въ письмѣ Дюпюи къ Барберини 1646 года [1]). Въ предисловіи къ изданію Гоаръ сообщаетъ, что онъ взялся за латинскій переводъ Синкелла по приглашенію тѣхъ, кого нельзя было ослушаться, то-есть, какъ видно изъ связи, по порученію кардинала Барберини; о переводѣ Готена прямо не упомянуто, а только замѣчено вообще, что надъ нимъ, то-есть переводомъ, трудились уже многіе — французы. итальянцы и нѣмцы. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ полагать, что переводъ принадлежитъ самому Гоару. Для греческаго подлиннаго текста послужилъ преимущественно кодексъ Парижской королевской библіотеки, драгоцѣнный тѣмъ, что, кромѣ Синкелла, онъ заключаетъ въ себѣ еще хронику Θеофана и сверхъ того продолженіе послѣдней Льва Грамматика, которое ни въ какой другой рукописи, кромѣ этой, и не существуетъ. Теперь этотъ знаменитый пергаментный кодексъ значится подъ № 1711; какъ видно изъ греческой надписи на первомъ листѣ, онъ былъ купленъ какимъ-то Іоанномъ, сыномъ Авраама, въ Коринѳѣ въ 1507 году за четыре золотыя монеты, а послѣ принадлежалъ королю Генриху IV; самый текстъ писанъ не позднѣе конца XI столѣтія, хотя прежде относили его къ XIII [2]); почеркъ дурной, некрасивый, неправильный, выходящій то вверхъ, то внизъ строки, съ весьма частыми сокращеніями или аббревіатурами, что̀ даже необычно для столь древнихъ списковъ; вообще чтеніе его

---

[1]) *Pélisson*, Les amis d'Holstenius, II, l. c., pag. 124: письмо отъ 22-го ноября означеннаго года. Получивъ изъ Рима посылку, въ которой оказался между прочимъ списокъ Синкелла, принадлежавшій Пейреску, Дюпюи пишетъ: „я пригласилъ Крамуази, и онъ обѣщаетъ заняться этимъ важнымъ дѣломъ. J'ai jetté les yeux pour conduire cet ouvrage sur un religieux dominicain le P. *Goard*, que V. E. a veu dans Paris. Il a mesme copié en partie le Theophane, il me semble comme il m'a parlé de ces livres qu'il est capable d'entreprendre à travailler".

[2]) Въ каталогѣ Парижской библіотеки она означена XIII вѣкомъ, но это сдѣлано на основаніи первыхъ листовъ, содержащихъ Breviarium Никифора и писанныхъ другою рукою, чѣмъ основной текстъ. Къ XI вѣку относитъ рукопись de Boor, въ изслѣдованіи о рукописяхъ Θеофана, во второмъ томѣ изданія хроники сего послѣдняго.

представляется крайне труднымъ даже для новѣйшихъ ученыхъ, которые обыкновенно подготовляются къ своему дѣлу теоретическимъ и практическимъ изученіемъ палеографіи, имѣютъ у себя въ распоряженіи отличныя для этой цѣли пособія, какихъ во время Гоара совсѣмъ еще не существовало. Поэтому мы думаемъ, что новые ученые, слишкомъ уже рѣзко отзывающіеся о недостаткахъ изданій Гоара, сдѣланныхъ по означенному манускрипту, не совсѣмъ справедливы. Гоаръ заявлялъ въ предисловіи, что онъ хочетъ напечатать основную рукопись буквально какъ есть, оставляя въ текстѣ небольшіе явные пробѣлы (lacunas) и несомнѣнно ошибочныя чтенія; поправки онъ дѣлалъ на поляхъ, а затѣмъ въ концѣ отдѣльно (въ Emendationes и Adnotationes). Но его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ иногда дѣлалъ поправки только къ своимъ собственнымъ ошибкамъ, къ ошибкамъ, происшедшимъ отъ неправильнаго чтенія правильно, но неразборчиво написанныхъ словъ. Другіе списки Синкелла, какъ это было довольно обычно въ парижскихъ изданіяхъ византійцевъ, были привлечены только послѣ отпечатанія текста для подведенія варіантовъ. Fratres Putean., то-есть, братья Дюпюи сообщили Гоару или даже подарили списокъ, принадлежавшій нѣкогда Пейреску (D-no Perez), и этимъ самымъ почти-де устранили необходимость всякихъ дальнѣйшихъ розысковъ, ибо надпись показываетъ, что онъ былъ сличенъ съ палатинско-ватиканскимъ спискомъ самимъ его первоначальнымъ обладателемъ. Впрочемъ, часть хронографіи, начиная съ осады Іерусалима Титомъ до Діоклетіана, была еще сличена со спискомъ ватиканскаго кодекса № 154, доставленнымъ кардиналомъ Барберини. Главнымъ же образомъ сличенія дѣлаются уже съ печатнымъ изданіемъ Скалигера и направляются въ обличеніе этого знаменитаго филолога; есть какъ бы статистика всего, заимствованнаго Скалигеромъ изъ Синкелла, есть затѣмъ указаніе текстовъ Синкелла: a) испорченныхъ, b) изувѣченныхъ, c) измѣненныхъ или опущенныхъ Скалигеромъ. Затѣмъ уже слѣдуютъ исправленія и примѣчанія — очень обширныя и, конечно, весьма поучительныя: объясненія дѣлаются на основаніи изученія всѣхъ другихъ, тогда извѣстныхъ, сродныхъ источниковъ; поправки текста сообщаются здѣсь по преимуществу такія, которыя требуютъ разъясненій и доказательствъ. Предварительныя и разнаго рода реальныя объясненія, сверхъ того, находятся въ предисловіи и въ хронологическомъ канонѣ. Предисловіе, конечно, стоитъ въ началѣ, тотчасъ за посвященіемъ канцлеру Сегье. Здѣсь говорится о предшественникахъ Синкелла—хронографахъ Африканѣ

и Евсевіѣ, о значеніи слова синкеллъ, при чемъ доказывается, что въ древности званіе келейника патріарха было весьма почетнымъ и вело къ достиженію высшихъ духовныхъ должностей, говорится о самой хронографіи и ея авторѣ, уже отличаемомъ отъ Амартола, объ источникахъ ея, при чемъ Гоаръ подробно опровергаетъ взглядъ Скалигера, что все почти, что̀ было въ хроникѣ Евсевія, перешло къ Синкеллу, а напротивъ доказываетъ, что у Синкелла были и другіе источники; наконецъ, идетъ разсужденіе о томъ, въ полномъ ли видѣ дошло до насъ сочиненіе Синкелла, и говорится о рукописяхъ. Canon chronicus, хронологическая таблица родоначальниковъ, царей, вождей и императоровъ, составлена Гоаромъ на основаніи Синкелла съ указаніемъ, гдѣ его хронологія правильна, гдѣ требуетъ исправленія. Въ боннскомъ изданіи все это было перепечатано безъ измѣненія; только относительно текста сдѣланы были разныя улучшенія и привлеченъ къ дѣлу новый кодексъ Парижской библіотеки № 1764, указанный Бредовымъ. Тѣмъ не менѣе о самомъ Гоарѣ новый издатель сказалъ только, что это былъ яростный порицатель Скалигера, человѣкъ посредственной учености, лишенный всякой способности къ критикѣ. Впрочемъ, при этомъ имѣется въ виду только чисто филологическая часть труда, а не то, что̀ сдѣлано Гоаромъ для реальнаго комментарія. О Бревіаріѣ Никифора, изданномъ вмѣстѣ съ Синкелломъ, замѣтимъ только, что онъ былъ напечатанъ по тому же кодексу 1711, но въ немъ онъ писанъ, какъ сказано, болѣе позднею рукой, чѣмъ остальной текстъ, и является въ реценэіи не первоначальной, но уже испорченной и не чуждой позднѣйшихъ вставокъ.

По завѣту умирающаго Георгія и согласно съ обѣтомъ, даннымъ предъ его смертнымъ одромъ, Синкелла продолжалъ Ѳеофанъ, игуменъ монастыря Сигріанскаго, защитникъ иконопочитанія, получившій названіе исповѣдника вслѣдствіе преслѣдованій, которымъ онъ подвергся при Львѣ Армянинѣ, продержавшемъ его два года въ тѣсномъ и тяжеломъ темничномъ заключеніи. Ѳеофанъ довелъ свою хронографію отъ Діоклетіана (или 284 года) до восшествія на престолъ Льва Армянина (813 г.) [1]). Сочиненіе его пользовалось величайшимъ уваженіемъ у современниковъ, ближайшихъ потомковъ и позднѣйшихъ византійцевъ; къ нему примыкаетъ цѣлый рядъ продолженій, состав-

---

[1]) S. Theophanis chronographia, a Constantino Magno ad Michaelis et Theophili tempora et Leonis Grammatici vitae recentiorum imperatorum, ex interpretatione *Jacobi Goar* cum ejusdem et *Franc. Combefisii* notis. 1655.

ленныхъ при Константинѣ Багрянородномъ и позднѣе; намъ уже извѣстно, что, съ одной стороны, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ своего появленія оно было переведено на латинскій языкъ Анастасіемъ, и что съ другой даже въ концѣ XI столѣтія Скилицій началъ свою компилятивную хронику тамъ, гдѣ кончается разказъ Ѳеофана. Что касается изданія хроники Ѳеофана, то выше (въ примѣчаніи) было упомянуто о Бушарѣ, домашнемъ кліентѣ кардинала Барберини, занимавшемся ею по порученію своего патрона. „Кардиналъ желаетъ", писалъ Бушаръ еще въ 1634 году [1]),—чтобъ я напечаталъ послѣдовательно исторію отъ начала міра до взятія Константинополя, какъ она изложена греческими христіанскими авторами Ватиканской библіотеки, и я долженъ начать Ѳеофаномъ, который написалъ исторію отъ Діоклетіана до императоровъ Михаила и Ѳеофила" (читай: Ѳеофилакта, разумѣя при этомъ сына Михаила Рангави). Не совсѣмъ ясно, въ чемъ заключался первоначальный планъ довольно широко задуманнаго предпріятія; сомнительно, чтобы дѣло шло объ изданіи самыхъ греческихъ подлинниковъ, имѣлось въ виду скорѣе приготовленіе однихъ латинскихъ переводовъ. По крайней мѣрѣ самъ Бушаръ ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только переложилъ на латинскій языкъ доставленный ему въ копіи съ Ватиканскаго списка текстъ хроники Ѳеофана, и если затѣмъ хлопоталъ о полученіи другихъ списковъ, то опять-таки съ цѣлью облегчить себѣ трудъ и достигнуть болѣе точнаго перевода. Онъ уже зналъ, что существуетъ въ Парижской королевской библіотекѣ очень древняя пергаментная рукопись, содержащая вмѣстѣ съ Синкелломъ и Ѳеофана съ его продолжателемъ, и что часть этого чрезвычайно труднаго для чтенія манускрипта, заключающая именно Ѳеофана, была списана Готеномъ трудившимся, какъ мы знаемъ, и надъ Синкелломъ. Бушаръ обращался къ Готену съ просьбой о сообщеніи ему списка, но получилъ отказъ. Тогда чрезъ посредство Пейреска и Дюпюи онъ просилъ о томъ же самомъ знаменитаго филолога Сомэза (Saumaise, Salmasius), который точно также сдѣлалъ или велѣлъ сдѣлать для себя копію съ королевской рукописи; но и на этотъ разъ желаніе Бушара не вдругъ и не вполнѣ было удовлетворено; Сомэзъ такъ дорожилъ своимъ спискомъ, что не хотѣлъ разстаться съ нимъ и подвергать его случайностямъ дальней пересылки. Для Бушара была приготовлена другая копія, и Сомэзъ взялъ

[1]) *Pélissier* l. c. pag. 102, изъ корреспонденціи Пейреска, изданной Tamizey de Larrocque.

на себя трудъ провѣрить ея исправность. Каковъ затѣмъ вышелъ переводъ Бушара и къ чему онъ послужилъ, — видно будетъ ниже.

Ф. Лаббъ въ своемъ воззваніи (Protrepticon) обѣщалъ напечатать греческій, до тѣхъ поръ неизданный, текстъ Θеофана, сообщенный ему братьями Дюпюи (Puteani fratres), представляющій воспроизведеніе королевскаго парижскаго списка, сличенное потомъ Голстеномъ въ Римѣ съ ватиканскою рукописью, послужившею основаніемъ для перевода Бушара. Здѣсь идетъ рѣчь, по видимому, о томъ самомъ спискѣ, который былъ провѣряемъ Сомезомъ, и о которомъ переписывался съ Голстеномъ Дюпюи.

„Что касается до греческаго экземпляра Θеофана и его продолжателя Льва Армянина (sic), который вы", пишетъ Дюпюи Голстену въ апрѣлѣ 1647 года—„обѣщаете намъ прислать, чтобы послужить намѣренію, какое здѣсь имѣютъ, отдать въ печать эти два произведенія, то я скажу вамъ, что ваши предложенія приняты здѣсь съ удовольствіемъ и Васъ просятъ привести ихъ въ исполненіе сколь возможно скорѣе, хотя я думаю, что то, что̀ вы тамъ имѣете, не есть что-либо другое, какъ копія, которую я здѣсь велѣлъ снять съ королевскаго экземпляра для кардинала Барберини (=для его кліента Бушара), и которую Сомэзъ взялъ на себя трудъ перечитать" [1]).

Изъ словъ другаго изъ братьевъ Дюпюи видно, что въ дѣлѣ пересылки въ Римъ приготовленной подъ надзоромъ Сомэза копіи принималъ участіе и Пейрескъ, и что эта копія сличена была въ Римѣ (разумѣется, Голстеномъ) съ однимъ изъ ватиканскихъ списковъ [2]). Однако, этотъ списокъ или эту копію нужно отличать отъ другаго кодекса, собственно такъ-называемаго Пейрескова, по имени владѣльца, Пейреска: сей послѣдній, тоже находившійся временно у Барберини въ Римѣ, возвращенъ былъ въ Парижъ еще въ 1646 году, и о полученіи его Пьерръ Дюпюи извѣщаетъ въ томъ же самомъ письмѣ, въ которомъ изъявляетъ желаніе о доставленіи вышеозначенной копіи, провѣренной Сомэзомъ. Итакъ, мы видимъ, что парижскіе списки сначала странствуютъ въ Римъ, а за тѣмъ возвращаются оттуда обратно, какъ скоро за изданіе Θеофана рѣшили взяться во Франціи. Сверхъ того, нужно замѣтить, что Дюпюи ошибался, какъ послѣ оказалось,

---

[1]) Mélanges d'archéologie et d'histoire (École française de Rome), mars 1887: *Pélissier*. Les amis d'Holstenius pag. 107 (письмо отъ апрѣля 1647 г.).

[2]) Ibid., pag. 124 и 125.

въ томъ своемъ предположеніи, будто въ Барберинской библіотекѣ не было своего собственнаго экземпляра хроники Θеофана, такъ какъ еще въ 1628 году для нея снята была копія съ ватиканскаго подлинника (см. стр. 89 прим. 2) и, не одни только списки парижскаго происхожденія видимъ мы послѣ въ рукахъ парижскихъ издателей, но и еще нѣчто новое, добавочное.

Кромѣ изданія текста Лаббъ обѣщалъ далѣе, что по окончаніи печатанія онъ сравнитъ королевское изданіе съ двумя другими рукописными кодексами, и если что̀ найдетъ достойнымъ вниманія, то отмѣтитъ въ спискѣ варіантовъ. Однимъ изъ этихъ второстепенныхъ кодексовъ, которые предполагалось привлечь только для разночтеній, могъ быть именно Peyrezianus, который самимъ первоначальнымъ владѣльцемъ былъ сличаемъ съ Ватиканскимъ (Палатинскимъ) текстомъ Синкелла и съ королевскимъ древнимъ Θеофана; затѣмъ онъ, побывавъ въ Римѣ, сдѣлался достояніемъ Пьерра Дюпюи, былъ имъ подаренъ Гоару, а теперь хранится въ Парижской національной библіотекѣ. Что касается латинскаго перевода, то Ф. Лаббъ хотя и упоминаетъ о переводѣ Бушара, но замѣчаетъ, что для королевскаго изданія изготовленъ Готеномъ новый переводъ. Первый еще ранѣе признанъ былъ въ Парижѣ неудовлетворительнымъ и незаконченнымъ, требующимъ новаго пересмотра, не говоря уже о совершенной несостоятельности прибавленныхъ въ концѣ замѣчаній [1]).

По той или другой причинѣ изданіе Θеофана перешло вмѣстѣ съ Синкелломъ въ руки доминиканца Гоара съ устраненіемъ руководства, на которое заявлялъ притязаніе іезуитъ Лаббъ. Гоаръ долженъ былъ кромѣ того приложить къ Θеофану и его продолжателя Льва грамматика. Это и было послѣднимъ, посмертнымъ трудомъ ученаго доминиканца, такъ много оказавшаго заслугъ византологіи; онъ скончался, не успѣвъ довести до конца свою задачу, но впрочемъ уже отпечатавъ всего Θеофана, а также и Льва, за исключеніемъ немногихъ листовъ, и оставивъ въ рукописи готовыя примѣчанія къ Θеофану. На одрѣ болѣзни онъ усердно просилъ своего сотоварища по ордену, ученаго Комбефиза, взять на себя обязанность докончить то, что̀ было не кончено, и Комбефизъ ради дружбы и общихъ ученыхъ занятій далъ требуемое обѣщаніе. Такимъ обра-

---

[1]) ....La version latin de Theophanes par le sieur Bouchart qui n'est pas un ouvrage achevé et qu'il faut revoir... Письмо Пьера Дюпюи къ Барберини отъ 22-го ноября 1646 г. *Pélisser.* Les amis d'Holstenius et cet., pag. 124.

зомъ томъ, содержащій хронику Θеофана и ея продолженіе, приписываемое Льву Грамматику, явился на свѣтъ съ именами двухъ издателей и съ предисловіемъ Комбефиза [1]).

Въ этомъ предисловіи (Praefatio) Комбефизъ объясняетъ, что онъ отдалъ въ печать оставленныя Гоаромъ примѣчанія въ томъ самомъ видѣ, какъ они были написаны покойнымъ авторомъ, и хотѣлъ ограничиться приложеніемъ подробнаго указателя; но когда онъ сталъ ради этой цѣли пересматривать текстъ Θеофана и Льва Грамматика, то онъ встрѣтилъ много такого, что̀ требовало новаго вниманія и заботливаго исправленія; ради того онъ прибавилъ еще отъ себя дополнительныя примѣчанія, Notae posteriores. Дѣло въ томъ, что, какъ объясняетъ Комбефизъ въ другомъ мѣстѣ (въ самыхъ примѣчаніяхъ; см. pag. 665 парижскаго изданія), во время печатанія примѣчаній онъ получилъ въ свои руки подлинный парижскій кодексъ Θеофана и Льва Грамматика, который въ сущности, но чрезъ посредство копіи, служилъ единственною основою для Гоара, и убѣдился, что переписчикъ его допустилъ множество недосмотровъ и ошибокъ въ чтеніяхъ; то, что̀ уже поздно было исправлять въ примѣчаніяхъ Гоара, исправлено и отмѣчено Комбефизомъ въ его собственныхъ Notae posteriores, которыя, впрочемъ, онъ старался сдѣлать сколь возможно болѣе краткими и сжатыми; образцомъ должны были служить подобныя же дополненія Гоара къ Ксиландрову изданію Кедрина, а не обширный комментарій того же Гоара къ Кодину. Сверхъ того, Комбефизъ объясняетъ въ предувѣдомленіи, что именно ему пришла мысль приложить къ изданію хроники Θеофана его житіе въ греческомъ подлинникѣ, и что отыскать таковой ему стоило большихъ трудовъ; онъ обращался съ просьбами о содѣйствіи къ тому же кардиналу Барберини, который уже ранѣе принималъ живое участіе во всемъ дѣлѣ. Указываются слѣдующія заслуги кардинала по отношенію къ Θеофану; онъ приготовилъ для печати (praelo adornaverit) латинскій переводъ хроники, сдѣланный его кліентомъ—Бушаромъ (per Buccardum domesticum) и прислалъ его въ Парижъ въ предположеніи, что переводъ этотъ можетъ оказаться къ чему-нибудь пригоднымъ; помимо возвра-

[1]) Theophanis chronographia Leonis Grammatici vitae recentiorum imperatorum. *Iacobus Goar* ord. FF. Praedicatorum congregationis S. Ludovici vicarius generalis latine reddidit, Theophanem notis illustravit, varias lectiones multiplici codd. collatione adhecit *R. F. Combefis* ejusdem instituti ac congregationis iterum recensuit, notis posterioribus Theophanem integris Leonem Grammaticum strictim discussit, exque fide codd. auxit, emendavit.

щенныхъ парижскихъ списковъ онъ переслалъ свой собственный греческій кодексъ, содержащій текстъ, сличенный съ нѣсколькими ватиканскими списками Ѳеофана, при помощи которыхъ королевскій древнѣйшій кодексъ могъ быть восполненъ, разъясненъ и исправленъ. Это такъ-называемый теперь Барберинскій II, 54. Тутъ же идетъ рѣчь о заслугахъ братьевъ Дюпюи: они не только доставили Гоару списокъ съ кодекса королевской библіотеки (вѣроятно, списокъ Сомэза), по которому тотъ въ сущности и отпечаталъ весь текстъ, но предоставили въ его пользованіе, а затѣмъ и въ полную собственность и списокъ Пейреска, сличенный съ Палатино-Ватиканскимъ. Соотвѣтственно съ приведенными сообщеніями предисловія, парижское изданіе Ѳеофана и Льва получило слѣдующій видъ, который теперь будетъ для насъ вполнѣ понятенъ.

За Praefatio слѣдуютъ: 2) житіе Ѳеофана, подлинникъ котораго въ концѣ концовъ нашелся въ Венеціи, въ библіотекѣ св. Марка, а также и служба въ честь этого святаго; 3) списокъ словъ и выраженій грековарварскихъ, встрѣчаемыхъ у Ѳеофана и Льва Грамматика, довольно краткій и похожій уже на извѣстные намъ словари Гоара; 4) текстъ обѣихъ хроникъ Ѳеофана и Льва Грамматика, съ латинскимъ переводомъ, который слѣдуетъ приписывать самому Гоару, хотя мы не знаемъ, на сколько онъ воспользовался предшествовавшими переводами Бушара и Готена; въ срединѣ между двумя хрониками вставлено краткое сказаніе неизвѣстнаго автора о времени Льва Армянина, до котораго доходитъ трудъ Ѳеофана (Authoris incerti Historia); затѣмъ; 5) варіанты къ Ѳеофану, полученные, вопервыхъ, отъ сличенія королевскаго пергаментнаго древняго кодекса (Codex regius № 1711) съ двумя другими, весьма исправными, то-есть, съ тѣмъ, который былъ присланъ кардиналомъ Барберини, и съ Reuezianus; вовторыхъ, изъ сличенія съ четырьмя римскими кодексами: ватиканскими №№ 154, 155, 979 и палатинскимъ 246. Это послѣднее сличеніе съ четырьмя кодексами было сдѣлано на полѣ того другаго сейчасъ названнаго присланнаго изъ Рима списка хроники Ѳеофана, именуемаго кодексомъ Барберинскимъ. Этотъ списокъ (Barberin. II, 54) со всѣми отмѣтками разночтеній сохранился въ томъ же видѣ до настоящаго времени. Впрочемъ изъ позднѣйшихъ болѣе подробныхъ сообщеній намъ извѣстно, что самый основный текстъ Барберинскаго списка представлялъ копію съ одного изъ ватиканскихъ, именно: Vat. 155 (X или XI в.), по письму относимую къ XVI вѣку; но если мы припомнимъ сообщеніе Голстена отъ 1628 года о приготовленіи списковъ

Синкелла и Θеофана для Барберинской библіотеки, то вѣрнѣе считать эту копію относящеюся къ первой половинѣ XVII вѣка. Очень понятно, что сличеніе копіи съ оригиналомъ могло дать очень немного варіантовъ, какъ оно оказывается и на самомъ дѣлѣ, и само собою разумѣется, что оно не имѣло важнаго значенія. Важнѣе сличеніе съ cod. Vat. 154, но оно простирается только до царствованія Юстиніана Великаго, гдѣ означенный неполный списокъ, относящійся къ XII вѣку, прерывается. Ватиканскій греческій 979 былъ писанъ въ XVI вѣкѣ и потому не имѣлъ большой цѣнности уже самъ по себѣ и по близкому родству съ Палатино-Ватиканскимъ спискомъ, мало представлялъ своихъ особенностей. Такимъ образомъ на *поляхъ* Барберинскаго списка, и отчасти между строками, большею частью идутъ отмѣтки только двухъ списковъ Ватиканскаго 154 и Палатино-Ватиканскаго 246 (теперь 395). Послѣдній, сличенный два раза, то-есть, кромѣ Барберинской рукописи еще на Peyreziauus, принадлежитъ тоже къ позднимъ; онъ писанъ въ XVI вѣкѣ. А сверхъ того, самый основной текстъ Пейрескова кодекса, есть ничто иное, какъ воспроизведеніе сейчасъ упомянутаго Ватиканскаго 979. Изъ всего этого видно, что критическій аппаратъ изданія Θеофана не отличался ни богатствомъ, ни строгою классификаціею, не говоря о томъ, что нѣкоторые важные списки, какіе сдѣлались извѣстны позднѣе (Coislinianus, Colbertinus), еще не были тогда приведены въ извѣстность. Ни полнота, ни строгая систематичность, очевидно, не были во власти Гоара, а также не были въ обычаяхъ и средствахъ того времени. Есть и другія два важныя обвиненія, которыя высказываются новыми учеными противъ Гоара. Онъ, вопервыхъ, нерѣдко допускалъ ошибки въ чтеніи своего основнаго подлинника, не всегда вѣрно угадывалъ смыслъ сокращеній, такъ что, напримѣръ, вмѣсто νόθον (незаконнорожденнаго) читалъ νοτάριον (нотарія); но мы уже говорили о тѣхъ трудностяхъ, которыя вообще представлялъ особенно для того времени codex regius 1711. Вовторыхъ, какъ теперь только замѣчено новѣйшимъ издателемъ Θеофана (de Boor), Гоаръ перемѣшалъ въ своихъ варіантахъ отмѣтки разныхъ списковъ, сдѣланныя на присланной ему Барберинской копіи, и то, что̀ принадлежитъ одному изъ Ватиканскихъ, приписывалъ другому, Такой недосмотръ можно объяснить развѣ болѣзненнымъ состояніемъ и утомленіемъ трудолюбиваго издателя. Комбефизъ, впрочемъ, многое исправилъ, и онъ же первый указалъ одинъ изъ надежнѣйшихъ путей къ возстановленію подлиннаго текста хроники, какъ его нужно предполагать вышедшимъ изъ рукъ Θеофана: это — сличеніе текста

Θеофановой хроники съ тѣми оригинальными древнѣйшими произведеніями, которыя послужили для нея въ разныхъ мѣстахъ источникомъ. Въ этомъ отношеніи остались позади Комбефиза даже нѣкоторые изъ позднѣйшихъ порицателей парижскаго изданія; мы разумѣемъ нѣмецкихъ филологовъ, трудившихся надъ Боннскимъ изданіемъ (объ этомъ рѣчь будетъ ниже). 6) За разночтеніями, которыя — мимоходомъ замѣтимъ — въ Боннскомъ изданіи помѣщены не отдѣльно, а размѣщены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ подъ текстомъ, слѣдуютъ съ начала примѣчанія (notae) къ Θеофану Гоара, потомъ notae posteriores Комбефиза и наконецъ краткія замѣчанія ко Льву Грамматику. Изданіе послѣдняго остается пока единственнымъ въ томъ смыслѣ, что позднѣйшія коллекціи повторяли его въ томъ же самомъ видѣ. Такъ какъ и рукопись, по которой издано продолженіе Льва Грамматика къ хроникѣ Θеофана, есть единственная и никѣмъ послѣ не была вновь изучаема, то и не представляется возможности сдѣлать относительно его какихъ-либо замѣчаній. Позднѣе была открыта часть хроники отъ начала міра до Льва Армянина, по надписанію и нѣкоторымъ другимъ признакамъ признанная за начало или первую часть хроники Льва Грамматика; но это вопросъ, который теперь насъ не можетъ занимать.

Въ томъ же самомъ 1655 году, когда изданъ былъ Θеофанъ, появилось новое изданіе историческаго синопсиса Константина Манасси съ посвященіемъ кардиналу Мазарини, а во второй части того же тома—Константинопольскія древности Кодина съ различными приложеніями и съ особымъ посвященіемъ кардиналу Барберини [1]). Изданіемъ Манасси завѣдывалъ Фабро, прибавившій въ концѣ варіанты по рукописямъ королевской библіотеки, и по своему обычаю—краткій объяснительный словарь греко-варварскихъ реченій; сверхъ того, вновь даны были варіанты, сообщенныя изъ Ватиканскихъ манускриптовъ Алляціемъ; въ остальномъ Луврское изданіе представляетъ простую перепечатку текста установленнаго Меурсіемъ и латинскаго перевода, приготовленнаго еще Леунклавіемъ. Надъ Кодиномъ, составляющимъ вторую половину тома, трудился уже разъ

[1]) Κωνσταντίνου τοῦ Μανάσση Σύνοψις ἱστορική. Const. Manassis Breviarium historicum. Ex interpretatione *Jo.* Leunclavii cum ejusdem et *Meursii* notis. Accedit variarum lectionum libellus, cura Leonis Allatii etc. Ann. Fabrotti Jurisc. Item glossarium graeco-barbarum studio ejusdem *Fabrotti*. Parisiis, 1655. Georgii Codini et alterius cujusdam anonymi excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis, edita in lucem opera et studio *Petri Lambecii* Hamburgensis.

упомянутый нами племянникъ Голстена, гамбургскій нѣмецъ Ламбекъ или Ламбецій. Онъ началъ эти свои занятія еще въ Парижѣ—ранѣе отъѣзда своего въ Римъ (въ сентябрѣ 1647 г.). О Кодинѣ часто идетъ рѣчь въ перепискѣ Голстена съ Дюпюи и племянникомъ [1]). Въ іюлѣ 1647 года Дюпюи извѣщалъ Голстена, о томъ, что имъ полученъ посланный Голстеномъ изъ Рима пакетъ, содержащій Origines Кодина и Chronicon Constantinopolitanum. Посылка была передана, говоритъ Дюпюи, въ руки вашего племянника, который пришелъ въ восторгъ, видя себя обладателемъ такихъ сокровищъ, и я васъ увѣряю, что ничѣмъ болѣе пріятнымъ вы не могли бы его угостить". Однако Дюпюи сомнѣвается, чтобы Ламбекъ успѣлъ довести до конца свой трудъ надъ Кодиномъ,—имѣя, конечно, въ виду его близкое удаленіе изъ Парижа [2]). Въ мартѣ 1648 года, когда Ламбекъ былъ уже въ Римѣ, Дюпюи писалъ Голстену, что трудъ Ламбеція, его племянника, будетъ большимъ украшеніемъ для предположеннаго собранія византійскихъ писателей, и что онъ будетъ принятъ съ особымъ уваженіемъ въ виду того, что самъ Голстенъ имѣлъ надъ нимъ наблюденіе [3]). Изданъ былъ Кодинъ, то-есть, его сочиненіе о древностяхъ, по списку Ватиканскому, съ котораго снялъ копію для Барберинской библіотеки Голстенъ, предполагавшій первоначально самъ издать этотъ текстъ въ замышляемой коллекціи древнихъ географовъ, но потомъ уступившій эту честь племяннику, котораго кромѣ того снабжалъ дѣйствительно полезными совѣтами и указаніями. Пособіями служили рукописи Валлицелланская, Королевской библіотеки, Пейреска, копіи, сообщенныя Сирмондомъ и Фоссомъ. Племянникъ посвятилъ свой трудъ кардиналу Барберини, посвященіе подписано въ Гамбургѣ 1653 г. Новый текстъ былъ гораздо полнѣе и исправнѣе прежняго, напечатаннаго

---

[1]) Много писемъ Голстена къ племяннику находится въ сборникѣ *Буассонада*: Lucae Holstenii epistolae ad diversos — — collegit atque illustravit *Boissonade*. Paris. 1817. Отрывки отсюда приводятся у Пелиссье, издателя писемъ Дюпюи, въ которыхъ часто идетъ рѣчь о томъ же самомъ. Изъ четырехъ вновь найденныхъ писемъ Ламбеція два—одно къ Жилью Менажу (Ménage), другое къ Дюпюи—относятся къ изданію Кодина; они всѣ обнародованы тѣмъ же Пелиссье въ *Bulletin critique*, 15 Septembre 1887 (№ 18).

[2]) *Pélissier*. Les amis d'Holstenius: Mélanges d'archéologie et d'histoire d'École de Rome, Mars 1887, pag. 110: mais je doute qu'il ait assez de temps pour achever cet ouvrage.

[3]) Mais l'ouvrage que M. Lambecius votre neveu a entre les mains sera un grand ornement pour ce dessein de l'histoire byzantine, lequel sera d'autant plus recommandable, que vous avez l'inspection dessus. Ibid. pag. 114.

Меурсіемъ. Сверхъ того, здѣсь присоединенъ цѣлый рядъ дополнительныхъ дотолѣ не изданныхъ статей, сообщающихъ новую цѣнность всему изданію. Содержаніе части, посвященной Кодину, имѣетъ такимъ образомъ слѣдующій видъ: I. Георгія Кодина о древностяхъ (de originibus) Константинополя. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ, обозначаемымъ на верху страницъ отъ 1-й до 83-й, содержатся въ частности такіе отдѣлы: a) Георгія Кодина Извлеченія изъ одной хроники о древностяхъ Константинополя (παρεκβολαὶ ἐκ τῆς βίβλου τοῦ χρονικοῦ περὶ τῶν πατρίων τῆς Κ—πόλεως, excerpta de originibus C—politanis). Этотъ отдѣлъ представляетъ большое, часто буквальное сходство съ подобнымъ же изложеніемъ древностей Гезихія (Исихія) Милетскаго, современника царямъ Анастасію и Юстиніану Великому; есть указанія на то, что оно находилось въ шестой книгѣ хроники Гезихія, гдѣ онъ повѣствовалъ о перенесеніи столицы изъ Стараго Рима въ Византію; Кодиномъ оно заимствовано либо непосредственно отсюда, либо изъ какого-нибудь другаго писателя, уже пользовавшагося Гезихіемъ: Ламбецій (въ примѣчаніяхъ) предполагаетъ первое b) о внѣшнемъ очертаніи или общемъ видѣ Константинополя, περὶ τῆς σχηματογραφίας τῆς Κ—πόλεως c) о статуяхъ, колоннахъ и другихъ достопримѣчательностяхъ, περὶ ἀγαλμάτων, στηλῶν καὶ θεαμάτων d) о зданіяхъ, περὶ κτισμάτων e) о построеніи храма св. Софіи f) каталогъ императоровъ, царствовавшихъ въ Константинополѣ до взятія города Агарянами. Этотъ каталогъ составленъ былъ первоначально при Мануилѣ Комнинѣ, а послѣ продолженъ до 1453 года—предполагается, самимъ Кодиномъ. Что же касается прочихъ четырехъ статей, то, по указанію Ламбеція, содержаніе ихъ частію заимствовано Кодиномъ изъ разныхъ византійскихъ древнихъ хроникъ (Іоанна Антіохійскаго, Александрійской или Пасхальной, Глики и т. п.), а частію выписано изъ другаго болѣе ранняго готоваго сборника свѣдѣній подобнаго же характера. Только первый (изъ всѣхъ шести) отдѣлъ, заимствованный изъ Гезихія, пятый и начало третьяго были изданы Георгомъ Дузою, остальное являлось въ первый разъ у Ламбеція II. За Кодиномъ слѣдуютъ Анонима извлеченія о древностяхъ константинопольскихъ, Παραστάσεις σύντομοι χρονικαί, Anonymi Collectanea de antiquitatibus Constantinopolitanis: не особенно длинный (pag. 85 — 105) отрывокъ, помѣщенный безъ латинскаго перевода, такъ какъ большая часть статей уже вошла въ сборникъ Кодина, гдѣ и переведена. Именно у этого анонимнаго писателя, составившаго свою компиляцію изъ

сочиненій Θеодора Анагноста, Евсевія, Сократа и другихъ—на двѣсти или триста лѣтъ ранѣе, дѣлалъ буквальныя выписки Кодинъ, жившій по Ламбецію во время и послѣ взятія Царьграда турками. Anonymi Collectanea извлечены были въ первый разъ Ламбеціемъ изъ одного кодекса королевской (Парижской) библіотеки XII вѣка. Послѣ изданіе повторено было Комбефизомъ въ Manipulus rerum Constantinopolitanarum съ латинскимъ переводомъ и съ примѣчаніями, въ которыхъ дѣлается не мало упрековъ первому издателю за разнаго рода неисправности; Ламбецій сбирался отвѣчать при новомъ изданіи Кодина въ предполагавшемся имъ Дополненіи къ собранію Византійскихъ историковъ (Supplementum Corporis historiae Byzantinae); но этого изданія, матеріалы для котораго должна была дать преимущественно Вѣнская придворная библіотека, въ свѣтъ не выходило. III. Далѣе слѣдуютъ письма Мануила Хризолора, предшествуемыя епитафіею надъ его гробницей въ Констанцѣ, гдѣ онъ умеръ во время знаменитаго собора: первое письмо (съ латинскимъ переводомъ) адресовано къ Императору Іоанну Палеологу и содержитъ сравненіе Рима съ Константинополемъ въ отношеніи мѣстоположенія, климата и т. д., два другихъ, оставленныя безъ перевода, родственнаго содержанія, предназначены были братьямъ автора Іоанну и Димитрію Хризолорамъ IV). Затѣмъ слѣдуютъ примѣчанія Ламбеція къ Кодину и отдѣльно къ Анониму, которымъ предшествуетъ a) небольшое предисловіе къ читателю, гдѣ идетъ рѣчь о рукописяхъ и объ отношеніи новаго изданія къ старымъ и b) краткое жизнеописаніе Кодина съ обозрѣніемъ его сочиненій (de Vita et scriptis Codini): мнѣнія, здѣсь высказываемыя уже обозначены нами выше. Что касается собственно примѣчаній, то они содержатъ иногда довольно значительныя выписки изъ неизданныхъ рукописей; между прочимъ приводятся отрывки изъ ватиканскаго фрагмента De signis, то-есть изъ перечисленія художественныхъ сокровищъ, разрушенныхъ или похищенныхъ франками при взятіи Константинополя въ 1204 году, сочиненія впослѣдствіи приписаннаго Никитѣ Хоніату и печатаемаго при его большомъ историческомъ сочиненіи (въ Боннскомъ изданіи); вполнѣ, но только безъ перевода—напечатана бесѣда патріарха Фотія на освященіе Новой церкви Богородицы во дворцѣ, построенной Василіемъ Македонскимъ (вновь послѣ издана Комбефизомъ см. выше). Вообще же относительно комментарія, составленнаго Кодиномъ, знатоки полагаютъ, что онъ отличается большими достоинствами филологическими—относительно объясненія текста,

приведенія разночтеній, истолкованія средне-греческихъ и ново-греческихъ словъ, сближенія различныхъ извѣстій объ историческихъ лицахъ; но по отношенію къ топографіи древняго Цареграда, для которой Кодинъ служитъ важнѣйшимъ источникомъ, онъ оставляетъ желать многаго (Г. С. Дестунисъ, Топографія древняго Константинополя, Журналъ Мин. Нар. Просв. 1882 г. январь, стр. 21). Кромѣ собственныхъ примѣчаній къ Кодину, Ламбецій перепечаталъ также и старый комментарій Меурсія, гораздо болѣе краткій. Особое приложеніе составляютъ V) Оракулы Льва Мудраго съ лицевыми символическими изображеніями, и также древній греческій и въ противоположность подлиннику прозаическій перифразъ ихъ. Предсказанія о будущей судьбѣ Константинополя, приписываемыя императору Льву Мудрому (Imperatoris Leontis cognomine Sapientis Oracula), были уже разъ напечатаны Рутгерсомъ (Variarum Lectionum lib. V), но Ламбецій во время пребыванія своего въ Амстердамѣ нашелъ въ тамошней библіотекѣ новый списокъ, при помощи котораго могъ исправить въ своихъ примѣчаніяхъ много испорченныхъ мѣстъ; тамъ же попался ему и древній перифразъ, подобный которому, но не знаетъ тождественный-ли, Ламбецій встрѣчалъ въ Ватиканской библіотекѣ подъ именемъ пресвитера Ѳеофила. VI). Далѣе слѣдуетъ новѣйшее толкованіе оракуловъ Льва, появившееся въ переводѣ на латинскій и итальянскій въ 1595 году въ Италіи, и принадлежащее безъимянному автору [1]). Здѣсь въ духѣ католическомъ обѣщается возстановленіе имперіи подъ покровительствомъ папы и при помощи римско-австрійскаго императора. Предполагается, что авторомъ былъ далматинецъ Петръ Патрицій [2]). VII. Наконецъ томъ оканчивается краткимъ перечисленіемъ должностей святой и Великой церкви Константинопольской и подчиненныхъ патріарху епископскихъ каѳедръ и т. п., при чемъ впереди предпосланъ объяснительный краткій словарь встрѣчающихся въ передкѣ терминовъ и особыхъ рѣченій. Эти пьесы, уже ранѣе извѣстныя по изданіямъ Леунклавія и Гоара, собственно не принадлежатъ Ламбецію, а приготовлены къ печати и переведены на латинскій языкъ по рукописямъ архіепископа Шарля de Montchal

[1]) Auctoris Anonymi, qui creditur esse Franciscus Patricius Dalmata, expositio oraculorum, uti ex graecis in latinum et vulgarem Italum sermonem translatae anno 1596 Brixiae in lucem prodierunt.

[2]) Новѣйшее изданіе Оракуловъ Льва см. *Legrand*, Les oracles de Léon le Sage. Monuments pour servir à étude de la langue néohellénique, nouvelle série, № 5. Paris. 1875.

и Пюже (Puget) жителемъ Тулузы Бернардомъ Медоніемъ и посвящены президенту Тулузскаго парламента.—Нужно еще прибавить, что судя по вновь изданнымъ письмамъ замыслы Ламбеція относительно дополненій къ его Кодину первоначально были еще обширнѣе. Онъ мечталъ объ изданіи описанія святой Софіи Павла Силенціарія, которое онъ читалъ въ рукописи Палатинской библіотеки, предполагалъ особо напечатать подлинный текстъ Гезихія по древнѣйшему (десятаго вѣка) Палатинскому кодексу [1]), издать сочиненіе патріарха Никифора Каллиста о храмѣ Богородицы Источника (Πηγή), да сверхъ того Синекдемъ Гіерокла въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ недавно (1641) появившійся въ Geographia Sacra,—все въ томъ же томѣ, и еще нѣсколько болѣе мелкихъ пьесъ [2]). Неизвѣстно, что послужило къ обузданію ревности нашего ученаго, но отмѣченныя имъ, очень важныя, произведенія и статьи послѣ были напечатаны Бандури и другими; Синекдемъ, или перечисленіе провинцій и городовъ имперіи около 535 года, кромѣ того былъ напечатанъ по списку съ Ватиканской рукописи, сдѣланному Голстеномъ, Шельстратеномъ въ Церковныхъ древностяхъ (Schelstraten Antiquitas ecclesiae, 1697), затѣмъ извѣстны изданія Весселинга (1735), Беккера, Тафеля (при Провинціяхъ Константина Багрянороднаго), наконецъ Партея (Parthey, Hieroclis Synecdemus, Berolini, 1866), вмѣстѣ съ позднѣйшими списками епископскихъ каѳедръ и сочиненіемъ Нила Доксопатра о патріархіяхъ.

Къ 1660 году относится изданіе сочиненій Михаила Глики и Агаѳія Схоластика, въ одномъ томѣ, не смотря на разнородность и совершенную неодновременность обоихъ сочиненій [3]). Что касается Глики, то надъ нимъ трудился самъ Филиппъ Лаббъ, авторъ воззванія къ ученымъ всего міра; въ приложенной къ воззванію программѣ сборника помѣщена особенно обширная статья о предполагаемомъ изданіи Глики. Имѣлось въ виду воспользоваться латинскимъ переводомъ Леунклавія съ его собственнымъ продолженіемъ отъ Іоанна Комнина до паденія имперіи (1453 г.); но Лаббъ обѣщалъ напечатать и не изданный до сихъ поръ греческій текстъ автора отъ

---

[1]) Новѣйшее изданіе Гезихія Карла Мюллера: Fragmenta historic. Graec. ed *Didot*, t. IV.

[2]) См. *Bulletin critique* 1887 № 18: изданныя Пелиссье вышеупомянутыя письма Ламбеція.

[3]) Τοῦ κυροῦ Μιχαὴλ Γλυκᾶ Σικελιώτου βίβλος χρονική.—Michaelis Glycae Siculi annales a mundi exordio ad mortem Alexii Comneni, interprete *Jo. Leunclavio*, ex recensione et cum notis *Phil. Labbei*.

начала міра до императора Зенона и паденія Западной имперіи, то-есть, первыя три части вполнѣ, восполнивъ пробѣлы латинскаго перевода, и сверхъ того прибавить четвертую часть, простирающуюся до Алексѣя Комнина. Два кодекса, съ которыми успѣлъ ознакомиться Лаббъ, въ концѣ были попорчены, такъ что четвертая часть представлялась въ нихъ неполною (mutilam); но былъ кто то (fuit nonnemo), кто обѣщалъ еще третій списокъ, въ которомъ Лаббъ надѣялся найдти недостающее, хотя въ немъ не содержалось даже половины всего писателя, а развѣ третья доля. Лаббъ узналъ также, что списки Глики находились прежде (въ концѣ XVI столѣтія) въ библіотекахъ Баварской, Римской Валлицелланской и въ другихъ. Онъ обѣщалъ приложить къ своему изданію подробное изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Глики, гдѣ будетъ разрѣшенъ вопросъ о тожественности его съ Сицилійскимъ дидаскаломъ (Σικελιώτῃ διδασκάλῳ): послѣднія обѣщанія въ сущности остались не исполненными [1]). Но и самое изданіе текста сдѣлано было только по двумъ кодексамъ Клермонтской іезуитской библіотеки, неполнымъ, попорченнымъ и съ пробѣлами, такъ какъ-де издателю приходилось спѣшить; только послѣ достались въ его руки другія пособія: бумажный кодексъ Глики, присланный настоятельницею ордена Фонтевро (Fontisebraldensis), Жанною Бабтистою де-Бурбонъ и различныя извлеченія, сдѣланныя въ Римѣ Лукою Голстеномъ, а также товарищемъ Лабба по ордену, въ Аугсбургской и Баварской библіотекахъ. Дополненія и варіанты, полученные отсюда, прибавлены были въ концѣ книги, и первыя оказываются иногда весьма значительными по своему объему. Въ Protrepticon ничего не было сказано о Меурсіѣ, который подъ именемъ Метохиты издалъ отрывокъ, заключающій въ себѣ время отъ Константина Великаго до Юлія Цезаря (=третья часть, но не вся); въ предисловіи Лабба объ этомъ упомянуто, хотя и не объяснено, въ какой степени новому издателю то послужило на пользу. Praefatio вообще вышло не соотвѣтствующимъ возбужденнымъ ожиданіямъ и слишкомъ краткимъ; но здѣсь довольно вѣрно опредѣлены особенный характеръ хроники Глики и ея значеніе. Отъ другихъ она отличается тѣмъ, что очень подробно занимается первоначальною исторіей міра, разными вопросами о мірозданіи, землѣ, воздухѣ, птицахъ, рыбахъ, животныхъ, человѣкѣ, ангелахъ, заимствуя весьма многое изъ Шестодневовъ Василія Великаго, Евстафія,

---

[1]) Рѣшеніемъ вопроса о времени, когда жилъ Глика, занимался впослѣдствіи кромѣ другихъ и Дюканжъ—въ предисловіи къ Зонарѣ (см. ниже).

Георгія Писиды и другихъ отеческихъ твореній, и затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Еврейской и Римской, вставляя разсужденія богословско-философскаго характера. Все изданіе имѣетъ слѣдующій видъ: за Praefatio слѣдуютъ: 2) подробное оглавленіе (πίναξ. tabula) хроники, заимствованное изъ кодекса Фонтевро; 3) указатель мѣстъ Священнаго Писанія, объясненныхъ въ лѣтописи Глики; 4) поименованіе авторовъ, на которыхъ ссылается Глика; 5) указатель малопонятныхъ словъ и реченій; 6) нѣкоторыя выраженія (vocabula), встрѣчающіяся въ примѣчаніяхъ; 7) Михаила Глики первый трактатъ disputatio prima, utrum in peccatum lapsis condescendendum, aut prout ratio postulat, increpandi sunt; 8) его же второе разсужденіе: utrum audiendi sunt docentes, hominem à principio caducum corpus habuisse; 9) самый текстъ автора; 10) продолженіе Леунклавія; 11) Philippi Labbe Biturici Notae, emendationes ac variae lectiones; здѣсь, какъ уже замѣчено, приведены не только варіанты и поправки, но и весьма объемистыя дополненія изъ полученныхъ послѣ напечатанія текста новыхъ списковъ; напечатанъ (pag. 170) между прочимъ и каталогъ императоровъ, оказавшійся въ codd. Fontesebrald. u Vallicell; 12) безъ особенной нужды перепечатаны изъ изданія Меурсія статьи, относящіяся къ Θеодору Метохитѣ, и его предисловіе.

Что касается до вышедшаго одновременно и въ одномъ и томъ же томѣ сочиненія Агаѳія Схоластика о дѣяніяхъ Юстиніана, то парижское изданіе не представляло ничего новаго и составляло простую перепечатку голландскаго, какъ на это указано было въ самомъ выходномъ листѣ [1]).

Далѣе очередь дошла до Прокопія, предшественника Агаѳія. Въ двухъ томахъ, появившихся въ 1662 и 1663 годахъ, издано было за разъ полное собраніе дошедшихъ до насъ трудовъ Прокопія, которые до тѣхъ поръ являлись по частямъ, то-есть: Исторіи о войнахъ (Персидской, Вандальской, Готской), сочиненіе о постройкахъ, а также и Historiae arcanae; сверхъ того, тутъ же совсѣмъ неожиданно появился совершенно до того неизвѣстный писатель, не имѣющій къ Прокопію никакого отношенія, именно Никифоръ Вріенній, излагавшій исторію возвышенія дома Комниновъ [2]). Издателемъ Прокопія былъ ни-

[1]) Agathiae Scholastici de imperio et rebus gestis imperatoris Justiniani libri V ex interpretatione et cum notis Bonav. Vulcanii, accesserunt ejusdem Agathiae epigrammata cum versione latina *Josephi Scaligeri* et *Jani Dousae à Noortwyck.*

[2]) Procopii Caesariensis historiarum sui temporis seu de bellis imper. Justiniani adversus Gothos, Vandalos et cet. libri VIII ex interpret et cum notis

чѣмъ до тѣхъ поръ себя не ознаменовавшій, іезуитъ Малтре (Maltrait), проживавшій въ Тулузѣ, впрочемъ называющій себя ученикомъ Пуссина и пользовавшійся покровительствомъ Лабба. Изданіе свое Малтре посвятилъ канцлеру Сегье, такъ какъ ему-де лучшая часть византійской исторіи обязана жизнью, которую онъ вдохнулъ въ громадное тѣло, и притомъ такъ, что она теперь обезпечена отъ гибели [1]); сверхъ того, дѣлаются намеки на участіе Сегье въ дѣлѣ Пор-Рояля, въ которомъ Сегье держалъ сторону іезуитовъ. Въ предисловіи къ читателю Малтре, и конечно, не безъ основанія, говоритъ о недостаткахъ прежняго изданія текста Исторій о войнахъ и о совершенной неудовлетворительности существовавшихъ латинскихъ переводовъ. Самъ онъ принялъ на себя трудную задачу только потому, что всѣ другіе, кому она была предлагаема, отказывались отъ нея. При исполненіи ея онъ слѣдовалъ совѣтамъ Лабба. Ему удалось восполнить многочисленные пробѣлы (lacunas), которые обезображивали аугсбургское изданіе Исторій о войнахъ (изданіе Гешеля), служившее все-таки основаніемъ при новой рецензіи; теперь такихъ пробѣловъ осталось два или три, и притомъ неважныхъ, тогда какъ въ прежнемъ изданіи они могли бы всѣ вмѣстѣ равняться почти половинѣ книги. Этимъ Малтре былъ обязанъ содѣйствію недавно умершаго (τοῦ μακαρίτου) Голстена; именно онъ дополнилъ по Ватиканскому кодексу существовавшіе пробѣлы [2]); затѣмъ много помогъ дѣлу достойный учи-

---

Claudii Maltreti—Ejusdem de aedificiis Justiniani libri VI, eodem interprete.—Anecdota seu arcana Justiniani historia ex interpretatione et cum notis *Nic. Alemanni*. — Nicephori caesaris Bryennii commentariorum de rebus Byzantinis libri IV ex interpretatione *Petri Possini*.

[1]) Pars optima historiae Byzantinae (Tibi) animam debet, ingenti receptam corpore, et quidem ita, ut ab interitu jam plane secura est.

[2]) Изъ переписки Голстена видно, что онъ самъ много занимался Прокопіемъ еще съ 1634 года, по просьбѣ Елзевировъ сличалъ печатное изданіе Исторій съ ватиканскими рукописями для предполагавшагося новаго (голландскаго) изданія, давалъ разныя указанія одному изъ Елзевировъ объ отысканіи рукописей Тайной исторіи, между прочимъ онъ первый указалъ на манускрипты Амброзіанскій, Венеціанскій и третій принадлежавшій Моншалю (Montschal). Въ одномъ письмѣ Жака Дюпюи къ Голстену 1642 г. (*Pélissier*, l. c., pag. 96—98), говорится, что Дюпюи прислалъ экземпляръ Ἀνέκδοτα, сличенный рукою Голстена, въ распоряженіе Елзевировъ въ Лейденѣ, при чемъ Дюпюи высказываетъ сомнѣніе, чтобъ эти послѣдніе, слишкомъ жадные къ барышамъ, серьезно думали объ изданіи книги которая не будетъ, какъ другія, быстро расходиться. Въ самомъ дѣлѣ, Елзевиры тянули дѣло, не смотря на то, что Голстенъ прислалъ имъ текстъ внимательно пересмотрѣнный и восполненный въ пробѣлахъ печатнаго изданія; тогда

тель Малтре Пуссинъ, который во время своего пребыванія въ Римѣ сличилъ печатный текстъ аугсбургскаго изданія съ кодексомъ ватиканскимъ на томъ самомъ экземплярѣ, который служилъ Малтре при новомъ изданіи: отмѣченныя имъ разночтенія сообщены во второмъ томѣ. Тамъ же Малтре предполагалъ напечатать присланный Голстеномъ текстъ Павла Силенціарія, заимствованный изъ рукописей библіотеки Палатинской: описаніе св. Софіи, дѣйствительно было бы прекраснымъ дополненіемъ къ сочиненію Прокопія о постройкахъ Юстиніана, но на самомъ дѣлѣ оно здѣсь не появилось и издано было, какъ увидимъ, другимъ ученымъ при менѣе подходящемъ случаѣ. По отношенію къ самому сочиненію De aedificiis Малтре уже не могъ похвалиться такими заслугами, какъ относительно исторій о войнахъ. Основаніемъ для изданія служилъ печатный текстъ Гешеля; сверхъ того, въ рукахъ Малтре была только одна рукопись, которую онъ называетъ тулузскою, которая была списана въ Тулузѣ съ манускрипта Сегье и послѣ (Бернардомъ Медоніемъ) подарена ему, Малтре, въ собственность. Historia arcana была въ сущности перепечатана съ изданія Алеманна; приложенъ былъ латинскій переводъ, которымъ издатель занимался еще въ юношествѣ по внушенію Пуссина; послѣ Пуссинъ самъ сличилъ греческій текстъ Алеманна съ манускриптомъ Сегье и предъ отправленіемъ своимъ въ Римъ отдалъ колляцію Малтре, и сверхъ того прислалъ оттуда сличеніе съ кодексомъ Амброзіанской библіотеки въ Миланѣ. Разночтенія эти приложены были отдѣльно въ концѣ изданія.

Какъ уже сказано, Пуссинъ воспользовался изданіемъ Прокопія, подъ редакціей его ученика, для того чтобъ обнародовать при немъ открытое имъ и до тѣхъ поръ никому неизвѣстное сочиненіе мужа Анны Комнины, кесаря Никифора Вріеннія, писавшаго по порученію своихъ царственныхъ родственниковъ, тестя и тещи, съ цѣлью доказать законность перехода императорской власти къ фамиліи Компиновъ, а впрочемъ не докончившаго своего труда, вѣроятно—по случаю смерти. Вріенній явился во второмъ томѣ со своимъ отдѣль-

---

Дюпюи сталъ приглашать Голстена обратиться къ королевской типографіи въ Луврѣ. Въ 1648 году Голстенъ посылаетъ Дюпюи фрагменты Тайной исторіи, а послѣдній обѣщаетъ заставить включить Тайную исторію въ рецензіи Голстена въ Луврскую коллекцію. Какъ видимъ, и здѣсь дѣло почему-то замедлилось. Малтре совсѣмъ не говоритъ о томъ, чтобъ онъ пользовался колляціями Голстена при изданіи Historiae arcanae.

нымъ заглавіемъ [1]) и особымъ посвященіемъ, знаменитой дочери Густава Адольфа, королевѣ Христинѣ, которая уже измѣнила протестантству, приняла католичество и жила въ Римѣ [2]). Посвященіе написано если не остроумно, то во всякомъ случаѣ довольно замысловато. Пуссинъ является во дворецъ Христины и въ ея королевскую библіотеку не одинъ, а въ сопровожденіи спутника, принадлежавшаго тоже къ царской семьѣ, который и будетъ его заступникомъ; въ свою очередь Христина разберетъ тяжбу Никифора съ супругою, то-есть, Анною Комниною, которая упрекала мужа, отказавшагося отъ притязаній на престолъ, въ малодушіи и слабости, и конечно, Христина, сама отрекшись отъ шведскаго трона, произнесетъ рѣшеніе въ пользу совѣстливаго мужчины противъ честолюбивой женщины. Въ предисловіи (praefatio) разказана исторія рукописи, въ которой оказался текстъ сочиненія Никифора Вріеннія. При этомъ намъ нужно прежде всего припомнить о неудачныхъ поискахъ Пуссина за манускриптомъ Алексіады, принадлежавшимъ нѣкогда Куяцію (см. выше). Когда уже Пуссинъ окончилъ свой латинскій переводъ сочиненія Анны, то одинъ тулузскій юристъ и профессоръ (Antonius Datinus Altaserra, regius professor juris), часто слышавшій жалобы Пуссина на безслѣдное исчезновеніе важнаго кодекса, вдругъ принесъ къ нему старинный греческій манускриптъ, содержавшій Алексіаду и впереди ея какое-то другое произведеніе; ученому, который хорошо былъ знакомъ съ произведеніемъ цесаревны, не трудно было узнать въ послѣднемъ сочиненіе ея мужа, такъ какъ Анна сообщаетъ характеристику этого литературнаго труда Вріеннія и говоритъ объ его содержаніи и направленіи. Манускриптъ съ начала данъ былъ Пуссину на короткое время и какъ бы по секрету, безъ вѣдома настоящаго владѣльца; однако при помощи своего ученика Малтре, смѣняя другъ друга, когда одинъ уставалъ, онъ списалъ весь не изданный текстъ, не особенно, впрочемъ, обширный. Послѣ сдѣлался извѣстенъ и настоящій владѣлецъ манускрипта, Пюже, совѣтникъ Тулузскаго парламента (Pugetius, senatus Tolosani lumen); онъ не только не думалъ негодовать на то, что его рукопись сдѣлалась извѣстною Пуссину, но даже — если вѣрить Пуссину — отдалъ ее въ

---

[1]) Nicephori Bryennii Commentarii de rebus Byzantinis. Prodeunt nunc primum opera et studio *Petri Possini*, e Societ. Jesu.

[2]) Serenissimae Dominae Christinae Alexandrae Suecorum Gothorum et Wandalorum reginae.

полное распоряженіе, въ полную собственность ученаго іезуита: тогда-то Пуссинъ имѣлъ возможность отмѣтить на своемъ экземплярѣ всѣ разночтенія Александы по этому кодексу. Однако, кодексъ на время былъ взятъ или выпрошенъ у Пуссина для чего-то прежнимъ владѣльцемъ и по случаю его смерти остался у наслѣдниковъ, которыхъ Пуссинъ въ предисловіи къ изданію приглашаетъ воротить его собственность, даръ ихъ родственника (вѣроятно, безъ успѣха). Манускриптъ Тулузскій потомъ опять исчезъ безслѣдно; тѣмъ, слѣдовательно, драгоцѣннѣе сдѣланное Пуссиномъ изданіе сочиненія Никифора, нигдѣ и ни въ какомъ другомъ спискѣ не отысканнаго. Оно, конечно, требовало разъясненій и комментаріевъ, гораздо болѣе полныхъ и отчетливыхъ, чѣмъ какіе въ состояніи былъ дать Пуссинъ; эта задача послѣ была исполнена самымъ удовлетворительнымъ образомъ при изданіи Киннама Дюканжемъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ дѣятельности этого только что названнаго корифея французской учености XVII вѣка, сдѣлавшаго для изученія византійской исторіи болѣе, чѣмъ кто-либо прежде или послѣ него, мы сначала упомянемъ еще о двухъ изданіяхъ—объ изданіи Пахимера Пуссиномъ и объ изданіи такъ-называемыхъ Писателей послѣ Θеофана или продолжателей Θеофана, Scriptores post Theophanem [1]), приготовленномъ Комбефизомъ, но выпущенномъ послѣ его смерти. Для втораго періода иконоборства, для времени Македонской династіи, то-есть, для всего девятаго и десятаго вѣковъ — писатели эти имѣютъ значеніе первичныхъ источниковъ — въ противоположность позднѣйшимъ компиляторамъ, Скилицію и Кедрину, которыми до тѣхъ поръ пробавлялись ученые. Этимъ самымъ мы уже сказали, что большая часть драгоцѣнныхъ текстовъ появились вновь и въ первый разъ въ рецензіи Комбефиза. Къ сожалѣнію, какъ для Гоара Θеофанъ, такъ для его друга и преемника продолжатели Θеофана были предметомъ послѣдняго труда, за которымъ застала его смерть. Разница заключалась, однако, въ томъ, что Комбефизъ не оставилъ послѣ себя такого благоговѣйнаго и знающаго сотрудника, какимъ онъ былъ для Гоара, который докон-

[1]) Historiae Byzantinae Scriptores post Theophanem (partim nunc primum editi, partim recensiti et nova versione adornati, quorum catalogum proxima pagina indicabit). Cura et studio τοῦ μακαρίτου *R. P. Francisci Combefisii* ordinis Praedicatorum congregationis S. Ludovici. Parisiis, in Typographia regia. Excudebat Sebastianus Marbe Cramoisy, Regis typographus et Regiae typographiae director MDCLXXXV (1685).

чилъ бы не доконченное. Комбефизъ умеръ, успѣвъ только напечатать греческій текстъ своихъ авторовъ съ латинскимъ переводомъ, но не снабдивъ ихъ ни обычными объяснительными примѣчаніями, ни даже введеніемъ. Выставленныя на поляхъ тома цифры указываютъ, что къ извѣстнымъ мѣстамъ предполагался комментарій, но, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ, послѣ кончины Комбефиза не могли ничего отыскать. Такимъ образомъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ томовъ коллекціи явился безъ всякаго ученаго аппарата. Кромѣ директора королевской типографіи, Крамуази, никто болѣе не приложилъ къ нему рукъ. Отъ имени сего послѣдняго сдѣлано и неизбѣжное посвященіе самому Людовику XIV: Ludovico Magno Regum aut arbitro aut victori. Вмѣсто общаго Praefatio есть только отдѣльныя замѣтки при отдѣльныхъ пьесахъ, всегда недостаточныя, а въ одномъ случаѣ замѣтка изложена столь темно и сбивчиво, что послужила отчасти поводомъ къ недоразумѣніямъ, господствующимъ до сего времени. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о хроникѣ Симеона Метафраста. Въ частности содержаніе тома было слѣдующее:

1) Остовъ составляютъ три піесы, хотя написанныя и не всѣ однимъ авторомъ, но составляющія нѣчто цѣлое, одно продолженіе Ѳеофана отъ Льва Армянина до смерти Константина Багрянороднаго. Въ проспектѣ Лабба (при Protreptikon) это самое произведеніе, принимаемое за одно цѣлое, приписывалось какому-то Леонтію, впрочемъ — съ оговоркою, что не всѣ такъ называютъ автора, по большей части считаемаго анонимнымъ [1]). Списокъ Леонтія или, лучше сказать, анонимнаго продолжателя Ѳеофана былъ уже тогда сообщенъ изъ Рима Лукою Голстеномъ по приказанію кардинала Барберини. Именно этотъ самый авторъ разумѣется подъ именемъ Льва Армянина (Leon Armenus) въ перепискѣ Дюпюи. Изъ писемъ Голстена къ Пейреску далѣе извѣстно, что не только этотъ, но и другой продолжатель Ѳеофана списаны были Дормаліемъ для Барберинской библіотеки съ ватиканскихъ подлинниковъ еще около 1628 года.

---

[1]) Leontius Byzantinus (sic enim a quibusdam vocitatum accepimus) aut quis alius Anonymus, quocunque censeatur nomine, continuator Theophanis. Въ настоящее время греческій ученый *Сакелліонъ* (въ журналѣ Δελτίον IV, 389—390) высказываетъ догадку, что авторомъ анонимнаго продолженія былъ Ѳеодоръ Дафнопатъ, извѣстный писатель времени Константина Багрянороднаго, и Г. С. Дестунисъ находитъ соображенія Сакелліона вѣроятными (*Журналъ Министерства Нар. Просв.* іюль, 1887 г., стр. 153). Впрочемъ, это мнѣніе не совсѣмъ новое. Ср. *A. Rambaud*, L'empire grec au X-me siècle, pag. 65. 116.

Ихъ-то именно Голстенъ думалъ издать въ Римѣ вмѣстѣ съ Синкелломъ [1]). При началѣ греческаго текста въ парижскомъ изданіи на полѣ сдѣлана замѣтка, не оставляющая никакого сомнѣнія въ томъ, что эта новѣйшая копія, неизвѣстно какого достоинства и достовѣрности, послужила единственнымъ основаніемъ для Комбефиза при установленіи печатнаго до нынѣ оставшагося неизмѣннымъ текста [2]). Въ подробномъ оглавленіи на второмъ заглавномъ листѣ эта часть тома обозначена слѣдующимъ образомъ:

Chronici jussu Constantini Porphyrogenneti conscripti, a Leone Armenio usque ad Michaelem Theophili f. libri IV Ex MS. Cod.

Idem Constantinus Porphyrogennetus de Basilii imp. avi vita et rebus gestis. Cum nova versione. p. 132.

Anonymus continuator Theophanis a Leone Sapiente usque ad Romanum Constantini Porphyrogenneti F. Ex MSS. Cod. p. 217.

Сверхъ того, въ томъ же томѣ помѣщены слѣдующія статьи и сочиненія:

2) Orthodoxorum invectiva adversus iconomachos. Ex MS. Cod. p. 303. По гречески эта статья называется Λόγος στηλευτικός и содержитъ въ себѣ обличеніе иконоборческой ереси, составленное еще въ періодъ ея преобладанія; она въ боннскомъ изданіи не была перепечатана, равно какъ и нижеслѣдующая:

3) Joannis Jerosolymitani Narratio de iconomachis. Ex MS. Cod. p. 312. Разказъ о происхожденіи иконоборства, сообщенный засѣданію отцовъ седьмаго вселенскаго собора (787 г.).

4) Ioannes Cameniata et Demetrius Cydonius, de excidio Thessalonicae Cum nova versione pag. 317. При первой піесѣ есть небольшое предисловіе, гдѣ сказано, что она была издана Алляціемъ, а теперь сдѣланъ новый переводъ и присоединены примѣчанія, которыхъ, впрочемъ, при ясности повѣствованія не потребовалось много; а вслѣдъ затѣмъ впереди основнаго текста напечатанъ отрывокъ изъ сказанія о чудесахъ Димитрія Солунскаго, которое Комбефизъ намѣревался въ будущемъ издать сполна.

---

[2]) Vellem — — id saltem petere ut tam magni operis partem aliquam a suis hic concinnari curaret Georgium Syncellum et duos continuatores Theophani. см. *Pélissier*, l. c., pag. 101.

[1]) При первомъ отдѣлѣ замѣчено: Ex emin. Cardin. Francisci Barberini Vaticano Apographo. При второмъ отдѣлѣ (біографія Василія Македонянина, приписываемая Константину Багрянородному): Graeca aucta et emendata post Allatianam editionem Ex Vaticano Emin. card. Barberini codice ex quo Superiora.

5) Symeonis Magistri ac Logothetae Annales à Leone Armenio usque ad Nicephorum Phocam. Ex MS. Cod. pag. 401—499.

При этомъ авторѣ находится именно то важное предувѣдомленіе, о которомъ мы выше говорили. Смыслъ его тотъ, что хроника Симеона магистра, другаго продолжателя Θеофана, была отыскана въ двухъ кодексахъ королевской Парижской библіотеки. Въ томъ кодексѣ, по которому она была отпечатана, и который названъ здѣсь меньшимъ, она начинается именно съ царствованія Льва Армянина; но въ другомъ кодексѣ, оставленномъ, очевидно, въ сторонѣ, та же самая хроника начиналась отъ сотворенія міра—въ той части, которая только и интересовала издателя продолженій къ Θеофану, будучи вполнѣ тожественною съ первою рецензіей. Этотъ второй кодексъ названъ бо̀льшимъ (major); изданіе его можетъ-де быть задачею другаго труда, и еслибы таковой былъ предпринятъ, то онъ послужилъ бы къ объясненію другихъ уже изданныхъ хронографовъ — помимо Льва Грамматика и Анонима, для иллюстраціи которыхъ достаточно и текста меньшаго кодекса, гдѣ другимъ авторомъ и другимъ стилемъ излагается то же самое, что̀ у нихъ. Бо̀льшій кодексъ, пожертвованъ королевской библіотекѣ Трише дю-Френемъ (Raphael Trichet Dufresne), а меньшій имѣетъ сдѣланное новою рукою надписаніе, указывающее, что авторомъ его былъ Метафрастъ: Hic est Metaphrastes [1]).

---

[1]) Такъ какъ это предисловіе, принадлежащее Комбефизу, не было перепечатано въ боннскомъ изданіи, то не безполезно привести его въ подлинникѣ.

Scripsit et ab orbe condito extantque altero, ac majore Regio Codice. Opus est ex diversis congestum historicis et annalium scriptoribus; ipsum tamen haud satis plenum. Hic nobis verus Annalista, alterque Continuator erit, ipso pene Theophanis digestus schemate, quantum codex alter, ipse Regius minor representavit: hoc unum a majore discrepans, quod superiora illa a Logotheta remotiora, ac in quibus levius opera perfunctus videatur, omisit: quo et nobis consilio praeivit: ac quod una haec in praesentem rem nostram faciant, eadem alio auctore ac stylo sub una libri serie repetita, lucis plurimum sibi mutuo afferant; ut et Leoni Grammatico, qui inter reliquos magis ipse egenus ac cribratissimus est. Superioris illius Regii Codicis alia molitio dederit, et qua jam editi auctores chronographi— haud leviter illustrari possint. Adscriptum majori illi Codici alia manu pauloque recentiori: Hic est Metaphrastes; cujus tanti Annales et chronica Hippolyto Thebano ut et omnibus anteponat. Debemus, ex quo exscripsi, Codicem Raphaeli Trichet Dufresne, ex cujus libris, ipso defuncto, in gazam Regiam illatus (ac in eis Maximi plenissimus Codex atque optimus), me illi potissimum auctore, extrema sua in Italiam profectione, ditanda Graecis Gallia nostra, eaque christianum orbem, Parisios allata.

6. Наконецъ, здѣсь же въ первый разъ появился въ печати Георгій Амартолъ; хроника его обыкновенно начинается тоже съ сотворенія міра, но Комбефизомъ была издана только часть, начинающаяся царствованіемъ Льва Армянина: Georgii Monachi vitae recentiorum imperatorum, a Leone Armenio usque ad Constantinum Porphyrogennetum.

Что касается сочиненія Георгія Пахимера, то оно относится ко временамъ Палеологовъ, описываетъ царствованіе Михаила Палеолога и первыя двадцать шесть лѣтъ (1282—1308 гг.) правленія Андроника II Старшаго, занимая средину и наполняя промежутокъ между Георгіемъ Акрополитомъ и Кантакузиномъ, и совпадая съ Никифоромъ Григорà. Сочиненіе Пахимера было извѣстно Іерониму Вольфу и Петавію; первый въ латинскомъ переводѣ, второй въ подлинникѣ напечатали изъ него нѣкоторые незначительные отрывки. Изданіе этого обширнаго творенія выдается изъ среды всѣхъ другихъ византійскихъ тѣмъ, что оно было напечатано собственно не въ Парижѣ, а въ Римѣ, въ типографіи Барберинской, хотя все-таки считается принадлежащимъ къ парижской коллекціи, составляя два ея тома, первый, посвященный Михаилу Палеологу, а второй—его преемнику Андронику II Старшему [1]). Оно составляетъ наилучшую заслугу Пуссина, который работалъ надъ нимъ нѣсколько лѣтъ (первый томъ вышелъ въ 1666, второй въ 1669 году). Основою для изданія текста послужилъ списокъ, принадлежавшій нѣкогда папѣ Урбану VIII, который,

---

Ф. Гиршъ, авторъ прекраснаго изслѣдованія о византійскихъ хроникахъ Македонскаго періода (Byzantinische Studien. Leipzig. 1876), понялъ дѣло такъ: что Комбефизъ нашелъ въ Парижской библіотекѣ двѣ рукописи хроники Симеона: одна изъ нихъ содержала въ себѣ хронику въ объемѣ, въ какомъ онъ ее издалъ, а въ другой исторія отъ Льва V до Романа II составляла только послѣднюю часть большаго творенія, начинающагося отъ сотворенія міра, и что Комбефизъ принялъ за основаніе именно *послѣднюю рукопись, опустивъ первыя ея части* и т. д. Въ этомъ и заключается первое изъ недоразумѣній, которыхъ у Гирша въ подлежащей главѣ вообще не мало.

[1]) Общее заглавіе при первомъ томѣ: Georgii Pachymeris historia. Частное для перваго тома: Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Μιχαὴλ Παλαιολόγος. Georgii Pachymeris Michael Palaeologus, sive historia rerum a Michaële gestarum, nunc primum edita ex bibliotheca Barberina interprete *P. Possino* e soc. Jesu. Accesserunt ejusdem observationum libri tres. — — et appendix: specimen sapientiae Indorum veterum. Romae, Typis Barberinis. 1666. Заглавіе втораго тома: Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Ἀνδρόνικος Παλαιολόγος. Georgii Pachymeris Andronicus Palaeologus, sive historia rerum ab Andronico seniore gestarum ad annum ejus aetatis unde quinquagesimum. Ex bibliotheca et cet. Romae, Typis Barberinis. 1669.

прочитавъ въ подлинникѣ произведеніе византійца, находилъ его достойнымъ латинскаго перевода и печати; порученіе въ этомъ смыслѣ дано было папою своему племяннику кардиналу Барберини, который однако цѣлые двадцать лѣтъ не находилъ охотника приняться за довольно тяжелый трудъ, пока не взялся за него французскій іезуитъ. По мнѣнію Пуссина, Барберинскій кодексъ, наилучшій изъ всѣхъ и несравненно превосходящій тотъ Аугсбургскій, которымъ пользовался Вольфъ, былъ современенъ автору, то-есть, былъ писанъ въ XIV вѣкѣ. Кромѣ того, у Пуссина было еще два списка: ватиканскій и алляціевъ, при помощи которыхъ онъ восполнилъ пробѣлы своего главнаго. Изданіе посвящено было памяти папы Урбана и притомъ написано отъ имени Пахимера, который благодаритъ Римскаго первосвященника за то, что онъ спасъ его твореніе отъ забвенія чрезъ посредство своего племянника. Въ предисловіи къ читателю объясняется, что сочиненіе Пахимера, разказывающее о разныхъ попыткахъ уніи Греческой церкви съ Римскою, хотя и написано въ духѣ схизматическомъ, но именно вслѣдствіе того особенно поучительно, такъ какъ отсюда ясно обнаруживается, что всѣ бѣдствія Византійской имперіи со времени Андроника Старшаго были послѣдствіемъ измѣны Римскому престолу или же уніи, разъ было признанной при Михаилѣ Палеологѣ. Переводъ на латинскій языкъ сочиненія, писаннаго крайне тяжелымъ и темнымъ слогомъ, требовалъ, конечно, большаго труда; можетъ быть, его и нельзя признать удовлетворительнымъ, но вѣрно то, что Пуссинъ болѣе старался о передачѣ смысла въ удобопонятной формѣ, чѣмъ о сохраненіи буквальной близости къ подлиннику. На сей разъ Пуссинъ успѣлъ присоединить къ своему изданію весьма обширный комментарій, заслуживающій вниманія и благодарности. Комментарій, сопровождающій каждый томъ отдѣльно, одинаково въ первомъ и второмъ, распадается на три отдѣла: 1) словарь, Glossarium, 2) собственно примѣчанія, Notae, и 3) хронологическая повѣрка, cronologicus. Къ первому тому прибавлены въ видѣ приложенія (appendix) упомянутыя у Пахимера „Притчи Ихнилата“, (τοῦ Ἰχνηλάτου παραβολικά), при чемъ однако Пуссинъ не сохранилъ подлиннаго заглавія знаменитой повѣсти о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, переведенной съ арабскаго на греческій Симеономъ Сиѳомъ въ концѣ XI столѣтія и ведущей свое начало изъ Индіи, но далъ своему латинскому переводу названіе „Образецъ мудрости древнихъ индійцевъ“. Греческаго текста, на который указывалъ Пахимеръ, и который по первому запросу сообщенъ былъ изъ

Рима изъ библіотеки Алляція, Пуссинъ не счелъ нужнымъ напечатать [1]). Теперь мы должны говорить о Дюканжѣ. При этомъ намъ нужно будетъ имѣть въ виду не одни только изданія византійскихъ текстовъ, но и другіе капитальные труды, направленные къ ихъ объясненію и до сихъ поръ составляющіе первостепенное и необходимое пособіе при ихъ изученіи.

Среди людей, занимавшихся византійскою исторіей въ XVII вѣкѣ, первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно Шарлю Дюканжу. Да едва ли не ему принадлежитъ первое мѣсто не только въ тотъ вѣкъ, но и въ послѣдующія времена. Въ 1849 г. онъ удостоился рѣдкой для ученаго чести: въ его родномъ городѣ Аміенѣ ему воздвигнутъ былъ памятникъ, и по случаю этого торжества было написано нѣсколько біографій этого знаменитаго ученаго, изъ которыхъ лучшая принадлежитъ Леону Фежеру. На основаніи этой біографіи и составленъ нижеслѣдующій очеркъ жизни и трудовъ Дюканжа [2]).

18-го декабря 1610 года родился у Луи Дю-Френя сынъ, котораго назвали Шарлемъ Дюканжемъ. Канжемъ назывался одинъ изъ старинныхъ леновъ Дю-Френя, а въ то время въ дворянскихъ семействахъ было въ обычаѣ давать каждому сыну имя какого-нибудь помѣстья. Отецъ Дюканжа былъ чиновникомъ, какъ и всѣ его предки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ высокообразованный и много занимался науками. Можно сказать, что умъ и талантъ были наслѣдственны въ этомъ семействѣ, имя котораго никогда не забудется. Мы ничего не знаемъ о первыхъ годахъ жизни Дюканжа и можемъ только сказать, что онъ поступилъ очень рано въ Аміенскую

---

[1]) Въ первый разъ греческій текстъ напечатанъ былъ по рукописи Голстена Штаркомъ въ 1697 году. Всѣ нужныя свѣдѣнія о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, персидскихъ и арабскихъ переводахъ этого произведенія, объ изданіяхъ греческой передѣлки можно найдти въ Очеркѣ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ *А. Н. Пыпина*, стр. 148—158, а также въ предисловіи къ славянорусскому переводу Стефанита и Ихнилата, изданному Обществомъ любителей древней письменности (XVI и XXVII выпуски).

[2]) *Feugère*, Etude sur la vie et les ouvrages de Du Cange. Paris. 1852. Ср. письмо Балюза къ Ренодо, содержащее въ себѣ некрологъ Дюканжа, при Пасхальной хроникѣ II, 67 боннск. изд. Тамъ же списокъ его сочиненій стр. 41. Мы пользовались также перепиской Монфокона и Мабильона, въ которой часто идетъ рѣчь о Дюканжѣ: Correspondance inédite de Mabillon et Montfaucon avec Italie. Publ. par M. *Valery* Paris. 1847. Можно еще читать о Дюканжѣ: *Hardouin*. Essai sur la vie et sur les ouvrages de Ducange. Paris. 1849, и статью о латинскомъ Словарѣ его *Pardessus* въ *Journal des savants*, janvier et fevrier 1847.

гимназію, которая тогда процвѣтала подъ руководствомъ іезуитовъ. 13-ти лѣтъ онъ уже хорошо зналъ греческій языкъ, а 18-ти лѣтъ окончилъ курсъ. По мнѣнію учителей молодаго Дюканжа, которые были очарованы его живымъ умомъ и настойчивымъ прилежаніемъ, онъ былъ достаточно способенъ сдѣлаться чѣмъ угодно, но особенно хорошимъ чиновникомъ. Поэтому отецъ Дюканжа послалъ его изучать право въ Орлеанъ, издавна славившійся своимъ юридическимъ факультетомъ. Но чиновничья карьера не пришлась ему по вкусу; онъ былъ уже въ Парижѣ зачисленъ въ адвокаты, когда рѣшился оставить столицу и вернуться въ свой родной городъ, гдѣ думалъ заняться наукою. Его призывало сюда еще чувство долга: онъ считалъ себя обязаннымъ ухаживать за старикомъ отцомъ. Дюфрень, любившій науку, постоянно поощрялъ сына къ серьезнымъ занятіямъ; онъ былъ лучшимъ его учителемъ, и Дюканжъ, потерявшій мать слишкомъ рано, вдвойнѣ привязался къ своему достойному отцу. Съ этихъ поръ Дюканжъ окончательно посвятилъ себя исторіи; онъ занимался не только изученіемъ фактовъ, но и вспомогательными науками, необходимыми для пониманія исторіи, лингвистикой, филологіей, правомъ, философіей и богословіемъ. Такъ долго трудился онъ, ничего не печатая и находя наслажденіе въ самомъ процессѣ труда; mihi cano et musis, часто повторялъ онъ.

Въ 1638 г. Дюканжъ потерялъ отца, и чтобы заставить его нѣсколько забыть его горе, друзья уговорили его жениться. Говорятъ, что въ самый день свадьбы онъ работалъ 6 или 7 часовъ. Такъ велика была у него привычка къ труду! Отъ этого брака Дюканжъ имѣлъ 10 дѣтей. Въ нѣсколько странномъ припадкѣ удивленія одинъ позднѣйшій ученый XVIII вѣка (Дюваль) воскликнулъ: „Какъ это возможно, чтобы человѣкъ, который столько думалъ, столько прочелъ, столько написалъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ женатъ 50 лѣтъ и имѣлъ такое многочисленное семейство?“ „Многіе полагаютъ“, замѣчаетъ знаменитый Балюзъ въ своемъ некрологѣ Дюканжа—„что брачныя связи мѣшаютъ ученымъ занятіямъ и что свойство этихъ занятій таково, что имъ могутъ предаваться только люди, ведущіе холостую жизнь, qui libero lectulo utuntur, какъ говоритъ Цицеронъ. Однако занятія Дюканжа не потерпѣли никакого ущерба или замедленія отъ его брака“. Замѣтимъ, что Дюканжъ самъ и весьма старательно воспитывалъ своихъ дѣтей и никогда не забывалъ обязанностей отца семейства. Для того, чтобъ его семейство ни въ чемъ не нуждалось, онъ занялъ даже мѣсто въ финансовой администраціи

Амьена и весьма аккуратно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Дюканжъ продолжалъ заниматься исторіей, но никто объ этомъ не зналъ; ему было уже 45 лѣтъ, а онъ еще ничего не напечаталъ. Въ 1657 г. появился его первый трудъ „Исторія Константинополя при Французскихъ императорахъ“ [1]). Въ этомъ трудѣ Дюканжъ является въ одно и то же время издателемъ средневѣковыхъ текстовъ и самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Здѣсь одинаково проявилось его знаніе исторіи Франціи и Византіи. Въ видѣ основнаго текста авторъ издалъ Виллгардуена (Villehardouin), историка четвертаго крестоваго похода, который былъ напечатанъ еще раньше, въ XVI вѣкѣ, но въ очень неисправномъ видѣ; онъ исправилъ старофранцузскій текстъ, приложилъ къ нему новый близкій переводъ и коментаріи [2]). Затѣмъ слѣдуетъ извлеченная на свѣтъ Божій хроника епископа города Турнэ во Фландріи Филиппа Муска, написанная рифмованными французскими стихами и составляющая естественное продолженіе къ Исторіи завоеванія, такъ какъ она излагаетъ исторію Латинской имперіи при императорахъ Фландрскаго дома: теперь эта хроника вполнѣ напечатана Рейффенбергомъ въ Collection des chroniques Belges (t. II. Bruxelles. 1838). Вторая часть представляетъ дополненіе и продолженіе къ первой и обнимаетъ, все XIII столѣтіе и первую половину XIV. Изложеніе начинается съ того момента, когда сталъ подготовляться четвертый крестовый походъ, и простирается до того времени, когда исчезаютъ въ Византійской имперіи, и въ особенности въ Морећ послѣдніе слѣды Латинской имперіи. Оно содержитъ въ себѣ рядъ собственныхъ изслѣдованій Дюканжа, раздѣленныхъ на восемь отдѣловъ (книгъ) и посвященныхъ хронологически-историческому обозрѣнію французскихъ императоровъ Константинополя, латинскихъ въ немъ патріарховъ, королей Солунскихъ, князей Морейскихъ, Ахейскихъ и Епирскихъ, герцоговъ Аѳинскихъ, Драча (Duras, Диррахій), Никозіи, сеньоровъ Негропонта, Метелина и др.

---

[1]) Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français, divisée en deux parties, dont la premiere contient la conquête de Constantinople par les François et les Vénitiens, écrite par Geoffroy de Ville-Hardouin; avec la suite de cette histoire jusq'en 1240, tirée du manuscrit de Philippe Mouske; la seconde contient une histoire générale de ce que les François et les Latins ont fait de plus memorable dans l' empire de Constantinople etc.

[2]) Histoire de la Conqueste de Constantinople composée par Geoffroy Ville-Hardouin, avec la suite composée par Philippes Mouskes. A Paris de l'imprimerie royale 1657 fol.

Авторъ, согласно методу, которому онъ постоянно слѣдовалъ, не говоритъ ничего безъ доказательствъ; внизу каждой страницы онъ приводитъ массу цитатъ и въ концѣ книги прилагаетъ новые тексты, извлеченные имъ изъ хроникъ и другихъ современныхъ документовъ. Но понятно, что при такой системѣ разказъ не можетъ быть живъ и легокъ для чтенія.

Первый трудъ Дюканжа былъ оцѣненъ по достоинству и обратилъ на него всеобщее вниманіе. Тѣмъ не менѣе онъ не торопился опубликовать другія свои изслѣдованія и только по прошествіи 8 лѣтъ издалъ „Историческій трактатъ о главѣ Іоанна Крестителя“ [1]), въ которомъ доказываетъ, что глава Іоанна Крестителя дѣйствительно должна находиться въ Амьенѣ, и что его родной городъ не напрасно гордится этою святыней. Трудъ этотъ имѣетъ значеніе не только для агіографіи, но и для исторіи; авторъ издалъ нѣсколько греческихъ трактатовъ, дотолѣ не изданныхъ и древность которыхъ неоспорима. Два изъ нихъ относятся къ VI вѣку; остальные, между которыми есть и трактатъ Ѳеодора Студитскаго—къ IX. Чрезъ три года Дю-Канжъ напечаталъ, исторію Людовика Святаго [2]). Въ этомъ изслѣдованіи изданъ имъ Жуанвиль (Joinville), историкъ отлично знакомящій насъ съ Людовикомъ св., обществомъ и нравами XIII вѣка; сочиненіе его существовало уже въ двухъ, но очень плохихъ изданіяхъ. Дюканжу не удалось отыскать новаго кодекса Жуанвиля, и для исправленія текста ему приходилось руководствоваться единственно критическимъ тактомъ; позднѣйшія открытія показали, что поправки были сдѣланы имъ весьма искусно, и многія мѣста возстановлены такъ, какъ ихъ потомъ прочли въ оригиналѣ.

Въ своемъ трудѣ Дюканжъ издалъ еще много не изданныхъ или плохо изданныхъ источниковъ для времени Людовика Святаго, напримѣръ, исторію этого короля, написанную въ стихахъ въ началѣ XIV вѣка Гильомомъ Гіаромъ (Guillaume Guiard); трактатъ о смерти современника его Роберта де-Сенсеріо (de Saincerіaux); жизнеописаніе сестры короля Изабеллы, составленное Агнесою де-Гаркуръ (de Harcourt); завѣщаніе брата короля Петра, графа Алансонскаго; наконецъ Постановленія (Etablissements) св. Людовика, то-есть, приписанный

---

[1]) Traité Historique du Chef de Saint Jean Baptiste. A Paris chez S. Cramoisy 1665.

[2]) Historie de Saint Louis IX du nom roy de France, écrite par Jean Sire de Joinville auec des observations et dissertations historiques. 1668.

ему—не совсѣмъ, какъ теперь доказано, основательно — сводъ обычнаго права, дѣйствовавшаго въ нѣкоторыхъ областяхъ средней Франціи. Кромѣ того, въ громадномъ количествѣ приложеній авторомъ разобрана масса вопросовъ, относящихся къ управленію и времени Людовика Святаго. Видное мѣсто среди этихъ приложеній занимаетъ трактатъ о частныхъ войнахъ, старинной привилегіи дворянъ, отнятой у нихъ только въ царствованіе Людовика Святаго. Весьма важны также диссертаціи о Шампаньи, гдѣ авторъ доказываетъ, что эта провинція всегда признавала верховенство Французскихъ королей, и о графахъ палатинахъ, которые, по выводу автора, существовали во Франціи съ самаго учрежденія монархіи. Съ громадною эрудиціей авторъ трактуетъ и о разныхъ другихъ спеціальныхъ вопросахъ, объ оружіи, о гербахъ, о дворѣ и придворныхъ празднествахъ и т. д. Къ сожалѣнію, форма, въ которой изложены всѣ эти въ высшей степени поучительныя и содержательныя изслѣдованія, весьма мало привлекаетъ читателя. Изложеніе сухое и мало обработанное; у великаго ученаго совсѣмъ не было воображенія, которое оживотворяетъ въ нѣкоторомъ родѣ историческіе документы.

Въ тотъ же годъ, когда Дюканжъ издалъ свою исторію Людовика Святаго, посвященную Людовику XIV, случилось обстоятельство, не мало повліявшее на ходъ его занятій. Эпидемія, распространившаяся въ Амьенѣ, заставила его удалиться со всѣмъ семействомъ изъ роднаго города; онъ поѣхалъ въ Парижъ и поселился тутъ навсегда. Вслѣдствіе этого обстоятельства онъ еще ближе сошелся со всѣми столичными учеными и, отдѣлавшись навсегда отъ чиновничьей карьеры, получилъ возможность пользоваться всѣми книгами, и особенно византійскими и другими рукописями, которыми такъ богата была королевская библіотека въ Парижѣ. О впечатлѣніи, какое должно было произвесть появленіе Дюканжа среди тогдашнихъ ученыхъ, можно судить по письму одного бенедиктинца (Bonnefond) къ его собрату по ордену и конгрегаціи св. Мавра, издателю извѣстнаго сборника разнообразнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ документовъ и вообще источниковъ для средневѣковой исторіи, появившагося въ 13-ти томахъ (1655—1677) подъ именемъ Спицилегія, къ dom Luc d'Achery (отъ 26-го іюля 1666 года). Извѣщая о прибытіи въ Парижъ Дюканжа, корреспондентъ д'Ашери пишетъ: „Вы увидите въ немъ одного изъ самыхъ хорошихъ людей, съ какими вы когда-либо имѣли дѣло, и весьма ученаго, особенно въ исторіи. Онъ можетъ оказать вамъ много услугъ, указывая вамъ рѣдкія статьи (піесы), подходящія

къ цѣли вашего Спицилегія, тѣмъ больше, что чрезъ его руки прошло громадное количество весьма цѣнныхъ рукописей, которыя ему присылали его друзья. Нужно сознаться, что въ продолженіе визита, который я ему сдѣлалъ, я получилъ столько удовольствія и назиданія, что я не могу этого выразить; и онъ предлагалъ мнѣ свои услуги съ такою сердечностью, что я этимъ былъ смущенъ. Я не сомнѣваюсь, тому много содѣйствовало то обстоятельство, что я явился къ нему отъ вашего имени, не говоря объ его характерѣ, крайне мягкомъ и обязательномъ. Хотя при этомъ первомъ разговорѣ я не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только представить ваши рекомендаціи, тѣмъ не менѣе по поводу вашего Спицилегія, который онъ очень хвалитъ, мнѣ пришлось немного войдти въ самый предметъ (un peu entrer en matière) и потолковать объ исторіи. Я старался справиться съ задачею какъ возможно менѣе худо; но участіе, которое онъ обнаруживалъ, и удовольствіе, которое высказывалъ, были причиною того, что наша бесѣда продлилась болѣе часу. Онъ затѣмъ показалъ мнѣ свою библіотеку, очень хорошо составленную изъ книгъ, подобранныхъ разумно, и притомъ хорошо расположенную; она обогащена многими статуями новой, но хорошей работы, которыя разставлены на равныхъ разстояніяхъ по книжнымъ полкамъ и въ пустыхъ пространствахъ между книгами; она украшена также многими греческими надписями... Онъ работаетъ въ этой довольно пріятной обстановкѣ... Онъ пишетъ не на листахъ, а на летучихъ полулисткахъ, и очень мнѣ хвалилъ этотъ способъ“ [1]).

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Парижѣ, Дюканжъ издалъ въ 1670 году Киннама, византійскаго историка XII вѣка, описавшаго кратко царствованіе Іоанна II Комнина (1118—1143) и очень подробно царствованіе Мануила (1143—1180) до 1176 года, какъ это мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, въ дошедшемъ до насъ текстѣ. Въ единственномъ сдѣлавшемся извѣстнымъ ватиканскомъ спискѣ (Cod. Vat. gr. 163), писанномъ, какъ показываетъ сдѣланная въ одномъ мѣстѣ на полѣ замѣтка, во время самой осады Царяграда турками (въ 1453 году) и не доконченномъ, по видимому, вслѣдствіе наступившей катастрофы, исторія Киннама обрывается въ шестой книгѣ на срединѣ фразы; Алляцій, по его словамъ, читалъ и начало седьмой, но точность его показанія сомнительна. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что авторъ имѣлъ намѣреніе описать все царствованіе Мануила, своего

[1]) Письмо приведено у *Делиля*: Cabinet des manuscrits I, 425.

излюбленнаго героя, котораго онъ пережилъ на много лѣтъ. Не задолго до появленія Киннама въ парижскомъ собраніи, онъ былъ изданъ въ Голландіи (въ 1652 году) ученымъ Толліемъ (Tollius) по копіи съ ватиканскаго списка, сдѣланной извѣстнымъ тогда филологомъ, Исаакомъ Фоссомъ (Vossius), тоже голландскаго происхожденія, но долго проживавшимъ въ Швеціи и принадлежавшимъ къ ученому кругу королевы Христины. Объ изданіи Толлія нельзя сказать много хорошаго; текстъ не отличался полною исправностью, латинскій переводъ не былъ удовлетворителенъ, примѣчанія были крайне скудны и совсѣмъ не показывали достаточной исторической подготовки у комментатора. Изъ ученой переписки между Парижемъ и Римомъ по поводу изданія византійской коллекціи мы узнаемъ, что Киннамъ или, какъ сначала именовали писателя, Синнамъ (Sinnamus) былъ въ виду у французовъ уже съ 1647 года. Голстенъ извѣщалъ Дюпюи объ отправленіи изъ Рима пакета съ Алексіадою Анны Комнина и Синнамомъ; Дюпюи, выражая надлежащую благодарность, заявлялъ, что при изданіи книги не преминутъ упомянуть о лицѣ, чрезъ посредство котораго открыто интересное произведеніе [1]). Однако, въ предисловіи Дюканжа ничего не сказано объ участіи и заслугахъ Голстена, хотя и есть признаки того, что, кромѣ печатнаго изданія Толлія, Дюканжъ имѣлъ собственныя данныя, по крайней мѣрѣ о внѣшнихъ характеристическихъ признакахъ подлинной рукописи (о раздѣленіи на шесть книгъ), то-есть, располагалъ присланною задолго передъ тѣмъ копіею съ нея. Въ проспектѣ, приложенномъ къ воззванію Лабба (Protrepticon), изданіе Синнама предназначалось Пуссину, который долженъ былъ приготовить переводъ и примѣчанія; значитъ, уже тогда манускриптъ подлинника былъ на лицо, но, по видимому, Пуссинъ совсѣмъ не принимался за эту работу, по крайней мѣрѣ Дюканжъ и на этотъ счетъ хранитъ молчаніе. При новомъ изданіи [2]) по отношенію къ тексту Дюканжъ ограничился немногими и несущественными исправленіями; но не въ томъ онъ и полагалъ свою задачу. Посвящая

---

[1]) *Pélissier.* Les amis d'Holstenius: Mélanges d. archéologie et cet. Mars. 1887, pag. 112: Mois vous ne trouverez-pas mauvais que l'on dit que c'est par votre moien qu'on a recouvert ce livre aussi bien que le *Synnamus.*

[2]) Ioannis Cinnami de rebus gestis a Ioanne et Manuele Comnenis libri VI cum notis historicis et philologicis Carol. *du Fresne du Cange* in Nicephori Bryennii et Annae Comnenae historiam necnon in eumdem Cinnamum; accedit Pauli Silentiarii descriptio Sanctae Sophiae cura ejusdem *du Cange*, cum ejus uberiore commentario. 1670.

свой трудъ Кольберу, прославляя при этомъ его заботы о королевской библіотекѣ и собраніи медалей, Дюканжъ указывалъ на важность содержанія издаваемаго произведенія, на то, что у Киннама идетъ между прочимъ рѣчь и о Французскомъ королѣ Людовикѣ VII и объ его участіи во второмъ крестовомъ походѣ, указывалъ вообще тѣсную связь византійской исторіи въ періодъ Комниновъ съ западноевропейскою и на ближайшее ея отношеніе къ исторіи Франціи и къ исторіи крестовыхъ походовъ, въ которыхъ французы играли главную роль. Такимъ образомъ Дюканжъ относился къ дѣлу не столько съ филологической, сколько съ исторической точки зрѣнія, цѣнилъ въ предлежащемъ сочиненіи прежде всего новый историческій матеріалъ, и притомъ не только по отношенію къ отдѣльнымъ какимъ-либо фактамъ, а по отношенію къ цѣлому ихъ ряду, объединяемому одною общею идеей взаимодѣйствія между востокомъ и западомъ и служенія французовъ христіанскому или въ частности католическому интересу освобожденія Святой Земли и Сиріи отъ власти мусульманской съ подчиненіемъ ихъ западу: однимъ словомъ, изслѣдователю по прежнему предносилась мысль о латинскомъ востокѣ. Этимъ самымъ Дюканжъ приведенъ былъ къ сознанію необходимости изучать заразъ цѣлую эпоху, весь періодъ Компиновъ, на сколько онъ отразился въ сочиненіяхъ Вріеннія, Анны Комнины и Киннама, кстати находившихся въ тѣсной связи одно съ другимъ, такъ какъ эти авторы прямо продолжали другъ друга, заявляя о томъ въ началѣ своихъ произведеній. Въ виду полной неудовлетворительности того, что до сихъ поръ было сдѣлано для разъясненія и для облегченія пониманія исторіи Комниновъ, Дюканжъ взялъ на себя обязанность комментировать не только вновь издаваемаго Киннама, но и его предшественниковъ, изданныхъ Пуссиномъ—Анну Комнину и кесаря Вріеннія: комментаріи къ послѣднимъ составляютъ какъ бы приложеніе въ вышедшемъ томѣ, будучи помѣщены въ концѣ его. Впереди комментарія къ Киннаму помѣщены родословныя таблицы не только дома Комниновъ, но и фамилій норманнскихъ южноиталіанскихъ властителей изъ потомства Роберта Гвискарда, то-есть, герцоговъ Апуліи и королей Сициліи, а также родословная таблица Турецкихъ султановъ племени Сельджукидовъ. Сверхъ того, прибавлено описаніе Константинополя Бондельмонти, составленное за нѣсколько лѣтъ до взятія города турками, и описаніе Святой Софіи Павла Силенціарія, писателя VI вѣка, то-есть, современника Юстиніанова, которое собирались было печатать Ламбецій и Малтре

(см. выше): послѣднія двѣ пьесы находились развѣ только въ отдаленной связи съ основнымъ текстомъ изданія и присоединены главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ никѣмъ еще не напечатаны и недавно попали въ руки Дюканжа; не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что сами по себѣ онѣ имѣли высокую важность. Обширныя комментаріи Дюканжа къ тремъ писателямъ вѣка Комниновъ—къ Киннаму, Аннѣ и Вріеннію—имѣютъ вполнѣ однородный и цѣльный характеръ. Главная цѣль, преслѣдуемая толкователемъ, заключается въ разъясненіи того, что̀ у этихъ писателей есть темнаго въ разказахъ о внѣшнихъ событіяхъ, иногда даже загадочнаго—вслѣдствіе условной ложно-классической терминологіи, продолжавшей толковать о персахъ и скиѳахъ, когда на сценѣ находились турки и половцы, въ повѣркѣ самой достовѣрности разказовъ зятя о тестѣ (Вріеннія объ Алексѣѣ Комнинѣ), дочери объ отцѣ, подданнаго о своемъ недавно умершемъ государѣ, гдѣ, слѣдовательно, трудно было ожидать полнаго безпристрастія. Средства для разъясненія и повѣрки, для достиженія большей точности представленія и болѣе справедливой оцѣнки фактовъ заключались прежде всего въ современныхъ хроникахъ французскихъ, южно италіанскихъ, германскихъ, венгерскихъ, венеціанскихъ, славянскихъ, турецкихъ, въ отдѣльныхъ спеціальныхъ повѣствованіяхъ о крестовыхъ походахъ. Въ періодъ крестовыхъ походовъ Византія была центральнымъ пунктомъ тогдашней всемірной политики, вела борьбу съ азіатскими турецкими мусульманами то сама по себѣ, то въ союзѣ съ западными народами и государями, а еще чаще соперничала съ ними въ общемъ стремленіи утвердить или возстановить свое господство въ Малой Азіи и Сиріи; въ Италіи она боролась съ норманнами за послѣдніе остатки своихъ владѣній въ Апуліи и Калабріи и дружила съ венеціанцами, которые сначала служили ея союзниками противъ норманновъ, а потомъ стали ея торговыми и политическими соперниками; съ Венгріей шла борьба за обладаніе сербскими и хорватскими землями, прерывавшаяся иногда перемиріемъ и родственными союзами, приводившими за то къ прямому вмѣшательству Византіи въ вопросы угорскаго престолонаслѣдія; чрезъ Византію проходили крестоносныя ополченія Готфрида и Боемунда, Конрада Германскаго и Людовика VII Французскаго и т. д. Обо всемъ этомъ въ гораздо болѣе простой и непосредственной, иногда въ совсѣмъ грубой формѣ разказываютъ хроники, повѣсти и анналы соотвѣтствующихъ народовъ, раннія и позднія, первоначальныя и производныя. Нужна была громадная начитанность и небывалая эрудиція Дю-

канжа для того, чтобъ исполнить задачу общаго сличенія и повѣрки византійскихъ трехъ историковъ означеннаго періода съ соотвѣтствующими западными и восточными свидѣтельствами. Легкость, съ которою Дюканжъ припоминаетъ все тогда напечатанное и многое не напечатанное — то хронику Монтекассинскаго монастыря въ южной Италіи, то мадьярскую лѣтопись Туроча, то анналы Дубровницкіе Лукарича (Luccarì), то Вильгельма Тирскаго, то разные нѣмецкіе анналы, по истинѣ изумительна. Кажется, что онъ зналъ все, кромѣ русскихъ лѣтописей, которыхъ тогда и нельзя было знать. Примѣчанія его перепечатаны въ боннскомъ изданіи и ими пользуются до сихъ поръ.

Дюканжъ, какъ сказано, посвятилъ свой трудъ Кольберу, который заботился о развитіи искусствъ и наукъ столько же, сколько о развитіи торговли и промышленности. Онъ основалъ малую академію (petite académie), которая впослѣдствіи была переименована въ Académie des inscriptions et belles lettres, и которою гордится Франція. По предложенію Кольбера, въ 1676 г. было созвано собраніе ученыхъ для составленія сборника, содержащаго въ себѣ источники для исторіи Франціи. На Дюканжа было возложено порученіе составить проектъ, какъ издать этотъ сборникъ; планъ его однако не былъ принятъ—вѣроятно, потому, что онъ требовалъ слишкомъ мелочной и слишкомъ утомительной и неблагодарной работы; онъ желалъ, чтобы всѣ трудились такъ, какъ трудился онъ самъ, то-есть, чтобы не ограничивались одними примѣчаніями къ источникамъ, а писали бы цѣлые трактаты по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ. Неудачу эту, какъ она ни была непріятна, Дюканжъ перенесъ съ большою покорностью; послѣ 46-лѣтней работы онъ все еще продолжалъ трудиться съ тою же усидчивостью, какъ и въ молодые годы. Въ 1678 г. появился его колоссальный трудъ: Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. 3 vol. in folio. Дюканжъ не думалъ ограничиваться, какъ это сдѣлали Этьенни по отношенію къ классическому языку, однимъ собираніемъ словъ и указаніемъ ихъ различныхъ значеній; онъ полагалъ, что по поводу и при помощи этихъ словъ можно познакомиться съ самою сущностью вещей, означаемыхъ словами, съ политическимъ и религіознымъ бытомъ, съ учрежденіями, правами и обычаями средневѣковой жизни. Въ Словарѣ выступаютъ наружу въ алфавитномъ порядкѣ матеріалы, собранные авторомъ въ теченіе 50 лѣтъ. Подъ отдѣльными словами, какъ напримѣръ, advocatus, comes, senescallus, marescallus, Дюканжемъ

помѣщены цѣлыя диссертаціи, которыя онъ готовилъ для предполагавшейся имъ исторіи французскихъ феодальныхъ владѣній (Histoire des grands fiefs du royaume). Такимъ образомъ въ этомъ безпримѣрномъ трудѣ заключается исторія нѣсколькихъ вѣковъ, преимущественно феодальной эпохи, и форма словаря служитъ только для облегченія справокъ. До тѣхъ поръ нигдѣ не было собрано такой массы изданныхъ и не изданныхъ текстовъ греческихъ, латинскихъ, италіанскихъ, испанскихъ, нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ и т. д. Въ долгій періодъ паденія имперіи латинскія слова, утративъ свое первоначальное значеніе, походили все больше и больше на потертыя монеты, цѣнность которыхъ трудно опредѣлить. Авторовъ этихъ вѣковъ объясняли на основаніи однихъ только предположеній. Дюканжъ замѣнилъ случайное объясненіе систематическимъ. Подъ скромнымъ заглавіемъ Глоссарія Дюканжъ воздвигъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ учености того вѣка. Онъ далъ цѣлый рядъ отличныхъ трактатовъ почти по всѣмъ наукамъ. Скалигеръ желалъ, чтобы существовала такая книга; Меурзій обѣщалъ ее; Spelmann и Vossius [1]) предприняли подобныя изданія, но одинъ Дюканжъ былъ способенъ довести до конца подобный трудъ, котораго одного достаточно на цѣлую жизнь, и который одинъ, самъ по себѣ, могъ бы на вѣки прославить человѣка.

Обширная диссертація о причинахъ порчи латинскаго языка составляетъ введеніе къ Глоссарію. Главную причину порчи авторъ видитъ въ нашествіи варваровъ, которые внесли въ латинскій языкъ много своихъ словъ. Содѣйствовало этому и невѣжество туземцевъ, и небрежность копистовъ, которые къ чистому латинскому языку примѣшивали вульгарныя выраженія и часто исправляли по-своему то, чего не понимали. Конечно, это разсужденіе, не смотря на поучительность многихъ частныхъ замѣчаній, представляетъ нѣкоторые пробѣлы. Во времена Дюканжа еще не понимали съ достаточною ясностію, что нужно отличать судьбы латинскаго литературнаго языка отъ судебъ народнаго латинскаго говора, что порча латинскаго языка въ извѣстномъ отношеніи вовсе не была порчей, а органическимъ развитіемъ языка; не знали, что романскія нарѣчія развились не изъ литературнаго языка, а изъ разговорнаго или простонароднаго, изъ такъ-называемой крестьянской рѣчи (sermo rusticus). Впрочемъ, если

---

[1]) Первымъ изданъ Glossarium archaeologicum въ 1626 г.; вторымъ — De vitiis sermonis et Glossematis latino-barbaris въ 1645 г.

мы будемъ помнить, что Дюканжъ имѣетъ въ виду только литературную латынь, языкъ офиціальныхъ актовъ, грамотъ и хроникъ, то фактъ крайняго его упадка въ варварскій періодъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ совершенно осязательный, да и причины его приблизительно были тѣ, которыя здѣсь указаны.

За этимъ введеніемъ слѣдуетъ каталогъ пяти почти тысячъ средневѣковыхъ латинскихъ писателей, гдѣ отмѣчены ихъ отечество, эпоха, въ которую они жили, существенныя біографическія черты, время изданія ихъ трудовъ. Затѣмъ объяснено не менѣе 14,000 словъ, при чемъ авторъ, какъ уже замѣчено, часто распространяется объ учрежденіяхъ и обычаяхъ среднихъ вѣковъ. Иногда его объясненія принимаютъ размѣры большихъ диссертацій, напримѣръ, когда онъ говоритъ о судѣ Божіемъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ по своему размѣру и научному значенію трактатъ о византійскихъ монетахъ и медаляхъ отъ временъ Константина Великаго до взятія Константинополя турками, трактатъ, который могъ бы быть изданъ какъ отдѣльное спеціальное изслѣдованіе [1]). Къ тексту прибавлены и снимки съ тѣхъ монетъ, которыя были въ рукахъ у Дюканжа.

Понятно, что такой колоссальный трудъ не можетъ представлять совершенства, и что поэтому его нѣсколько разъ дополняли, исправляли и вновь издавали. Во Франкфуртѣ появились два изданія въ 1681 и 1710 г., но въ томъ же видѣ какъ первое изданіе; въ 1733 г. стало печататься, а въ 1736 году появилось новое изданіе Глоссарія съ дополненіями и поправками бенедиктинцевъ конгрегаціи св. Мавра (Saint-Maur), которые могли воспользоваться послѣдовавшими въ промежуткѣ изданіями лѣтописей и грамотъ Мартеня, Мабильона, Балюза, Муратори и т. д. Въ 1766 г. явилось дополненіе въ четырехъ томахъ бенедиктинца Карпантье (dom Carpentier); въ 1840 г. извѣстнымъ парижскимъ издателемъ Дидо Глоссарій переизданъ съ изданія 1733 г. съ прибавленіями и исправленіями Карпантье, Аделунга, подъ редакціей Геншеля, при чемъ статьи дополненія (supplement) Карпантье вставлены были въ надлежащія мѣста по алфавитному порядку. Изданіе Дидо, говорятъ, быстро разошлось и уже не существуетъ въ продажѣ. Въ новѣйшее время право переизданія этого драгоцѣннаго пособія пріобрѣтено было у Дидо книгопродавцемъ Фавромъ, который потомъ обращался ко всѣмъ ученымъ медіевистамъ

---

[1]) Дѣйствительно, этотъ трактатъ былъ изданъ отдѣльно подъ заглавіемъ: Dissertatio de imperatorum Constantinop. numismatibus. Romae. 1755.

съ приглашеніемъ содѣйствовать исправленіями, дополненіями, вообще сообщеніями и обѣщалъ много прибавленій и улучшеній, болѣе, чѣмъ, по видимому, оказывается ихъ на самомъ дѣлѣ. Это новое изданіе, начавшееся выходить съ 1883 года, теперь только-что кончено [1]).

Какъ работалъ Дюканжъ надъ своимъ словаремъ, видно изъ слѣдующаго разказа. Желая издать Глоссарій, Дюканжъ позвалъ однажды къ себѣ въ кабинетъ книгопродавцевъ и, указывая на старый сундукъ, стоявшій въ углу, сказалъ имъ, что они могутъ найдти тутъ матеріалъ на цѣлую книгу, и что, если они хотятъ взяться за ея изданіе, онъ согласенъ вступить съ ними въ переговоры. Они съ радостью приняли предложеніе, но вмѣсто рукописи, которую они думали найдти, отыскали только кучу лоскутковъ бумаги, по большей части оборванныхъ и, по видимому, ни на что не годныхъ. Дюканжъ снова увѣрилъ ихъ, что манускриптъ находится въ сундукѣ. Тогда одинъ изъ болѣе догадливыхъ книгопродавцевъ разсмотрѣлъ еще разъ эти лоскутки и нашелъ, что на каждомъ изъ нихъ написано особое слово и ученыя къ нему примѣчанія. Послѣ этого открытія книгопродавецъ согласился на изданіе Глоссарія. Это была та система карточекъ, которая часто рекомендуется опытными учеными.

Хотя изученіе средневѣковыхъ древностей, особенно въ XIX вѣкѣ, много подвинулось впередъ, и Глоссарій Дюканжа уже не стоитъ на высотѣ современной науки, съ нимъ всетаки полезно справляться; отъ того, что наши изслѣдователи не всегда, когда нужно, обращаются къ нему, они впадаютъ въ ошибки, которыхъ иначе легко было бы избѣжать.

Не смотря на славу, которую доставилъ Дюканжу его Глоссарій, онъ продолжалъ трудиться надъ византійскою исторіей. Про него говорили, что онъ единственный человѣкъ, который прочелъ въ ори-

---

[1]) Glossarium mediae et infimae latinitatis. Conditum a Carolo Du Fresne Domino du Cange auctum à monachis ordinis S. Benedicti cum supplementis integris *D. P. Carpenterii Adelungii* aliorum suisque digessit *Henschel*. Sequuntur Glossarium gallicum, tabulae, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a *Léopold Favre*, membre de la societé de l'histoire de France. Tom. I—IX. Niort. L. Favre, imprimeur-éditeur. 1883—1887. При послѣднемъ томѣ, которымъ мы еще не могли пользоваться при составленіи нашей статьи, въ видѣ приложенія помѣщена статья о Дюканжѣ самаго издателя, а также рѣчи, произнесенныя при открытіи ему памятника, и, сверхъ того, вышеотмѣченная статья Пардессю о латинскомъ Словарѣ.

гиналѣ всѣхъ византійнцевъ, и теперь можно прибавить, что еще не нашлось втораго такого ученаго. Въ 1680 г. онъ издалъ обширный трудъ, посвященный Кольберу и состоящій изъ двухъ частей: De familiis Byzantinis и Constantinopolis Christiana; на второмъ заглавномъ листѣ онѣ обозначены однимъ общимъ заглавіемъ: Historia Byzantina duplici commentario illustrata [1]). Во введеніи къ этому труду, гдѣ идетъ рѣчь о значеніи генеалогіи и пользѣ ея изученія, авторъ дѣлитъ исторію на четыре отдѣла: прагматику, или разказъ фактовъ, хронологію, генеалогію и топографію. Новое изслѣдованіе Дюканжа относится къ двумъ послѣднимъ отдѣламъ исторіи. Familiae Byzantinae представляютъ списокъ Византійскихъ императоровъ по династіямъ, начиная съ Константина Великаго и вплоть до Палеологовъ и Кантакузиновъ. Но такъ какъ императоры вступали часто въ браки съ владѣтельными домами западной Европы, здѣсь можно найдти генеалогію и знаменитыхъ европейскихъ домовъ—французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ. Авторъ не ограничился родословными царствовавшихъ династій, но трактуетъ и о другихъ выдающихся византійскихъ фамиліяхъ. Кромѣ того, онъ представилъ списки далматинскихъ фамилій и государей сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ, а также султановъ турецкихъ, современныхъ Византійскимъ императорамъ. Послѣ его смерти эти списки были изданы подъ особымъ заглавіемъ „Illyricum vetus et novum“. По такому же плану, какъ Византійскія фамиліи, составлено было Дюканжемъ Обозрѣніе фамилій восточныхъ, то-есть, королевствъ и княжествъ Іерусалима, острова Кипра, Арменіи и т. д. Сочиненіе это, столь важное при изученіи исторіи господства Франковъ на востокѣ съ эпохи крестовыхъ походовъ, осталось въ бумагахъ Дюканжа и было издано только въ новѣйшее время [2]).

Constantinopolis Christiana представляетъ весьма точное и по-

---

[1]) Historia byzantina duplici commentario illustrata. Prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum numismatibus et aliquot iconibus; praetera familias Dalmaticas et Turcicas complectitur: Alter descriptionem urbis constantinopolitanae qualis extitit sub imperatoribus christianis. Auctore *Carolo du Fresne* Domino *du Cange*, Regi à consiliis et Franciae apud Ambianos quaestore. Lutetiae Parisiorum. Apud Ludw. Billaine Bibliopolum Parisiensem. 1680.

[2]) Les principautès d'Outremer ou autrement Familles d'Orient c'est à dire une histoire des principautès et royaumes de Jerusalem de Chipre et d'Arménie et cet. Publiés par *Rey*. Paris. 1869.

дробное описаніе Цареграда до покоренія его Турками. Въ этой области Дюканжъ имѣлъ весьма достойнаго предшественника, который отчасти былъ его руководителемъ, мы разумѣемъ Жиля, упомянутаго у насъ въ началѣ собирателя греческихъ рукописей на востокѣ для короля Франциска I. Жиль написалъ два сочиненія топографическаго содержанія; одно изъ нихъ посвящено подробному описанію Константинопольскаго пролива съ окрестностями, съ указаніемъ городовъ и селеній, которыхъ остатки тогда еще сохранялись, или о которыхъ жила память въ народѣ, либо существовало преданіе въ литературѣ [1]); второе прямо трактуетъ о топографіи Цареграда [2]). Это была первая попытка западнаго ученаго основать физическую и историческую топографію Константинополя на своихъ личныхъ наблюденіяхъ и провѣрить этими наблюденіями данныя греческихъ и латинскихъ писателей. Не смотря на всѣ препятствія, не смотря на существовавшее тогда запрещеніе измѣрять султанскую столицу, не смотря на угрозы и нападки обитателей, Жиль своими шагами измѣрилъ всѣ семь холмовъ Константинополя по ихъ длинѣ, ширинѣ и окружности. Величайшую заслугу составляетъ его стараніе пріурочить 14 древнихъ регіоновъ столицы, какъ они представлены въ изданной самимъ же Жилемъ въ концѣ книги Описи временъ Юстиніана (Descriptio veterum regionum Constantinopoleos), къ вершинамъ и склонамъ холмовъ и къ долинамъ, отдѣляющимъ одинъ холмъ отъ другаго по настоящее время. Первыя пять главъ первой книги посвящены были общимъ вопросамъ — объ объемѣ древняго Цареграда, а отъ шестой до восемнадцатой идетъ подробное физическое описаніе каждаго изъ семи холмовъ и каждой долины особо, съ краткимъ обозначеніемъ главныхъ древнихъ и новыхъ зданій, на нихъ помѣщавшихся; въ прочихъ главахъ первой книги въ общихъ чертахъ говорится о стѣнахъ и воротахъ города. Въ остальныхъ трехъ книгахъ авторъ разсматриваетъ по возможности обстоятельно сооруженія (обители, церкви, дворцы, судилища, стѣны, площади, порты, цистерны, водо-

---

[1]) *Petri Gyllii* de Bosporo Thracio libri III. Помѣщено, между прочимъ, въ Imperium Orientale *Бандури* и въ Geographi Graeci minores, t. II, 1861, въ послѣднемъ собраніи подъ заглавіемъ: Dionysii Byzantii per Bosporum navigatio, такъ какъ главный интересъ представляли многочисленные отрывки изъ этого открытаго Жилемъ, а послѣ на долгое время опять утраченнаго сочиненія.

[2]) *Petri Gyllii* de Constantinopoleos Topographia libri IV. Lugduni Batavorum. Ex officina Elzeviriana. 1632.

проводы и т. п.), съ пріуроченіемъ каждаго къ холму, долинѣ и къ регіонамъ города; такимъ образомъ у Жиля были даны два обозрѣнія города, общее и частное, что̀, конечно, вело къ повтореніямъ; но при невозможности имѣть сколько-нибудь удовлетворительный планъ города, иначе и нельзя было поступить.

Описаніе Дюканжа также распадается на четыре книги или отдѣла. Первая содержитъ въ себѣ общую часть: происхожденіе древней Византіи, основаніе христіанской столицы и ея судьбы въ среднихъ вѣкахъ, общія данныя о семи холмахъ, о городскихъ стѣнахъ, башняхъ, акрополяхъ, воротахъ, частяхъ города, площадяхъ и улицахъ, водопроводахъ, баняхъ, водоемахъ и т. д. Со второй книги систематически и спеціально описываются сооруженія, при чемъ они распредѣлены по разрядамъ, такъ что каждый разрядъ содержитъ въ себѣ въ совокупности всѣ однородныя сооруженія. Именно во второй книгѣ описаны ипподромъ, театры, портики, дворцы, судилища, патріархія, зданія іудеевъ и сарацинъ. Третья книга почти цѣликомъ посвящена описанію св. Софіи, а четвертая—обозрѣнію всѣхъ обителей и церквей въ слѣдующемъ порядкѣ: церкви, посвященныя Богу, Богоматери, св. безплотнымъ, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ и исповѣдникамъ, мученицамъ и святымъ дѣвамъ; церкви, названныя по имени строителей и урочищъ или иначе; странноприимные дома; наконецъ, здѣсь же описаніе пригороднаго Константинополя, загородныхъ дворцовъ, мостовъ и обителей. Обладая полнымъ знаніемъ греческой средневѣковой письменности, а также и латинской, могшей служить ему источникомъ, но самъ лично не знакомый съ предметами, какъ очевидецъ, Дюканжъ своимъ пониманіемъ общаго размѣщенія сооруженій и урочищъ больше всего обязанъ Жилю, на котораго и ссылается весьма часто; изъ самыхъ источниковъ, обыкновенно предполагающихъ положеніе упоминаемыхъ ими мѣстъ извѣстнымъ читателю, было бы не возможно, при всей учености и проницательности, извлечь сколько-нибудь отчетливое представленіе о топографическомъ размѣщеніи предметовъ. Тщательно пользуясь всѣми наличными источниками и пособіями, Дюканжъ оставилъ слѣдующимъ поколѣніямъ трудъ вполнѣ самостоятельный. Въ немъ мы находимъ отчасти исторію памятниковъ, отчасти ихъ описаніе, хотя, по свойству самихъ источниковъ, больше всего встрѣчаемъ упоминанія о событіяхъ, имѣвшихъ связь съ памятниками. При каждомъ названіи какого-либо сооруженія сведены всѣ относящіяся къ нему свѣдѣнія, большею частью съ выписками самыхъ текстовъ.

Греческія извѣстія были такъ полны, что даже и до сихъ поръ, не смотря на появленіе новыхъ неизвѣстныхъ Дюканжу источниковъ, ученые почти ими одними пробавляются. Чтобы сколько-нибудь оріентировать читателей наглядным изображеніемъ, Дюканжъ приложилъ планы: карту Воспора Ѳракійскаго съ планомъ Константинополя, раздѣленнаго на 14 частей,—составленнымъ на основаніи древней описи (Descriptio) и сочиненія Жиля, и другой планъ столицы съ птичьяго полета, заимствованный изъ сочиненія Бондельмонте объ островахъ Архипелага (оно явилось въ 1422 году). Система автора состояла въ совокупленіи однородныхъ предметовъ; способъ изложенія, основанный на такой системѣ, очень затрудняетъ обозрѣніе памятниковъ въ ихъ взаимной топографической связи и зависимости, но за то онъ далъ возможность составить полнѣйшую и до сихъ поръ не замѣнимую справочную книгу, безъ которой изученіе исторической топографіи Константинополя не возможно [1]). Нѣкоторымъ дополненіемъ къ Христіанскому Константинополю можетъ служить комментарій Бандури къ изданному имъ греческому Анониму (въ Imperium orientale; см. ниже стр. 175); у Рейске, въ его толкованіяхъ къ сочиненію Константина Багрянороднаго De Cerimoniis, точно также можно найдти нѣсколько полезныхъ поправокъ къ допущеннымъ у Дюканжа неизбѣжнымъ ошибкамъ. Дальнѣйшіе успѣхи въ данной области относятся къ XIX столѣтію. Заслуживаетъ вниманія сочиненіе французскаго инженера Андреосси: „Путешествіе къ устью Чернаго моря“ [2]), подробно изучившаго систему водоснабженія и объяснившаго направленіе древняго Валентова водопровода. Трудъ Гаммера „Константинополь и Босфоръ“ [3]) представляетъ по отношенію къ древней топографіи мало самостоятельныхъ разысканій; онъ иногда неудачно старается поправлять Дюканжа, но заслугу его составляетъ приведеніе новыхъ турецкихъ названій въ пріуроченіи къ древнимъ наименованіямъ. Гораздо важнѣе два греческіе труда:

---

[1]) Характеристику трудовъ Жиля и Дюканжа о Константинополѣ мы заимствуемъ почти буквально у *Г. С. Дестуниса*, помѣстившаго въ *Журналѣ Мин. Народн. Просв.* рядъ статей, содержащихъ въ себѣ обзоръ сочиненій по исторической топографіи Константинополя съ середины XVI вѣка подъ общимъ заглавіемъ: „Топографія средневѣковаго Константинополя“. См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.*, январь 1882 г.

[2]) *Andréossy*, Voyage à l'embouchure de la mer Noire... Paris. 1818.

[3]) Constantinopolis und der Bosporus ortlich und geschichtlich beschrieben von *Ios.* von *Hammer*. 2 Bd. Pesth. 1822.

„Константиніада древняя и новая или описаніе Константинополя отъ основанія его до настоящаго времени"—архіепископа Синайскаго, а впослѣдствіи Константинопольскаго патріарха Константія [1]), и „Константинополь"—Скарлата Византія [2]), наиболѣе полное и отчетливое общее сочиненіе по топографіи Цареграда въ трехъ томахъ. О новѣйшихъ частныхъ изслѣдованіяхъ, между которыми особенно выдаются труды грека Паспати и нашего ученаго, профессора Н. П. Кондакова, будетъ сказано во второй части обозрѣнія.

За годъ до изданія своего двойнаго комментарія Дюканжъ напечаталъ глоссаріи нѣкоторыхъ древнихъ писателей, собранные ранѣе Карломъ Лаббомъ, и отчасти вновь отысканные, снабдивъ ихъ примѣчаніями и сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ общедоступными: Cyrilli, Philoxeni aliorumque veterum glossaria graeco-latina et latina-graeca. Paris. 1679 [3]).

Кромѣ того, имъ изданы были въ 1687 г. Анналы Зонары, съ примѣчаніями, извлеченными по большей части изъ не изданныхъ византійскихъ писателей [4]).

Изданіе Зонары обѣщано было еще въ проспектѣ, сопровождавшемъ воззваніе Лабба (1647 г.); тогда предполагалось взять за основаніе текстъ, напечатанный сто лѣтъ тому назадъ Іеронимомъ Вольфомъ, съ его же латинскимъ переводомъ и примѣчаніями; впрочемъ предполагались и улучшенія: Гоаръ долженъ былъ сличить аугсбургскій текстъ съ рукописями королевской Парижской и Мазариніевой библіотекъ, а также пересмотрѣть переводъ и примѣчанія; самъ Лаббъ бралъ

---

[1]) Κωνσταντινιὰς παλαιά τε καὶ νεωτερα ἤτοι περιγραφὴ Κωνσταντινουπόλεως ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τοῦ νῦν..... συνταχθεῖσα παρὰ ἀνδρὸς φιλολόγου καὶ φιλαρχαιολόγου Ἐν Βενετίᾳ. 1824. Были и другія изданія, о которыхъ см. у Г. С. Дестуниса. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, январь.

[2]) Ἡ Κωνσταντινουπόλις ἡ περιγραφη τοπογραφικὴ ἀρχαιολογικὴ καὶ ἱστορικὴ — — — ὑπὸ Σκαρλάτου τοῦ Βυζαντίου. Τόμοι I—III. Ἀθην. 1851—1869.

[3]) Cyrilli, Philoxeni, Aliorumque veterum Glossaria Latinograeca, et Graeca-latina, à Carolo Labbaeo collecta, et in duplicem Alphabeticum redacta. Cum variis Emendationibus ex MSS. Codd. petitis, Virorumque Doctorum Castigationibus ac Conjectaneis: Glossae aliquot aliae Latino-Graecae ex iisdem Codd. MSS. quae nunc primum prodeunt: praeterea Veteres Glossae verborum iuris, Quae passim in Basilicis reperiuntur и т. д. notis illustratae ab eodem *Carolo Labbaeo*. Lutetiae Parisiorum, 1679. На оборотѣ эпитафій *Лаббе*.

[4]) Ioannis Zonarae annales, ab exordio mundi ad mortem Alexii Comneni, interprete *Hieronymo Wolphio*, ex recensione et cum notis *Caroli du Fresne du Cange*. 1686—687. 2 vol.

на себя задачу коллаціи третьей, собственно византійской, части съ кодексомъ Клермонтскимъ, въ которомъ находились еще и письма Зонары въ количествѣ 46. Все это осталось въ области однихъ предначертаній. Иниціативу дѣйствительно послѣдовавшаго новаго изданія Дюканжъ приписываетъ маркизу Лувуа, извѣстному военному министру Людовика XIV, послѣ смерти Кольбера (1683) получившему въ свое завѣдываніе королевскіе дворцы и зданія, искусства и типографію; упомянутъ также Летеллье, архіепископъ Реймсскій, его братъ. Въ обширномъ предисловіи содержится изслѣдованіе прежде всего объ авторѣ хроники, извѣстномъ своею ученостью и многими другими сочиненіями; онъ занималъ высшія правительственныя должности при императорѣ Мануилѣ, затѣмъ оставилъ міръ и сдѣлался монахомъ, жилъ, какъ самъ сообщаетъ, въ уединеніи, на необитаемомъ островѣ; но какой именно это былъ островъ, Дюканжъ не считаетъ возможнымъ угадать, замѣчая только, что уже изъ этого указанія на островъ можно заключить о недостовѣрности показанія одной космографіи XVI вѣка (Андрея Тевe, Thevet: Cosmographie du Levant, Lyon, 1554), будто бы на Аѳонѣ находился надгробный памятникъ Зонары. Что же касается самаго сочиненія, то характеръ его отчасти зависѣлъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ оно было составлено: Зонара взялся за составленіе хроники послѣ удаленія своего отъ дѣлъ и изъ столицы, вслѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій со стороны друзей, и такъ какъ онъ долженъ былъ начинать свое повѣствованіе отъ сотворенія міра, то ему предстояло въ сокращенномъ видѣ излагать то, что̀ было уже разказано другими, и слѣдовательно, требовалось не мало пособій, а между тѣмъ на своемъ островѣ онъ терпѣлъ большой недостатокъ въ книгахъ, на который и жалуется въ началѣ своего труда. Тѣмъ не менѣе, по сужденію Дюканжа, Зонара въ своемъ сводѣ или сокращеніи достигъ такого совершенства, что вмѣстѣ сочеталъ два, по видимому, противоположныя качества, краткость и ясность. Дюканжъ вообще высоко ставитъ достоинства издаваемаго имъ творенія и защищаетъ его противъ упрековъ другихъ ученыхъ; въ отдѣлѣ римской исторіи до Константина Зонара вовсе не былъ столь небрежнымъ и пустымъ компиляторомъ, какъ о немъ нѣкоторые утверждали, но напротивъ пользовался здѣсь Діономъ, тогда еще не пострадавшимъ въ своей цѣлостности, а также и другими, теперь потерянными, сочиненіями, и потому сообщаетъ много такого, чего нѣтъ у другихъ; относительно упомянутой у насъ въ своемъ мѣстѣ приписки Вольфа, въ которой какъ бы отдается предпочтеніе Кедрину,

Дюканжъ замѣчаетъ, что слова Вольфа о большей подробности Кедрина могутъ относиться развѣ къ какимъ другимъ отдѣламъ, а никакъ не къ отдѣлу римскому до Константина; здѣсь у Зонары все разказано гораздо отчетливѣе и подробнѣе, чѣмъ у Кедрина; наконецъ, Дюканжъ вообще настаиваетъ на томъ, что по самой задачѣ своей Зонара долженъ былъ стремиться къ краткости и потому въ византійской собственно части не могъ быть столь подробенъ, какъ Θеофанъ или даже Скилицій. Полнаго изслѣдованія объ источникахъ Зонары мы у Дюканжа не находимъ, да его нѣтъ и до сихъ поръ: являются только частныя изслѣдованія объ отдѣльныхъ книгахъ и періодахъ [1]). Далѣе идетъ рѣчь о заглавіи сочиненія (χρονικὸν σύνταγμα, ἐπιτομὴ ἱστοριῶν) и объ его раздѣленіи; замѣчается, что въ самомъ подлинникѣ вся хроника дѣлится только на двѣ части: въ первой содержится священная и еврейская исторія на основаніи Священнаго Писанія и Іосифа Флавія, а также греческая и римская исторія до установленія имперіи; съ имперіи или, точнѣе, со втораго тріумвирата начинается вторая часть, при чемъ, конечно, византійская исторія разсматривается какъ непосредственное продолженіе римской. Относительно прежняго изданія Зонары Іеронимомъ Вольфомъ сообщаются любопытныя подробности, которыми мы отчасти воспользовались въ надлежащемъ мѣстѣ. Что же касается новаго Парижскаго изданія, то изъ словъ Дюканжа видно, что основаніемъ служилъ все тотъ же печатный текстъ Вольфа; впрочемъ издатель имѣлъ въ своихъ рукахъ четыре манускрипта королевской библіотеки и одинъ—Кольбертинской; изъ нихъ два (1714: saec. XIII; 1716: saec. XV) содержали въ себѣ всю лѣтопись Зонары, а остальные — только ту или другую часть. Къ рукописямъ Дюканжъ обращался преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя возбуждали какое-нибудь сомнѣніе [2]); иныя изъ новыхъ чтеній внесены въ текстъ, другія указаны только въ примѣчаніяхъ. Къ сожалѣнію, Дюканжъ не имѣлъ еще возможности пользоваться наилучшимъ спи-

---

[1]) Кромѣ давнишняго (1839 г.) изслѣдованія Ад. Шмидта: „Ueber die Quellen des Zonaras“, касающагося только первыхъ 12 книгъ (до Константина) и перепечатаннаго при новѣйшемъ изданіи хроники, можно указать: *Sauerbrei*, De Fontibus Zonarae (XIV и XV книгъ) quaestiones selectae въ *Commentationes philologae Jenenses*, I (1881).

[2]) Graeca contulimus, maxime in locis, qui dubietatem quandam praeferebant, cum quatuor codicibus regiis et uno Colberteo Varias ex hisce codicibus excerptas lectiones in Notas subinde retulimus, nonnullis quae extra controversiam videbantur in contextum ipsum immissis.

скомъ для хроники Зонары (конца XIII вѣка № 1715), который поступилъ въ королевскую библіотеку только впослѣдствіи. Латинскій переводъ Вольфа пересмотрѣнъ и исправленъ, что̀ впрочемъ оказалось необходимымъ лишь въ немногихъ и рѣдкихъ случаяхъ. Сдѣлавъ замѣчаніе о приложенной въ концѣ изданія безымянной и краткой хронографіи, доведенной до Алексѣя Комнина и содержащей въ себѣ простые списки царей и правителей, сохранившейся въ многоразличныхъ спискахъ и уже разъ изданной Петавіемъ (при первоначальномъ изданіи Бревіарія патріарха Никифора), Дюканжъ переходитъ къ перечисленію другихъ сочиненій Зонары помимо хроники—изданныхъ, къ коимъ принадлежатъ толкованія на апостольскіе и соборные каноны [1]), да нѣсколько писемъ канонического содержанія, и не изданныхъ, но упоминаемыхъ у Алляція и у Ламбеція въ описаніи Вѣнской придворной библіотеки; особенно подробно онъ останавливается на сборникѣ писемъ, большею частью догматическаго и канонического содержанія, которыя въ рукописныхъ кодексахъ и въ каталогахъ приписываются то Зонарѣ, то—и большею частью—Михаилу Гликѣ; такъ и въ Московскомъ синодальномъ (типографскомъ) спискѣ, одномъ изъ наиболѣе полныхъ, конечно, неизвѣстномъ Дюканжу. Вопроса о дѣйствительномъ авторѣ Дюканжъ окончательно не рѣшаетъ; онъ настаиваетъ только на томъ, что письма писаны въ XII вѣкѣ, такъ какъ въ одномъ содержится отвѣтъ на мнѣніе въ пользу астрологіи самого царя Мануила Комнина, изложенное въ посланіи къ монаху Алипію, вѣроятно, знакомому Гликѣ, и такъ какъ есть письма, адресованныя къ Іоанну Дукѣ, Алексѣю Контостефану и другимъ лицамъ, въ которыхъ легко признать сановниковъ, современныхъ Мануилу и его ближайшимъ преемникамъ [2]). Мы уже видѣли, что Лаббъ, издатель хроники Михаила Глики, не исполнилъ своего обѣщанія и не представилъ изслѣдованія о жизни своего автора; вотъ теперь и Дюканжъ не рѣшается сказать, что Михаилъ Глика жилъ именно въ XII вѣкѣ и, слѣдовательно, могъ быть авторомъ писемъ, ему приписываемыхъ въ большей части сборниковъ; изъ того-де обстоятельства, что Глика пользовался лѣтописью Зонары, не слѣдуетъ еще, чтобъ онъ

---

[1]) Разумѣется изданіе Беверегія 1621 г. *Beveregii*, Pandect. Canonum.

[2]) Іоаннъ Дука этеріархъ часто упоминается у Никиты Хоніата, стр. 125, 312, 318, 447, 450, 562. Андроникъ Палеологъ, къ которому тоже адресуются письма—ibid pag. 412. Алексѣй Контостефанъ: ibid. pag. 600, 601. Контостефанъ прямо названъ у Глики родственникомъ царя Алексѣя (ἀνεψιός); тутъ нужно разумѣть Алексѣя Ангела.

писалъ вскорѣ послѣ него. Вопросъ объ авторѣ во многихъ отношеніяхъ любопытныхъ писемъ и о времени, когда онъ жилъ, и послѣ Дюканжа былъ предметомъ разсужденій и ученыхъ споровъ. Италіанецъ Ламп [1]), издавшій въ Deliciae eruditorum наиболѣе значительное количество писемъ, и Уденъ [2]) относили ихъ къ XV вѣку, слѣдовательно, совершенно не допускали мысли о принадлежности ихъ Зонарѣ и утверждали принадлежность Гликѣ; они основывались главнымъ образомъ на двухъ посланіяхъ, адресованныхъ Константину Палеологу, въ которомъ видѣли послѣдняго Византійскаго императора; главный аргументъ Дюканжа они опровергали тѣмъ соображеніемъ, что посланіе Мануила объ астрологіи могло быть приведено въ видѣ ссылки корреспондентомъ Глики, хотя бы оно было написано нѣсколькими вѣками ранѣе, и такимъ образомъ могло вызвать опроверженіе Глики. Разсужденія эти совершенно не основательны и даже странно было бы, еслибы двумъ названнымъ второстепеннымъ изслѣдователямъ и знатокамъ удалось замѣтить то, чего не замѣтилъ или даже не понялъ Дюканжъ. Письма, адресованныя къ Константину Палеологу, конечно, зналъ и онъ, но уже никакъ не подумалъ бы относить ихъ къ послѣднему императору, такъ какъ ему хорошо были извѣстны пріемы византійской титулатуры, совершенно не допускающіе возможности обращаться къ царю съ такими эпитетами, какіе приданы въ надписаніи нашего посланія Палеологу [3]). Кто прочтетъ смиренное, сопровождаемое множествомъ оговорокъ, оправданій и льстивыхъ извиненій письмо объ астрологіи, тотъ сейчасъ убѣдится, что такъ не обращаются къ умершему за триста лѣтъ государю, и потому сочтетъ пустымъ хитросплетеніемъ и другое соображеніе названныхъ выше ученыхъ, направленное къ опроверженію указанія Дюканжа на современность писемъ Мануилу Комнину [4]). Осторожнѣе былъ Гарлессъ, который возвращался къ мнѣнію Дюканжа, что письма были писаны

---

[1]) *Ioannis Lamii* de Michaele Glica ejusque scriptis dissertatio: въ Deliciae eruditorum, tom. 1. Florentiae. 1736. Это разсужденіе перепечатано въ Патрологіи *Миня*, т. 158 О Гликѣ Лами снова разсуждаетъ въ Praefatio къ VI тому Deliciarum (Florentiae, 1739), въ которомъ было издано нѣсколько новыхъ писемъ его.

[2]) *Oudin*, Dissertatio de aetate et scriptis Glycae: De scriptoribus ecclesiast., tom. III, 2521.

[3]) Τῷ πανσεβάστῳ σεβαστῷ κυρίῳ κωνσταντίνῳ τῷ παλαιολόγῳ: №№ 40, 61, 85 сборника Московскаго (*Matthaei*, pag. 277, 280). Ср. слѣдующее примѣчаніе.

[4]) Заглавіе письма Matthaei, pag. 283, № 88: ἀνταπολογητικὸν ἐκ μέρους πρὸς τὴν ἐγχειρισθεῖσαν αὐτῷ γραφὴν κραταιοῦ καὶ ἁγίου βασιλέως Μανουὴλ Κομνηνοῦ.

въ XII вѣкѣ, но неизвѣстно кѣмъ—Гликою или Зонарою. Новѣйшіе изслѣдователи съ полною рѣшительностью считаютъ авторомъ писемъ Глику, полагая, что онъ также, какъ и Зонара, жилъ въ XII вѣкѣ. Гиршъ (Hirsch, Byzantinische Studien, pag. 396) дѣлаетъ замѣчаніе, что если Глика пользовался хроникою Зонары, на которую и ссылается, то съ другой стороны, его произведеніемъ уже пользовался Манасси, несомнѣнно писавшій во второй половинѣ XII вѣка; однако замѣченное небольшое сходство могло бы произойдти и отъ обратнаго отношенія, отъ пользованія Манассіею со стороны Глики. Важнѣе показанія рукописей, недавно приведенныхъ въ извѣстность: изъ нихъ одна относится къ XIII вѣку и содержитъ въ себѣ поздравительное стихотвореніе съ именемъ Михаила Глики, обращенное къ Мануилу Комнину по поводу счастливаго похода противъ венгровъ, а другая должна принадлежать даже XII столѣтію [1]). Съ своей стороны, мы можемъ указать на письма (№№ 33 и 66 въ Моск. типографскомъ сборникѣ Matthaei, Accur. Notitia, pag. 277 и 280) по поводу спора, слѣдуетъ ли поститься или нѣтъ, когда господскіе праздники приходятся на середу и пятницу: изъ русской лѣтописи мы знаемъ, что этотъ вопросъ волновалъ умы именно въ XII вѣкѣ и едва ли не былъ возбужденъ впервые однимъ русскимъ епископомъ [2]).

Вслѣдъ за текстомъ сочиненія Зонары, во второй части изданія, напечатаны Дюканжемъ вышеупомянутая краткая хронографія (Epitome annorum), которую предварительное греческое замѣчаніе связываетъ съ именемъ Евсевія Памфила, и такъ-называемый Синопсисъ Зонары, то-есть, подробное оглавленіе его хроники (Σύνοψις seu argumenta). Примѣчанія Дюканжа къ Зонарѣ, также обширныя и поучительныя, какъ его комментаріи къ Аннѣ и Киннаму, имѣютъ свою особую пагинацію и по преимуществу реальный характеръ, то-есть, больше касаются содержанія, чѣмъ выраженія. Онъ указываетъ на то, что общій комментарій къ издаваемой хроникѣ, равно какъ и къ другимъ византійскимъ писа-

---

[1]) *Legrand*, Bibliothèque grecque vulgaire I, XV (ср. ниже). — *Муральтъ* (Essai de chronographie byzantine, 1) въ перечисленіи источниковъ для перваго тома при имени Глики сдѣлалъ такую отмѣтку: avant 1176 — date du manuscrit de S. Pétersbourg.

[2]) См. въ Лаврентьевской лѣтописи разказъ о возникновеніи *ереси Леонтіанской* (подъ 1164 г.): Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю... поча Суждали учати не ѣсти мясъ въ господскыя праздники в среды и в пятки, ни на рожьство господне, ни на крещенье и бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андрѣемъ предо всѣми людми, и упрѣ его владыка Феодоръ. Онъ же иде на исправленіе Цесарю городу, а тамо упрѣлъ й Анъдриянъ епископъ Болгарскый предъ цесаремъ Мануиломъ и т. д.

телямъ, находится уже въ изданныхъ имъ трудахъ: кромѣ Constantinopolitana historia, есть уже ссылка на греческій Глоссарій, который, однако, не былъ обнародованъ, хотя и былъ отпечатанъ. Особенно важное значеніе имѣютъ обширныя выписки параллельныхъ мѣстъ изъ другихъ хроникъ, изъ хроники Амартола и особенно изъ хроники Симеона Логоѳета, подъ которою разумѣется тогда отпечатанная, но не вышедшая еще въ свѣтъ, хроника Симеона магистра (=Метафраста), а также—изъ житій святыхъ, большею частью рукописныхъ—(житіе Артемія для IV вѣка, житія Стефана Новаго, Іоаникія, Николая Студита для иконоборческаго періода, патріарха Игнатія для времени Фотія и т. д.). Нѣкоторыя примѣчанія принимаютъ видъ настоящихъ большихъ диссертацій: Зонара только слегка касается завоеванія Африки вандалами; Дюканжъ восполнилъ упущенное, представилъ полный списокъ королей вандальскихъ и византійскихъ правителей Африки до завоеванія ея въ 692 году арабами. Въ видѣ приложенія помѣщены: изслѣдованіе о мѣстоположеніи дворца Константинопольскаго, Гебдомона[1]), а также и другія добавленія къ Христіанскому Константинополю[2]); и все заканчивается тщательно составленными указателями (indices).

Въ 1688 г., когда Дюканжу было болѣе семидесяти лѣтъ, появился его Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis, въ двухъ томахъ in folio. По словамъ автора, онъ имѣлъ въ виду дать въ своемъ словарѣ объясненіе неологизмовъ и рѣдкихъ или иностранныхъ реченій, употреблявшихся въ Византіи, а также техническихъ терминовъ придворныхъ, церковныхъ, юридическихъ, медицинскихъ, военныхъ и т. д., отыскать происхожденіе этихъ терминовъ и тѣмъ самымъ разъяснить учрежденія, нравы, обычаи, однимъ словомъ политическій, религіозный и соціальный бытъ Восточной имперіи. Авторъ дѣйствительно выполнилъ эту обширную задачу. Воспользовавшись всѣми источниками изданными и рукописными и изслѣдованіями своихъ предшественниковъ, онъ совершилъ трудъ безпримѣрный, надъ которымъ, казалось, должно было бы работать цѣлое многочисленное общество ученыхъ.

Планъ Греческаго глоссарія нисколько не разнится отъ латинскаго словаря. Обширное предисловіе представляетъ трактатъ о видоизмѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ греческій языкъ. Одною изъ глав-

[1]) De hebdomo Constantinopolitano disquisitio topographica.

[2]) Additamenta ad Constantinopolim christianam.

ныхъ причинъ порчи языка онъ считаетъ колоніи въ Египтѣ, Сиріи, Сициліи, Италіи, Галліи, гдѣ языкъ подвергался сильному воздѣйствію туземныхъ нарѣчій. Къ этому присоединилось еще преобладаніе Рима; побѣдители внесли много своихъ терминовъ въ языкъ побѣжденныхъ. Окончательно языкъ испортился съ перенесеніемъ столицы въ Византію. Здѣсь первое время ко взаимному ущербу существовали рядомъ два языка; при дворѣ и въ высшихъ кругахъ говорили по латыни, а въ народѣ господствующимъ языкомъ былъ греческій.

Впереди Глоссарія перепечатана грамматика Симона Порція (изд. въ 1638 г.), объясняющая отличія древнегреческаго языка отъ новаго и народнаго. Примѣчанія Дюканжа къ объясняемымъ словамъ принимаютъ и здѣсь иногда размѣры цѣлыхъ диссертацій. То, что первоначально было пропущено, было затѣмъ восполнено въ приложенномъ ко второму тому Appendix'ѣ. Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить этотъ трудъ достаточно сказать, что тутъ приводятся цитаты больше чѣмъ изъ 600 печатныхъ книгъ и болѣе чѣмъ изъ 400 рукописныхъ сборниковъ. Въ Словарѣ уже встрѣчаются ссылки на Морейскую хронику, на сочиненія Льва Діакона и Михаила Пселла, которымъ пришлось еще долго ожидать изданія. Чувствительный пробѣлъ представляетъ только отсутствіе цитатъ изъ сочиненія Константина Багрянороднаго de Cerimoniis, столь богатаго разнообразными данными для разъясненія всякаго рода реалій византійской древности, но пока остававшагося неизвѣстнымъ.

Глоссарій Дюканжа до настоящаго времени остается незамѣнимымъ пособіемъ, къ которому постоянно приходится обращаться всѣмъ занимающимся не только исторіей Византіи, но и средними вѣками вообще. Потребность въ новомъ, улучшенномъ и полнѣйшемъ изданіи его ощущается тѣмъ живѣе, чѣмъ рѣже становятся экземпляры парижскаго изданія; ее живо сознавалъ между прочимъ Нибуръ, когда онъ возымѣлъ въ двадцатыхъ годахъ мысль оживить изученіе среднихъ вѣковъ исправнѣйшею перепечаткою полнаго парижскаго собранія византійцевъ. Во французскомъ объявленіи объ этомъ изданіи говорится, что предпринимаемое изданіе будетъ обогащено новымъ значительно пополненнымъ словаремъ Дюканжа. Обѣщаніе это однако исполнено не было, и Берлинская академія наукъ, въ завѣдываніе который перешло боннское изданіе, предала забвенію мысль о новомъ изданіи Дюканжева словаря. Впослѣдствіи напомнилъ объ этомъ ученой коллегіи молодой филологъ Муллахъ, который, не раздѣляя традиціонныхъ, исключительныхъ взглядовъ своихъ собратій, нѣсколько

шире понималъ задачу филологіи. Муллахъ съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ, кромѣ классическаго древняго, изучалъ и современный народный греческій языкъ: главную мысль его занятій составляло стремленіе раскрыть происхожденіе и развитіе языка, называемаго новогреческимъ ἡ κοινὴ διάλεκτος, lingua vulgaris. Съ этою цѣлью онъ не только подвергъ своимъ изслѣдованіямъ новогреческій языкъ въ нынѣшнемъ его состояніи и въ литературныхъ памятникахъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, со временъ Комниновъ, но отыскивалъ слѣды его и у византійскихъ писателей, въ юридическихъ книгахъ Византійскихъ императоровъ, у церковныхъ писателей, въ надписяхъ, у схоліастовъ и глоссографовъ и даже у классиковъ предъ Александромъ Великимъ. Опираясь на свои спеціальныя познанія, Муллахъ въ 1837 г. испрашивалъ у Берлинской академіи наукъ порученіе приготовить новое, полнѣйшее изданіе словаря Дюканжа, но безъ успѣха. Въ пролегоменахъ къ изданію новогреческаго поэта, Димитрія Зина (Conjectanea Byzantina) онъ впослѣдствіи сдѣлалъ слѣдующій—отчасти можетъ быть слишкомъ односторонній и рѣзкій — отзывъ объ этомъ словарѣ: „Трудолюбивѣйшій мужъ, хотя и пріобрѣлъ своимъ великимъ твореніемъ безсмертіе своему имени въ потомствѣ, однако, мало зная народный греческій языкъ, погрѣшалъ такъ часто, что знатокъ этого языка много найдетъ исправить на каждой страницѣ. Онъ не только не понималъ многихъ словъ и въ объясненіи удалялся отъ истиннаго ихъ значенія, но даже не умѣлъ, какъ слѣдовало, изобразить многихъ словъ буквами. При всемъ томъ я не только не пренебрегаю этимъ словаремъ, но признаю въ немъ обильный запасъ добрыхъ плодовъ во всемъ, что авторъ почерпнулъ изъ не изданныхъ словарей парижской библіотеки, изъ схоліастовъ и изъ другихъ памятниковъ. Если же онъ, покушаясь объяснить не объясненное другими, впадалъ въ смѣшныя ошибки, то будемъ снисходительны къ почтенному мужу, который сдѣлалъ, что̀ могъ, предоставляя свѣдущимъ читателямъ исправить вкравшіяся въ этотъ огромный трудъ ошибки. Послѣ Дюканжа въ этомъ родѣ литературы почти ничего не издано въ свѣтъ замѣчательнаго, кромѣ матеріаловъ, собранныхъ изъ разныхъ писателей и лексикографовъ Адамантіемъ Кораи, во 2-мъ, 4-мъ и 5-мъ томахъ его τῶν Ἀτάκτων; эти матеріалы пригодятся будущимъ составителямъ словарей. Чтобы коротко сказать, что̀ надобно сдѣлать, я думаю, вновь издать словарь Дюканжа и именно слѣдующимъ образомъ: изслѣдовавъ снова тѣ парижскія рукописи, которыми пользовался авторъ, уничтожить въ его словарѣ всѣ неправильности и при-

бавить слова и особенныя выраженія, находящіяся нынѣ въ общемъ употребленіи у грековъ, также не найденныя Дюканжемъ у писателей, чтобы такимъ образомъ составился Thesaurus mediae et recentis graecitatis, годный для ученыхъ".

Муллаху не удалось осуществить свое предпріятіе; переговоры съ Дидо не дали никакихъ результатовъ, Вѣнская академія отказала ему въ помощи, точно также, какъ Берлинская. Хотя онъ и приведенъ былъ въ унынiе неудачами, однако не покинулъ вовсе своего намѣренія и не упустилъ случая еще разъ попытаться пріобрѣсть ему доброжелателей въ обширномъ кругу филологовъ посредствомъ живаго слова. Въ собраніи нѣмецкихъ филологовъ 2-го октября 1850 г. въ Берлинѣ онъ произнесъ рѣчь о переработкѣ Глоссарія Дюканжа, въ которой говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Glossarium Дюканжа при всѣхъ своихъ недостаткахъ необходимъ для всякаго, кто въ своихъ изслѣдованіяхъ имѣетъ дѣло съ византійскими историками, греческими писателями о римскомъ правѣ, съ церковными греческими писателями среднихъ вѣковъ, съ древнѣйшими произведеніями новогреческой поэзіи, равно и съ писателями о музыкѣ, ботаникѣ, математикѣ, астрономіи, химіи и т. д., которые были подъ рукою у сочинителя словаря, а отчасти еще донынѣ скрываются въ библіотекахъ. Главные недостатки словаря Дюканжа, требующіе исправленія, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Новогреческія слова и формы нерѣдко переводятся неправильно (слѣдуютъ примѣры). 2) Правописаніе словъ не всегда вѣрно. 3) Иногда приводятся слова, какихъ никогда не бывало. Кромѣ того, Дюканжъ пользовался своими источниками неравномѣрно и часто весьма небрежно, далѣе, не воспользовался всѣмъ, что находилось въ парижской библіотекѣ". По произнесеніи этой рѣчи, профессоръ Муллахъ вызывалъ собраніе на объясненія, но никто изъ присутствовавшихъ не пожелалъ войдти въ разсужденіе объ этомъ предложеніи, точно также, какъ и послѣ другихъ рѣчей, читанныхъ въ засѣданіяхъ этого собранія, что̀, впрочемъ, въ разсматриваемомъ нами случаѣ отчасти можно объяснить и тѣмъ, что никто изъ присутствовавшихъ филологовъ и лингвистовъ не былъ готовъ, наравнѣ съ Муллахомъ, оцѣнить предложенный вопросъ во всемъ его объемѣ. Въ 1854 г. Муллахъ такъ далеко ушелъ въ своей обработкѣ новаго полнѣйшаго изданія Дюканжа, что могъ бы тотчасъ приступить къ печати и въ нѣсколько лѣтъ окончить изданіе. Но горькіе опыты заставили его вовсе отказаться отъ надежды напечатать это изданіе въ Германіи или во Франціи.

Въ засѣданіи нашей Академіи Наукъ 1-го іюня 1855 г. академикъ Куникъ читалъ донесеніе „о трудахъ византиниста Муллаха“, въ которомъ говоритъ въ заключеніе: „Кто близко знакомъ съ нынѣшнимъ состояніемъ византійскихъ занятій и кто понимаетъ важность ихъ для славянскаго языкознанія, литературы и исторіи, тотъ долженъ согласиться, что успѣхи въ этой области существенно зависятъ отъ новаго изданія словаря Дюканжа. Едва ли скоро явится эллинистъ, который имѣлъ бы столько любви къ предмету, столько личнаго самоотверженія и столько познаній въ разныхъ областяхъ среднегреческаго языка, какъ профессоръ Муллахъ“ [1]). Русская Академія, которая, казалось бы, должна была принять къ сердцу предпріятіе Муллаха, столь важное для славянской филологіи и разработки русской исторіи, отнеслась къ нему также несочувственно, какъ ученыя учрежденія западной Европы. Теперь, чрезъ 200 лѣтъ послѣ изданія знаменитаго Глоссарія, все еще приходится пользоваться стариннымъ и рѣдкимъ его изданіемъ и питать надежду, что, можетъ быть, когда-нибудь дойдутъ до сознанія необходимости приступить къ новой его переработкѣ.

Въ то время, какъ печатался греческій словарь, Дюканжъ уже былъ занятъ другими работами: онъ составлялъ примѣчанія къ готовившемуся, но потомъ на долго отложенному изданію Никифора Григоры, и трудился надъ текстомъ Пасхальной хроники и ея объясненіемъ [2]). Мы уже знаемъ, что Пасхальною или, какъ ее иначе называли, Александрійскою хроникою, еще иначе Сицилійскими фастами (Fasti Siculi), —занимались и ранѣе. Іосифъ Скалигеръ получилъ значительныя выписки изъ нея отъ Казобона и придавалъ имъ такую цѣнность, что обнародовалъ сообщенную ему часть въ видѣ приложенія къ своей, тогда уже почти совершенно отпечатанной, величавой Сокровищницѣ временъ (Thesaurus temporum). Затѣмъ іезуитъ Радеръ въ 1615 году издалъ текстъ хроники in extenso, что̀ и считается первичнымъ ея изданіемъ. Удовлетворительнымъ оно не могло быть уже потому, что сдѣлано было не по оригинальной древней рукописи, а по списку съ плохой копіи, не говоря уже о про-

---

[1]) Донесеніе академика Куника, изъ котораго извлечены нами всѣ свѣдѣнія о Муллахѣ, напечатано въ *Учен. Зап. Акад. Наукъ по 1 и 3 отд.*, т. III, 1855 г., стр. 413—428.

[2]) Paschalion (Πασχάλιον), seu chronicon paschale a mundo condito ad imperatorem Heraclium, hactenus Fastorum Siculorum nomine laudatum, et chronici Alexandrini lemmate vulgatum, ex interpretatione et cum notis chronicis ac historicis *Caroli du Fresne du Cange*. 1688

пускахъ и пробѣлахъ, имъ самимъ добровольно допущенныхъ. Лаббъ въ приложеніи къ своему воззванію заявлялъ, что изданіе Радера требуетъ дополненія, такъ какъ-де онъ, занятый другими дѣлами, не успѣлъ докончить своихъ примѣчаній; затѣмъ говорилось, что если кто можетъ оказать содѣйствіе Луврскому изданію, то пусть поспѣшитъ увѣдомленіемъ, дабы труды его не пропали напрасно; въ случаѣ необходимости все дѣло хотѣлъ взять на себя самъ авторъ воззванія. Уже послѣ того, какъ Protrepticon былъ обнародованъ въ первоначальномъ отдѣльномъ своемъ видѣ, Лаббъ узналъ, что въ Мадритѣ у аббата Лафарины (Lafarina), сицилійца родомъ, состоявшаго при капеллѣ (oratorium) короля Испанскаго, находится древнѣйшій и самый исправный экземпляръ Александрійской хроники: при второмъ изданіи воззванія и сопровождавшаго оное проспекта (при одномъ изъ томовъ коллекціи) прибавлено было довольно глухое обращеніе къ владѣльцу манускрипта, что если онъ его пришлетъ или сообщитъ варіанты, то заслужитъ величайшую благодарность отъ всѣхъ ученыхъ. Когда взялся за дѣло Дюканжъ, то уже о Лафаринѣ не столько заботились; Дюканжъ располагалъ, кромѣ прежняго печатнаго текста, пособіями, которыя сообщили друзья; что было можно, онъ исправлялъ и улучшалъ—большею частью весьма удачно—собственными конъектурами, а когда было необходимо, то-есть, при встрѣчѣ съ мѣстами, казавшимися ему подозрительными, обращался опять черезъ друзей къ справкамъ съ Ватиканскимъ кодексомъ, древнѣе котораго и желать было трудно, такъ какъ его относили къ X вѣку. Дюканжъ зналъ или по крайней мѣрѣ догадывался, что Ватиканскій кодексъ есть именно тотъ знаменитый экземпляръ, который нѣкогда былъ купленъ въ Мессинѣ Зуритою (Zurita), авторомъ извѣстной Аррагонской исторіи, во время пребыванія его въ Сициліи въ 1551 году, и сдѣлался тогда извѣстнымъ нѣкоторымъ ученымъ (Sigonio и Panvinio пользовались имъ въ своихъ комментаріяхъ къ Фастамъ), но онъ не зналъ, какъ и всѣ до новѣйшаго времени не знали, дальнѣйшей промежуточной исторіи этого кодекса, не зналъ того, что увезенный счастливымъ покупщикомъ въ Испанію и пробывъ тамъ около ста лѣтъ, онъ перешелъ въ Ватиканскую библіотеку именно чрезъ посредство аббата Лафарины. Похищенный воровскимъ образомъ изъ библіотеки одного испанскаго магната, этотъ экземпляръ былъ проданъ за ничтожную цѣну (восемь или десять франковъ)—либо прямо, либо черезъ вторыя руки—поименованному аббату, который, очевидно, долженъ былъ скрывать происхожденіе

своего сокровища, поступившаго въ папскую библіотеку; вслѣдствіе того Дюканжъ думалъ, что Ватиканскій списокъ и рукопись Лафарины суть двѣ вещи различныя [1]). Нужно замѣтить, что отъ этого архетипа вели свое начало и тѣ копіи, которыя тоже страннымъ образомъ гуляли по свѣту. Одна изъ нихъ съ Дармаріемъ, упомянутымъ у насъ переписчикомъ греческихъ рукописей, переписчикомъ, нужно припомнить, неисправнымъ и недобросовѣстнымъ, но посѣтившимъ также и Испанію въ 1573 году, совершила путешествіе изъ Лериды въ Баварію, на дорогѣ попала въ руки Казобона, побывала въ Аугсбургѣ, гдѣ Гешель снялъ съ нея новую копію, послужившую для изданія Радера, а теперь находится въ Мюнхенѣ [2]). Что касается Дюканжа, то мы уже указали на содѣйствіе друзей, чрезъ которыхъ онъ могъ пользоваться Ватиканскимъ спискомъ. Къ числу этихъ друзей принадлежитъ прежде всего Е. Биго, съ горячимъ участіемъ встрѣтившій первое извѣстіе о новомъ предпріятіи престарѣлаго ученаго. Въ настоящее время изъ обнародованной Делилемъ переписки Биго мы узнаемъ, что послѣдій еще ранѣе Дюканжа очень интересовался Пасхальною хроникой. Во время своего путешествія въ Германію, на досугѣ въ гостинницахъ онъ занимался тѣмъ, что исправлялъ латинскій переводъ Радера въ своемъ печатномъ экзем-

[1]) Исторія Ватиканскаго кодекса № 1941, содержащаго въ себѣ Пасхальную хронику, впервые подробно и отчетливо разъяснена *Гро* (*Graux*) въ его Essais sur les origines du fond grec de l'Escurial, pag. 346 и сл. Рукопись Зуриты послѣ не удавшихся переговоровъ съ королемъ Филиппомъ II Испанскимъ, была имъ завѣщана монастырю картезіанцевъ въ Сарагоссѣ (Aula Dei), отсюда въ 1626 году почти насильно взята Оливаресомъ, всемогущимъ министромъ Филиппа IV, который, возымѣвъ мысль устроить свою библіотеку, ограбилъ многія книгохранилища въ Испаніи, лишивъ ихъ лучшаго достоянія. Но хуже всего то, что эта его библіотека подверглась безстыдному расхищенію, при чемъ владѣлецъ и не подозрѣвалъ ничего. Пасхальная хроника, похищенная у монаховъ, была теперь выкрадена невѣрными слугами новаго владѣльца, и т. д. Въ изложеніи дальнѣйшей исторіи рукописи Гро не замѣтилъ или по крайней мѣрѣ не обозначилъ отчетливо того обстоятельства, что Дюканжъ отличалъ Ватиканскій списокъ отъ списка Лафарины и только о послѣднемъ думалъ, что онъ привезенъ былъ въ Римъ изъ Константинополя, а о первомъ и онъ говоритъ, какъ о купленномъ въ Мессинѣ Зуритою. Это все становится яснымъ, какъ скоро прочтешь со вниманіемъ praefatio.

[2]) Гро (pag. 348) говоритъ, что эта же самая копія была послѣ пріобрѣтена Голстеномъ, но въ виду дальнѣйшаго мы считаемъ это сомнительнымъ и потому пропускаемъ. Еще двѣ копіи были сдѣланы тогда же Дармаріемъ: для короля Филиппа II и для испанскаго гуманиста Антонія Августина; одна изъ нихъ теперь въ Стокгольмѣ, другая въ Упсалѣ.

пляръ, который онъ велѣлъ нарочно для этого переплесть. Когда Биго явился въ Римъ и встрѣтился съ Голстеномъ, то узналъ, что и этотъ послѣдній началъ пересматривать переводъ и сличать (collationner) греческій текстъ по оригинальному манускрипту, который былъ ему сообщенъ Лафариною. Голстенъ разказалъ французскому ученому о своихъ занятіяхъ и возложилъ на него обязанность докончить сличеніе, доставивъ ему возможность пользоваться на дому подлинникомъ, съ тѣмъ чтобы все это послужило на пользу Луврскаго изданія [1]). Предъ смертью Голстена (въ 1661 году) Биго возвратилъ ему оригиналъ, который, по замѣчанію Биго, долженъ былъ поступить въ Ватиканскую библіотеку, а съ собою въ Парижъ взялъ оба свои (печатные) экземпляра—тотъ, надъ которымъ онъ работалъ въ Германіи, и тотъ, на которомъ сдѣлана была колляція въ Римѣ. То и другое вручено было одному аббату (Thoinard), который долженъ былъ издать хронику, но потомъ ни къ дѣлу не приступилъ, ни врученныхъ ему пособій не возвращалъ, не смотря на требованія Биго. Такъ прошло около двадцати лѣтъ; Биго почти забылъ о всемъ этомъ вопросѣ и о своихъ трудахъ, и вспомнилъ о нихъ только тогда, когда представилась возможность помочь ученому другу. По видимому, Биго удалось теперь выручить изъ невѣрныхъ и крѣпкихъ рукъ аббата Туанара свое достояніе. По крайней мѣрѣ изъ предисловія Дюканжа къ изданію хроники видно, что онъ пользовался сличеніемъ и конъектурами Голстена и, приводя варіанты сего послѣдняго, зналъ, что они взяты изъ кодекса, принадлежавшаго Лафаринѣ; но не догадываясь о значеніи этого кодекса, онъ предпочиталъ списокъ Ватиканскій, съ нимъ тожественный, и благодаритъ за сообщеніе отсюда варіантовъ не Голстена и Биго, а Мабильона, Сенъ-Жермена и Эстьенно. Мабильонъ и его ученые спутники по путешествію въ Италію исполняли порученія Дюканжа, касавшіяся изданія Пасхальной хроники. „Скажите Дюканжу“, пишетъ одинъ изъ нихъ, — „что при первомъ хорошемъ и свободномъ днѣ мы отправимся въ Ватиканскую библіотеку и посмотримъ, существуетъ ли въ подлинной рукописи пробѣлъ, замѣченный имъ въ печатномъ изданіи“ [1]). За то послѣ возвращенія своего въ Парижъ самъ Мабильонъ, относившійся съ глубочайшимъ уваженіемъ къ трудамъ Дюканжа и съ такою же симпатіей къ его личности, могъ (въ 1688 году) писать въ Римъ, что новое изданіе Александрійской хроники подви-

[1]) Объ участіи Биго въ дѣлѣ изданія хроники узнаемъ изъ документовъ, обнародованныхъ у Делиля—*Delisle*, Cabinet des manuscrits I, 325 и сл.

гается къ концу, и что въ немъ будутъ значительныя добавленія противъ прежняго текста [2]). Дѣйствительно, заслуга Дюканжа по отношенію къ тексту Пасхальной хроники громадна. Его изданіе въ сущности есть ея первое полное изданіе. Такъ, въ изданіи Радера упущены были тѣ многочисленныя извлеченія изъ древнихъ отцевъ церкви и писателей, которыя находятся въ подлинной рукописи и касаются празднованія Пасхи, указывая на главное назначеніе цѣлаго произведенія; о пробѣлахъ (lacunae) въ срединѣ уже было упомянуто. Новѣйшіе ученые, даже нѣмецкіе филологи, трудившіеся для Боннскаго изданія византійцевъ и обыкновенно столь неблагосклонные къ своимъ французскимъ предшественникамъ XVII столѣтія, на сей разъ признаютъ по крайней мѣрѣ безконечное превосходство Дюканжа предъ Радеромъ. Затѣмъ, кромѣ установленія текста, остается еще его разъясненіе и толкованіе. Въ этомъ отношеніи заслуги Дюканжа еще выше, осязательнѣе и уже никѣмъ не могутъ быть принижаемы. Латинскій переводъ хроники, сдѣланный имъ заново, признается незамѣнимымъ и повторяется безъ перемѣнъ въ новыхъ изданіяхъ. Комментаріи отличаются обычнымъ обиліемъ и обычною громадною эрудиціей Дюканжа. Они заключаются, вопервыхъ, въ обширномъ предисловіи, которое содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о спискахъ и прежнихъ изданіяхъ хроники (Скалигера, Радера), о различныхъ ея наименованіяхъ, о времени и мѣстѣ, когда и гдѣ она была написана, о другихъ сродныхъ произведеніяхъ, ей предшествовавшихъ—о хроникѣ Ипполита, о пасхаліяхъ и пасхальныхъ циклахъ, а также вообще о системахъ лѣтосчисленія и т. д. Сверхъ того, присоединены были хотя и не столь обширныя и важныя, но не лишенныя цѣны замѣчанія Готена, переводчика Ѳеофана, сообщенныя его внукомъ и названныя хронологическимъ анализомъ хроники. Во второй части, вслѣдъ за текстомъ, сначала идетъ выборка изъ разнаго рода изданныхъ, а большею частью не изданныхъ дотолѣ сочиненій, могущихъ служить къ объясненію хроники: Selecta ad illustrationem Chronici Paschalis, а затѣмъ уже собственныя примѣчанія Дюканжа. Въ выборкѣ между прочимъ заслуживаютъ вниманія древніе списки царей, списки апостоловъ (Епифанія, Дороѳея), большія извлеченія изъ Liber generationum, между прочимъ о раздѣлѣ земли между потомками Ноя и т. д. Въ собственныхъ примѣчаніяхъ оправдываются

[1]) *Valery*, Correspondance de Mabillon II, 125. Письмо Estiennot отъ 2-го декабря 1687 года.

[2]) Ibid., p. 157.

и объясняются конъектуры, внесенныя въ текстъ самимъ Дюканжемъ, сообщаются варіанты, принадлежащіе Голстену (и Биго), приводятся соотвѣтствующія частныя параллельныя мѣста у другихъ писателей. Въ послѣдніе годы своей жизни Дюканжъ занимался также пересмотромъ своего перваго большаго труда, положившаго основаніе его ученой славѣ. Мы знаемъ, что Константинопольскую исторію (см. выше. стр. 118) онъ составлялъ ранѣе переселенія въ Парижъ, вдали отъ всякаго рода рессурсовъ, какіе представляетъ большой городъ и богатое книгохранилище. Съ тѣхъ поръ онъ перечиталъ—и не однажды—всѣхъ ему доступныхъ византійскихъ писателей, пересмотрѣлъ массу документовъ, познакомился съ Каталонскою хроникой Рамона Мунтанера, и что̀ еще важнѣе, съ Морейскою хроникой, двумя главнѣйшими источниками для двухъ періодовъ латинскаго господства на востокѣ. Онъ самъ увидѣлъ, что его Исторія Константинопольской Имперіи при французскихъ императорахъ нуждается въ дополненіяхъ, и онъ рѣшился ее передѣлать за-ново, воспользовавшись своими драгоцѣнными открытіями. Онъ почти кончилъ эту работу, когда его застигла смерть. Въ первыхъ пяти книгахъ поправки были, однако, не столь значительны, какъ бы слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе знакомство съ Морейскою хроникой; но начиная съ 1300 года онѣ умножаются до такой степени, что сочиненіе получаетъ видъ совершенно новаго труда. Впрочемъ, своего появленія въ свѣтъ во второмъ изданіи оно дождалось только въ XIX столѣтіи (см. ниже о трудахъ Бюшона).

Между тѣмъ Дюканжу шелъ 78-й годъ, и лѣта брали свое, не смотря на крѣпкое тѣлосложеніе и строго регулярный образъ жизни. Болѣзнь, которая свела его въ могилу, была естественнымъ послѣдствіемъ непрерывныхъ кабинетныхъ занятій. Съ іюня 1688 года его ученые друзья, Мабилльонъ и Мишель Жерменъ (Germain) начинаютъ сообщать тревожныя извѣстія его почитателямъ въ Италіи. Въ августѣ произошло временное облегченіе, и мы читаемъ въ относящейся сюда перепискѣ, что 9-го числа этого мѣсяца Дюканжъ по старому обычаю пришелъ пѣшкомъ въ С.-Жерменское аббатство и тамъ прогуливался въ монастырскомъ саду вмѣстѣ съ другими учеными [1]). Но 18-го октября уже не было никакой надежды, а 23-го тяжелый недугъ, осложнившійся лихорадкой, свелъ великаго человѣка въ могилу.

---

[1]) *Valery*, Correspondance de Mabillon II, 154, 157, 159, 164. L'incomparable M. Du Cange a pensé mourir d'une rétention d'urine; il se trouve mieux (Мишель

III.

Восемнадцатое столѣтіе.

Ученый кружокъ Сен-Жерменскаго аббатства.—Мабилльонъ и Монфоконъ.—Буавенъ, Бандури и Лекьенъ.—Изданіе Григоры.—Imperium Orientale Бандури.—Oriens christianus.—Общая характеристика Парижской коллекціи.—Венеціанское изданіе византійцевъ.—Оксфордское изданіе Малалы.—Изданіе Генесія въ Венеціи.—Изданіе De ceremoniis Константина Багрянороднаго въ Лейпцигѣ Яковомъ Рейске.—Франдзи Альтера.—Писида.

Въ началѣ оглянемся нѣсколько назадъ. Когда говорятъ: „вѣкъ Людовика XIV", то разумѣютъ при этомъ имена Расина и Мольера, Боссюэта и Фенелона, но часто забываютъ, что помимо блестящей плеяды литературныхъ дѣятелей, прославившихъ этотъ періодъ французской исторіи въ то же время существовало другое общество или другой кругъ писателей, собственно такъ называемыхъ ученыхъ, общество, очень отличное отъ того, которое по общему признанію считается выраженіемъ замѣчательнаго вѣка, менѣе бросающееся въ глаза, но столь же производительное и одушевленное, оставившее и въ свою очередь прочные слѣды въ ходѣ умственнаго развитія великой націи. Дѣятельность и отчасти біографія Дюканжа, на сколько мы съ нею познакомились, открыла намъ просвѣтъ на эту среду. Мы уже отчасти видѣли, что Дюканжъ работалъ не одинъ, что онъ находилъ себѣ сочувствіе и поддержку въ такихъ лицахъ, какъ Ма-

---

Жерменъ къ Мальябекки во Флоренціи отъ 20-го іюня 1688 года).— Cet illustre auteur a été fort incommodé d'une facheuse retention d'urine, mais il en est un peu soulagé (Мабилльонъ къ тому же отъ 29-го августа).—Le bon homme M. Du Cange se porte beaucoup mieux. Il vint hier de sa personne à pied céans, il se promena dans notre jardin avec d'autres savants et s'en retourna à pied (M. Жерменъ отъ того же числа). — Le bon M. Du Cange est retombé malade et je n'ai plus guère d'espérance de le revoir en santé. Il a reçu ses sacrements et cet. (Онъ же къ Мальябекки отъ 18-го октября),

билльонъ, какъ Балюзъ, библіотекарь Кольбера, положившій начало документальному изученію французской исторіи цѣлымъ рядомъ изданій актовъ различнаго рода. О-бокъ съ избранными представителями литературнаго движенія, во второй половинѣ XVII вѣка существовало многочисленное общество трудолюбивыхъ и даровитыхъ ученыхъ, связанныхъ однимъ союзомъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, разсѣянныхъ отъ одного конца Франціи до другаго, поддерживавшихъ между собою корреспонденцію, слѣдящихъ за открытіями и работами другъ друга. Центромъ этого общества во Франціи въ данный періодъ времени былъ, конечно, извѣстный монастырь въ предмѣстьи столицы, который очень охотно и часто посѣщалъ Дюканжъ въ концѣ своей жизни, знаменитое Сен-Жерменское аббатство (Saint-Germain des Prés),—въ которомъ жили и трудились такъ называемые мавриньяне, члены конгрегаціи св. Мавра, то-есть, особой ассоціаціи монастырей и монаховъ въ нѣдрахъ бенедиктинскаго ордена, возникшей въ началѣ XVII вѣка ради оживленія и поднятія строгой религіозной жизни и духовнаго просвѣщенія, и названной такъ по имени св. Мавра, одного изъ учениковъ основателя ордена, св Бенедикта. Но къ этому центру примыкали и другія постороннія лица какъ духовныя, такъ и свѣтскія; нѣкоторыя изъ нихъ намъ уже извѣстны, какъ А. Валуа, Биго. Все-таки это былъ отдѣльный міръ, мало извѣстный для придворнаго и городскаго общества; члены этого кружка не особенно старались выйдти изъ полумрака, довольные тѣмъ, что находятъ себѣ надлежащую оцѣнку въ средѣ посвященныхъ, и будучи всецѣло погружены въ свои изслѣдованія. Трудясь ради своего призванія и науки, эти скромные рабочіе не искали шумной славы и безъ сожалѣнія посвящали свою жизнь задачѣ, которая даже имъ могла бы показаться неблагодарною, если-бы они не находили поддержки и одобренія въ средѣ себѣ подобныхъ, мнѣніемъ которыхъ дорожили. Открытіе и печатаніе древнихъ текстовъ, собираніе старинныхъ хартій, изученіе греческихъ и латинскихъ средневѣковыхъ манускриптовъ, накопленныхъ вѣками въ библіотекахъ, однимъ словомъ изученіе прошлаго составляло задачу ихъ жизни,—это была ихъ страсть. Они собрали сокровища эрудиціи, которыми питались послѣдующія поколѣнія и продолжаютъ питаться. До нихъ едва достигало отдаленное эхо военной славы царствованія, или даже блестящихъ тріумфовъ литературныхъ и художественныхъ; не многое напоминаетъ, что это современники Тюренна и Конде, Корнеля и Мольера. Новѣйшій бытописатель, посвятившій этому

обществу ученыхъ обширное сочиненіе, поражается отчужденностью, незначительностью связей, существующихъ между литераторами и учеными означенной эпохи. Въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ этого періода, замѣчаетъ онъ, почти не встрѣчается никакого упоминанія именъ ученыхъ, и точно также на оборотъ. Мадамъ де Севинье, такъ близко знакомая съ литературнымъ движеніемъ своего времени, не называетъ ни разу въ своей корреспонденціи имени Мабилльона, и почти столь же трудно въ перепискѣ знаменитаго бенедиктинца встрѣтить упоминаніе о Расинѣ [1]). Нельзя сказать, чтобъ они были совершенно равнодушны къ тому, что происходило; посвящая томы Византійской коллекціи королю, они намекали въ предисловіяхъ на его побѣды, величали его миротворцемъ Европы судіей-посредникомъ между ея монархами, съ нѣкоторымъ ослѣпленіемъ—въ немъ повиненъ былъ нашъ Дюканжъ—восхваляли даже отмѣну Нантскаго эдикта и насильственное обращеніе протестантовъ; но торжественныхъ одъ и льстивыхъ похвальныхъ рѣчей они почти совсѣмъ не удосуживались писать, какъ это еще позднѣе дѣлалъ Вольтеръ. Нельзя сказать также, чтобы общество держало ихъ въ презрительномъ отдаленіи; напротивъ, всѣ они находятся въ сношеніяхъ съ самыми вліятельными лицами даннаго времени; король ихъ знаетъ и покровительствуетъ ихъ занятіямъ Но они не ищутъ почестей и внѣшней славы. Самые ученые между ними въ то же время суть наиболѣе скромные. Таковъ былъ Мабилльонъ (1632—1707), котораго вмѣстѣ съ Дюканжемъ справедливо называютъ основателемъ и столпомъ новой французской учености, а чрезъ нее отчасти и вообще европейской, котораго критическая проницательность въ изученіи памятниковъ прошлаго доходила, можно сказать, до геніальности: самый возвышенный, благородный и симпатичный характеръ не только въ конгрегаціи св. Мавра, которой онъ составлялъ украшеніе, но и вообще среди христіанскаго монашества [2]).

---

[1]) *E. de Broglie*, Mabillon et la societé de l'abbaye de Saint-Germain des Prés. Paris. 1888, t. 1, 73.

[2]) О Мабилльонѣ и его трудахъ, кромѣ біографіи, написанной его ученикомъ и сотрудникомъ, Рюинаромъ, см. Dom *Tassin*, Histoire littéraire de la congrégation de Saint-Maur, t. II, 200—270 *Chavin de Malan*, Les Gloires de la France, Histoire de D. Mabillon. Paris. 1843. *H. Jadart*, Dom Jean Mabillon. Reims. 1879· трудъ компилятивный и довольно слабый; сверхъ того, вышеприведенное двухтомное сочиненіе Брольи, въ которомъ, впрочемъ, вниманіе обращено преимущественно на характеристику кружка и принадлежавшихъ къ нему отдѣльныхъ личностей, но очень мало дано мѣста изображенію собственно ученаго движенія,

Онъ уже прославилъ себя двумя капитальнѣйшими трудами, когда его вздумали представить королю, Людовику XIV. Скажемъ сначала два слова объ этихъ трудахъ, хотя и не касающихся прямо византійской литературы, но косвенно влявшихъ на все ученое движеніе въ области историческаго изученія, а потомъ припомнимъ характеристичную сцену, при которой была засвидѣтельствована крайняя скромность великаго ученаго. Наиболѣе важными трудами Мабилльона среди множества другихъ были „Дѣянія святыхъ ордена св. Бенедикта“ (Acta sanctorum ordinis S. Benedicti), рядъ томовъ, начавшихъ появляться съ 1668 года [1]). Тутъ имѣетъ громадное значеніе не одна только масса вновь изданнаго матеріала, заключающагося въ жизнеописаніяхъ принадлежавшихъ къ ордену церковныхъ, литературныхъ и ученыхъ дѣятелей западной церкви, начиная со времени св. Бенедикта въ продолженіи дальнѣйшихъ шести вѣковъ, но и цѣлый непрерывный рядъ ученѣйшихъ изслѣдованій Мабилльона о всѣхъ сторонахъ церковнаго и монашескаго средневѣковаго быта, о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ исторической критики, хронологіи и генеалогіи—послѣдней потому, что Мабилльону приходилось останавливаться на темномъ родословіи Меровингскихъ и другихъ королей, такъ или иначе относившихся къ дѣятельности бенедиктинцевъ. Такія изслѣдованія заключаются отчасти въ предисловіяхъ Мабилльона къ издаваемымъ актамъ, отчасти въ примѣчаніяхъ. Другимъ безсмертнымъ трудомъ Мабилльона была его Дипломатика [2]), появившаяся въ первый разъ въ 1681 году. Вмѣстѣ съ

отсюда исходившаго, и оцѣнкѣ ученыхъ трудовъ, составившихъ славу кружка; авторъ желалъ написать главу изъ культурной исторіи общества, а не изъ исторіи науки.

[1]) Продолженіемъ и дополненіемъ къ Acta служатъ Annales Ordinis sancti Benedicti VI vol. 1703—1739. Здѣсь имѣются въ виду не только святые, но всѣ вообще монахи, которые содѣйствовали просвѣщенію и образованію западнаго христіанства отъ V по XII столѣтіе

[2]) De re diplomatica libri VI, in quibus quidquid ad veterum instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptiones ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam, explicatur et illustratur. Accedunt commentarius de antiquis Regum Francorum Palatiis: Veterum scripturarum varia specimina, tabulis LX comprehensa, Nova ducentorum et amplius monumentorum collectio. Opera et studio Domni Johannis Mabillon, presbyteri ac Monachi ordinis sancti Benedicti, e congregatione S. Mauri. Lutetiae Parisiorum, sumptibus viduae Ludovici Billain, 1681. Дополненіе появилось въ 1704 г. Librorum de re diplomatica supplementum,—новое изданіе въ 1709 году.

появленіемъ этой книги получила свое бытіе, лучше сказать, заразъ выступила въ зрѣлой полнотѣ и всеоружіи совсѣмъ новая наука. Подъ дипломатикою разумѣется систематическое ученіе (disciplina) о документахъ и актахъ (instrumentum, Urkunde), о внѣшнихъ и врутреннихъ признакахъ, по которымъ можно опредѣлять подлинность и достоинство всякаго рода письменныхъ, въ опредѣленную форму облеченныхъ свидѣтельствъ о совершившихся дѣйствіяхъ правоваго характера,—государственныхъ общественныхъ или частныхъ,—все одно. Въ книгѣ Мабилльона идетъ рѣчь о документахъ вообще, объ ихъ характерѣ, различныхъ ихъ родахъ и видахъ, объ ихъ древности, подлинности, поддѣлкахъ и причинахъ поддѣлокъ, о письменныхъ матеріалахъ и различныхъ видахъ письма (1 кн.); затѣмъ слѣдуетъ ученіе о стилѣ документовъ или грамотъ, о канцелярскихъ обычаяхъ при совершеніи актовъ, именно—о подписяхъ, монограммахъ, печатяхъ и т. п. съ историческимъ приложеніемъ о составѣ канцелярій во франкское время и позднѣе (кн. 2); подвергаются критикѣ правила для распознаванія подлинности и достовѣрности документовъ, выставленныя не за долго предъ тѣмъ Папеброхомъ, однимъ изъ редакторовъ Дѣяній Святыхъ (Acta Sanctorum), издаваемыхъ іезуитами въ Антверпенѣ,—съ разсужденіемъ о собраніяхъ хартій (chartularia) и копій съ нихъ (кн. 3); особая (4-я) книга посвящена историческому обозрѣнію палатъ (дворцовъ, palatium, Pfalz) франкскихъ королей, въ которыхъ они жили или останавливались въ разныя эпохи, и откуда датировались документы, что̀ имѣетъ, очевидно, важное значеніе для дипломатики; предпослѣдняя книга представляетъ образцы письма и объясненія къ нимъ съ 58 гравированными таблицами, и послѣдняя—сборникъ дипломовъ (документовъ) числомъ болѣе 200 отъ 471 года до конца XII вѣка, какъ наглядное доказательство и разъясненіе выставленныхъ въ сочиненіи правилъ. Когда книга вышла, она была встрѣчена единодушнымъ признаніемъ; оказалось, что она далеко оставляетъ позади появлявшіяся до сихъ поръ слабыя попытки къ формулированію основныхъ правилъ дисциплины, давно становившейся необходимою даже въ практической жизни; іезуитъ Папеброхъ благоразумно призналъ себя побѣжденнымъ, далеко превзойденнымъ. Новые ученые, наиболѣе авторитетные въ данной области, также горячи и единодушны въ своихъ похвалахъ; ихъ отзывы звучатъ восторженнымъ удивленіемъ. Школа хартій въ Парижѣ, Ecole des Chartes, основана въ настоящемъ столѣтіи (окончательная организація относится къ 1846 году) именно съ цѣлью поддержанія и

увѣковѣченія „того рода эрудиціи, который съ XVII в. составлялъ одинъ изъ наиболѣе прекрасныхъ цвѣтковъ въ литературной исторіи Франціи, и который едва не угасъ вслѣдствіе перерыва въ его традиціяхъ, произведенныхъ революціею". Одинъ изъ руководителей этой школы высказалъ желаніе, чтобы главную залу школы украшали бюсты Мабилльона вмѣстѣ съ Дюканжемъ. Помимо всѣхъ другихъ правъ послѣдняго, нужно припомнить, что онъ не чуждъ былъ и появленію Дипломатики. Мабилльонъ въ своемъ къ ней предисловіи прямо говоритъ объ его поощреніяхъ и совѣтахъ, придавая имъ величайшее значеніе [1]). Когда послѣ изданія Дипломатики, посвященной Кольберу, предполагалось отправить Мабилльона въ ученую миссію для обслѣдованія библіотекъ итальянскихъ, то и король Людовикъ XIV пожелалъ его видѣть. Летеллье, архіепископъ Реймскій, прелатъ, извѣстный своимъ высокомѣріемъ, и Боссюэтъ, другой архіепископъ, прославившійся своимъ краснорѣчіемъ и ученостію, должны были его представить—въ Версали. Летеллье и Боссюэтъ были проникнуты взаимнымъ нерасположеніемъ, и вотъ, когда Летеллье, подводя Мабилльона къ королю, сказалъ: „Государь, я имѣю честь представить вашему величеству самаго ученаго человѣка въ вашемъ королевствѣ", то Боссюэтъ, почувствовавъ въ этихъ словахъ затаенное остріе укола, направленнаго противъ его самолюбія, съ своей стороны отозвался: „О государь, архіепископъ Реймскій долженъ былъ бы прибавить и самаго смиреннаго". Онъ былъ правъ; но есть другой любопытный разказъ, изъ котораго видно, что и въ отношеніи этого качества Мабилльонъ и Дюканжъ соперничали между собою. Когда провинціальный ученый обращался къ Дюканжу съ просьбою о совѣтѣ въ ученомъ дѣлѣ, тотъ отсылалъ собесѣдника къ Мабилльону, какъ болѣе компетентному судьѣ. Когда посѣтитель, согласно указанію, находилъ себѣ дорогу въ бенедиктинскую келью, то его прерывали на первыхъ же словахъ и отсылали къ Дюканжу: „Повидайтесь съ Дюканжемъ, говорилъ Мабилльонъ, онъ дастъ отвѣтъ на вашъ запросъ; онъ мой учитель, я самъ знаю только то, чему у него научился".—„Но именно онъ отправилъ меня къ вамъ", возражалъ пришедшій, и этимъ замѣчаніемъ иногда побѣждалъ скромность автора Дипломатики.

Къ тому же ученому кружку, группировавшемуся вокругъ Ма-

[1]) Tene vero illaudatum praetermittam, eruditissime Cangi, qui hanccе lucubrationem nostram, non secus ac tuam monitis et adhortationibus promovere— satagebas.

билльона въ С.-Жерменскомъ аббатствѣ, принадлежали: дом-Бернардъ-де-Монфоконъ (Montfaucon), Буавенъ, Бандури и Лекьенъ, трудившіеся въ области византійской литературы.

Монфоконъ (dom Bernard de Montfaucon, 1655—1741), одно изъ лучшихъ украшеній конгрегаціи св. Мавра, принадлежалъ къ нѣсколько младшему поколѣнію, чѣмъ Мабилльонъ и отличался отъ него многими чертами характера. Происходя изъ старинной и знатной фамиліи въ Гаскони, онъ началъ свое жизненное поприще въ военной службѣ и совершилъ два похода подъ начальствомъ Тюренна; вслѣдствіе тяжелыхъ впечатлѣній, которыя ему пришлось при этомъ, испытать (собственная болѣзнь, смерть дяди пораженнаго смертельною раною), и семейныхъ утратъ, онъ очень рано перемѣнилъ кирасу гренадера на монашескую сутану, но какъ будто сохранилъ вмѣстѣ съ южною живостью и нѣкоторый отпечатокъ своего первоначальнаго призванія. Онъ не былъ терпѣливъ и уступчивъ, способенъ былъ на острое слово и рѣзкую выходку, что иногда смущало его сотоварищей и заставляло Мабилльона въ шутку называть его господиномъ Роктальядомъ (Roquetaillade) по имени одной изъ земель его фамиліи.—Хотя Монфоконъ любилъ читать Плутарха еще въ дѣтствѣ и даже подъ вліяніемъ именно этого чтенія мечталъ о военной славѣ и подвигахъ, но греческій языкъ онъ сталъ изучать только послѣ вступленія въ бенедиктинскій орденъ. Быстрые успѣхи какъ въ этомъ предметѣ, такъ и въ другихъ наукахъ, которыя онъ слушалъ въ своемъ аббатствѣ, обратили на него вниманіе одного изъ мавриніанъ Сен-Жерменскаго монастыря. Разказываютъ, что ближайшимъ поводомъ къ тому были работы молодйго монаха, состоявшія въ провѣркѣ латинскаго перевода греческихъ духовныхъ писателей и переданныя имъ на разсмотрѣніе дом Мартена (dom Claude Martin). Вызванный въ Парижъ (1687), Монфоконъ вступилъ въ ученую среду С.-Жерменскаго аббатства и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсную дружбу съ Биго и Дюканжемъ, сдѣлался любимцемъ Мабилльона. Съ самаго начала предполагалось, что на Монфокона вмѣстѣ съ другими двумя сотрудниками будетъ возложено изданіе греческихъ отцовъ церкви, Аѳанасія и Іоанна Златоуста, между тѣмъ какъ Мабилльонъ занимался въ этомъ родѣ исключительно изданіемъ латинскихъ церковныхъ учителей, Августина, св. Бернарда. Важное и великое предпріятіе, поставленное на очередь неутомимыми мавриніанами, требовало не только большого знанія и тщательной подготовки, но и опытности отъ будущихъ участниковъ въ дѣлѣ. Дюканжъ

и Биго посовѣтовали Монфокону предварительно заняться какими-нибудь греческими произведеніями не столь обширнаго размѣра и указали нѣсколько манускриптовъ, заслуживающихъ того, чтобы быть обнародованными. Такъ появились „Греческіе аналекты“ [1]), въ которыхъ въ первый разъ были напечатаны 1) Типикъ (уставъ), данный императрицею Ириною, женою Алексѣя Комнина (1081—1118) женскому монастырю, ею основанному, съ подробнымъ перечисленіемъ доходовъ для содержанія обители и монахинь и 2) счетныя инструкціи самого императора Алексѣя (rationarium antiquum, novum) для руководства сборщикамъ податей, документъ, чрезвычайно важный для изученія византійской податной и монетной системъ и, кромѣ того, 3) сочиненіе Герона о мѣрахъ. Эти три пьесы, составляющія половину тома, были переведены на латинскій языкъ и приготовлены къ печати Монфокономъ. Здѣсь же напечатано было житіе св. Евѳимія Великаго, основателя знаменитой обители въ пустынѣ св. града (Іерусалима), написанное Кирилломъ Скиѳопольскимъ, и въ греческомъ подлинникѣ до тѣхъ поръ извѣстное только въ другой редакціи и притомъ въ латинскомъ переводѣ житіе св. Стефана Новаго, первостепенный источникъ для исторіи иконоборства за первый его періодъ.—Чрезъ десять лѣтъ послѣдовало появленіе твореній Аѳанасія Александрійскаго въ трехъ томахъ [2]); трудъ принадлежалъ исключительно Монфокону, который вмѣстѣ съ нимъ выросъ до полной и удивительной ученой зрѣлости, успѣвъ познакомиться, сколько было нужно, съ языками еврейскимъ, сирійскимъ, коптскимъ и отчасти арабскимъ. Предисловіе, исполненное учености, въ которомъ показана недостаточность всѣхъ прежнихъ изданій, слѣдующія за тѣмъ приложенія съ жизнеописаніями св. Аѳанасія (одно арабское переведено было Ренодо, Renaudot), текстъ, установленный по спискамъ парижскимъ и ватиканскимъ,—все это сообщало чрезвычайную цѣну труду Монфокона; изданіе тогда же было названо несравненнымъ и остается доселѣ несравнимымъ.—Ради Іоанна Златоуста признано было необходимымъ ближайшее

---

[1]) Analecta graeca, sive varia opuscula graeca inedita. Parisiis, typis G. Martin, 1688, in 4. Указываемыя въ текстѣ статьи были потомъ перепечатываемы: Типикъ Ирины въ греческой патрологіи *Миня* (t. 127); въ Acta graeca Миклошича, (t. V); счетное руководство въ *Zachariae* Ius graecorum, t. III.

[2]) Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου — τὰ εὑρισκόμενα πάντα. Sancti Patris nostri Athanasii opera omnia quae supersunt..... Opera et studio Monachorum Ordinis S Benedicti, e Congreg. S. Mauri, Parisiis, sumptibus Anisson. 1698.

ознакомленіе съ рукописями и библіотеками Италіи; отправившись туда въ 1698 году. Монфоконъ провелъ три года въ Венеціи, Миланѣ, Флоренціи, Монтекассино и такъ далѣе, всего долѣе, конечно, въ Римѣ. Вездѣ его встрѣчали какъ великую знаменитость; герцогъ Тосканскій вручилъ ему во Флоренціи ключи отъ Лаврентіанской библіотеки, чтобы онъ могъ заниматься въ ней когда угодно; самъ папа оказалъ свое вниманіе и благосклонность, такъ что эти знаки всеобщаго уваженія къ иностранцу возбудили нѣкоторое чувство ревности, если не зависти въ мѣстныхъ ученыхъ, не исключая Цаканьи (Zaccagni), префекта Ватиканской библіотеки. Сюда относятся разказъ объ испытаніи, или лучше сказать ловушкѣ, устроенной противъ Монфокона этимъ Цаканьи съ друзьями. Ему предлагали старинную греческую рукопись и съ лестными комплиментами просили научить и наставить—опредѣливъ прежде всего вѣкъ, къ которому манускриптъ долженъ быть относимъ. Когда Монфоконъ указалъ на послѣднюю четверть десятаго вѣка (за семьсотъ лѣтъ), то ему сухо замѣтили, что онъ ошибается, такъ какъ имя императора Василія, упомянутое въ припискѣ, свидѣтельствуетъ о принадлежности рукописи еще предыдущему столѣтію: Василій Македоня, нинъ царствовалъ отъ 867 по 886 г. Однако Монфоконъ пожелалъ ближе всмотрѣться въ приписку, и когда оказалось, что при имени Василія прибавлено слово „ἐκ τῆς πορφύρας“ (отъ порфиры), то въ самомъ дѣлѣ получилъ возможность преподать хорошій урокъ своимъ совопросникамъ, научивъ ихъ, что эта прибавка указываетъ на Василія Порфиророднаго, рожденнаго въ пурпурѣ, а такимъ былъ только Василій II Болгаробойца (976—1025). Возможность такого анекдота разказаннаго въ похвальной рѣчи Монфокону де-Бозомъ (de Boze) доказывается въ нѣкоторой степени тѣмъ, что знаменитый Ватиканскій Менологій, драгоцѣннѣйшая изъ всѣхъ византійскихъ рукописей по своимъ миніатюрамъ, вслѣдствіе посвященія императору Василію долго считалась принадлежностью девятаго вѣка, и Бароній прямо разумѣлъ тутъ Василія I Македонянина; только Аллацій впервые обратилъ вниманіе на прибавку такихъ выраженій, какъ „солнце порфиры“, „питомецъ багряницы“, и воспользовался ими для надлежащаго указанія времени, когда былъ составленъ знаменитый менологій Василія, изданный нѣсколько позднѣе (1727 г.) кардиналомъ Альбани.—Были сдѣланы и еще другія попытки, долженствовавшія поставить въ недоумѣніе Монфокона но всѣ онѣ повели къ одному результату, къ новому проявле-

нію его глубокаго знанія. Конечно, гораздо болѣе непріятностей могли доставить другіе противники, съ которыми Монфоконъ имѣлъ столкновенія по званію прокурора конгрегаціи, какое было на него теперь возложено; это были іезуиты. Въ столкновеніи съ ними Монфоконъ обнаружилъ живость и неуступчивость своего характера; не безъ раздраженія онъ оставилъ Римъ ранѣе предполагавшагося срока, не смотря на отговоры друзей и почитателей, въ числѣ коихъ былъ и новый папа, Климентъ XI. По собственному объясненію Монфокона, онъ не могъ долѣе оставаться въ Италіи главнымъ образомъ вслѣдствіе легкости, съ которою тамъ извѣстные люди привыкли лгать [1]). Французскій кардиналъ d'Estrе (d'Estrées), встрѣтившій Монфокона въ Венеціи, совѣтовалъ ему и какъ настоятель С.-Жерменскаго аббатства разрѣшалъ совершить экскурсію на востокъ для отысканія еще новыхъ греческихъ рукописей; но Монфоконъ не послѣдовалъ этому совѣту и впослѣдствіи очень сожалѣлъ о томъ. Вся дальнѣйшая біографія Монфокона послѣ возвращенія въ Парижъ заключается въ исторіи его ученыхъ трудовъ, выходившихъ непрерывно одинъ за другимъ. Достигнувъ самаго преклоннаго возраста, онъ все-таки удѣлялъ занятіямъ не менѣе восьми часовъ въ день. Пользуясь отъ природы крѣпкимъ организмомъ и благодаря правильному образу жизни, онъ послѣ пятидесяти лѣтъ никогда не былъ боленъ; самая смерть застала его среди обычныхъ занятій.— Изъ длиннаго списка его трудовъ за этотъ періодъ отмѣтимъ тѣ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ Византіи [2]). 1) Новый сборникъ отцовъ и писателей греческихъ [3]) — въ двухъ томахъ; въ первомъ томѣ содержатся нѣкоторыя сочиненія Евсевія Кесарійскаго, а во второмъ, посвященномъ аббату Биньону,—вновь отысканныя мелкія сочиненія Аѳанасія Александрійскаго, а также знаменитое произведеніе египетскаго купца, совершившаго въ началѣ VI вѣка нѣсколько поѣздокъ въ порты Индіи, Козьмы Индо-

[1]) *Valery*, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 111. Письмо къ Гаттолѣ: lei si stupirebbe dell' ardire et della facilità di mentire di questi uomini (Giesuiti).... e questa è una delle principali ragioni, che mi hanno fatto risolvere di andar via da Roma.

[2]) Перечисленіе трудовъ Монфокона съ краткими ихъ характеристиками — см. *Tassin*, Histoire littéraire de la congrégation de St.-Maur, 591—616.

[3]) Collectio nova Patrum et scriptorum Graecorum Eusebii Caesariensis, Athanasii et Cosmae Aegiptii. Haec nunc primum ex Mss codicibus Graecis, Italicis, Gallicanisque eruit, latine vertit, notis et praefationibus illustravit *D. B. Montfaucon*. Parisius. 1706.

плавателя или Индикоплова, важное не только по любопытнымъ свѣдѣніямъ объ Индіи (съ упоминаніемъ о Цейлонѣ) и о царствѣ Аксумъ въ Еѳіопіи (Абиссиніи), но и по новымъ космографическимъ воззрѣніямъ, которыя здѣсь развиты вопреки Птолемею, но въ ближайшемъ приноровленіи къ разнымъ мѣстамъ священнаго писанія однимъ словомъ рѣчь идетъ о Христіанской топографіи[1]), которая долго опредѣляла міросозерцаніе средневѣковаго человѣчества и между прочимъ составляла любимое чтеніе православныхъ русскихъ людей. 2) Греческая палеографія—это капитальное произведеніе цѣнится также высоко, какъ и Дипломатика Мабилльона, съ которою отчасти совпадаетъ по содержанію Главная задача Палеографіи состоитъ въ изученіи признаковъ, по которымъ узнается принадлежность письменныхъ памятниковъ тому или другому вѣку; она имѣетъ дѣло не съ одними документами и актами, но вообще съ рукописями какого бы то ни было происхожденія и содержанія, притомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на видоизмѣненіяхъ въ характерѣ и начертаніи буквъ, а не на техническихъ признакахъ, указывающихъ на канцелярскую скрѣпу и вообще на отношеніе къ официальности. Ознакомивъ читателя съ орудіями и матеріаломъ письма у грековъ, а также съ лицами, которыя занимались ремесломъ переписыванія книгъ, Монфоконъ переходитъ къ исторіи происхожденія греческаго алфавита и его развитія до IV вѣка по Р. Х., представляетъ образцы унціальнаго или уставнаго письма, господствовавшаго до девятаго вѣка, а въ церковномъ обиходѣ и богослужебныхъ книгахъ державшагося до XII, затѣмъ обращается къ курсивному письму, которое онъ производитъ отъ скорописи и не отличаетъ отъ минускульнаго (строчнаго); слѣдуютъ таблицы, посредствомъ нагляднаго сопоставленія изображающія постепенныя видоизмѣненія въ начертаніяхъ буквъ въ продолженіи означенныхъ выше періодовъ. указываются разные роды сокращеній (аббревіатуръ) и вязи (лигатуръ), а также спеціальныхъ знаковъ, употребляемыхъ въ риторикѣ, медицинѣ и другихъ наукахъ. Шестая книга прямо касается греческой дипломатики; здѣсь идетъ рѣчь о золотыхъ печатяхъ на царскихъ грамотахъ (хрисовулахъ), о серебряныхъ и восковыхъ печатяхъ, предлагаются образцы грамотъ. Седьмая и послѣдняя книга содержитъ въ себѣ два трактата, не принадлежащіе

[1]) Cosmae Indicopleustae Christianorum opinio de mundo, sive Topographia christiana. О славянскихъ переводахъ см. *Срезневскаго*, Свѣдѣнія о малоизвѣстн. памятн., XI (С.-Пб. 1867). Обществомъ Древней Письменности теперь изданъ и весь переводъ по одному изъ старинныхъ списковъ.

самому Монфокону· описаніе монастырей горы Аѳонской, составленное Іоанномъ Компиномъ, врачемъ молдаво-валашскимъ, переведенное Монфокономъ на латинскій языкъ, и диссертацію одного французскаго ученаго (Bouhier) о первоначальномъ алфавитѣ у грековъ и римлянъ [1]). О дальнѣйшихъ трудахъ въ области греческой палеографіи намъ еще придется упомянуть; теперь замѣтимъ только, что для всѣхъ безъ исключенія точкою отправленія остается безсмертное произведеніе Монфокона На какомъ солидномъ фундаментѣ оно было построено, видно изъ находящагося въ началѣ перечисленія греческихъ извѣстныхъ Монфокону рукописей, въ различныхъ библіотекахъ Европы: количество ихъ простирается до 11,630. 3) Мы не будемъ теперь говорить о тѣхъ сочиненіяхъ Монфокона, которыя посвящены ученымъ замѣткамъ объ италіанскихъ библіотекахъ и музеяхъ (Diarium Italicum, 1702 г.), а также о прочихъ книгохранилищахъ, богатыхъ рукописями (Bibliotheca Bibliothecarum Manuscriptorum nova, 1739), но должны два слова прибавить къ сдѣланному уже ранѣе упоминанію о подробной описи Коаленевой библіотеки. Это изданіе содержитъ въ себѣ не только точное обозначеніе содержанія каждой изъ четырехсотъ рукописей бывшей библіотеки канцлера Сегье, доставшейся его правнуку, герцогу Коалену, но описаніе сопровождается множествомъ палеографическихъ снимковъ, извлеченіями изъ не изданныхъ прежде сочиненій, наконецъ сообщеніемъ цѣльныхъ трактатовъ небольшаго размѣра, но важныхъ по содержанію въ количествѣ сорока двухъ нумеровъ, переведенныхъ при этомъ на латинскій языкъ [2]). Монументальное изданіе твореній Іоанна Златоустаго, которое собственно и опредѣлило жизненное призваніе Монфокона, послѣ продолжительныхъ подготовительныхъ работъ, стало появляться съ 1718 года и заключилось въ 1738 году тринадцатымъ томомъ. Слѣдуетъ ли говорить о достоинствахъ этого изданія? Достаточно повторить краткій отзывъ Фабриція: nova, luculenta, castigatissima et locupletissima sancti Chrysostomi editio graecolatina! Въ числѣ 7440 напечатанныхъ сочиненій Златоуста 22 слова,

---

[1]) Palaeographia graeca, sive de ortu et progressu Litterarum graecarum, et de variis omnium saeculorum scriptionis graecae generibus: itemque de abbreviationibus et de notis variarum artium ac disciplinarum. Additis figuris et schematibus ad fidem manuscriptorum codicum. Opera et studio *D. Bernardi de Montfaucon* Sacerdotis et monachi Benedictini e. cet. Parisiis. 1708.

[2]) Bibliotheca Coisliniana, olim Seguieriana, sive manuscriptorum Graecorum quae in ea continentur, accurata descriptio—et cet. Parisiis. 1705.

а всего до 50 сочиненій, здѣсь явились въ первый разъ. При установленіи текста, Монфоконъ и его сотрудники пользовались всѣми рукописями, какія могли быть отысканы въ Италіи и Франціи, а также безчисленнымъ множествомъ переводовъ твореній Златоуста на разныхъ языкахъ. Ученыя предисловія къ отдѣльнымъ томамъ объяснительныя введенія къ каждому отдѣльному сочиненію—составляютъ драгоцѣнное пособіе для уразумѣнія предмета и обстоятельствъ, къ которымъ относится то или другое произведеніе Златоуста. Хорошій и ясный латинскій переводъ замѣнилъ не совсѣмъ иногда точные перифразы прежнихъ переводчиковъ и т. д.

Буавенъ (Jean Boivin de Villeneuve, 1663—1726), рано потерявъ отца, былъ взятъ въ Парижъ своимъ братомъ, извѣстнымъ послѣ академикомъ, который хотя и держался своеобразной и странной методы обученія, но далъ все-таки своему брату прекрасное образованіе. Жанъ Буавенъ отлично выдержалъ диспутъ въ коллегіи Duplessis, при чемъ защищалъ свои тезисы по латыни и по гречески, и это надѣлало тогда много шуму Онъ рано прославился какъ знатокъ древнихъ классиковъ, и его приглашали въ самые избранные дома, чтобы читать ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Аббатъ Лувуа, который съ 1692 года вступилъ лично въ управленіе королевскою библіотекой (см. выше), далъ ему сейчасъ же мѣсто въ этомъ учрежденіи. Въ слѣдующемъ году появилось его изданіе древнихъ математиковъ, приготовленное и не оконченное ученымъ Тевено (Thévenot)—съ примѣчаніями къ одному сочиненію Юлія Африкана (Κεστοί). Служеніе свое въ королевской библіотекѣ, которая тогда сдѣлалась публичною, то-есть, доступною для занятій приходящихъ посѣтителей, Буавенъ ознаменовалъ составленіемъ каталоговъ латинскихъ и греческихъ рукописей; ими мы пользуемся и до сихъ поръ. При самомъ вступленіи ему удалось сдѣлать открытіе, возбудившее большое вниманіе ученаго міра. Библіотека съ давнихъ поръ обладала греческимъ сборникомъ сочиненій св. Ефрема XIV вѣка, который, по наружности, не представлялъ ничего замѣчательнаго, но подъ этимъ текстомъ, собственно подъ его строками, Буавенъ замѣтилъ слѣды другаго изглаженнаго уставнаго письма. Палимпсесты въ то время были чрезвычайною новостью и рѣдкостью, а находка Буавена оказалась тѣмъ болѣе замѣчательною, что изглаженный и теперь возстановленный текстъ носилъ признаки глубочайшей древности, восходящей къ V вѣку, и заключалъ въ себѣ книги Священнаго Писанія Новаго и отчасти Ветхаго завѣта. На ряду съ Ватиканскимъ

и позднѣе открытымъ Синайскимъ спискомъ,—этотъ кодексъ, Codex Ephraemi Syri rescriptus, считается понынѣ однимъ изъ главныхъ основаній для критики Св. Писанія. По отношенію къ византійской коллекціи большую заслугу Буавена составляетъ изданіе Ромейской исторіи Никифора Григоры, писателя XIV вѣка, о которомъ сейчасъ будетъ сказано ниже.

Бандури (dom Anselme Maria Banduri, 1670—1743) происходилъ изъ славянскаго Дубровника (Рагузы) и въ очень молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ Бенедиктинскій монастырь по сосѣдству на островѣ Млетѣ (Мелитъ); онъ жилъ затѣмъ въ Неаполѣ, гдѣ конгрегація, которой онъ сталъ членомъ, имѣла свой домъ, а потомъ ему разрѣшено было отправиться во Флоренцію, гдѣ представлялось больше средствъ для занятій наукою, къ которымъ у него пробудилась наклонность. Неизвѣстно, чѣмъ онъ привлекъ на себя вниманіе великаго герцога Тосканскаго, Козьмы III, послѣдняго Медичи, сохранившаго до конца традиціи своихъ предшественниковъ временъ Возрожденія, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ Бандури пользовался особеннымъ его расположеніемъ и покровительствомъ. Впрочемъ, своимъ талантамъ и своимъ успѣхамъ Бандури обязанъ былъ также сближеніемъ съ Монфокономъ, который узналъ его во время своего италіанскаго путешествія и, говорятъ, указалъ на него герцогу для замѣщенія каѳедры церковной исторіи въ Пизанскомъ университетѣ, вновь тогда учрежденной. Въ 1700 году, какъ мы видимъ изъ переписки С.-Жерменскихъ бенедиктинцевъ, Монфоконъ рекомендуетъ Бандури начальнику Медичейской Лаврентіанской библіотеки, Мальябекки (Magliabecchi), какъ своего близкаго человѣка и проситъ оказать ему содѣйствіе совѣтами, наставленіями, книгами [1]). Послѣ мы находимъ Бандури уже въ Парижѣ въ Сенъ-Жерменскомъ аббатствѣ, куда онъ явился съ письмами своего покровителя къ Мабилльону и Монфокону. Изъ уваженія къ великому герцогу оба обѣщали съ величайшимъ вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшими успѣхами славянина-монаха въ наукахъ и добрыхъ нравахъ [2]). Подъ руководствомъ Монфокона Бандури изучалъ въ аббатствѣ греческій языкъ, и въ томъ же (1702) году Монфоконъ писалъ гер-

---

[1]) *Valery*, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 88. Istum D. Anselmum, mihi perfamiliarem, ut foveas consilio, doctrina, ac bibliotheca tua etiam atque etiam rogo.

[2]) Ibid., pag. 123 (письмо Мабилльона къ великому герцогу Тосканскому), pag. 125 (письмо Монфокона отъ 24-го февраля 1702 года), pag. 128 (письмо Мабилльона), pag. 189 (письмо Монфокона).

погу, что Ансельмъ Марія дѣлаетъ чудеса, что его прогрессъ въ греческомъ языкѣ столь великъ, что онъ скоро будетъ въ состояніи работать для публики, что онъ скоро начнетъ заниматься языкомъ еврейскимъ и церковными древностями, такъ какъ обладаетъ всѣми нужными для того талантами; что вообще герцогъ не могъ лучше помѣстить своихъ милостей и покровительства, какъ обративъ ихъ на лицо, подающее столь большія надежды [1]). Въ слѣдующемъ 1703 году тотъ же Монфоконъ сообщалъ Мальябекки, что дом-Ансельмъ изъ Рагузы открылъ въ Парижѣ 140 не изданныхъ писемъ Петрарки, доставившихъ большую радость литераторамъ (aux gens de lettres), и что онъ серьезно занятъ изученіемъ нѣкоторыхъ греческихъ отцовъ, намѣреваясь ихъ обнародовать съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями [2]). Вѣроятно, рѣчь идетъ о сочиненіяхъ патріарха (Константинопольскаго VIII вѣка) Никифора; проспектъ ихъ изданія появился въ 1706 году. Однако, Бандури отложилъ эти свои начинанія для другихъ еще болѣе обширныхъ трудовъ; въ королевской библіотекѣ онъ открылъ нѣсколько манускриптовъ, относящихся къ исторіи города Константинополя, изъ коихъ иные были до сихъ поръ никому неизвѣстны, и рѣшился посвятить себя занятіямъ византійскою археологіей. Изданіе обширнаго сборника, посвященнаго этому предмету, такъ упрочило его репутацію, что въ числѣ очень немногихъ иностранцевъ, онъ избранъ былъ въ члены академіи надписей (1715 г.). Нападки, которымъ трудъ Бандури тотчасъ послѣ своего выхода подвергся со стороны К. Удена (Casimir Oudin), автора библіографическаго сочиненія о древнихъ церковныхъ писателяхъ (Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis a. 1722), были вызваны простымъ недоброжелательствомъ; огорченный указаніемъ его собственныхъ, прежде сдѣланныхъ промаховъ, Уденъ не далъ себѣ даже труда надлежащимъ образомъ ознакомиться съ критикуемымъ изданіемъ. Послѣ Бандури обратился къ нумизматикѣ; извѣстенъ его трудъ, содержащій въ себѣ описаніе римскихъ монетъ отъ Траяна до Константина Палеолога: Numismata imperatorum Romanorum (2 vol.). Мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на то изданіе, которое посвящено византійскимъ древностямъ и носитъ заглавіе „Imperium orientale“.

Упомянемъ еще о доминиканцѣ Лекьенѣ (1661 — 1733), какъ лицѣ, участвовавшемъ въ трудахъ по византійскимъ изданіямъ. Всту-

[1]) *Valery*, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 133, 140.
[2]) Ibid., pag. 149.

пивъ двадцати лѣтъ въ орденъ, онъ сталъ изучать еврейскій языкъ, который потомъ усвоилъ въ совершенствѣ; къ этому присоединялось знаніе греческаго и арабскаго. Когда онъ сблизился съ Мабилльономъ и его кружкомъ, то взялъ на себя изданіе твореній Іоанна Дамаскина (S. Joannis Damasceni opera omnia gr.-lat. Paris. 1712. 2 vol.); два тома вышли, снабженные многочисленными комментаріями въ видѣ диссертацій; третій, долженствовавшій содержать въ себѣ сочиненія, ложно приписываемыя Дамаскину, не былъ изданъ. Только по смерти Лекьена появился въ свѣтъ и другой громадный его трудъ, посвященный христіанскому Востоку (Oriens christianus), составляющій подражаніе бенедиктинскому образцу „Gallia christiana". Лекьену было также поручено разсмотрѣніе и приготовленіе къ печати не доконченныхъ трудовъ Комбефиза; но ожиданія, возбужденныя первыми извѣстіями о драгоцѣнныхъ матеріалахъ, имѣющихъ выйдти въ свѣтъ, не были оправданы [1]). — Переходимъ къ ближайшему обозрѣнію самыхъ изданій, наиболѣе для насъ важныхъ.

Буавенъ началъ свои занятія Григорою по указанію и подъ руководствомъ Дюканжа; къ его увѣщаніямъ присоединилась воля аббата Лувуа (Камилла Летелльe), начальника королевской библіотеки. Буавенъ долженъ былъ перевести на латинскій языкъ шесть книгъ исторіи Григоры, вновь отысканныхъ въ Парижской библіотекѣ и составляющихъ продолженіе того, что было ранѣе издано Вольфомъ: предполагалось, что можно будетъ оставить безъ перемѣнъ одиннадцать книгъ, обнародованныхъ Вольфомъ, прибавить то, что нашлось въ рукописи королевской библіотеки, и все вмѣстѣ выпустить въ свѣтъ безъ замедленія. Но вскорѣ послѣ того, какъ Буавенъ взялся за свою работу, погасъ, по его выраженію, „свѣтильникъ византійской исторіи", то-есть, умеръ Дюканжъ, едва успѣвъ просмотрѣть одну изъ шести вновь приготовляемыхъ къ изданію книгъ. Лишившись руководителя, но восполняя недостающее усердіемъ и трудомъ, Буавенъ все-таки исполнилъ первоначальную свою

---

[1]) Монфоконъ писалъ въ 1703 году во Флоренцію (*Valery*, III, 150), что Лекьенъ уже печатаетъ посмертные труды Комбефиза. Весьма любопытны свѣдѣнія о предполагавшемся содержаніи изданія. Тутъ между прочимъ должны были появиться двѣ рѣчи Пселла на патріарха Михаила Керуларія; въ одной онъ говоритъ о немъ съ похвалой, а въ другой осыпаетъ его бранью, обвиняя въ суевѣріи, идолопоклонствѣ, человѣкоубійствѣ и т. д. Первая теперь издана, о второй точнѣйшихъ свѣдѣній мы должны ожидать отъ молодаго русскаго ученаго, занимающагося Пселломъ, П. В. Безобразова.

задачу, перевелъ шесть не переведенныхъ доселѣ книгъ Григоры. Война за испанское наслѣдство, столь тяжелая и разорительная для Франціи, послѣдовавшая затѣмъ смерть маркиза Летелье, были причиною того, что всякія заботы о продолженіи византійской коллекціи, въ частности объ изданіи Григоры, на время были отложены; тѣмъ не менѣе Буавенъ не переставалъ заниматься заинтересовавшимъ его предметомъ; и вотъ, пересматривая каталоги различныхъ библіотекъ, онъ увидѣлъ, что исторія, написанная въ XIV вѣкѣ Григорою, была гораздо обширнѣе, чѣмъ даже рукописный ему указанный экземпляръ королевской библіотеки, не говоря о печатномъ. У Лабба онъ нашелъ свѣдѣніе объ эскуріальскомъ спискѣ, заключающемъ въ себѣ 29 книгъ: вскорѣ затѣмъ въ самой Парижской королевской библіотекѣ отыскался кодексъ, имѣвшій 28-ю и 29-ю книгу историческаго и дальнѣйшія богословскаго содержанія; затѣмъ Мабилльонъ сообщилъ о ватиканскомъ спискѣ Ромейской исторіи, въ которомъ послѣдняя книга обозначалось цифрою 38. Итакъ, не шесть книгъ предстояло прибавить къ старому изданію, а почти втрое болѣе.

Послѣ заключенія мира вспомнили о прерванныхъ ученыхъ работахъ. Буавенъ приписываетъ возбужденіе прежняго участія къ изданію византійцевъ канцлеру Поншартрэну и его родственнику королевскому библіотекарю, аббату Биньону (Bignon). Биньонъ съ горестью смотрѣлъ на то, что знаменитые луврскіе греческіе шрифты, по изяществу не имѣвшіе себѣ ничего равнаго, остаются праздными. Связанный издавна дружескими отношеніями съ Буавеномъ, онъ тотчасъ послѣ заключенія мира предложилъ приступить къ печатанію Григоры. Первый томъ, долженствовавшій содержать въ себѣ одиннадцать книгъ, уже изданныхъ прежде Вольфомъ, совсѣмъ былъ готовъ и тотчасъ же могъ быть отправленъ въ типографію. Но не слѣдуетъ думать, чтобы Буавенъ не приложилъ къ нему своего труда; напротивъ — при помощи бывшихъ у него подъ рукою списковъ, которые тоже заключали въ себѣ эту часть Ромейской исторіи, онъ восполнилъ не малое количество пропусковъ, сдѣлалъ многое для исправленія и улучшенія текста. Латинскій переводъ Вольфа оказался не вполнѣ удовлетворительнымъ, главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что онъ былъ слишкомъ вольнымъ; Буавенъ постарался сдѣлать его болѣе близкимъ къ подлиннику, такъ чтобы передавался не только смыслъ, но и слова писателя, хотя бы это было въ ущербъ легкости и доступности изложенія. Онъ не устрашился всѣхъ тѣхъ крайностей многорѣчивой, запутанной и

темной риторики, предъ которыми отступилъ Вольфъ, не пожелавшій бороться съ затрудненіями. Сверхъ того, прибавлены были разныя облегченія для читателя: раздѣленіе книгъ на главы, указатели ихъ содержанія, хронологическія отмѣтки на поляхъ; а внизу страницъ помѣщены краткія примѣчанія съ указаніемъ разночтеній; болѣе обширныя—были отнесены къ концу втораго тома. Часть примѣчаній, приготовленная еще Дюканжемъ, передана была въ распоряженіе издателей его сыномъ.

Больше труда потребовалъ второй томъ, заключающій въ себѣ тринадцать дальнѣйшихъ книгъ Ромейской исторіи, въ которыхъ разказъ начинается 1341 годомъ и доводится до 1351. Первая половина его, впрочемъ, уже давно была готова, такъ какъ состояла изъ тѣхъ шести книгъ, которыя, первоначально были поручены Буавену для перевода. Текстъ ихъ приходилось издавать по рукописи королевской библіотеки: это была копія съ другаго экземпляра, приготовленная нѣмцемъ Ауеромъ (Христофоромъ) для французскаго епископа города Роде (Rhodez) Жоржа д'Арманьяка (d'Armagnac), нѣкогда правившаго посольство отъ короля Франциска I къ папѣ Павлу III. Для другой, большей половины (семи книгъ) оказалось необходимымъ обращаться въ Римъ, къ услугамъ Ватиканской библіотеки, потому что въ Парижѣ не нашлось списковъ, которые содержали бы въ себѣ эту серединную часть цѣлаго произведенія Григоры, то-есть, 18-ю—24-ю книги. При содѣйствіи бенедиктинца конгрегаціи св. Мавра, Етьенно (Estiennot), который по своему званію представителя или прокурора орденскаго предъ папскою куріей проживалъ въ Римѣ, заказаны были на счетъ аббата Лувуа (маркиза Летелье) нужныя копіи съ ватиканскаго кодекса. Переписаны были не только семь книгъ, вошедшихъ послѣ во второй томъ, но и еще двѣ, всего девять (отъ 18-й по 27-ю). Къ несчастію, переписчики оказались несвѣдущими и неопытными,—иныхъ нельзя было найдти въ Римѣ; копія представляла столь много явныхъ неисправностей, что требовалось новое ея сличеніе съ подлинникомъ, что̀ и было исполнено чрезъ посредство ученыхъ аббатовъ А. Цаканьи (Zacagni) и Делмиро (Delmiro), завѣдывавшихъ Ватиканскою библіотекою. Буавенъ все-таки очень сожалѣлъ, что не имѣлъ возможности самъ пользоваться ватиканскимъ подлинникомъ: онъ не находилъ въ себѣ на столько увѣренности, чтобы ручаться за полное устраненіе всѣхъ промаховъ и ошибокъ, допущенныхъ въ плохой копіи. По его убѣжденію, второй томъ Григоры явился бы на свѣтъ въ гораздо

болѣе совершенномъ видѣ, еслибы ватиканскій списокъ былъ доступенъ лично ему самому. Происходящая изъ ватиканскаго кодекса часть втораго тома появилась безъ варіантовъ, потому что исправленія, указанныя учеными пособниками на основаніи сличенія копіи съ подлинникомъ, естественно пришлось внести прямо въ текстъ; только тѣ, которыя сообщены были позднѣе Тарномъ, помѣщены отдѣльно въ концѣ тома. Латинскій переводъ принадлежитъ Буавену, и отчасти Капероннье (Carperonier).

Такимъ образомъ въ 1702 году явились два тома Григоры, содержавшія въ себѣ двадцать четыре книги, и при этомъ было заявлено объ имѣющемъ выйдти продолженіи также въ двухъ томахъ. Третій томъ долженъ былъ содержать въ себѣ остальныя книги Ромейской исторіи — восемь чисто историческаго содержанія и шесть догматическаго. Четвертый томъ предназначался для различнаго рода дополненій, могущихъ служить къ разъясненію содержанія Ромейской исторіи; указывался цѣлый рядъ весьма любопытныхъ и важныхъ не изданныхъ текстовъ, среди которыхъ особое вниманіе обращаетъ большая греко-варварская поэма о крестовомъ походѣ (de bello sacro), то-есть, Морейская хроника. Нѣтъ сомнѣнія, что Буавенъ имѣлъ намѣреніе исполнить свое обѣщаніе; всякія матеріальныя къ тому препятствія были устранены тѣмъ, что въ 1699 году датскій ученый Ростгаардъ (Rostgaard) принесъ въ даръ аббату Лувуа, начальнику королевской библіотеки, копію всѣхъ дальнѣйшихъ историческихъ книгъ Ромейской исторіи по ватиканскому списку, при помощи которой можно было восполнить недостающее въ парижскихъ экземплярахъ. Но по той или другой причинѣ произошла остановка: третьяго тома совсѣмъ не появлялось до настоящаго столѣтія, а значительная часть піесъ, предназначенныхъ для четвертаго, была передана самимъ Буавеномъ для напечатанія его современнику Бандури. Біографъ Буавена, Бозъ (de Boze), утверждаетъ, что столь трезвому и здравомыслящему человѣку, какимъ былъ Буавенъ, въ концѣ концовъ опротивѣли литературные пріемы византійскаго писателя, его холодная и скучная декламація, частыя повторенія и всѣ его дурно подобранныя фигуры, а съ другой стороны—онъ сообразилъ, что остающаяся часть произведенія Григоры выгодно возмѣщается сочиненіемъ Кантакузина, описывающимъ то же самое время. Такое объясненіе можетъ имѣть силу развѣ только въ отношеніи къ чисто богословскимъ и полемическимъ книгамъ, въ которыхъ Григора излагаетъ свои споры и состязанія съ паламитами, но въ отношеніи къ историческимъ отдѣламъ представляется

крайне сомнительнымъ въ виду очень любовнаго отношенія Буавена къ своему предмету Объ этомъ любовномъ отношеніи свидѣтельствуютъ тѣ вводныя статьи, которыми сопровождалось изданіе первыхъ томовъ. Кромѣ обычнаго предисловія (Praefatio), мы находимъ здѣсь біографію Григоры, списокъ его сочиненій и отзывы о немъ (elogia) современниковъ и позднѣйшихъ писателей. Біографія составлена съ большимъ тщаніемъ и не есть простое механическое сопоставленіе разныхъ выписокъ, а представляетъ связное изложеніе, основанное на глубокомъ изученіи не только произведеній Григоры, но и всей доступной современной ему литературы, при чемъ для подтвержденія высказываемаго въ текстѣ употребляются простыя обычныя теперь ссылки. Какъ въ текстѣ, такъ и въ цитатахъ, нерѣдко указываются не изданные матеріалы, преимущественно сообщенные Монфокономъ. Списокъ сочиненій Григоры составленъ также при дѣятельномъ содѣйствіи Монфокона, сообщившаго данныя, имъ собранныя въ Ватиканской библіотекѣ. Извѣстно, что Григора былъ одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и разносторонникъ писателей XIV вѣка. Философія богословіе, литература, естественныя науки, астрономія, все привлекало его вниманіе; нѣтъ ни одной вѣтви человѣческаго знанія, которой не касалась бы его мысль, его быстрое и ловкое перо. Длинный каталогъ Буавена, вѣроятно, все-таки не полонъ, но просматривая его, приходишь къ мысли, что тутъ есть весьма много интереснаго и важнаго, особенно въ перепискѣ, только не извѣстно, когда все это будетъ обнародовано. Въ Elogia помѣщено 27 статей, содержащихъ въ себѣ отзывы о характерѣ и мнѣніяхъ Григоры со стороны друзей и враговъ его при жизни и по смерти; кромѣ отзывовъ Кантакузина, они извлечены большею частью изъ рукописей ватиканскихъ и сообщены Монфокономъ; между прочимъ тутъ есть полезныя свѣдѣнія для исторіи споровъ о Ѳаворскомъ свѣтѣ. Не смотря на свою незаконченность, изданіе Ромейской исторіи Григоры принадлежитъ, несомнѣнно, къ наиболѣе цѣннымъ и достойнымъ частямъ Луврской коллекціи византійцевъ, какъ это признано позднѣйшими изслѣдователями, и даже нѣмецкимъ редакторомъ Боннскаго изданія [1]). Сочиненіе Григоры, относящееся, какъ извѣстно, ко времени Палеологовъ и Кантакузина, къ періоду первыхъ турецкихъ завоеваній, къ

[1]) См. статью *Паризо* (*V. Parisot.* Notice sur le livre XXXVII de Nicephore Gregoras avec une traduction française et des notes—въ Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale de France, tom. XVII. 1851).

эпохѣ критической для судебъ Балканскаго полуострова, имѣетъ чрезвычайную важность и для славянской, въ частности для сербской исторіи, такъ какъ касается времени Стефана Душана. Ромейская исторія послужила главнымъ источникомъ для извѣстнаго большого и капитальнаго русскаго труда, посвященнаго этому предмету проф. Флоринскимъ; тамъ можно найдти многія указанія и на цѣнность показаній Григоры сравнительно съ автобіографическими и самооправдательными сообщеніями императора Іоанна Кантакузина [1]). Драгоцѣнный отрывокъ, относящійся къ русской исторіи, касающійся избранія въ митрополиты Алексѣя, съ упоминаніемъ объ Ольгердѣ Литовскомъ, еще не заключался въ изданіи Буавена.

Выдающееся и особенное положеніе въ Парижской коллекціи занимаетъ большой трудъ Бандури. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ какимъ-либо историческимъ произведеніемъ, посвященнымъ обозрѣнію событій извѣстной эпохи или опредѣленнаго періода, а съ цѣлымъ рядомъ большею частью мелкихъ статей и различныхъ компиляцій на греческомъ языкѣ, объединяемыхъ только тѣмъ общимъ представленіемъ, что всѣ они касаются устройства и управленія, быта, церковныхъ и гражданскихъ порядковъ въ имперіи, и особенно служатъ къ ознакомленію съ сохранившимися, а равно и исчезнувшими памятниками столицы византійской, другими словами съ древностями Константинополя и цѣлой имперіи за весь ея христіанскій періодъ. Стоящее во главѣ сборника заглавіе хорошо указываетъ на его содержаніе, отчасти историко-географическаго или историко-топографическаго характера, отчасти археологическаго [2]).

Изданіе посвящается Козимо III, великому герцогу Тосканскому,

---

[1]) *Д. Т. Флоринскаго* Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. С.-Петербургъ. 1882; см. особенно I, 124. Раньше пользовался Григорою *И. Е. Троицкій* въ своемъ трудѣ: Арсеній, патріархъ Никейскій и Арсениты. С.-Пб. 1873.—Біографическія данныя о Григорѣ въ статьѣ г. *Качановскаго* Византійскіе лѣтописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ періодъ паденія ихъ самостоятельности" (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878 г.) заимствованы у Буавена, но изложены неудовлетворительно.

[2]) Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae, quae ex variis scriptorum graecorum operibus et praesertim mediis adornatae, Commentariis, et Geographicis, Topographicis, aliisque quam plurimis monumentorum ac nomismatum tabellis illustrantur, et ad intelligendum cum sacrae tum profanae historiae apprime conducunt. Opera et studio Domni *Anselm. Banduri* Ragusini. Presbyteri ac monachi Benedictini e congregatione Melitensi Parisiis. MDCCXI.

покровительствомъ котораго составитель постоянно пользовался съ самаго начала своихъ ученыхъ занятій и которому обязанъ всѣми своими успѣхами; притомъ потомку тѣхъ государей, у которыхъ находили себѣ убѣжище въ бѣдственное время Восточной имперіи Палеологи, Ласкарисы, Хризолоры, Газы, Трапезунтіи, Маруллы и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (именно при второмъ томѣ) воздается благодарность кардиналу d'Estrées, аббату Сенъ-Жерменскому, любителю наукъ, относившемуся благосклонно къ трудамъ Бандури, затѣмъ посламъ герцога Тосканскаго во Франціи, Сальвіати и Барди, и Бернарду Монфокону, совѣты и примѣръ котораго служили наилучшимъ поощреніемъ во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ автора. Въ предисловіи (Praefatio) къ первому тому объясняется поводъ, по которому Бандури обратился къ древностямъ Константинополя. Девять лѣтъ тому назадъ, занимаясь въ Парижской королевской библіотекѣ, онъ напалъ на одинъ греческій кодексъ (№ 3058, теперь 1783), содержавшій въ себѣ Patria или Origines Constantinopolitanas, и скоро замѣтилъ, что это сочиненіе писано около 350 лѣтъ ранѣе Кодина, притомъ по совершенно другой системѣ. Освѣдомившись у хранителей (custodes) библіотеки, онъ узналъ, что кодексъ этотъ поступилъ въ нее нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Дюканжа и оттого остался ему неизвѣстнымъ. По совѣту знакомыхъ ученыхъ онъ рѣшился взять на себя изданіе любопытнаго творенія, къ переводу котораго приступилъ тотчасъ послѣ ознакомленія съ нимъ; ради того онъ отложилъ занятія сочиненіями патріарха Никифора, хотя уже и былъ обнародованъ проспектъ ихъ изданія. Нашлись и другія піесы родственнаго содержанія съ вновь найденною; Бандури сначала думалъ напечатать все въ одномъ томѣ; но количество матеріала постоянно увеличивалось, и Coignard, королевскій типографщикъ и парижскій книгопродавецъ, взявшій на себя издержки печатанія, сталъ просить, чтобъ изданіе было раздѣлено на два тома. Имѣлось въ виду помѣстить въ немъ сочиненія Константина Багрянороднаго о Θемахъ и De administrando imperio, сочиненія Василія Македонянина и еще нѣкоторыя другія: то, что̀ было изъ нихъ ранѣе обнародовано, было вновь сличено по рукописямъ и уже ранѣе предположено было къ новому изданію, но только въ другое время и въ иномъ мѣстѣ. Сверхъ того, въ королевскомъ кабинетѣ и въ собраніи извѣстнаго Фуке Бандури изучалъ византійскую нумизматику и, сверхъ ожиданія, убѣдился, что бо̀льшая часть находящихся здѣсь монетъ осталось неизвѣстною для Дюканжа, такъ что онъ зналъ едва деся-

тую часть ихъ. Впрочемъ Бандури не счелъ необходимымъ теперь же издавать описаніе этихъ монетъ, потому что они не составляли первостепеннаго источника для византійской исторіи, при томъ рядъ ихъ начинался ранѣе основанія Константинополя.

Первый томъ подраздѣляется на три части и содержитъ въ себѣ слѣдующія, отчасти не изданныя, отчасти прежде изданныя сочиненія.

1) Первая часть начинается сочиненіемъ Константина Багрянороднаго „О Θемахъ восточныхъ и западныхъ". Бандури имѣлъ подъ рукою прежнія изданія Бонавентуры Вулканія и Федерика Мореля, но сличилъ изданный текстъ съ кодексомъ королевской библіотеки, писаннымъ, по его замѣчанію, на бомбицинѣ, за 500 лѣтъ, то-есть, около 1200 года (разумѣется № 243, теперь 854); онъ сдѣлалъ новый латинскій переводъ сочиненія и прибавилъ комментарій, отчасти историческаго, но преимущественно географическаго содержанія, въ сущности довольно скудный, потому что въ то время еще не было яснаго сознанія о важности, задачахъ и трудностяхъ средневѣковой топографіи сравнительно съ древнею. Первый примѣръ болѣе тщательнаго изученія въ этой области принадлежитъ Тафелю [1]).

За темами слѣдуетъ Синекдемъ или Путеводитель (comes peregrinatoris) Іерокла, гдѣ перечисляются провинціи и города, подвластныя Восточному императору: первыхъ 64, вторыхъ 935 [2]).

Это сочиненіе, относящееся ко времени Юстиніана, списалъ съ рукописи Ватиканской библіотеки еще Лука Голстенъ; онъ же сличилъ копію съ тремя другими манускриптами (двумя Фарнезскими и Altempsianus), и обѣщалъ издать съ присоединеніемъ латинскаго перевода вмѣстѣ съ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго De administrando imperio, какъ о томъ заявлено было Ф. Лаббомъ въ его извѣстномъ Apparatus. Однако обѣщаніе осталось не исполненнымъ, и по смерти Голстена приготовленный къ изданію трудъ со всѣми бумагами знаменитаго ученаго поступилъ въ Барберинскую библіотеку, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока не взялся за дѣло Эмман. Шельстратенъ (Schelstrate), ученый фламандецъ, переселившійся въ Римъ и достигшій здѣсь званія префекта Ватиканской библіотеки,

---

[1]) Constantin. Porphyrog. de Provinciis regni Byzant. Ed. *Tafel.* Tubingae. 1847.

[2]) Ἱεροκλέους γραμματικοῦ Συνέκδημος: затѣмъ въ заглавіи прибавлено указаніе на число епархій и городовъ; нужно при этомъ замѣтить, что итогъ послѣднихъ не вѣренъ: ихъ всего перечислено до 912.

одинъ изъ усердныхъ корреспондентовъ Мабилльона; онъ напечаталъ въ 1697 году изготовленный Голстеномъ текстъ и переводъ во второмъ томѣ своихъ древностей (Antiquitatis ecclesiae t. II, appendix ad opus geographicum); при этомъ Шельстратенъ высказалъ въ предисловіи невѣрныя предположенія относительно неполноты и неподлинности дошедшей до насъ редакціи Синекдема, будто бы имѣвшей во время Константина Багрянороднаго другой видъ. Бандури показалъ, что Шельстратенъ неправильно понялъ ссылку Константина („въ ѳемахъ"). Ошибка заключалась въ томъ, что Шельстратенъ считалъ выписку изъ Іерокла у Константина гораздо болѣе длинною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; вслѣдствіе этого онъ приписалъ Іероклу то, что̀ принадлежитъ уже самому Константину, и чего, понятно, не могло быть въ издаваемомъ имъ текстѣ. Еще ранѣе того, хотя и невполнѣ, сочиненіе Іерокла издаваемо было при Священной географіи (Geographia sacra) Карломъ a S. Paulo. Послѣ Бандури Синекдемомъ Іерокла занимались Весселингъ, Тафель и Партей; послѣднему принадлежитъ наилучшее изданіе [1]).

2) Вторая часть заключаетъ въ себѣ прежде всего другое болѣе обширное сочиненіе Константина Багрянороднаго De administrando imperio, которое одинъ разъ уже было издано, но, какъ мы знаемъ, несовсѣмъ исправно Меурсіемъ. Для новаго изданія Бандури сдѣлалъ слѣдующее: онъ, вопервыхъ, сличилъ напечатанный текстъ съ пергаментнымъ спискомъ королевской библіотеки, о которомъ утверждаетъ, что онъ былъ писанъ около пятисотъ лѣтъ назадъ и отличается высокимъ достоинствомъ (optimae notae); на основаніи этого сличенія онъ исправилъ множество невѣрныхъ чтеній, innumerabiles mendas, которыми изобиловало изданіе Меурсія, возстановилъ испорченныя и неполныя мѣста, которыхъ тоже было тамъ не мало, а главы 23-ю и 24-ю объ Иберіи или Испаніи, оставленныя Меурсіемъ безъ перевода, какъ крайне испорченныя и непонятныя, исправилъ такъ, что полученъ былъ удовлетворительный смыслъ и сдѣлался возможнымъ переводъ: да и вообще переводъ былъ пересмотрѣнъ и, гдѣ нужно, исправленъ. Наконецъ, Бандури прибавилъ объяснительныя примѣчанія, которыя, впрочемъ, помѣщены во второмъ томѣ. Объ установленномъ у Бандури текстѣ столь важнаго для славянской и

---

[1]) Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatuum. Ex recognitione *G. Parthey*. Berolini. 1866 Редакція Весселинга и его обширные комментаріи перепечатаны при Боннскомъ изданіи сочиненій Константина Багрянороднаго.

русской исторіи источника, какимъ служитъ сочиненіе Константина De administrando imperio, мы можемъ сказать только то, что дѣйствительно парижская рукопись, по которой оно было во второй разъ издано (№ 2661, теперь 2009), принадлежа XII столѣтію (такъ и по новѣйшему опредѣленію Кобета), несравненно превосходитъ древностью и авторитетностью Палатинскій списокъ Антонія Эпарха, которымъ пользовался Меурсій (Vatic. Palat. № 126), и что редакція, установленная Бандуріемъ, остается неизмѣнною до нашего времени. Зная, однако, условія, при которыхъ трудился Бандури, то-есть, отсутствіе строгихъ и научныхъ занятій палеографіей, и все-таки подчиненное отношеніе къ прежнему изданію, которое было положено въ основу, не смотря на его признанные недостатки, мы никакъ не можемъ быть увѣрены, что всѣ собственныя имена, которыя здѣсь встрѣчаются, начиная съ названія племенъ, подвластныхъ Руси, и кончая печенѣжскими племенами, прочитаны были совершенно правильно. По крайней мѣрѣ одинъ извѣстный намъ случай небольшой провѣрки, сдѣланной знаменитымъ голландскимъ филологомъ Кобетомъ и касавшейся того мѣста, гдѣ говорится о днѣпровскихъ порогахъ, привелъ къ такому результату, который дѣлаетъ желательнымъ новый и полный пересмотръ текста по рукописи парижской [1]).

Затѣмъ слѣдуютъ діакона Агапита „Увѣщательныя главы къ императору Юстиніану“ [2]), сочиненіе, много разъ издававшееся (прежнія изданія перечислены у Бандури: первое было сдѣлано Іоахимомъ Камераріемъ, послѣднее Бернардомъ Дамке изъ Гамбурга въ 1633 г.), и очень цѣнимое самимъ Бандури: онъ находитъ, что какъ сочиненіе Агапита, такъ и нижеслѣдующій трудъ Василія Македонянина, чрезвычайно важны по содержанію и даже по изложенію; стиль перваго произведенія аттическій, какъ у Исократа и Григорія Назіанзина, которымъ и Агапитъ и Василій всего болѣе подражали. Похвалы, конечно, весьма преувеличенныя; равнымъ образомъ тре-

---

[1]) См. *Mnemosyne*, Bibliotheca philologica batava, Nova series IV, p. 378—382. Вмѣсто Στρούβουν — названіе седьмого порога — Кобетъ прочиталъ Στρούκουν; этимъ разночтеніемъ воспользовался Томмсенъ въ сочиненіи „The relation between Ancient Russia and Scandinavia“ (Oxford, 1877). Д. И. Иловайскій, полагая, что новое чтеніе только напрасно колеблетъ придуманное имъ русское объясненіе имени седьмаго порога, относится въ своихъ „Разысканіяхъ“ къ поправкѣ Кобета съ неудовольствіемъ и насмѣшкою, но совершенно напрасно.

[2]) Ἔκθεσις κεφαλαίων παραινετικῶν σχεδιασθεῖσα παρὰ Ἀγαπητοῦ διακόνου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας и т. д.

буетъ повѣрки и другое мнѣніе Бандури, будто третьимъ источникомъ для Агапита и Василія послужило извѣстное сказаніе о Варлаамѣ и Іоасафѣ: еслибъ оно оказалось вѣрнымъ, то дало бы хорошій ключъ къ рѣшенію спорнаго вопроса о времени появленія греческой редакціи этого первоначально буддійскаго произведенія. Бандури настаиваетъ на томъ, что даже употребленіе акростиха и другихъ подобныхъ пріемовъ, отличающихъ издаваемыя имъ поучительныя главы, не есть что-либо новое, но что оно встрѣчается уже у древнихъ (приводятся примѣры). Текстъ Агапита былъ вновь сличенъ по двумъ рукописямъ королевской библіотеки; сверхъ готоваго латинскаго перевода, прибавлены краткія примѣчанія.

Василія императора Греческаго увѣщательныя главы къ его сыну Льву [1]). И эта небольшая піеса была уже издаваема Федерикомъ Морелемъ и Бернардомъ Дамке. Бандури сдѣлалъ поправки въ текстѣ на основаніи сличенія двухъ кодексовъ, а также улучшилъ латинскій переводъ.

Θеофилакта Болгарскаго „Царское воспитаніе“, Institutio regia [2]) издано было разъ по медичейскому списку Поссиномъ, но внѣ Луврской коллекціи; текстъ и латинскій переводъ оставлены безъ перемѣнъ, прибавлены только небольшія примѣчанія.

3) Третья часть перваго тома посвящена собственно древностямъ Константинополя и въ свою очередь раздѣляется на восемь книгъ, изъ коихъ каждая имѣетъ комментарій во второмъ томѣ.

При занятіяхъ относящимися сюда памятниками Бандури имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ П. Жиля, Меурсія (его комментаріи къ сочиненію Кодина о зданіяхъ), Ламбека и особенно Дюканжа, котораго онъ называетъ отцомъ византійской исторіи. Не соперничать съ послѣднимъ думалъ Бандури, хотя все таки допускалъ и у него возможность ошибокъ, такъ какъ никакое человѣческое дѣло не можетъ быть совершеннымъ, но избралъ себѣ другой путь и другой методъ изученія. Дюканжъ составлялъ систематическое обозрѣніе на основаніи наличныхъ источниковъ, преимущественно изданныхъ, Бандури поставилъ себѣ задачею собраніе матеріаловъ и новое ихъ изданіе въ цѣльномъ видѣ, имѣя въ виду преимущественно не изданное доселѣ. Первыя четыре книги

---

[1]) Βασιλείου τοῦ Ρωμαίων βασιλέως κεφάλαια παραινετικὰ ξς (66) πρὸς τὸν ἑαυτοῦ υἱὸν Λέοντα.

[2]) Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Θεοφυλάκτου ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας παιδεία βασιλικὴ πρὸς πορφυρογέννητον Κωνσταντῖνον.

отдѣла константинопольской древности всѣ заимствованы изъ сборника королевской библіотеки, поступившей въ нее, какъ сказано выше, по смерти Дюканжа. Онъ содержитъ въ себѣ Patria seu Originеs Constantinopolitanas, съ небольшимъ ямбическимъ стихотвореніемъ впереди, обращеннымъ къ императору Алексѣю Комнину, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ, затѣмъ каталогъ Римскихъ императоровъ отъ Юлія Кесаря до Михаила Палеолога, перечисленіе императорскихъ гробницъ въ храмѣ Апостоловъ и въ различныхъ столичныхъ монастыряхъ, сокращеніе (compendium) ветхозавѣтной исторіи—безъ конца, списокъ чиновъ Константинопольскаго двора, писанный новою рукою, списокъ патріарховъ въ стихахъ той же руки—съ изображеніемъ патріарха Іосифа, современника Флорентійскому собору, что̀ даетъ основаніе и составленіе его относить къ первой половинѣ XIV вѣка; приложены и другія изображенія, очень грубо исполненныя (Мануила и Іоанна Палеологовъ, Константина и Елены, Іоанна Крестителя· послѣдній на переплетѣ); всѣ они воспроизведены на одной таблицѣ при второмъ томѣ изданія. Имя автора древностей (Πάτρια) не извѣстно, но изъ посвятительнаго стихотворенія видно, что онъ жилъ въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, при Алексѣѣ Комнинѣ, и по своему званію былъ монахъ, такъ какъ съ особеннымъ усердіемъ выставляетъ на видъ щедрость императора къ иноческому чину. Итакъ, онъ жилъ на 350 лѣтъ ранѣе Кодина; этотъ послѣдній у него много заимствовалъ. Порядокъ у него другой, чѣмъ у Кодина; Кодинъ перечисляетъ зданія Константинополя, не наблюдая никакой системы; напротивъ, Анонимъ раздѣлилъ городъ на три стороны или части: первая — начиная отъ дворца Халки и отъ Милія до Золотыхъ воротъ, вторая—отъ Тциканистерія, церкви Одигитріи и Манганъ до Влахерны, третья—отъ храма Сергія и Вакха, дворца Софіановъ до западныхъ стѣнъ Большихъ воротъ (въ подлинникѣ здѣсь нѣкоторая неясность, разъясняемая Г. С. Дестунисомъ въ ниже названной статьѣ); каждая часть описывается въ отдѣльной книгѣ, или главѣ; въ третьей, кромѣ того, говорится о дворцахъ и монастыряхъ подгородныхъ и по ту сторону Золотаго рога (въ Перѣ); въ четвертой особой книгѣ, Анонимъ сообщаетъ о построеніи Софійскаго храма. Къ изданію этого вновь открытаго памятника, составляющаго наиболѣе цѣнную часть всего отдѣла, Бандури отнесся съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ привлекъ къ сравненію и въ пособіе для установленія его текста еще иные, до сихъ поръ мало изученные, сборники, подробно описанные во вто-

ромъ томѣ. впрочемъ, отмѣченные и Буавеномъ въ составленномъ имъ каталогѣ; это были Colbertinus, № 3607 (теперь 1788) и другой королевскій Regius № 3058[3] (теперь 1782), содержащіе въ себѣ Πάτρια въ особыхъ редакціяхъ.

О той редакціи, которая заключается въ послѣднемъ, Буавенъ полагалъ, что она принадлежитъ автору, жившему въ началѣ XI вѣка, такъ какъ построеніе храма св. Софіи здѣсь полагается за 458 лѣтъ назадъ. Но Бандури (II, 454) не соглашается съ этимъ опредѣленіемъ; по его мнѣнію, только данное мѣсто съ упоминаніемъ о св. Софіи, какъ это часто бываетъ у компиляторовъ, выписано буквально изъ другаго автора, дѣйствительно принадлежавшаго началу XI столѣтія; въ прочихъ мѣстахъ текстъ представляетъ явное тожество съ обычнымъ текстомъ Кодина, хотя вообще полнаго сходства нѣтъ ни съ Кодиномъ, ни съ вновь найденнымъ Анонимомъ. Переписанъ этотъ сборникъ рукою нѣкоего Пасхазія около 1320 года. Кольбертинскій кодексъ содержитъ въ себѣ описаніе Константинополя и св. Софіи, но не въ полномъ видѣ, такъ какъ многихъ листовъ недостаетъ, другіе перемѣшаны переплетчикомъ, перепутавшимъ порядокъ. Дюканжъ, который пользовался сборникомъ въ своемъ Христіанскомъ Константинополѣ, этого безпорядка не замѣтилъ, потому часто не различаетъ двухъ отдѣловъ или даже двухъ особыхъ сочиненій. Онъ далѣе догадывался, что сочинитель жилъ при Константинѣ Дукѣ (во второй половинѣ XI столѣтія), но онъ ошибался, ибо, по замѣчанію Бандури, не читалъ подъ рядъ всего сочиненія; иначе онъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на то мѣсто, гдѣ говорится о расширеніи и реставраціи Софійскаго храма при Андроникѣ Комнинѣ Палеологѣ; да и рукопись, носящая признаки авторскаго автографа, принадлежитъ XIII вѣку. То мѣсто, въ которомъ упомянуто о Константинѣ Дукѣ, представляетъ заимствованіе изъ Анонима, открытаго Бандуріемъ. Вообще разобраться въ различныхъ редакціяхъ подобнаго рода компиляцій, имѣющихъ обыкновенно большое распространеніе, бываетъ весьма трудно. Самъ Анонимъ Бандурія представляетъ компиляцію изъ разныхъ источниковъ, Гесихія Милетскаго, Христофора, сына Паниска, который упоминается у Свиды, хроникъ Александрійской или Пасхальной, Θеофана, Кедрина и т. д. Бандури чрезвычайно много сдѣлалъ для разъясненія критическихъ вопросовъ, касающихся даннаго рода произведеній, но еще и до сихъ поръ тутъ не все ясно; открываются вновь очень важныя и древнія редакціи, остающіяся пока не издан-

ными [1]). О значеніи комментарія, который присоединенъ Бандуріемъ къ его Анониму во второмъ томѣ изданія, для изученія топографіи Константинополя—рѣчь будетъ ниже.

Какъ сказано, четыре книги Анонима считаются у Бандури за четыре книги его третьей части (pag. 1—80). Пятую книгу составляетъ другая безымянная компиляція такого же содержанія, заключающая въ себѣ извлеченія изъ Евсевія, Сократа, Марцелла Анагноста, Папія, Ѳеодора Анагноста и другихъ, и обозначаемая въ заглавіи такъ: Παραστάσεις σύντομοι χρονικαί, De antiquitatibus Costantinopolitanis enarrationes chronographicae incerti authoris. Это произведеніе уже не новое: оно было издано Ламбеціемъ при Кодинѣ и повторено Комбефизомъ въ Manipulus. Бандури приготовилъ новый переводъ, такъ какъ переводъ Комбефиза оказывался неудовлетворительнымъ, и присоединилъ свои примѣчанія.

Шестая книга содержитъ въ себѣ нѣсколько піесъ: а) Приписываемая Никитѣ Хоніату повѣсть о статуяхъ константинопольскихъ, разрушенныхъ латинами послѣ взятія Цареграда въ 1204 году [2]). Эта любопытная для исторіи искусства статья отыскана была въ сборникѣ Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ, содержащемъ въ себѣ другія несомнѣнныя произведенія Никиты, Thesaurus orthodoxae fidei и двѣ книги исторіи; извѣстный въ свое время эллинистъ Грабе, начавшій свою ученую карьеру въ Германіи, но переселившійся въ Англію и сдѣлавшійся профессоромъ въ Оксфордѣ, прислалъ копію повѣсти Буавену, который и намѣревался напечатать ее при четвертомъ томѣ Григоры, но теперь уступилъ честь изданія Бандури. Послѣдній замѣчаетъ, что, по указанію Ламбеція (онъ издалъ ранѣе небольшой отрывокъ изъ статьи въ своихъ примѣчаніяхъ къ Кодину), піеса находится также въ одномъ изъ сборниковъ Ватиканской библіотеки. Послѣ она была издаваема нѣсколько разъ, считаясь все-таки произведеніемъ историка Никиты, но, какъ разъяснено русскими учеными, безъ надлежащаго вниманія къ нѣкоторымъ возбуждающимъ сомнѣніе признакамъ позднѣйшаго происхожденія [3]). b) Описаніе дворца Авгу-

---

[1]) Проф. В. К. Ернштедтъ имѣетъ въ своихъ рукахъ сдѣланныя имъ самимъ извлеченія изъ ватиканской рукописи, гдѣ отрывки о древностяхъ вставлены въ житіе св. Константина Равноапостольнаго.

[2]) Narratio Nicetae Choniatae de statuis C—tanis, quas latine capta urbe confractas in monetam conflaverunt.

[3]) *Ѳ. И. Успенскаго*, Византійскій писатель Никита Хоніатъ изъ Хонъ (С.-Пб. 1874), стр. 140 и сл. Впрочемъ сомнѣнія высказаны были еще ранѣе

стеона Георгія Пахимера (Γεωργίου τοῦ Παχιμέρη Ἔκφρασις τοῦ Αὐγουστεῶνος), небольшое сочиненіе (въ три страницы) было уже напечатано Буавеномъ въ примѣчаніяхъ къ Григорѣ, но только по гречески; Бандури присоединилъ латинскій переводъ и примѣчанія. c) Патріарха Фотія Описаніе церкви св. Богородицы новой, построенной царемъ Василіемъ Македонянином[1]). Это есть рѣчь, произнесенная патріархомъ Фотіемъ при освященіи новой церкви, что, по замѣчанію Бандури, произошло въ четырнадцатый годъ правленія Василія, прежде чѣмъ сынъ его Левъ подвергся обвиненію въ злоумышленномъ стремленіи къ низложенію отца, а не послѣ того, какъ онъ былъ оправданъ и освобожденъ; Комбефизъ, издавшій піесу въ Manipulus, думая такъ, ошибался. d) Каталогъ и описаніе императорскихъ гробницъ въ церкви св. Апостоловъ (περὶ τῶν τάφων τῶν βασιλέων, De sepulcris Imperatorum) содержитъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыя не встрѣчаются въ другихъ источникахъ; напримѣръ, отсюда мы узнаемъ, что дочь императора Льва Мудраго отъ Ѳеофана, первой супруги, называлась Евдокіею. e) Замѣтки о древностяхъ Константинополя (Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis), то-есть, о статуяхъ, изображеніяхъ, а также о различныхъ церквахъ, извлеченныя изъ одной рукописи королевской библіотеки, съ присоединеніемъ статей однороднаго содержанія, изданныхъ Ламбеціемъ при Кодинѣ. Этимъ кончается шестая книга третьей части.

Седьмая книга содержитъ въ себѣ различныя эпиграммы и стихотворенія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ поэтовъ (Epigrammata veterum poëtarum, poëmata, inscriptiones) на важнѣйшіе памятники (monumenta) города, а также и относящіеся къ самому городу въ его совокупности, прежде всего изъ Антологіи, съ переводомъ ихъ на латинскій языкъ, переводъ принадлежитъ большею частью прежнимъ ученымъ, двѣ піесы переведены самимъ Бандури; новѣйшія эпиграммы до сихъ поръ издавались только на греческомъ языкѣ и были разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, а теперь собраны и переведены.

Восьмая книга содержитъ въ себѣ разнаго рода каталоги—изданные и доселѣ не изданные—Константинопольскихъ патріарховъ, списки подчиненныхъ имъ епископій, а также каталоги Восточныхъ импера-

---

русскимъ переводчикомъ исторіи Никиты (часть II, стр. 426), какъ это и замѣчено въ диссертаціи Ѳ. И. Успенскаго, въ томъ и другомъ случаѣ—слишкомъ рѣшительно.

[1]) Φωτίου πατριάρχου Κ—πόλεως ἔκφρασις τοῦ ἐν τοῖς βασιλείοις νεας ἐκκλησίας.

торовъ, Catalogi patriarcharum, catalogi episcopatuum и т. д. Бандуріемъ напечатаны слѣдующіе каталоги: 1) Каталогъ Никифора Каллиста, здѣсь впервые появившійся, заимствованъ изъ греческаго сборника очень обветшалаго и труднаго для чтенія (оглавленіе статей, въ немъ находящихся, помѣщено во второмъ томѣ, въ примѣчаніяхъ); списокъ патріарховъ здѣсь кончается Іоанномъ, иначе Козьмою, поставленнымъ въ 1294 и низведеннымъ въ 1304 году; продолженіе списка до Георгія (Геннадія), перваго патріарха послѣ взятія Константинополя, и затѣмъ далѣе находится уже во второмъ томѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ примѣчаній. 3) Каталогъ Леунклавія, изданный въ Ius graeco-romanum. 4) Каталогъ патріарховъ Матвѣя Цигалы, заимствованный изъ рѣдкаго греческаго изданія (Nova variarum historiarum Synopsis), отличный во многомъ отъ другихъ и болѣе подробный со времени взятія Константинополя турками, что было при патріархѣ Исаіѣ, тогда убитомъ, и затѣмъ отъ Георгія Схоларія до Кирилла Лукариса и до Неофита, поставленнаго на его мѣсто въ 1636 году. 4) Каталогъ Филиппа Кипрскаго, протонотарія, составленный на основаніи различныхъ хроникъ, отличающійся тѣмъ, что становится болѣе подробнымъ послѣ взятія Константинополя и сообщаетъ при наименованіи патріарховъ турецкаго періода краткую характеристику каждаго съ указаніемъ данныхъ относительно ихъ судьбы, ихъ заслугъ и ихъ трудовъ; онъ кончается Парееніемъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Лукариса въ 1639 году Лукарисъ нѣсколько разъ былъ низводимъ и снова возводимъ на патріаршій престолъ. 6) Списокъ епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, приписываемый императору Андронику Палеологу, уже изданный прежде Гоаромъ. 7) Списокъ митрополій и подчиненныхъ каждой епископскихъ каѳедръ съ указаніемъ, какія существуютъ до нынѣ и какія исчезли, принадлежащій вышеназванному Филиппу Кипрскому. 8) Два каталога императоровъ—первый изъ Леунклавія, второй Матвѣя Цигалы, доведенный до султана Ахмета или до 1634 года. Наиболѣе важное значеніе въ этомъ отдѣлѣ имѣютъ списки патріарховъ, такъ какъ при опредѣленіи ихъ времени, часто необходимомъ для пониманія событій, весьма нерѣдко изслѣдователь церковной или даже гражданской исторіи встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія. Особенно велики затрудненія становятся съ наступленіемъ турецкаго времени, когда, между тѣмъ, народная жизнь главнѣйшимъ образомъ связывается съ церковными интересами, и когда патріархи остаются признанными представителями и вождями православнаго населенія.

Множество ошибокъ происходитъ отъ того, что новые писатели и даже составители каталоговъ иной разъ принимаютъ нѣсколько одноименныхъ іерарховъ, занимавшихъ престолъ на незначительномъ другъ отъ друга разстояніи, за одно лицо, или же, на оборотъ, дѣлаютъ изъ одного многихъ, когда патріархъ низведенный разъ съ престола снова былъ возвращаемъ, а это въ турецкое время съ однимъ и тѣмъ же лицомъ случалось иногда по нѣсколькуразъ. Все это Бандури по возможности старался разъяснить и исправить, на основаніи собранныхъ и напечатанныхъ имъ матеріаловъ, въ примѣчаніяхъ во второмъ томѣ. Тамъ, между прочимъ, показано, въ какой степени бываютъ часто ошибочны именно въ послѣдней своей части, каталоги Цигалы и Филиппа Кипрскаго. Тамъ же перепечатанъ каталогъ, заимствованный у Лабба (въ Apparatus), и продолженъ съ Іосифа до Георгія Схоларія на основаніи болѣе точныхъ показаній Георгія Франдзи, историка тогда еще не изданнаго въ подлинникѣ. Особую цѣну самъ Бандури придавалъ документу, полученному имъ въ самый послѣдній моментъ, когда онъ уже печаталъ послѣдніе листы комментарія къ своимъ каталогамъ; это былъ Синопсисъ, обзоръ (Σύνοψις) патріарховъ, служащій продолженіемъ къ другимъ напечатаннымъ каталогамъ и отчасти исправляющій ихъ въ концѣ. Синопсисъ выписанъ былъ изъ кодекса патріаршей церкви въ Константинополѣ и доставленъ былъ Бандурію знаменитымъ и ученымъ аббатомъ Евсевіемъ Ренодо; онъ заключаетъ въ себѣ рядъ патріарховъ съ 1594 по 1702 годъ (см. t. II, pag. 1000 — 1003), то-есть, шелъ далѣе, чѣмъ подобные списки у Крузія въ Turcograecia и у Дороѳея Монемвасійскаго въ его хронографіи. Стихотворный каталогъ Евфремія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, остался для Бандури извѣстнымъ только по выпискамъ Алляція. Въ новѣйшее время изученіемъ такого рода документовъ занимались греческій ученый Маѳа, нѣмецкій изслѣдователь Фишеръ и извѣстный константинопольскій собиратель, издатель и многосторонній изслѣдователь, г. Гедеонъ, получившій между прочимъ и изъ Россіи, отъ профессора И. Е. Троицкаго, два рукописныхъ не изданныхъ каталога [1]). Что ка-

[1]) Μαθᾶς, Ἱστορικὸς κατάλογος и т. д. Вышелъ въ Навпліи въ 1837 году, переведенъ на русскій въ *Христіанскомъ Чтеніи* за 1872 г. подъ заглавіемъ „Историческій списокъ епископовъ и потомъ патріарховъ святой и великой церкви Христовой въ Константинополѣ“. *Fischer*, De patriarcharum Constantinopolitanorum catalogis. Leipzig. 1884. Продолженіе въ Commentationes Philologicae Ienenses, t. III. Μ. Γεδεών, Πατριαρχικοὶ Πίνακες. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1886—1887.

сается списковъ эпархій, то наиболѣе полное и критическое изданіе ихъ теперь мы имѣемъ въ книгѣ Партея, вмѣстѣ съ Синекдемомъ Гіерокла (см. выше стр. 104, 172).

Наконецъ, въ видѣ особаго приложенія въ концѣ перепечатаны сочиненія П. Жиля о Босфорѣ Оракійскомъ и топографіи Константинополя съ нѣкоторыми улучшеніями текста и, сверхъ того, краткое описаніе города Константинополя (Urbis Constantinopolitanae descriptio), какимъ онъ былъ во время Аркадія и Гонорія: эта статья уже была напечатана Панциролемъ при Notitia utriusque imperii и обыкновенно издается при этомъ памятникѣ [1]). Примѣчанія Панцироля, не имѣющія большой важности, помѣщены тутъ же въ концѣ перваго тома.

Нужно воздать надлежащую похвалу и указателю, которымъ заключается томъ, потому что онъ составленъ съ такою тщательностію и полнотою, какихъ не было видно въ предыдущихъ изданіяхъ византійцевъ.

Второй томъ, предназначенный для объяснительныхъ примѣчаній къ изданнымъ въ первомъ томѣ источникамъ, не уступаетъ первому своимъ объемомъ, даже превосходитъ его и, кромѣ обыкновенныхъ разъясненій къ тексту, заключаетъ въ себѣ множество новыхъ оригинальныхъ статей, отчасти имѣющихъ документальное значеніе. Важное значеніе имѣютъ также разнаго рода иллюстраціи, состоящія въ планахъ и рисункахъ.

Томъ открывается географическими картами и планами, которые занимаютъ семь листовъ: первый листъ представляетъ планъ Константинополя, раздѣленнаго на четырнадцать регіоновъ (при Константинѣ Великомъ), какъ его начерталъ Дюканжъ на основаніи древняго источника, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, такъ какъ Бандури представилъ видъ города съ окрестностями оракійской стороны по картѣ географа de Combes, хранившейся въ архивѣ мор-

---

[1]) Изданіе Seek'a было у насъ выше указано. Что касается до сочиненія Жиля, то прибавимъ здѣсь слѣдующее: сочиненіе Діонисія Византійскаго, изъ котораго онъ приводитъ извлеченія, и которое долго считалось потеряннымъ, наконецъ было отыскано хотя не въ полномъ видѣ между рукописями, пріобрѣтенными Парижскою національною библіотекой отъ грека Миноиды Мины, и было издано Вешеромъ въ 1874 году. Dionysii Byzantii, de Bosphori navigatione quae supersunt—ed. *Carolus Wescher*. Paris. 1874. Ср. *Miller*, *Journal des Savants* 1874, pag. 200 etc. *Müller*, Zum Ἀνάπλους Βοσπόρου des Dionysios von Byzanz. *Philologus*, B. XXVII (1877), 65—88.

скаго управленія. Вторая карта изображаетъ самый городъ — по Анониму (Бандурія), то-есть, раздѣленный на три части, при чемъ въ отдѣльныхъ регіонахъ размѣщены названія мѣстъ и зданій, встрѣчающихся въ означенномъ источникѣ. О недостаткахъ этого плана рѣчь будетъ ниже. Третья карта представляетъ Анаплъ (то-есть, ближайшія къ столицѣ части) Босфора Ѳракійскаго, начертанный Сансономъ по Жилю, который слѣдовалъ Діонисію Византійскому. Но такъ какъ этотъ планъ, по свидѣтельству знающихъ и ученыхъ людей, бывавшихъ въ Константинополѣ (между прочимъ Галланда), оказывался не вполнѣ точнымъ, то Бандури приложилъ еще другой планъ той же самой мѣстности, составленной Комбомъ, и это будетъ — четвертый. Пятая карта заключаетъ въ себѣ опять планъ самаго Константинополя, заимствованный изъ сочиненія Бондельмонти (Liber de insulis Archipelagi), написаннаго въ 1422 году и уже изданнаго Дюканжемъ. Хотя этотъ планъ начертанъ, очевидно, грубымъ образомъ и не точно, все-таки онъ сообщаетъ полезныя топографическія указанія за время, немногимъ предшествующее турецкому завоеванію, и потому Бандури счелъ полезнымъ вторичное его изданіе. Шестой планъ представляетъ городъ въ современномъ видѣ, то-есть, для эпохи Людовика XIV, и принадлежитъ Grelot. Седьмая таблица содержитъ въ себѣ видъ Геллеспонта и Пропонтиды.

Сейчасъ указанныя иллюстраціи имѣютъ прямое отношеніе, очевидно, не къ первой, а къ третьей части перваго тома, и главнымъ образомъ къ Анониму, изданіе котораго Бандури справедливо считалъ своимъ главнымъ вкладомъ по части топографіи Константинополя. Поэтому и комментаріи къ этому памятнику занимаютъ первое мѣсто во второмъ томѣ. Здѣсь главною своею задачей Бандури считалъ подтвержденіе и разъясненіе показаній Анонима подходящими мѣстами другихъ византійскихъ писателей, изданныхъ и не изданныхъ, а затѣмъ исправленіе ошибочныхъ представленій Ламбеція и самого Дюканжа, произшедшихъ отъ незнакомства съ вновь открытымъ памятникомъ. Нужно при этомъ сказать, что Бандури оказалъ дѣлу большія услуги хорошею критикою текстовъ, указаніемъ взаимнаго отношенія между Анонимомъ и Кодиномъ, а равно и другими сродными компиляторами, что онъ обнаружилъ при этомъ широкое знакомство съ византійскими и латинскими средневѣковыми текстами. Но все-такй, удачно указывая ошибки Дюканжа (напримѣръ, относительно Зевгмы), Бандури и самъ не избѣжалъ довольно важныхъ промаховъ. И онъ въ свою очередь не могъ располагать чрезвычайно

важнымъ и для многихъ вопросовъ первостепеннымъ источникомъ, именно сочиненіемъ Константина Багрянороднаго о придворномъ чинѣ (De ceremoniis), которое было обнародовано гораздо позже по единственной рукописи, находившейся внѣ Италіи и внѣ Франціи. Впослѣдствіи Рейске, издатель означеннаго сочиненія Константина, съ такою же легкостью могъ указать заблужденія Бандури, какъ онъ самъ поправлялъ Дюканжа. Если, кромѣ того, Бандури слишкомъ преувеличивалъ значеніе своего Анонима и слишкомъ держался буквальнаго пониманія его словъ, то и это дѣло естественное и обычное. Такъ или иначе, довольно пристальнѣе взглянуть на планъ Константинополя согласно съ Анонимомъ и сравнить его съ настоящимъ положеніемъ вещей или съ новыми планами, чтобы замѣтить большія несообразности; напримѣръ, Золотыя ворота помѣщены здѣсь въ пять разъ дальше отъ Мраморнаго моря (къ сѣверу), чѣмъ какъ они могли быть въ дѣйствительности, а соотвѣтственно съ этимъ и Студійскій монастырь откинутъ слишкомъ далеко отъ моря [1]). Все это основано на буквальномъ пониманіи словъ Анонима, что у Золотыхъ воротъ оканчивается средняя полоса города. Вмѣстѣ съ Г. С. Дестунисомъ пожелаемъ, чтобы кто-нибудь изъ мѣстныхъ археологовъ вновь подвергнулъ научному и систематическому разбору сочиненіе Анонима Бандуріева, чего до сихъ поръ не было сдѣлано.

Филологическія объясненія и по срединѣ часто дополняются наглядными иллюстраціями археологическаго содержанія. Отмѣчаемъ болѣе важныя По поводу сказаній объ основаніи Константинополя приложены семь таблицъ со снимками монетъ города Византіи, какъ изъ періода ея самостоятельнаго существованія, такъ и временъ Римской имперіи.

Нѣсколько ниже (pag. 459) встрѣчаемъ изображеніе мѣдныхъ монетъ Константина Великаго, выбитыхъ въ годъ обновленія (ἐγκαίνια) Константинополя. По поводу упоминанія о патриціяхъ предлагается изображеніе Компьенскаго диптиха, пожертвованнаго Карломъ Лысымъ, и еще другаго подобнаго изъ церкви близъ Лиможа: важны они потому, что находящіяся въ нихъ фигуры даютъ наглядное представленіе присвоенныхъ означенному сану облаченій. Чрезвычайно интересны и важны рисунки барельефовъ Аркадіевой колонны въ Константинополѣ (къ стр. 502), отъ которой въ настоящее время остается только обезображенный огнемъ пьедесталъ—близъ Авретъ-базара—вы-

[1]) *Г. С. Дестуниса*, Топографія древняго Константинополя: *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882 г., январь, стр. 26.

сотою около трехъ саженъ, съ камерой й началомъ лѣстницы внутри. Нѣкогда это была великолѣпная колонна въ 147 футовъ вышины, по которой снизу и до верху шли барельефы спиралью, представлявшіе тріумфальную процессію императора. Еслибы памятникъ сохранился вполнѣ, то онъ имѣлъ бы громаднѣйшій историческій интересъ. Теперь мы должны знакомиться съ нимъ только по рисункамъ, помѣщеннымъ у Бандури. О происхожденіи этихъ восемнадцати гравюръ, занимающихъ столько же листовъ, Бандури сообщаетъ въ предисловіи къ первой части (pag XIII) слѣдующее: Въ Константинополѣ были двѣ такого рода колонны съ барельефными изображеніями, обыкновенно называемыя historiatae. Мы должны вмѣстѣ съ нимъ считать доказаннымъ, что дошедшіе до насъ снимки относятся къ той, которая была воздвигнута Аркадіемъ, ибо другая, Ѳеодосіева (Ѳеодосія II), по свидѣтельству Гиллія (Жиля), была разрушена Баязетомъ, такъ какъ находилась вблизи устраиваемыхъ имъ новыхъ бань, — Аркадіева же была описана Жилемъ, который даже измѣрялъ ее. Итакъ не Ѳеодосіева, какъ другіе думаютъ, а Аркадіева колонна изображается на приложенныхъ къ комментарію гравюрахъ. Гравюры эти сдѣланы съ рисунковъ венеціанскаго живописца Джентиле Беллини (Gentile Bellini), который, какъ извѣстно, приглашенъ былъ въ Константинополь Магометомъ Вторымъ, провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ и, пользуясь расположеніемъ страшнаго завоевателя, могъ безопасно дѣлать всякіе снимки. Однако, сдѣланные Беллини на 18 листахъ рисунки представляли не всю колонну, потому что отъ ветхости, отъ землетрясеній, отъ пожаровъ она все-таки сильно пострадала, и есть въ ней мѣста, гдѣ барельефы пропали. Восемнадцать лѣтъ ранѣе изданія Imperium orientale ученый іезуитъ Менетріе (Claudius Franciscus Menestrier) издалъ рисунки Беллини въ гравюрахъ съ своими объясненіями. Такъ какъ—заключаетъ Бандури—колонна Аркадія занимаетъ первое мѣсто среди памятниковъ Константинополя, то мы и рѣшились воспроизвести самымъ точнымъ образомъ ея изображенія, по самому подлиннику Беллини (exemplar a G. Bellino delineatum), который хранится въ академіи живописи, приложивъ къ каждой гравюрѣ краткія объясненія фигуръ. Объясненія эти, какъ показываетъ проф. Н. П. Кондаковъ, можетъ быть, несовсѣмъ удачны и правильны, и это извинительно, потому что Бандури еще не располагалъ текстами Константина Багрянороднаго о церемоніальныхъ шествіяхъ и встрѣчахъ императоровъ, которые съ такимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ привлекаетъ

въ видѣ точки отправленія нашъ ученый археологъ. Все-таки въ общемъ Бандури вѣрно понималъ дѣло и видѣлъ въ барельефахъ изображеніе тріумфа съ его различными моментами: процессія войска, тріумфальный въѣздъ императора, процессія плѣнныхъ За подробностями мы отсылаемъ къ книгѣ проф. Кондакова, который излагаетъ съ своей точки зрѣнія содержаніе барельефовъ, не касаясь, къ сожалѣнію, наиболѣе интересной ихъ стороны, то-есть, изображенія варваровъ, ихъ костюмовъ, идоловъ и т д., чего не требовала задача его сочиненія [1]).

Не лишены интереса рисунки (къ стр. 631—632), заимствованные изъ Парижской рукописи IX вѣка, изображающіе поставленіе св. Григорія Назіанзена въ епископы Константинополя, побѣду Константина надъ Максентіемъ и обрѣтеніе св. креста Еленою, далѣе (стр. 664) планъ ипподрома ранѣе взятія города турками изъ древней топографіи, уже изданный прежде Панвиніемъ и несовсѣмъ согласный съ описаніемъ Жиля; изображеніе обелиска Ѳеодосіева (къ стр. 666) съ барельефами, которые и воспроизводятся, треножника Аполлонова, то-есть, знаменитой Змѣиной колонны, значеніе которой оцѣнили только въ настоящемъ столѣтіи, мраморной колонны императора Маркіана и такъ называемой Порфирной колонны.

Помимо живописныхъ иллюстрацій, комментарій къ Анониму изобилуетъ не изданными важными текстами, прилагаемыми кстати по случаю упоминанія извѣстныхъ памятниковъ, лицъ или событій. По поводу упоминанія объ еврейской синагогѣ въ Цареградѣ (стр. 614)

---

[1]) См. *Н. П. Кондакова*, Византійскіе церкви и памятники Константинополя (въ Трудахъ VI Археологическаго съѣзда). Одесса. 1886, стр. 147—155. Замѣтимъ еще, что сомнѣнія о происхожденіи рисунковъ Бандури отъ извѣстныхъ очерковъ „будто бы“ Джентиле Беллини, вскользь выражаемыя въ примѣчаніи на стр. 148, и теперь нельзя считать окончательно устраненными. Бандури говоритъ, что онъ не повторялъ Менетріе, а обратился къ подлиннику, который находился въ академіи художествъ; но изъ любопытной книги: *L. Thuasne*, Gentile Bellini et sultan Mahommed II. Paris. 1888, мы видимъ (pag. 42), что оригинальныхъ рисунковъ тамъ нѣтъ, а есть только копія, по своему происхожденію относящаяся къ концу XVI или началу XVII вѣка; другая такая копія, тоже XVI вѣка, находится въ Луврѣ. Однако, Тюанъ считаетъ вѣроятнымъ, что помимо знаменитыхъ портретовъ Магомета II, которые у него вновь воспроизводятся, Беллини дѣйствительно могъ заниматься приготовленіемъ рисунковъ съ древнихъ памятниковъ Константинополя, и притомъ именно для Лаврентія Великолѣпнаго. О пребываніи Беллини въ Константинополѣ по вызову страшнаго завоевателя книга сообщаетъ новыя свѣдѣнія.

приведены три посланія патріарха Аеанасія, который требовалъ отъ императора Андроника II Старшаго ея закрытія и вмѣстѣ съ тѣмъ изгнанія жидовъ изъ города. Далѣе находимъ (стр. 646) исторію перенесенія мощей первомученика Стефана въ Константинополь при царѣ Константинѣ съ описаніемъ кодекса Сенъ-Жерменскаго монастыря, гдѣ она читается (отсюда видно, что въ кодексѣ, представляющемъ минею за Августъ, находится и сказаніе объ освобожденіи Константинополя отъ нашествія аваръ и персовъ при царѣ Ираклія, гораздо послѣ напечатанное кардиналомъ Анджело Маи по Ватиканскому списку); не изданный трактатъ объ ипподромѣ (стр. 662); не изданное житіе св. Далматія (стр. 694) въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, а также посланія къ этому святому отъ отцовъ Ефесскаго вселенскаге собора и отъ Кирилла Александрійскаго, посланіе Далматія къ собору, слова Кирилла и Мемнона: все это по поводу упоминанія о монастырѣ Далматія въ Константинополѣ.

Комментарій къ четвертой послѣдней книгѣ Анонима потребовалъ приложенія пяти плановъ, представляющихъ внѣшній видъ и внутренность храма св. Софіи: рисунки принадлежатъ художнику Грело.

Комментаріи къ дальнѣйшимъ отдѣламъ третьей части могли быть не столь подробными, потому что при сходствѣ содержанія, во всей части достаточно было отсылать читателя къ комментаріямъ на Анонима. Съ своей стороны мы должны здѣсь отмѣтить свѣдѣнія объ Ἰώνια, сочиненіи, приписываемомъ Византійской императрицѣ XI вѣка, Евдокіи, въ то время еще не изданномъ: Бандури (стр. 819—829) сообщаетъ его оглавленіе. Послѣднія страницы (871—872) комментарія къ седьмой книгѣ содержатъ въ себѣ объясненія къ пророчеству о послѣднихъ судьбахъ Константинополя, о ξανθὸν γένος; здѣсь упоминается о не изданномъ трудѣ Льва Аллація (Varia antiqua). Комментаріи къ восьмой книгѣ, заключающей въ себѣ каталоги, также весьма богаты содержаніемъ и не изданными матеріалами. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить подробное оглавленіе парижскаго сборника, изъ котораго заимствованъ каталогъ Никифора Каллиста (pag. 875—886), затѣмъ довольно обширное изслѣдованіе объ именахъ первыхъ Константинопольскихъ епископовъ, которыя Бандури считаетъ подложными вплоть до Митрофана, современника Константина Великаго. По поводу патріарха Козьмы Аттика Бандури приводитъ актъ соборнаго при немъ дѣянія (pag. 916), заимствуя оное у Аллація (De perpet. consens.); отсюда же заимствованъ отрывокъ изъ Ефре-

мія, представляющій рядъ патріарховъ, жившихъ въ Никеѣ послѣ взятія Цареграда латинами (pag. 928). На стр. 936 находимъ изображеніе засѣданія втораго вселенскаго собора изъ рукописи IX вѣка. Въ примѣчаніи, касающемся патріарха Іоанна Векка, приведено направленное противъ этого, склонявшагося къ уніи, іерарха изложеніе вѣры Григорія Кипрскаго (ἔκθεσις τοῦ τόμου τῆς πίστεως κατὰ τοῦ Βέκκου), а также и другія его произведенія, сюда относящіяся (что занимаетъ страницы 942—961: безъ латинскаго перевода). Въ примѣчаніи, посвященномъ слѣдующему патріарху, Аѳанасію, находимъ прежде всего полный списокъ его сочиненій и писемъ, которыя Бандури предполагалъ издать и для этой цѣли перевелъ было на латинскій языкъ (pag. 961). Мы уже отмѣтили три посланія патріарха Аѳанасія относительно еврейской синагоги, напечатанныя выше; теперь нужно обратить вниманіе на три письма, относящіяся къ двукратному отреченію Аѳанасія отъ престола, на его обличительное слово противъ нѣкоего Іоанна Дрима и т. д. (pag. 962—987). По поводу патріарха Нифонта напечатаны два новыхъ дальнѣйшихъ посланія Аѳанасія, гдѣ о немъ идетъ рѣчь, но уже безъ латинскаго перевода; по поводу Іосифа, присутствовавшаго на Флорентійскомъ соборѣ, приложенъ его портретъ, заимствованный изъ рукописи королевской библіотеки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другія изображенія, въ ней находящіяся: Константина и Елены, Іоанна и Мануила Палеологовъ, Іоанна Крестителя, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ документовъ изъ Алляція (pag. 984—990). О синопсисѣ Ренодо мы уже упомянули выше.

Далѣе (pag. 1007—1017) слѣдуетъ особая статья, относящаяся къ топографіи Константинополя: De celebrioribus urbis C. P. monumentis, quae — hodie supersunt. Она посвящена важнѣйшимъ памятникамъ, воздвигнутымъ уже султанами и находившимся на лицо: мечетямъ, банямъ, которыхъ Бандури насчитываетъ до пятидесяти, странноприимнымъ домамъ; тутъ воспроизводятся рисунки Грело съ его же объяснительнымъ французскимъ текстомъ (виды мечетей Сулеймана и султанши Валиде, сераля).

Слѣдуютъ наконецъ примѣчанія къ сочиненіямъ Константина Багрянороднаго О ѳемахъ и De administrando imperio. Предпослана первому сочиненію географическая карта, представляющая Восточную имперію съ раздѣленіемъ на темы послѣ Ираклія, и второму—карта Восточной имперіи и странъ сопредѣльныхъ во время Константина Багрянороднаго Онѣ составлены были де-Лилемъ (Guilelmus de L'Isle),

членомъ королевской академіи наукъ. Замѣчанія на оемы довольно краткія; приведены между прочимъ латинскія надписи, относящіяся къ legio fulminatrix, и греческій списокъ городовъ, измѣнившихъ свое названіе. Въ комментаріяхъ на сочиненіе „Объ управленіи имперіей" особенное вниманіе обращается на Далмацію, родину Бандури; нѣкоторыя спеціальныя, относящіяся къ ней, статьи представлялись излишнею роскошью послѣдующимъ издателямъ и въ боннской коллекціи опущены; таковы выписки изъ Мавро Урбина о Млѣтѣ (Meleta), островѣ, принадлежавшемъ республикѣ Дубровницкой (Рагузѣ), изъ Спона—(Spon), о Сплѣтѣ и Задрѣ, такова реляція (на италіанскомъ языкѣ) патриція дубровницкаго Гондолы о состояніи религіи въ странахъ подвластныхъ турецкому владычеству: этотъ любопытный документъ Бандури нашелъ въ Римѣ въ библіотекѣ коллегіи de propaganda fide и самъ списалъ (въ документѣ упоминается осада Каменца Подольскаго турками); таковы выписки изъ Туберона и Мавроурбина о происхожденіи Дубровника и списокъ рагузинскихъ кораблей, высланныхъ республикою на помощь королю Испанскому съ 1584 по 1654 г. (pag. 71 — 76). По отношенію къ русской исторіи значительный интересъ представляетъ извѣстное греческое сказаніе объ обращеніи русскихъ въ христіанство и о крещеніи Владиміра, найденное въ кодексѣ Кольбертинскомъ, гдѣ оно не имѣетъ начала. Замѣтимъ, что одинъ молодой русскій ученый г. Регель отыскалъ другой полный списокъ сказанія въ библіотекѣ острова Патмоса и намѣренъ издать его въ скоромъ времени. Такъ какъ въ этомъ сказаніи идетъ рѣчь объ изобрѣтеніи славянскаго письма, то Бандури приложилъ въ своемъ изданіи таблицы различныхъ славянскихъ алфавитовъ—кирилловскаго и глаголическаго, изъ коихъ послѣдній онъ называетъ іеронимовымъ.

Къ изданію Бандури въ извѣстномъ отношеніи примыкаетъ трудъ, вышедшій отдѣльно и собственно не принадлежащій къ парижской византійской коллекціи, доминиканца Лекьена (Le Quien, Michel), болѣе подробнымъ образомъ развивающій отдѣлъ историко-статистическихъ свѣдѣній объ эпархіяхъ и о высшей церковной іерархіи, впрочемъ уже не одной только Константинопольской патріархіи, а и остальныхъ православныхъ. Мы разумѣемъ „Православный Востокъ", содержащій въ себѣ описаніе четырехъ патріархатовъ: Константинопольскаго, Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго [1]). Не имѣя въ

[1]) Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus. Paris. 1740. 3 vol. съ картами Данвиля (D'Anville).

виду сообщенія новыхъ источниковъ и вообще изданія матеріаловъ, а скорѣе желая дать справочное пособіе при ихъ изученіи, составитель подробно говоритъ о каждомъ изъ патріархатовъ отдѣльно· сообщаетъ о возникновеніи и каноническомъ учрежденіи патріархата, о границахъ его въ различныя времена, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ патріарховъ даннаго патріархата отъ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія, затѣмъ переходитъ къ епархіямъ, подчиненнымъ тому или другому патріарху, сообщаетъ географическія свѣдѣнія о каждой епархіи и городѣ, въ которомъ находилась епископская каѳедра, и приводитъ списокъ всѣхъ іерарховъ означенной епархіи въ хронологическомъ порядкѣ съ краткими о нихъ свѣдѣніями, на сколько имена ихъ и данныя ихъ біографіи могли быть отысканы въ наличныхъ тогда источникахъ всякаго рода. О Константинопольскомъ патріархатѣ говорится въ первомъ томѣ и отчасти во второмъ (Восточный Иллирикъ), который главнымъ образомъ посвященъ Александрійскому и Антіохійскому патріархату и церквамъ халдейской и яковитской; объ Іерусалимскомъ патріархатѣ рѣчь идетъ въ третьемъ томѣ, и тамъ же о маронитахъ и уніатской іерархіи [1]). До сихъ поръ трудъ Лекьена служитъ необходимымъ справочнымъ пособіемъ при занятіяхъ византійскою исторіей или византійскою литературою, но уже давно сообщаемые въ немъ списки епископовъ и митрополитовъ перестали быть въ такой степени полными, въ какой они могутъ быть по состоянію нашихъ источниковъ, ибо абсолютно полными они никогда не могутъ быть. Для нѣкоторыхъ отдѣловъ источники автора съ самаго начала были довольно скудны, и никто изъ русскихъ ученыхъ теперь не станетъ къ нему обращаться для свѣдѣній о западно-русскихъ уніатскихъ митрополитахъ, хотя еще при изданіи Актовъ Западной Россіи Лекьенъ считался авторитетомъ, къ которому можно было отсылать въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ. Для славянскихъ церквей болгарской и сербской, а также для румынской, повѣрка и

---

[1]) Tom. I. Tres magnas complectens Dioeceses Ponti, Asiae et Thraciae Patriarchatui Constantinopolitano subiectas.

Tom. II. In quo Illyricum orientale ad patriarchatum Constantinopolitanum pertinens Patriarchatus Alexandrinus et Antiochenus, magnaeque Chaldaeorum et Jacobitarum dioeceses exponuntur.

Tom. III. Ecclesiam Maronitarum, patriarchatum Hierosolymitanum et quoquot fuerunt ritus latini tam patriarchae quam inferiores praesules in quatuor patriarchatibus et in Oriente universo complectens.

многія дополненія находятся въ извѣстномъ трудѣ проф. Е. Е. Голубинскаго „Краткій очеркъ православныхъ церквей болгарской, сербской и молдо-влахійской (Москва. 1871) [1]). Но и для всѣхъ другихъ отдѣловъ, не исключая собственно византійскаго, въ изданныхъ послѣ довольно многочисленныхъ документахъ — соборныхъ дѣяніяхъ, синодальныхъ опредѣленіяхъ, перепискѣ духовныхъ лицъ—заключается цѣлая масса новыхъ именъ и новыхъ свѣдѣній, не вошедшихъ въ собраніе Лекьена [2]). Нечего говорить о томъ, какъ иногда важно для изслѣдователя имѣть подъ рукою точные и полные по возможности списки въ родѣ Лекьеновыхъ; припомнимъ, что, напримѣръ, въ кирилло-меѳодіевскомъ вопросѣ знаменитая Солунская легенда никогда не получила бы такого значенія и не была бы такимъ соблазномъ для русскихъ изслѣдователей, еслибы съ самаго начала было ясно, что даже въ наименованіи современнаго Солунскаго митрополита въ ней допущена ошибка.

Двумя томами Восточной имперіи Ансельма Бандури собственно была закончена Луврская или Парижская коллекція византійскихъ историковъ. Многое оставалось не изданнымъ даже изъ того, что уже было приведено въ извѣстность, что даже было приготовляемо для печати. Цѣлое, только что начавшееся, столѣтіе пройдетъ, прежде чѣмъ во Франціи вновь обратятся къ прерванному и не доконченному дѣлу, прежде чѣмъ найдутся ученые, способные и готовые возобновить почтенную традицію Дюканжа, Комбефиза и Буавена. Причина тому прежде всего заключалась, конечно, въ томъ, что только что начавшееся столѣтіе было восемнадцатое столѣтіе. Если прежде успѣхи французской эрудиціи оставались въ тѣни вслѣдствіе того, что на первомъ планѣ стояло блистательное развитіе изящной литературы, то теперь появились еще болѣе могучіе и всепоглощающіе умственные интересы. Гордый и самонадѣянный вѣкъ просвѣщенія и раціонализма вообще не чувствовалъ большой нужды въ изученіи темнаго и презираемаго прошедшаго, а все византійское казалось такимъ вдвойнѣ. Правда, бенедиктинцы конгрегаціи св. Мавра, труженики болѣе симпатичные, чѣмъ іезуиты, которымъ они въ области ученыхъ византійскихъ занятій наслѣдовали гораздо раньше закрытія

---

[1]) Въ свою очередь тоже теперь нуждающемся въ дополненіяхъ.

[2]) Можно указать на списокъ Аѳинскихъ епископовъ и митрополитовъ, для котораго нашлись важныя данныя въ древнихъ христіанскихъ надгробныхъ надписяхъ Парѳенона, обращеннаго въ храмъ Богородицы: см. архимандр. *Антонина* О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ (С.-Пб. 1874).

іезуитскаго ордена, продолжали трудиться вплоть до начала революціи, оставаясь вѣрными своимъ завѣтамъ и памяти д'Ашери и Мабилльона, но почти все вниманіе ихъ поглощено было такими громадными предпріятіями, какъ изданіе источниковъ для національной французской исторіи, то-есть, исполненіе плана, которымъ нѣкогда былъ занятъ умъ Кольбера, и о которомъ подавалъ свое мнѣніе Дюканжъ, осуществленіе котораго самъ Мабилльонъ считалъ превосходящимъ его силы. Въ 1738 году появился первый томъ извѣстнаго собранія „Recueil des Historiens des Gaules et de la France", подъ редакціей Дом-Буке (Dom Bouquet), а въ 1786 — двѣнадцатый и тринадцатый, относящіеся къ временамъ Людовиковъ VI и VII и обнародованные двумя преемниками Буке, мавриньянами Дом-Клеманомъ и Бріалемъ. Два бенедиктинца конгрегаціи св. Мавра (dom Vaissette и De Vic) взяли на свои плечи тоже не легкій трудъ составленія документальной исторіи Лангедока (Histoire générale de Languedoc: первый томъ вышелъ въ 1730 году, пятый — въ 1745 году). Нужно далѣе упомянуть такія изданія, какъ Gallia christiana, начатое Дом-Сент-Мартомъ (de Sainte Marthe), L'art de verifier les dates (новое изданіе 1770 года), Nouveau traité de diplomatique (Dom Toustain и D. Tassin), долженствовавшій служить дополненіемъ и замѣною на латинскомъ языкѣ написанному знаменитому произведенію Мабилльона. Итакъ, пріостановка византійской коллекціи довольно понятна и естественна. Обращаясь къ тому, что было сдѣлано, мы должны повторить, что французскіе ученые юристы (Фабро, Валуа и Дюканжъ), доминиканцы и бенедиктинцы, при помощи королевскихъ грековъ, какъ назывались луврскіе шрифты, своею „Византиною" воздвигли прочный памятникъ французской науки, что они заложили вѣковой фундаментъ, на которомъ и до сихъ поръ основываются всѣ работы въ данной области. Именно то, что зданіе долго оставалось въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было возведено въ XVII вѣкѣ, доказываетъ и его прочность, и громадную трудность подобнаго рода предпріятій. Коллекція была, конечно, не безъ недостатковъ, и мы уже отмѣчали, что не всѣ отдѣльные ея томы отличались одинаковымъ достоинствомъ даже и въ своемъ родѣ. Общій и главный недостатокъ происходилъ, отчасти, отъ несовершенства пріемовъ тогдашней филологической критики, а еще болѣе отъ непреодолимыхъ затрудненій, иногда полной невозможности имѣть подъ рукою всѣ необходимые или даже просто лучшіе списки того или другаго произведенія. Не смотря на ученыя сношенія и связи съ Римомъ и Вати-

канскою библіотекою (преимущественно при посредствѣ Голстена), все-таки часто приходилось довольствоваться тѣмъ, что представляла Парижская королевская библіотека. Путешествія были затруднительны, подлинныя рукописи ни въ какомъ случаѣ не высылались, уже одинъ доступъ къ нимъ считался знакомъ великой милости и благодѣяніемъ, такъ что издателямъ естественно приходилось полагаться на колляціи, сдѣланныя другими, иногда не вполнѣ надежными лицами. Гораздо легче и удобнѣе сличать напечатанное, что̀ можно имѣть въ какомъ угодно количествѣ экземпляровъ, съ различными рукописными редакціями и кодексами, чѣмъ одну рукопись съ другою, если даже онѣ находятся въ одномъ книгохранилищѣ. Именно наиболѣе опытные сотрудники парижской Византины прилагали варіанты только въ концѣ своего изданія, не воспользовавшись ими надлежащимъ образомъ для установленія болѣе совершеннаго или просто болѣе исправнаго текста, даже въ томъ случаѣ, когда превосходство извѣстныхъ манускриптовъ, изъ которыхъ варіанты почерпались, было очевидно и заранѣе извѣстно; а въ большей части случаевъ текстъ издавался по одному какому-либо случайному, болѣе сподручному списку, а уже затѣмъ производилось сравненіе съ другими манускриптами, и тогда только обнаруживалось взаимное между ними отношеніе. Издатели не столько были филологи, сколько богословы и юристы, наконецъ историки, и потому интересовались не столько языкомъ, сколько предметомъ сочиненій. Согласно съ этимъ достоинства коллекцій заключаются не столько въ удовлетвореніи критическимъ требованіямъ, сколько экзегетическимъ. Издатели прежде всего заботились о пониманіи содержанія, объ уясненіи фактовъ и предметовъ, объ установленіи хронологіи тѣхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь у издаваемаго автора; первостепенное значеніе придавалось латинскому переводу, а затѣмъ объяснительнымъ примѣчаніямъ, исправленіе текста отступало на задній планъ. Даже Комбефизъ и Буавенъ, которыхъ нужно считать наиболѣе дѣльными и способными издателями, ограничивали свою задачу устраненіемъ однихъ вопіющихъ недостатковъ, болѣе полное и систематическое установленіе текста, по видимому, предоставляя будущему времени. Однако, отъ нихъ все-таки многому могли бы поучиться и позднѣйшіе работники въ данной области, потому что они ставили исправленіе текста, сколько это считали нужнымъ, въ зависимость не отъ однихъ только рукописей оригинала, но привлекали къ дѣлу и тѣхъ вторичныхъ позднѣйшихъ компиляторовъ, которые выписывали буквально текстъ своихъ предшественниковъ.

Въ экзегетикѣ византійскихъ писателей, въ раскрытіи ихъ содержанія французскіе издатели оказали заслуги громадныя, можно сказать, безпримѣрныя; никто до сихъ поръ не покушался замѣнить ихъ комментаріи къ отдѣльнымъ византійскимъ произведеніямъ, равно какъ не замѣнимыми остаются и общія вспомогательныя пособія, составленныя Дюканжемъ. Легко представить себѣ, сколько трудностей и всякаго рода препонъ мы встрѣчали бы при чтеніи любого византійца XI или XII вѣка, еслибы путь не былъ расчищенъ французами; мы осуждены были бы ощупью и не вдругъ добираться до самаго первоначальнаго пониманія географической и племенной номенклатуры писателя, чтобъ узнать, кого онъ разумѣетъ подъ скиѳами и персами, сарматами и саракинами, кельтами и тавроскиѳами, не говоря уже о явно искаженныхъ новогреческихъ формахъ въ передачѣ собственныхъ именъ отдѣльныхъ историческихъ личностей изъ рода франковъ. Если насъ теперь не особенно останавливаютъ и не повергаютъ въ окончательное уныніе названія многочисленныхъ византійскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, разнаго рода логоѳетовъ и доместиковъ, предъ которыми знакомство съ аттическою прозой оставляетъ насъ совершенно безпомощными, то опять-таки потому, что при любомъ изданіи мы найдемъ небольшой объяснительный словарь, удовлетворяющій первому простѣйшему запросу. Можно было бы долго продолжать перечисленіе такихъ устраненныхъ камней преткновенія. Замѣтимъ только, что въ виду такихъ заслугъ легко можно простить встрѣчающіеся по мѣстамъ недочеты и промахи. Нельзя бываетъ требовать полнаго и всесторонняго знанія тамъ, гдѣ дѣло изученія только начинается и гдѣ въ первый разъ раскрываются источники знанія. Не по своей винѣ самъ Дюканжъ не успѣлъ ознакомиться съ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго О придворномъ чинѣ, которое во многомъ дополнило бы и отчасти исправило его представленія какъ о топографіи Константинополя, такъ и о многихъ другихъ спеціальныхъ явленіяхъ византійскаго быта. Вслѣдствіе совершенно темныхъ и недостаточныхъ представленій о славянствѣ, о его роли въ судьбахъ Балканскаго полуострова, и объ его современномъ положеніи, переводчики не узнавали славянъ тамъ, гдѣ они прямо выводятся на сцену. „Славянскихъ Древностей“ Шафарика вѣдь еще не появлялось, о теоріи Фальмерайера не было и слуху; даже Гиббонъ, который здѣсь уже многому могъ бы научить, писалъ позднѣе. Благодаря тому и возможенъ былъ такой переводъ, что вмѣсто обращенія Пелопоннеса въ славянскую

страну говорилось въ латинскомъ текстѣ о порабощеніи полуострова; вмѣсто непріятнаго греку славянскаго лица являлось какое-то другое, сморщенное. Слова Константина Багрянороднаго (въ 6емахъ): ἐσθλαβωθη πᾶσα ἡ χωρα въ латинскомъ переводѣ будто бы значатъ: ceterum in servitutem redacta fuit universa regio, и γαρασδοειδὴς ὄψις ἐσθλαβωμένη, насмѣшливое и бранное прозваніе, данное природнымъ греческимъ остроумцемъ уроженцу Пелопоннеса, будто бы значило „vieta facies in servitutem redacta“. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и болгарскіе болıи, боляре, βολίαδες, могли быть приняты за военныя метательныя машины, потому что для уразумѣнія слова служило пока только его видимое этимологическое сродство съ греческимъ глаголомъ βάλλω. Подобныя вещи въ свое время были простительны, онѣ перестали быть такими только въ настоящемъ столѣтіи. Но развѣ ихъ больше не встрѣчается?

Вскорѣ послѣ того, какъ заключилась серія парижской коллекціи византійцевъ, почувствовалась потребность новаго ихъ изданія. Этой потребности должна была удовлетворить предпринятая въ 1722 году книгопродавцемъ Яваріною въ Венеціи перепечатка парижскаго собранія, все-таки съ посвященіемъ королю Испанскому Филиппу V, внуку Людовика XIV [1]). Почти ничего хорошаго о венеціанскомъ изданіи не приходится сказать, кромѣ развѣ того, что здѣсь въ первый разъ появилось сочиненіе Генесія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, и что здѣсь подверглось пересмотру и нѣкоторому дополненію совершенно второстепенное добавленіе парижской коллекціи, извѣстное подъ именемъ Восточной хроники Петра Рахеби, составленное Авраамомъ Екхеленскимъ (см. выше). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и прежде всего въ отношеніи къ изяществу внѣшности, красотѣ и четкости шрифта это будетъ шагъ назадъ. Самое худшее то, что текстъ вслѣдствіе плохой корректуры страдаетъ большими неисправностями, иногда совсѣмъ почти не годенъ, какъ въ изданіи Малалы. Венеціанскимъ изданіемъ можно пользоваться только по необходимости, когда нельзя имѣть подъ руками лучшаго, то-есть, ни парижскаго, ни боннскаго. Кто имъ пользуется все-таки долженъ оговариваться и, кромѣ того, означать число страницъ парижскаго изданія, которое повторяется на поляхъ какъ въ венеціанскомъ, такъ и въ боннскомъ.

---

[1]) Byzantinae historiae scriptores in unum corpus redacti et cet. gr. et lat. 23 (иногда 27 или 37) tomi—Venetiis. Iavarina. 1722—1733.

Переходимъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ независимо отъ лувръской коллекціи и внѣ Франціи, въ Англіи и Германіи. Здѣсь мы должны обратиться нѣсколько назадъ и начать съ хроники, которая появилась нѣсколько ранѣе означеннаго въ заглавіи періода, именно въ концѣ XVII столѣтія. Разумѣемъ хронографію Іоанна Малалы (Joannis Malalae chronographia).

Собраніе греческихъ рукописей Оксфордскаго университета (Bodleiana), пріобрѣтенныхъ въ Италіи изъ библіотеки Бароччи, содержитъ въ себѣ единственную извѣстную рукопись хроники Іоанна Малалы. Ученые изслѣдователи XVII столѣтія при своихъ ревностныхъ занятіяхъ древнею хронологіею не могли оставить безъ вниманія этого мало привлекательнаго писателя; въ правленіе Карла I имъ занимались одинъ въ слѣдъ за другимъ двое изъ оксфордскихъ ученыхъ,— Грегори (John Gregory † 1646) опредѣлилъ имя автора хроники; хотя рукопись не имѣла ни заглавія, ни начала, ни конца, но онъ убѣдился и показалъ, что именно изъ этой хроники приводятся цитаты въ другихъ византійскихъ произведеніяхъ, называющихъ цитуемаго автора Іоанномъ Малалою. Е. Чайлмидъ (Edm. Chilmead), знатокъ музыки и ученый математикъ, перевелъ хронику на латинскій языкъ и присоединилъ свои примѣчанія, но онъ не успѣлъ издать ее, такъ какъ при визитаціи, назначенной парламентомъ въ 1648 году, онъ за свои роялистическія убѣжденія былъ удаленъ изъ коллегіи Христовой церкви (Christ Church College) и умеръ въ 1653 году, прежде чѣмъ представилась возможность вновь обратиться къ прежнимъ занятіямъ. По прошествіи почти сорока лѣтъ кураторы издательскаго университетскаго фонда, завѣщаннаго архіепископомъ Кентерберійскимъ Шельдономъ (при Карлѣ II), рѣшили издать текстъ хроники, обработанный Чайлмидомъ. Оставаясь еще въ рукописи, хроника сдѣлалась довольно извѣстною по ссылкамъ на нее англійскихъ ученыхъ Сельдена, Ушера, Пирсона, Ллойда. Гемфри Годи (Humphrey Hody), туторъ въ одной изъ университетскихъ коллегій (Wadham college), извѣстный своими близкими отношеніями и дружбою со знаменитымъ филологомъ Бентли, вмѣстѣ съ коимъ онъ былъ тогда назначенъ капелланомъ при епископѣ Ворчестерскомъ, принялъ на себя обязанность написать введеніе. Онъ былъ хорошій ученый и справился со своею задачей удовлетворительнымъ образомъ; по крайней мѣрѣ тогда и долго послѣ казалось, что онъ прекрасно разрѣшилъ всѣ вопросы объ авторѣ хроники и о времени ея написанія. Высшій надзоръ за изданіемъ порученъ былъ Джону

Миллю (Mill), ректору St.-Edmund Hall'a, который оставилъ прочный памятникъ своей учености своимъ позднѣйшимъ изданіемъ Новаго Завѣта. Однажды, во время прогулки вмѣстѣ съ Бентли, у нихъ зашла рѣчь о хроникѣ Малалы, и Бентли, тогда еще не успѣвшій прославиться—его разсужденіе о письмахъ Фаларида, столь извѣстное въ исторіи филологіи, еще не появлялось въ свѣтъ,—но обладавшій уже, не смотря на свою молодость (ему было 22 года), глубокою филологическою ученостью, выразилъ желаніе познакомиться съ книгою прежде ея обнародованія. Милль согласился, съ условіемъ, что Бентли сообщитъ письменно замѣчанія, какія ему представятся при чтеніи. Бентли получилъ корректурные листы текста хроники, но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ оставить Лондонъ и отправиться къ своему епископу, то замедлилъ исполненіемъ обѣщанія, и только вслѣдствіе напоминаній и настоятельныхъ требованій Милля сообщилъ наконецъ свои замѣчанія къ Малалѣ въ формѣ письма Миллю. Въ іюнѣ 1691 года явилась хроника съ введеніемъ (Prolegomena) Годія, съ переводомъ Чайлмида на латинскій языкъ, съ примѣчаніями ихъ обоихъ и съ письмомъ Бентли въ видѣ приложенія. Хотя въ исторіи просвѣщенія и науки гораздо болѣе общій и высокій интересъ имѣетъ то, что принадлежитъ перу геніальнаго критика-филолога, однако для нашей византійской точки зрѣнія на первомъ мѣстѣ должно стоять не письмо Бентли, а Prolegomena Годія и примѣчанія Чайлмида. О послѣднихъ нужно сказать, что они обличаютъ довольно большую начитанность въ греческой литературѣ, не исключая тѣхъ византійскихъ авторовъ, которые уже были изданы во Франціи (Прокопій, Кедринъ), но они не представляютъ особеннаго значенія, состоятъ большею частью въ указаніи параллельныхъ мѣстъ; дополненія, которыя понадобились, сдѣланы Годіемъ; онъ же вновь пересмотрѣлъ кодексъ и сдѣлалъ много поправокъ въ чтеніяхъ Чайлмида. Чтобъ имѣть начало, недостающее въ оригиналѣ, заимствовано нѣсколько страницъ изъ другой византійской хроники, которую издатель считалъ хроникою Амартола. Всего важнѣе Prolegomena, которыя надолго опредѣлили взглядъ на значеніе хроники Малалы, и такъ какъ если не своимъ историческимъ содержаніемъ, то по крайней мѣрѣ своими отношеніями къ славянской литературѣ, эта хроника имѣетъ для русскихъ ученыхъ большую цѣнность, то мы и должны остановиться на мнѣніяхъ о ней перваго издателя.

Своимъ Prolegomena Годи предпослалъ еще краткое предувѣдомленіе, гдѣ разсуждаетъ объ имени автора хроники, которое ока-

зывается сирійскимъ словомъ, означающимъ ритора или софиста, и по гречески передается Μαλάλας или Μαλέλας; но по мнѣнію Годія, лучше удерживать сирійскую форму Малала, признавая это слово не склоняемымъ. Бентли противъ такого словоупотребленія, однако возставалъ. Первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ предисловіи, состоялъ, конечно, въ томъ, кто былъ и когда писалъ Іоаннъ Малала, называемый иногда по мѣсту своего происхожденія Антіохійскимъ. Съ начала доказывается обширно и подробно, что Іоанна Малалу не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Іоанномъ, постоянно именуемымъ Антіохійскимъ, такъ какъ и писатели ихъ отличаютъ; хотя и первый родомъ былъ также изъ Антіохіи, какъ видно изъ содержанія его хроники, а также изъ свидѣтельства Іоанна Дамаскина, однако ему обыкновенно не придается такое прозваніе, а у Константина Багрянороднаго въ его Извлеченіяхъ поставлены рядомъ, какъ два различные писателя Іоаннъ Малала и Іоаннъ Антіохійскій. Не нужно смѣшивать Малалу и съ тѣмъ хронографомъ Іоанномъ, который упомянутъ въ церковной исторіи Евагрія и былъ его современникомъ, слѣдовательно, жилъ во время Юстиніана. Фоссъ и Ф. Лаббъ называли этого послѣдняго писателя Антіохійскимъ ошибочно, потому что упоминаемый Евагріемъ историкъ происходилъ не изъ Антіохіи, а былъ Іоаннъ Епифанійскій, какъ вѣрно указалъ Валезій въ примѣчаніяхъ къ Евагрію Далѣе исправляется ошибочное мнѣніе тѣхъ, которые считали Малалу епископомъ Антіохійскимъ—на основаніи ссылки въ третьемъ словѣ противъ иконоборцевъ, принадлежащемъ (будто бы) Іоанну Дамаскину: Ἰωάννου Ἀντιοχείας τοῦ καὶ Μαλάλα. Такая формула не всегда указываетъ на епископство въ данномъ городѣ, но нерѣдко употребляется просто для обозначенія принадлежности къ гражданамъ или жителямъ названнаго города. Притомъ въ спискахъ Антіохійскихъ патріарховъ въ промежутокъ времени между Анастасіемъ Синаитомъ, который писалъ въ концѣ VI вѣка, и XI столѣтіемъ не встрѣчается никакихъ Іоанновъ; при этомъ цитуются каталоги патріарха Никифора и Евтихія Александрійскаго. Устраняются, сверхъ того, явно неудачныя предположенія Комбефиза, который готовъ былъ отожествлять Малалу съ Іоанномъ Діакриномономъ и другимъ Іоанномъ-Пресвитеромъ, между тѣмъ какъ оба они писали ранѣе Анастасія, предшественника Юстиніана, о царствованіи котораго уже повѣствуется въ хроникѣ Малалы. Переходя къ вопросу, кто же былъ и когда жилъ нашъ Іоаннъ Малала, Годи указываетъ на мнѣніе Чайлмида и Ллойда о современности Малалы съ царствованіемъ

Юстиніана, но сейчасъ же оговаривается, что никакъ нельзя съ увѣренностью утверждать, будто онъ кончилъ писать въ 38-мъ или 37-мъ году правленія этого государя; если хроника и кончается въ самомъ дѣлѣ этими годами, то нужно знать, что единственный дошедшій до насъ экземпляръ (Barocciauus) Бодлеевой библіотеки— неполный, съ утраченными въ концѣ листами. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ Малала писалъ ранѣе 900 года, ибо его сочиненіе приводится въ Извлеченіяхъ Константина Багрянороднаго. Но едва ли онъ былъ современникомъ Юстиніану, и сомнительно, чтобы онъ трудился вскорѣ послѣ его смерти. Противъ этого говоритъ, напримѣръ, то, что по поводу событія, относящагося къ началу царствованія Юстиніана, къ 528 году, Малала ссылается на документы городскаго антіохійскаго архива, а не на какія-либо сообщенія очевидцевъ и современниковъ. Рѣчь идетъ о переименованіи Антіохіи въ Θеуполь, и вотъ съ какимъ замѣчаніемъ: въ хартіяхъ, содержавшихъ въ себѣ акты города, было найдено, что жители сочувственно приняли переименованіе и заявили о своей радости громкими восклицаніями. Болѣе позднее время автора доказывается и тѣмъ, что въ изложеніи царствованія Юстиніана, хотя и довольно подробномъ, часто допускаются ошибки, а иногда обнаруживается несомнѣнная путаница. Годи приводитъ много тому примѣровъ, обличая промахи на основаніи Прокопія, на основаніи новеллъ и надписанія приводимыхъ въ Кодексѣ узаконеній. Далѣе, и это будетъ уже третій пунктъ, Малала иногда проходитъ молчаніемъ важныя и близко касающіяся его родины событія, относящіяся ко времени Юстиніана, напримѣръ, взятіе Антіохіи Сассанидскимъ царемъ Хозроемъ Нушірваномъ (въ 542 году). Правда, что въ латинскомъ переводѣ хроники Малалы, сдѣланномъ Чайлмидомъ, встрѣчаются мѣста, какъ бы указывающія на современность автора событіямъ времени Юстиніана, но Годи доказываетъ, что эти мѣста внушаютъ такое представленіе только по неточности или неправильности перевода.

Аргументы, приводимые ученымъ XVII столѣтія въ доказательство того положенія, что Малала писалъ позднѣе Юстиніана, не лишены, конечно, смысла, даже и теперь сохраняютъ нѣкоторый вѣсъ' но, кромѣ перваго, они ослабляются тѣмъ соображеніемъ, что, какъ теперь яснѣе раскрылось, трудъ Малалы въ Оксфордскомъ спискѣ сохранился не въ подлинномъ видѣ, а въ передѣлкѣ, что помимо пропавшихъ листовъ въ концѣ, въ немъ есть пропуски и по срединѣ Отчасти приводило къ догадкѣ о пропускахъ и сравненіе греческаго

подлинника со славянскимъ переводомъ, когда онъ сдѣлался извѣстнымъ — впрочемъ первоначально только русскимъ ученымъ; но болѣе важныя открытія, какъ видно будетъ ниже, относятся къ самому новому времени. Пропуски и ошибки могутъ принадлежать не первоначальному оригиналу, а переработкѣ или сокращенію.

Совсѣмъ неудачны были дальнѣйшія разсужденія Годія. Онъ старается доказать, что Малала, мало того, что не былъ современникомъ Юстиніана, но и принадлежалъ къ гораздо позднѣйшей эпохѣ, что онъ жилъ не ранѣе VIII вѣка, скорѣе даже въ IX вѣкѣ, такъ какъ-де ссылается на хронографа Климента, а этотъ Климентъ будто бы жилъ не ранѣе императора Константина Погоната († 685). На чемъ основано послѣднее предположеніе? Въ хронологическихъ замѣткахъ о Константинопольскихъ древностяхъ (Enarrationes chronologicae), тогда извѣстныхъ по изданію Ламбеція, сказано, что извѣстнаго рода статуи Климентъ считалъ произведеніемъ Константія, сына Константина (см. Banduri, Imperium orientale I, 102) Обыкновенно разумѣютъ здѣсь Константина Великаго и его сына императора Константія, и конечно, справедливо. На основаніи нѣкоторыхъ ухищренныхъ соображеній, Годи полагаетъ, что подъ Константиномъ слѣдуетъ разумѣть Константина Погоната. Рядомъ съ Климентомъ у Малалы приводится нѣсколько разъ имя Θеофила сего Θеофила Годи вздумалъ отожествлять съ какимъ-то маронитомъ этого имени, уроженцемъ Едессы, упомянутымъ у Абульфараджа, и написавшимъ какое-то сочиненіе на сирійскомъ языкѣ около 785 года. Годію, вѣроятно, было не извѣстно существованіе другаго Θеофила, составителя Пасхальнаго цикла около 380 года, находимаго въ рукописяхъ вслѣдъ за Fasti Idatiani [1]); по характеру цитатъ нужно предполагать именно такое произведеніе, но, конечно, оно будетъ гораздо болѣе раннимъ. Тимоѳей, именуемый у Малалы въ товариществѣ съ Климентомъ и Θеофиломъ, упомянутъ въ Фастахъ Идація подъ 390 годомъ [2]). На этихъ самыхъ Климента, Θеофила и Тимоѳея ссылается Гезихій въ отрывкѣ, который сохраненъ для насъ Анастасіемъ Синаитомъ и представляетъ большое сходство съ текстомъ Малалы. Если Гезихія цитовалъ Анастасій Синаитъ, то значитъ, Гезихій жилъ и писалъ не позже Маврикія, при которомъ жилъ

---

[1]) *Holder-Egger*, Untersuchungen uber einige annalistische Quellen zur Geschichte des funften und sechsten Jahrhunderts, *Neues Archiv* II, 70, 71, 84.

[2]) Ibid., II, 70. Ср. Socrat. eccles. histor. IV, 27, V, 12.

послѣдній. Проистекающее отсюда возраженіе противъ его соображеній о времени Ѳеофила и Климента Годи старается устранить тѣмъ замѣчаніемъ, что имѣющійся въ виду фрагментъ Гезихія находится-де не въ самомъ текстѣ Анастасія, а въ приложеніи, гдѣ будто бы есть вставки; онъ готовъ доказывать, что Гезихій тоже былъ писатель гораздо болѣе поздній, чѣмъ думаютъ, IX приблизительно вѣка, такъ что тотъ отрывокъ, гдѣ идетъ рѣчь о Ѳеофилѣ и Климентѣ, онъ могъ заимствовать у Малалы, своего современника. Все это весьма произвольно [1]).

Самый характеръ сочиненія, по мнѣнію Годія, свидѣтельствуетъ о принадлежности его къ очень позднему вѣку, къ чисто византійскому періоду. Нашъ авторъ до такой степени лишенъ прямаго смысла и чуждъ здраваго человѣческаго сужденія, до такой степени пустъ и мелоченъ, такъ дорожитъ всякимъ вздоромъ, что къ нему вполнѣ идутъ слова Скалигера, сказанныя о другомъ хронистѣ Кедринѣ: quisquiliarum stabulum, куча сору. Такъ не могъ писать современникъ Юстиніана, современникъ Прокопія и Агаѳія, писателей, еще сохранявшихъ лучшія преданія классическаго искусства; такой писатель достоинъ развѣ только IX вѣка, одного изъ наиболѣе темныхъ и печальныхъ въ исторіи. Самый слогъ и языкъ носятъ печать варварства, чужды всякаго изящества, еще не утраченнаго въ вѣкъ Юстиніана. Эти замѣчанія Годія не лишены основательности, хотя противъ нихъ высказался уже Рейске, филологъ XVIII вѣка (издатель De cerimoniis Константина Багрянороднаго, см. ниже): Годію не слѣдовало забывать, что онъ имѣетъ дѣло не съ урожденнымъ грекомъ, а жалкимъ сирійцемъ, homo Syrus; а съ другой стороны, развѣ въ IX вѣкѣ въ Сиріи преобладалъ не арабскій языкъ, а сирійскій, и развѣ тогда могли еще даваться прозванія на сирійскомъ языкѣ? Годію слѣдовало бы сравнить по языку своего Малалу съ Іоанномъ Антіохійскимъ, но онъ этого не сдѣлалъ; новѣйшій изслѣдователь вопроса пришелъ такимъ путемъ къ весьма важнымъ выводамъ, отчасти въ такомъ же направленіи, какъ въ Prolegomena Годія [2]).

---

[1]) Къ удивленію нашему, и Гельцеръ въ превосходномъ своемъ изслѣдованіи объ Африканѣ склоняется къ мнѣнію, что Гезихій, по его представленію, жившій ранѣе Юстиніана и Маврикія, заимствовалъ данное мѣсто у Малалы. *Gelzer*, Sextus Iulius Africanus (Leipzig. 1880), II, 132

[2]) Не ясно, къ какому времени Годи относитъ Іоанна Антіохійскаго. Онъ приводитъ одно мѣсто изъ Тцетцеса (Chiliad. II, v. 30—34), гдѣ упомянутъ

Затѣмъ Годи старается отклонить возможныя и предусматриваемыя имъ возраженія противъ своего тезиса о принадлежности Малалы IX вѣку. Противъ этого можетъ говорить: 1) подробность и хронологическая обстоятельность въ повѣствованіи о времени Юстиніана и пріуроченій отдѣльныхъ событій не только къ годамъ, но къ мѣсяцамъ и днямъ; 2) то обстоятельство, что Малала не называетъ Юстиніана Старшимъ или Великимъ (что именно первоначально и означало только старшинство предъ позднѣйшимъ соименникомъ), какъ обязанъ былъ бы сдѣлать, еслибы имѣлъ въ виду еще позднѣйшее правленіе Юстиніана Ринотмета (VII вѣка); 3) то, что на Малалу ссылается Іоаннъ Дамаскинъ въ третьей книгѣ своего сочиненія о поклоненіи иконамъ, а извѣстно, что Дамаскинъ принадлежитъ къ VIII вѣку, никакъ не къ девятому, и наконецъ, 4) то, что въ Пасхальной хроникѣ, составленной въ VII столѣтіи, во время Ираклія, уже встрѣчаются явныя заимствованія изъ Малалы. Противъ этого Годи замѣчаетъ: 1) подробность и обстоятельность Малалы въ описаніи царствованія Юстиніана объясняется не тѣмъ, что онъ былъ современникомъ сего государя, а только тѣмъ, что пользовался современными и хорошими источниками; 2) если онъ не называетъ Юстиніана I Старшимъ или Великимъ, то это чисто случайное явленіе, не имѣющее значенія—въ виду того, что и Юстина I, предшественника Юстиніанова, онъ не называетъ Старшимъ или Великимъ, хотя, конечно, дожилъ до времени втораго Юстина, непосредственнаго преемника Юстиніанова; 3) принадлежность третьей книги объ иконахъ Іоанну Дамаскину сомнительна, ибо есть много другихъ произведеній, ложно подписываемыхъ именемъ Дамаскина.

Если первые два отвѣта на предполагаемыя возраженія можно признать правильными, то третій, сейчасъ приведенный, не состоятеленъ. Третья книга Дамаскина совсѣмъ не отличается по содержанію отъ предыдущей второй; но еслибы даже она и не принадлежала Іоанну Дамаскину, то отъ этого никакой пользы Годію нельзя было,

---

Іоаннъ изъ Антіохіи послѣ Діодора и хронографа Георгія, и готовъ принять въ очень точномъ смыслѣ выраженія византійскаго стихоплета (ὑστέρως), изъ котораго выходитъ, что Іоаннъ Антіохійскій жилъ послѣ Георгія — Синкелла, думаетъ Годи, то-есть, опять въ IX вѣкѣ; но на этомъ соображеніи не останавливается, такъ какъ оно важно только для тѣхъ, кто полагаетъ, что у Тцетцеса подъ Іоанномъ изъ Антіохіи разумѣется Малала, а самъ Годи этого не думаетъ и потому ограничивается только тѣмъ, что рекомендуетъ аргументъ на всякій случай своимъ читателямъ, не вполнѣ во всемъ съ нимъ согласнымъ

по настоящему, извлечь для своихъ цѣлей, потому что, какъ послѣ указалъ Лекьенъ (1, 306, а за нимъ Диндорфъ), обѣ книги—вторая и третья—написаны во всякомъ случаѣ при Львѣ Исаврѣ, послѣ низложенія патріарха Германа, но прежде чѣмъ противъ царя произнесено было на востокѣ рѣшительное осужденіе. 4) О Пасхальной хроникѣ-Годій разсуждаетъ такъ, что вѣдь и въ ней замѣчаются различныя составныя части, и есть въ ней позднѣйшія большія вставки, слѣдовательно, и то, что̀ есть въ ней общаго съ Малалою, могло быть вставлено позднѣе; притомъ нужно припомнить, что и самъ Малала списывалъ у другихъ, какъ это видно изъ несообразностей въ изложеніи, хотя и подробномъ, царствованія Юстиніана; Пасхальная хроника могла случайно напасть на тѣ же источники, которыми пользовался и Малала, если ей еще рано было заимствоваться прямо у Малалы. Нѣкоторую благовидность такому явно неправдоподобному предположенію придаетъ то наблюденіе, сдѣланное Годіемъ и доказывающее его проницательность и внимательность изученія, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ общаго съ Малалою содержанія Пасхальная хроника отличается, при буквальномъ сходствѣ выраженій, все-таки большею полнотою разказа и большею его послѣдовательностью. Но и это наблюденіе не послужитъ въ пользу тезиса, защищаемаго Годіемъ, какъ скоро мы допустимъ, что авторъ Пасхальной имѣлъ въ своихъ рукахъ лучшую, болѣе полную и болѣе первоначальную редакцію Малалы, чѣмъ та, которую намъ сохранилъ списокъ Бодлеевой библіотеки.

Вопросъ о Малалѣ вступилъ въ новую стадію послѣ появленія (въ 1872 г.) статьи Моммсена „Объ отрывкахъ Іоанна Антіохійскаго и Іоанна Малалы“ [1]), въ которой сообщены были въ болѣе полномъ видѣ отчасти уже приведенные въ извѣстность (Muller, Fragm. Historic. graec. t. V) фрагменты обоихъ, вновь найденные въ Мадритскомъ кодексѣ. Мадритскій кодексъ содержитъ въ себѣ очень рѣдкій въ рукописяхъ отдѣлъ (титулъ) Извлеченій Константина Багрянороднаго изъ предшествовавшихъ писателей, именно отдѣлъ о заговорахъ (περὶ ἐπιβουλῶν), и вотъ—нѣкоторые случаи, могущіе подойдти подъ категорію заговоровъ и относящіеся ко времени Юстиніана, заимствованы здѣсь изъ Малалы. Непосредственно выше читаются отрывки изъ Іоанна Антіохійскаго—безъ особаго указанія, гдѣ кон-

[1]) *Th. Mommsen*, Bruchstucke des Johannes von Antiochia und des Johannes Malalas: *Hermes* VI (1872), 323—383.

чаются одни и начинаются другіе, ибо въ рукописи въ промежуткѣ оставлено только пустое мѣсто, а предположеннаго заглавія, для слѣдующаго за Іоанномъ Антіохійскимъ писателя нѣтъ. Есть только заглавіе въ началѣ отрывковъ Іоанна Антіохійскаго, указывающее имя этого писателя, и есть замѣчаніе въ концѣ отрывковъ изъ другаго писателя, указывающее, что здѣсь конецъ исторіи Іоанна по прозванію Малалы о заговорѣ (τέλος — — περὶ ἐπιβουλῆς). Другими словами: нѣтъ замѣтки о томъ, что въ данномъ пунктѣ кончилась исторія Іоанна Антіохійскаго, и нѣтъ другой замѣтки тутъ же, что начались выписки изъ Малалы; тѣмъ не менѣе, кромѣ оставленнаго чистаго мѣста въ промежуткѣ, о раздѣльности частей свидѣтельствуетъ и хронологическій поворотъ назадъ въ статьяхъ, слѣдующихъ за пробѣломъ и оканчивающихся означенною замѣткой объ окончаніи исторіи Малалы. Это обстоятельство не лишено значенія, и потому мы его отмѣтили. Но главнымъ образомъ нужно обратить вниманіе на слѣдующее: фрагменты Іоанна Антіохійскаго, давно извѣстнаго и отличнаго отъ Малалы хронографа, къ сожалѣнію, совсѣмъ не дошедшаго до насъ въ самостоятельномъ, отдѣльномъ видѣ, простираются въ Мадритскомъ кодексѣ далѣе времени Юстиніана и Юстина II; тутъ оказываются три статьи, относящіяся къ императору Маврикію и двѣ къ императору Фокѣ. Отчего же извлеченія изъ Малалы, первоначально параллельныя, не идутъ столь далеко? Очевидно, потому, что Малала не разказывалъ о томъ, о чемъ разказывалъ Іоаннъ Антіохійскій. Вѣдь компиляторы, работавшіе для Константина Багрянороднаго, не стѣснялись повторять одно и то же по содержанію, напротивъ съ особенною охотою сообщали различныя, даже совершенно близкія, версіи одного и того же разказа у различныхъ писателей; есть много событій изъ предыдущаго времени, о которыхъ намъ самыя Извлеченія даютъ возможность знать и по Іоанну Антіохійскому, и по Малалѣ. Поэтому, казалось, съ полнымъ правомъ Моммсенъ указывалъ на то, что мадритскіе отрывки независимо отъ оксфордской рукописи (не имѣющей, какъ мы знаемъ, конца) даютъ возможность отвѣчать на оба вопроса, и притомъ вполнѣ достовѣрно: и чѣмъ кончилъ свою исторію Малала, и когда онъ жилъ. Хотя отрывки идутъ нѣсколько далѣе въ предѣлахъ царствованія Юстиніана, чѣмъ нашъ оксфордскій текстъ, но только на нѣсколько лѣтъ, и очень вѣроятно, что пробѣлъ въ концѣ кодекса восполняется ими почти вполнѣ. А что авторъ ихъ жилъ вскорѣ послѣ Юстиніана, всего скорѣе при Юстинѣ II, это стано-

вится еще болѣе, чѣмъ прежде, очевиднымъ изъ самаго характера фрагментовъ. Именно Моммсенъ указалъ на то еще болѣе важное обстоятельство, что Константиновы извлеченія изъ Малалы особенно въ концѣ, то-есть, въ восемнадцатой книгѣ его исторіи, представляютъ текстъ во многомъ отличный отъ оксфордскаго, и притомъ не то чтобы болѣе сжатый, а напротивъ болѣе полный и подробный, и несравненно болѣе исправный, чѣмъ текстъ прежде напечатанный Годіемъ. Въ этомъ видѣ извѣстія Малалы становятся несравненно болѣе цѣнными, носятъ на себѣ всѣ признаки современности и во всякомъ случаѣ являются самостоятельными, такъ какъ иныя изъ нихъ ни у кого другаго изъ болѣе раннихъ писателей не встрѣчаются. Что же касается отношенія къ позднѣйшимъ хроникамъ, то при сравненіи мадритскихъ отрывковъ съ соотвѣтствующими мѣстами Ѳеофана, который несомнѣнно пользовался Малалою, на первый взглядъ представлялось, что отрывки содержатъ въ себѣ именно ту редакцію или тотъ текстъ, какой былъ подъ руками у Ѳеофана, потому что сходство между вновь отысканными фрагментами и Ѳеофаномъ несравненно больше, чѣмъ сходство между оксфордскимъ текстомъ Малалы и Ѳеофаномъ. Послѣдовалъ рядъ статей, въ которыхъ указанія Моммсена получили дальнѣйшее развитіе. Одинъ изъ ученыхъ подвергъ точному изслѣдованію оксфордскій (Бароччіанскій) кодексъ и убѣдился, что находящіеся въ немъ пробѣлы—такіе есть не только въ концѣ, но и въ срединѣ, — произошли просто отъ выпаденія листовъ въ разныхъ мѣстахъ, и что въ самомъ концѣ утрачено, судя по внѣшнимъ признакамъ, очень не многое, такъ что и по матеріальнымъ даннымъ разказъ не могъ выходить изъ предѣловъ времени Юстиніана [1]). Другой ученый продолжалъ сравненіе Ѳеофана съ Малалою по отрывкамъ и старался наглядно доказать ближайшее сходство именно между ними и текстомъ Ѳеофана, откуда и заключалъ, что Ѳеофанъ пользовался болѣе полною редакціей Малалы, чѣмъ изданная по оксфордскому списку, что послѣдній представлялъ уже переработку и сокращеніе первоначальной редакціи; сверхъ того, этотъ ученый считалъ возможнымъ прослѣдить, до какого именно пункта достигаетъ у Ѳеофана пользованіе Малалою, чтобъ этимъ путемъ въ то же время рѣшить вопросъ о пунктѣ, на которомъ оканчивалось сочиненіе Малалы, и результатъ оказывался совпадающимъ съ тѣмъ, что̀ думали

---

[1]) *K. Joh. Neumann*, Der Umfang der Chronik des Malalas in der Oxforder Handschrift: *Hermes* XV, 351.

прежде и что вновь высказалъ Моммсенъ [1]). Третій нѣмецкій изслѣдователь наконецъ вывелъ на сцену давно извѣстный русскимъ ученымъ старославянскій переводъ Малалы, о которомъ прежде предполагалось, что онъ можетъ содѣйствовать къ восполненію недостающаго въ подлинникѣ начала и къ исправленію недостатковъ Оксфордскаго изданія [2]). Болѣе точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ русской наукѣ и нѣкоторыя важныя указанія для дальнѣйшей разработки вопроса сообщены были по этому поводу И. В. Ягичемъ [3]). На основаніи этой

---

[1]) *L. Jeep.* Die Lucken in der Chronik des Malalas; *Rheinisches Museum fur Philologie* XXXVI (1881), pag. 351—361.

[2]) *Herrm. Haupt*, Ueber die altslavische Uebersetzung des Joh. Malalas: *Hermes* XV, 230—275.

[3]) *Jagić*, Zum altslavischen Malalas: ibid., 335—237. Цѣльнаго славянскаго перевода Малалы, который сдѣланъ былъ пресвитеромъ Григоріемъ при болгарскомъ князѣ Симеонѣ, до насъ не дошло, а сохранились только его отрывки болѣе или менѣе значительные въ разныхъ сборникахъ. Первый, кто обратилъ на нихъ вниманіе и сдѣлалъ у насъ извѣстнымъ имя Малалы, былъ кн. *Оболенскій*. Въ своемъ введеніи къ изданному имъ лѣтописцу Переяславля Суздальскаго (*Временникъ* Московскаго Общества исторіи и древностей IX, 1851 г.) онъ описываетъ сборникъ XV вѣка (Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ), содержащій въ себѣ, кромѣ лѣтописи, и значительныя извлеченія изъ хроники Малалы, доходящія здѣсь до времени Веспасіана, то-есть, только до десятой книги подлинника. Въ статьѣ князя Оболенскаго приводятся многіе отрывки, сопоставляемые съ греческимъ оксфордскимъ подлинникомъ. Тотъ же самый сборникъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ описывается у *И. И. Срезневскаго* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ, LXXXIV (*Записки Императорской Академіи Наукъ* 1879 г., томъ XXIV, приложеніе). Въ сочиненіи *А. Н. Попова*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи (Москва. 1866) содержатся указанія на мѣста, вошедшія изъ Малалы въ первый *Еллинскій лѣтописецъ*, и тоже приведены нѣкоторыя статьи. Затѣмъ о Малалѣ говорится въ „Изслѣдованіяхъ и замѣткахъ“ князя М. А. Оболенскаго (С.-Петербургъ. 1875 г.), стр. 144, и здѣсь еще разъ приведены нѣкоторыя выписки стр. 302, 303, 328, 329. Послѣднія изъ нихъ относятся къ позднѣйшему времени, къ царствованію Юстиніана, и заимствованы изъ Еллинскаго лѣтописца (по синодальной рукописи). Князь Оболенскій замѣтилъ, что въ славянскомъ переводѣ встрѣчаются нѣкоторыя мелкія отличія отъ греческаго текста по Оксфордской рукописи, болѣе сближающія славянскій текстъ съ изложеніемъ Ѳеофана (имена гуннскихъ князей, пропущенныя въ изданіи Годія находятся въ славянскомъ и у Ѳеофана). Наконецъ, въ „Описаніи рукописей Виленской публичной библіотеки“ *Добрянскаго* (Вильна. 1882) описывается (стр. 246—254) хронографъ, принадлежавшій прежде Супрасльскому монастырю и очевидно родственный по содержанію съ первою частію сборника Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, то-есть, содержащій въ себѣ извлеченія

статьи можно пока сказать только то, что славянскій переводъ отступаетъ на второй планъ въ виду вновь открытыхъ подлинныхъ отрывковъ, и что, помимо начала онъ не представляетъ важныхъ данныхъ и совершенно ясныхъ указаній по поводу возбужденныхъ вопросовъ, то-есть, какъ по вопросу о первоначальномъ текстѣ, такъ и по вопросу объ объемѣ сочиненія Малалы. Тѣ его части, которыя вошли въ составъ Еллинскаго хронографа, все-таки ближе къ тексту Извлеченій Багрянороднаго, чѣмъ къ оксфордской редакціи, хотя есть легкія отличія и отъ перваго. Что же касается важнѣйшаго московскаго списка, представляющаго переводъ Малалы времени Болгарскаго царя Симеона, то, къ сожалѣнію, онъ заключаетъ въ себѣ только начальныя части хроники, гдѣ не представляется возможности сравненія съ текстомъ фрагментовъ. Впрочемъ, на указанныхъ изслѣдованіяхъ дѣло не остановилось. Мы еще должны отмѣтить замѣчательную статью ученаго грека (въ Одессѣ), г. Сотиріадиса объ Іоаннѣ Антіохійскомъ [1]). Для вопроса о Малалѣ всего болѣе имѣетъ значеніе критическое разсмотрѣніе тѣхъ отрывковъ мадритской рукописи, которые приписаны Іоанну Антіохійскому и простираются за предѣлы царствованія Юстиніана. Вопреки Моммсену, Сотиріадисъ полагаетъ, что они никакъ не могутъ принадлежать Іоанну Антіохійскому, а напротивъ, должны быть отнесены на счетъ Малалы, такъ что вновь пріобрѣтенная, казалось, твердая почва опять колеблется. Малалѣ должны принадлежать и тѣ вышеупомянутые фрагменты о царяхъ Маврикіѣ и Фокѣ, что снова отбрасываетъ насъ если не въ IX столѣтіе, какъ хотѣлъ Годій, то по крайней мѣрѣ въ VII, въ эпоху Ираклія. На чемъ же основаны такія заключенія? Внимательно изучивъ отрывки Іоанна Антіохійскаго, несомнѣнно и безспорно ему принадлежащіе, Сотиріадисъ показываетъ убѣдительно и наглядно, что стиль и языкъ этихъ статей совершенно другой, чѣмъ въ статьяхъ о Юстинѣ II, о Маврикіѣ и Фокѣ. Іоаннъ Антіохійскій является писателемъ, не лишеннымъ вкуса, не чуждымъ классическаго образованія; онъ всегда соблюдаетъ требованія чистоты и правильности языка, держится съ успѣхомъ традицій аттической прозы. Если сравнить несомнѣнно ему принадлежащія статьи съ таковыми же статьями Малалы, особенно

изъ Малалы. Отрывокъ о *Совѣ*, составляющій славянскую дополнительную статью и здѣсь приведенный, былъ уже напечатанъ княземъ Оболенскимъ въ предисловіи къ Переяславле-Суздальскому лѣтописцу.

[1]) *Georgios Sotiriadis.* Zur Kritik des Johannes von Antiochia. Leipzig. 1887.

однороднаго содержанія, то окажется весьма рѣзкая разница въ изложеніи; въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что тутъ цѣлая пропасть: вмѣсто чистоты и благородства выраженія являются безпомощная грубость и варварство. Но именно такая же совершенно грубость и варварство отличаютъ и отрывки о Маврикіѣ и Фокѣ, найденные въ мадритскомъ спискѣ и стоящіе въ немъ подъ рубрикою Іоанна Антіохійскаго. Однимъ словомъ, Сотиріадисъ полагаетъ, что тутъ произошла какая-нибудь путаница, какая-нибудь случайная перестановка, вслѣдствіе которой перемѣшаны статьи двухъ писателей, и часть того, что̀ принадлежало Малалѣ, отнесена въ долю Іоанна Антіохійскаго. Съ своей стороны мы должны признаться, что выводы и соображенія ученаго одесскаго грека, не смотря на многія блестящія стороны изслѣдованія, не во всемъ кажутся намъ рѣшительными и вполнѣ убѣдительными. Что отрывки о Юстинѣ, Маврикіѣ и Фокѣ, судя по литературнымъ признакамъ, не могутъ принадлежать Іоанну Антіохійскому, съ этимъ приходится согласиться, но что они принадлежатъ именно Малалѣ, это еще сомнительно. Могло быть и такъ, что Іоаннъ Антіохійскій имѣлъ своего особаго продолжателя, который уже не умѣлъ такъ хорошо писать, какъ онъ самъ, и который, конечно, жилъ позже. Очень обыкновенное дѣло, что продолженіе, особенно если это незначительная по относительному объему прибавка, при позднѣйшемъ пользованіи не отличается отъ основной части цѣлаго произведенія. Возможно даже и другое, обратное предположеніе, что именно Іоаннъ Антіохійскій былъ продолжателемъ, оканчивавшимъ хронику и сообщившимъ ей имя, и что лучше написанная часть сочиненія представляетъ плагіатъ у неизвѣстнаго намъ, болѣе ранняго и болѣе образованнаго автора. Еслибы какимъ-нибудь другимъ путемъ было доказано съ полною очевидностью, что Малала жилъ не ранѣе времени Ираклія, то конечно, не зачѣмъ было бы искать другаго Іоанна, тоже жившаго при Ираклiѣ и писавшаго предполагаемое продолженіе. Но развѣ это сдѣлано? Г. Сотиріадисъ, правда, для подкрѣпленія своихъ соображеній, основанныхъ на изученіи языка и стиля, обращается къ старому аргументу Годія—о невозможности, чтобъ уроженецъ Антіохіи и современникъ царствованія Юстиніана говорилъ о событіи, касающемся этого города и этого времени, на основаніи архивныхъ данныхъ. Но сила этого аргумента ослаблена теперь тѣмъ, что самый текстъ Малалы по оксфордскому списку представляется сомнительнымъ относительно своей совершенной подлинности; можетъ быть, позднѣйшій редакторъ

нѣсколько переиначилъ выраженія первоначальнаго автора. Что же касается догадки, что эпитоматоръ Малалы жилъ послѣ 687 года, послѣ распространенія болгаръ по Балканскому полуострову, послѣ занятія ими не только Мезіи, но и долинъ Аксія и Гебра (Вардара и Марицы), то эта догадка, сама по себѣ правдоподобная, основана въ диссертаціи на весьма непрочномъ фундаментѣ [1]). Окончательный выводъ изъ всего вышеизложеннаго тотъ, что оксфордское изданіе Малалы, повторенное безъ измѣненій и въ боннскомъ, въ настоящее время не удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ, что для рѣшенія всѣхъ вопросовъ критическихъ, а также для доставленія историкамъ возможности пользоваться этимъ источникомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ предполагалось,—прежде всего необходимо новое изданіе, въ которомъ были бы сведены всѣ существующіе въ рукописяхъ фрагменты, а также приняты въ расчетъ извлеченія или заимствованія позднѣйшихъ авторовъ, и равнымъ образомъ славянскій переводъ и славянскія компиляціи [2]).

Посланіе Бентли, которымъ сопровождалось изданіе Годія, не касалось собственно Малалы, какъ источника для византійской исторіи, но преимущественно оцѣнивало тѣ свѣдѣнія, какія имъ сообщаются относительно классической литературы: въ этомъ отношеніи нашъ писатель оказался весьма жалкимъ и неумѣлымъ компиляторомъ. Именно письмо Бентли утвердило за нимъ его печальную репутацію. Хотя эта сторона и не входитъ прямымъ образомъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія, мы все-таки считаемъ не лишнимъ познакомить съ со-

---

[1]) Въ настоящемъ текстѣ Малалы (p. 122) встрѣчается сопоставленіе болгаръ съ *мирмидонянами*; г. Сотиріадисъ полагаетъ, что въ основѣ отожествленія лежитъ географическое тожество мѣстожительства болгаръ и прежнихъ владѣній Ахиллеса, сына Пелеева —въ Θессаліи: но онъ ошибается; Левъ Діаконъ зналъ о пребываніи Ахиллеса съ его мирмидонянами гдѣ-то на берегахъ Чернаго моря и ссылался при этомъ на авторитетъ Арріана—вѣроятно интерполированнаго. Атталіатъ (pag. 37) тоже зналъ мирмидонянъ гдѣ-то на сѣверѣ отъ Дуная.

[2]) Кромѣ вышеупомянутыхъ статей, слѣдуетъ указать: *Gelzer*, S. Iulius Africanus (Leipzig. 1885), гдѣ во второмъ томѣ посвящена глава ветхозавѣтной хронологіи Малалы (pag. 129—138) и статью *Фрика* въ юбилейномъ сборникѣ Курціуса: *Frick*, Zu Malalas. Historisch. und philolog. Aufsätze Ernst Curtius gewidmet (1884). Въ Страсбургскомъ юбилейномъ изданіи 1888 года. Festschrift zur Feier des 350 jährigen Bestehens des protestantischen Gymnasiums (zu Strasburg), II Theil, появилась статья: *M. Erdmann*, Adversaria critica in Malalae chronographiam, но мы пока знаемъ о ней только по объявленіямъ въ нѣмецкихъ журналахъ.

держаніемъ знаменитаго произведенія, положившаго основаніе ученой славы англійскаго филолога [1]). Бентли замѣчаетъ, что вопросы о личности автора и времени, когда онъ жилъ, не входятъ въ его область, и онъ предоставляетъ ихъ Годію, а самъ прямо переходитъ къ тексту хроники. Малала смотрѣлъ на греческую миѳологію какъ на дѣйствительную исторію дѣйствительныхъ событій и включалъ ея указанія въ свой разказъ, сплетая ихъ съ другими нитями аттическаго преданія. Перечисливъ рядъ баснословныхъ царей Аттики, Малала продолжаетъ: „Вскорѣ затѣмъ былъ Гедеонъ судьею въ Израилѣ и жилъ знаменитый поэтъ Орфей изъ Ѳракіи", а вслѣдъ затѣмъ цитуетъ изъ мистической теологіи Орфея, между прочимъ, одно предложеніе, которое, хотя и состоитъ изъ обыкновенныхъ словъ, но совершенно непонятно. Бентли останавливается на этомъ предложеніи и показываетъ, что въ сильно испорченныхъ словахъ греческаго текста скрываются имена трехъ мистическихъ боговъ позднѣйшей орфической системы, символизирующихъ совѣтъ, свѣтъ и жизнь (Μῆτιν, Φάνητα, Ἠριχεπαῖον). Онъ доказываетъ эту сколько остроумную, столько же вѣрную эмендацію ссылкою на одно мѣсто Дамасція, послѣдняго замѣчательнаго новоплатоника (въ началѣ VI вѣка), который написалъ сочиненіе „Вопросы и отвѣты о первыхъ началахъ", гдѣ онъ давалъ очеркъ мистическихъ ученій: такъ какъ изъ этого сочиненія еще ничего не было издано, то Бентли цитуетъ его по рукописи Оксфордскаго университета. Далѣе онъ разсматриваетъ рядъ подложныхъ (сивиллинскихъ) изреченій оракуловъ, которыя Малала передаетъ κοινῇ διαλέκτῳ—въ общедоступной прозѣ, и показываетъ, что приведенныя сирійцемъ совершенно сходны съ найденными имъ, Бентли, въ Оксфордской библіотекѣ „Изреченіями и богоученіями еллинскихъ философовъ" (χρησμοὶ καὶ θεολογίαι). Послѣ того Бентли обращается къ тѣмъ мѣстамъ хроники, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія объ аттическихъ драматургахъ; онъ доказываетъ неподлинность одного фрагмента, приписываемаго Софоклу, въ которомъ говорится о единствѣ божества и неправильномъ его почитаніи у грековъ; перебираетъ всѣ случаи, гдѣ Малала упоминаетъ объ Еврипидѣ, подтверждаетъ, либо поправляетъ, сообщаемыя византійцемъ заглавія многихъ потерянныхъ піесъ Еврипида, исправляетъ по пути многія мѣста изъ поэта, которыя ему приходится приводить. Полнота и глубина обширнаго и чрезвычайно много-

[1]) Ср. *Iebb*, Richard Bentley. London 1882 (одинъ изъ томовъ сборника: English men of letters).

сторонняго знанія характеризуютъ какъ все письмо, такъ особенно этотъ отдѣлъ: слѣдующій примѣръ покажетъ это наглядно. Малала говоритъ: „Еврипидъ написалъ драму Пазифая“. Бентли (pag. 685, Bonn.) замѣчаетъ: „Я говорю не на вѣтеръ, когда утверждаю, что никто изъ древнихъ не упоминаетъ „Пазифаи“ Еврипида“. Комикъ Алкей дѣйствительно сочинилъ пьесу съ этимъ наименованіемъ, и она была представлена въ одинъ день съ Плутосомъ Аристофана. Затѣмъ справедливо, прибавляетъ Бентли,—что исторія Пазифаи въ самомъ дѣлѣ была трактована въ одной изъ потерянныхъ трагедій Еврипида „Критянки“, что̀ доказывается ссылкою на схоліаста къ Аристофановымъ „Лягушкамъ“. Однако и самъ схоліастъ требуетъ поправки, когда онъ говоритъ, будто Европа (Aegope) встрѣчается въ Критянахъ Еврипида; онъ смѣшалъ Критянъ съ другою потерянною трагедіей Еврипида „Критянки“; въ одной рѣчь шла объ исторіи Икара и Пазифаи, въ другой—объ Атреѣ, Θіестѣ и Европѣ. Порфирій цитуетъ въ своей книгѣ О воздержаніи девять стиховъ изъ одной Еврипидовой трагедіи, обращенныхъ отъ лица хора къ Миносу; эти испорченные стихи исправлялъ и переводилъ Гуго Гроцій въ своихъ извлеченіяхъ (Excerpta) изъ греческихъ трагиковъ и комиковъ, считая ихъ заимствованными изъ „Критянокъ“: Бентли (мимоходомъ поправляя одного грамматика) доказываетъ, что они могутъ вести свое происхожденіе только изъ „Критянокъ“, затѣмъ переходитъ къ латинскимъ стихамъ Гроція и размѣру ихъ и показываетъ, что всѣ безъ исключенія филологи, начиная Гроціемъ и не исключая самого Скалигера, не имѣли надлежащаго точнаго понятія о законахъ латинскаго анапеста, хотя и часто пользовались этимъ размѣромъ, при семъ случаѣ Бентли впервые устанавливаетъ нѣкоторые законы латинскаго стихосложенія... Еще разъ Бентли возвращается къ фрагменту „Критянокъ“ у Порфирія, съ которымъ не умѣлъ справиться Гроцій, и въ свою очередь возстановляетъ надлежащее чтеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ несомнѣнною вѣрностью, въ другихъ слишкомъ поспѣшно. Но онъ еще не покончилъ со стихами: кипарисъ въ нихъ представляется какъ туземное на Критѣ растеніе, и это служитъ поводомъ къ тому, что Бентли приводитъ изъ Плинія, Θеофраста, Солина мѣста, сюда относящіяся и требующія объясненія. Малала упоминаетъ о потерянномъ Еврипидовомъ „Мелеагрѣ“; Бентли, приведя другое мѣсто изъ этой пьесы, сохраненное Гезихіемъ, пользуется представившимся случаемъ, чтобы подробно указать причины порчи текста, многихъ искаженныхъ чтеній, встрѣчающихся въ лексиконѣ Гезихія, и это есть одна изъ болѣе

значительныхъ частей письма. Часто приходится Бентли исправлять собственныя имена, испорченныя Малалою. Хронистъ называетъ, какъ первыхъ драматурговъ, Θемиса, Миноса, Авлея; Бентли показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду Θесписа, Іона Хіосскаго и Эсхила и т. д. Письмо заканчивается нѣсколькими замѣчаніями о написаніи имени Малелы или Малалы.

Есть небольшое сочиненіе одного стариннаго автора, занимавшагося критико-библіографическими трудами по церковной исторіи, подъ такимъ заглавіемъ: „О несчастной долѣ византійскаго писателя Генесія относительно изданія его труда“ [1]). Этотъ Генесій есть довольно важный источникъ для исторіи Византіи въ IX вѣкѣ, и писалъ онъ по внушенію императора Константина Багрянороднаго. Сочиненіе его сохранилось въ единственной рукописи, которая издавна находится въ Лейпцигѣ; она писана на пергаменѣ и должна быть считаема очень древнею. Еще въ XVII вѣкѣ обратилъ вниманіе на хронику Генесія Андрей Бозе (1626—1674 гг.), профессоръ исторіи въ Іенскомъ университетѣ; выпуская въ свѣтъ свое разсужденіе о свидѣтельствѣ еврейскаго писателя Іосифа Флавія о Христѣ, онъ заявилъ намѣреніе издать эту хронику [2]).

Изъ переписки Бозе съ современною филологическою знаменитостію, Рейнезомъ, извѣстнымъ своими эпиграфическими трудами, мы видимъ, что Бозе очень усердно и очень долго носился съ этимъ планомъ, и все оказывались какія-нибудь препятствія [3]). То онъ боялся, чтобъ его не предупредили во Франціи и справлялся черезъ Ламбека, извѣстенъ ли такой писатель издателямъ Луврской коллекціи; то являлись опасенія со стороны Бельгіи [4]). Но вотъ Бозе увѣрился, что другаго экземпляра нигдѣ не оказывается; что даже въ Италіи не слыхали о Генесіѣ; напротивъ, изъ Парижа, отъ Ф. Лабба и Дю-Пюи, которые чрезвычайно заинтересовались хроникою по сообщеннымъ туда выдержкамъ, получено было предложеніе включить

---

[1]) *Oudin*, De adversa Fortuna Iosephi Genesio, historiae Byzantinae scriptori, quoad operis editionem—въ Commentar. de scriptorib. ecclesiastic. II, 435. Повторено въ изданіи Histoire critique de la Republique des lettres, t. XV, № 5.

[2]) Diatriba de testimonio Flavii Iosephi. Бозе больше извѣстенъ своими трудами по государственнымъ наукамъ: см. о немъ *Wegele*, Geschichte Deutsch. Historiogr., p 535. *Bursian*, Gesch. der classisch. Philologie, p. 335.

[3]) Thomae Reinesii et I. Andr. Bosii virorum celeberrimorum epistolae mutuae. Lucubrat *Schmidius*. Ienae. 1700 (есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

[4]) Pag. 17. De Genesio non est quod metuam, ne praeveniar ab editore alio et cet. Ср. pag. 104. Оба письма писаны въ 1653 году.

открытаго автора въ Парижское собраніе. Чего бы лучше? Но Бозе почему-то находилъ, что нельзя довѣрять французамъ, тѣмъ болѣе, что свой нѣмецкій книгопродавецъ предлагалъ нужное содѣйствіе. Съ другой стороны, если книга выйдетъ въ Германіи, то это не понравится французамъ, и тогда издателю придется испытать ихъ недоброжелательство [1]). Рейнезъ, съ которымъ Бозе совѣтовался въ столь затруднительномъ своемъ положеніи, не понималъ, чего онъ страшится со стороны галловъ. Если бояться всякаго малѣйшаго порицанія, то совсѣмъ не слѣдуетъ браться за какое-либо литературное дѣло и нужно отказаться отъ всякихъ стремленій къ славѣ. Если французы вздумаютъ перепечатать изданіе, то конечно, они не скроютъ имени перваго издателя; они навѣрное не откажутъ и въ своихъ похвалахъ, если трудъ будетъ того достоинъ, если Бозе хорошо справится съ дѣломъ... Рейнезъ говорилъ даже о заслугахъ предъ потомствомъ и совѣтовалъ не покидать дѣла, послѣ того какъ столько разъ даваемы были обѣщанія [2]). Послѣ нѣкотораго промежутка времени у Бозе опять возникли мучительныя сомнѣнія: какой-то пріятель сообщилъ ему, что въ Римѣ отыскался другой экземпляръ Генесія, что копія съ него снята Голстеномъ и отправлена въ Парижъ. Если такъ, то слѣдуетъ совсѣмъ отказаться отъ предпріятія; Бозе собирался писать Лаббу, чтобы получить точныя свѣдѣнія [3]). Когда, по истеченіи еще нѣкотораго срока, Рейнезъ, кажется, не безъ ироніи, спрашивалъ, что̀ дѣлается съ Генесіемъ, то Бозе отвѣчалъ, что его все продолжаетъ смущать молва о римской копіи, посланной въ Парижъ Голстеномъ, и оттого онъ не могъ заниматься съ надлежащимъ усердіемъ приготовленіемъ своего изданія [4]) Такъ на этомъ все и остановилось: какъ римская копія, такъ и проекты Бозе, оказались праздною мечтою.

По смерти Бозе (въ 1674 г.), его копія съ лейпцигскаго подлинника съ краткими примѣчаніями Рейнезія поступила, согласно завѣщанію бывшаго профессора, вмѣстѣ со всѣми его книгами въ библіотеку Іенскаго университета. Преемникъ Бозе по каѳедрѣ, Георгъ Шубартъ тоже сбирался издавать Генесія, но не исполнилъ своего обѣщанія; то же самое повторилось съ Кюстеромъ, издателемъ Свиды и Аристофана, очень извѣстнымъ и знающимъ филологомъ, помощни-

[1]) Pag. 164 (anno 1654).
[2]) Pag. 167.
[3]) Pag. 170.
[4]) Pagg. 177, 179 (anno 1654).

комъ Фабриція въ изданіи его „Библіотеки“. Потомъ много хлопоталъ объ изданіи Генесія Готфридъ Вагнеръ, пасторъ въ Лейпцигѣ, но преждевременная смерть его помѣшала осуществленію возбужденныхъ ожиданій. Еще встрѣчается одно имя, съ которымъ были соединены тщетныя надежды: Готфр. Олеарій (Olearius, собств. Oehlschlager, 1672—1715 гг.): къ нему именно обращался Уденъ (Oudin) съ своими увѣщаніями, припоминая печальную судьбу, которая до сихъ поръ преслѣдовала Генесія. Наконецъ взялся за дѣло Стефанъ Берглеръ (Bergler), главный помощникъ Фабриція при составленіи Bibliotheca graeca, одинъ изъ лучшихъ въ свое время знатоковъ греческаго языка и литературы, но человѣкъ безпорядочнаго поведенія, склонный къ пьянству и оттого постоянно находившійся въ стѣсненномъ положеніи: не смотря на свои таланты и познанія, онъ часто вынужденъ бывалъ заработывать себѣ средства къ жизни корректурною работой у книгопродавцевъ; переселялся изъ Лейпцига въ Амстердамъ, въ Гамбургъ къ Фабрицію и снова возвращался въ Лейпцигъ; его работы надъ Геродотомъ и Аристофаномъ, отличавшіяся большими достоинствами, не могли быть изданы имъ самимъ и попали въ другія руки. Нѣчто подобное произошло и съ Генесіемъ. Берглеръ отыскалъ подлинную лейпцигскую рукопись, приготовилъ переводъ греческаго текста на латинскій языкъ, присоединилъ небольшое количество примѣчаній, впрочемъ—довольно торопливыхъ и поверхностныхъ; изданіе не было имъ выпущено въ свѣтъ. Самъ Берглеръ переселился въ Бухарестъ, въ качествѣ секретаря и учителя при дѣтяхъ господаря Валахіи, Маврокордато, откуда еще присылалъ сообщенія о рукописяхъ библіотеки этого мецената, но послѣ его смерти (въ 1730 г.) удалился въ Константинополь, и тамъ совсѣмъ исчезъ: былъ слухъ, что онъ даже потурчился, то-есть, принялъ магометанство [1]). Работа Берглера надъ Генесіемъ, однако, не пропала: его бумаги достались І. Бурхардту Менке (Joh. Burkhard Mencke, 1674—1732 гг.), профессору исторіи въ Лейпцигѣ, извѣстному издателю Acta eruditorum [2]). Менке отъ своего имени предложилъ готовый трудъ Берглера издателямъ венеціанской коллекціи византійцевъ, въ числѣ коихъ находился книгопродавецъ Паскуале (Pasquale). Менке обѣщалъ приложить обширное предисловіе, біографію Генесія, точное описаніе оригинальной рукописи; однако ничего этого не было сдѣ-

[1]) О Берглерѣ см. *Bursian*, Gesch. der Philologie, p. 364.

[2]) О Менке: *Wegele*, pag. 567, *Bursian*, p. 356—364.

лано. Хотя послѣ Бурхарда Менке въ бумагахъ остались готовыя замѣтки, по которымъ его сынъ составилъ какіе-то комментаріи, но вслѣдствіе своей беззаботности и невнимательности венеціанскіе издатели не приняли мѣръ для того, чтобы воспользоваться ими. Въ рукахъ Паскуале была только работа Берглера, то-есть, греческій текстъ съ латинскимъ переводомъ и краткими примѣчаніями, и въ этомъ видѣ изданъ былъ Генесій, безъ всякаго упоминанія о Берглерѣ, притомъ изданъ весьма небрежно даже въ типографскомъ отношеніи, такъ что текстъ изобиловалъ опечатками. Къ изданію приложены были примѣчанія Бозе и Рейнезія. Такимъ образомъ безъ малѣйшей выгоды для дѣла, а напротивъ съ большимъ для него ущербомъ Генесій, котораго желали издать еще Лаббъ съ товарищами, дождался вмѣсто парижской коллекціи венеціанской, происшедшій отсюда вредъ и до сихъ поръ остается не исправленнымъ.

Первостепенное по своему значенію для изученія самой характеристичной стороны византійскаго быта сочиненіе „О придворномъ чинѣ“ или какъ оно называется по латыни О церемоніяхъ (De ceremoniis), приписываемое императору Константину Багрянородному, дошло до насъ, подобно хроникѣ Генесія, въ единственномъ спискѣ, и этотъ списокъ скрывался отъ взоровъ ученыхъ людей до восемнадцатаго столѣтія: издатели французской коллекціи византійцевъ, а въ числѣ ихъ и самъ Дюканжъ, не имѣли никакого понятія о существованіи такого сочиненія Какую богатую жатву могъ бы онъ иначе собрать здѣсь для своего греческаго Глоссарія и сколько средневѣковыхъ греческихъ выраженій и терминовъ нашли бы здѣсь себѣ болѣе отчетливое и полное объясненіе! Сколь драгоцѣнны были бы для топографіи Константинополя многочисленныя указанія на положеніе и взаимное отношеніе различныхъ церквей и дворцовъ съ ихъ отдѣленіями, содержащіяся въ описаніяхъ многообразныхъ императорскихъ процессій и выходовъ! Въ первыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія оказалось, что книгою, которая заключаетъ въ себѣ столь великую драгоцѣнность, владѣетъ нѣкто Конрадъ Уффенбахъ, членъ городскаго сената въ Франкфуртѣ на Майнѣ; онъ сообщилъ о кодексѣ свѣдѣнія Альберту Фабрицію, который и помѣстилъ таковыя въ первомъ изданіи его знаменитаго библіографическаго труда „Bibliotheca graeca“ (vol. VI, 622—640, по изданію 1705—1714 гг.). Отсюда можно было узнать, что кодексъ писанъ на пергаменѣ хорошимъ и древнимъ почеркомъ приблизительно XI столѣтія, что онъ отлично сохранился, за исключеніемъ одной утраченной тетради

(quaternio) и нѣсколькихъ отдѣльныхъ потерянныхъ листковъ, что утрата послѣдовала раньше, чѣмъ кодексъ получилъ свой переплетъ. Но какъ достался кодексъ Уффенбаху, это осталось не объясненнымъ; самъ владѣлецъ не въ состояніи былъ что-нибудь сказать на этотъ счетъ... Судя по тому, что переплетъ украшенъ соединенными гербами Угорскаго и Чешскаго королевствъ, ученые впослѣдствіи догадывались, что драгоцѣнный кодексъ нѣкогда входилъ въ составъ библіотеки короля Матвѣя Корвина. Такъ или иначе, вслѣдъ за первыми извѣстіями о существованіи неизвѣстнаго доселѣ творенія гессенскій профессоръ г. Май (Majus) заявилъ, что онъ съ согласія владѣльца рукописи намѣренъ издать его въ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, который онъ уже и окончилъ. Что сталось съ этимъ переводомъ, не извѣстно. Отъ Уффенбаха кодексъ поступилъ въ библіотеку города Лейпцига, гдѣ хранится и понынѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго нѣмецкаго историка и публициста, профессора естественнаго и международнаго права, Маскова (Mascow), который завѣдывалъ означенною библіотекою; онъ внушилъ одному молодому ученому Лейху, часто посѣщавшему библіотеку, мысль взяться за изданіе любопытнаго текста; такъ какъ переводъ Мая куда-то пропалъ, то Лейхъ прежде всего обязанъ былъ приняться за переложеніе греческаго текста на латинскій языкъ. Обладая хорошими способностями и надлежащею подготовкою, Лейхъ въ 1743 году принялся за трудъ, и уже въ этомъ году издалъ изъ второй части сочиненія сороковую главу въ видѣ приложенія при своемъ изслѣдованіи „О диптихахъ у древнихъ“ [1]), такъ какъ глава эта имѣла отношеніе къ предмету диссертаціи: патриціанское облаченіе, въ ней описываемое, тутъ же приравнивается къ древнему консульскому, а это послѣднее часто встрѣчается на такъ-называемыхъ консульскихъ диптихахъ, на тѣхъ особаго разряда украшенныхъ портретами складняхъ, которые консулы раздавали и дарили при вступленіи въ должность. Затѣмъ, черезъ два года въ видѣ предварительнаго образца Лейхъ издалъ листъ, содержавшій въ себѣ начало сорокъ-второй главы той же второй книги подлинника—съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями: тутъ идетъ рѣчь о гробахъ императорскихъ и погребальныхъ урнахъ. Между тѣмъ началось и шло впередъ печатаніе перваго тома изданія, но когда

---

[1]) Diatriba de diptychis veterum et de diptycho eminentissimi Quirini (Leipzig. 1733). См. *Bursian*, Gesch. der Philologie, p. 410.

оно достигло до 217-й страницы, Лейхъ умеръ (въ маѣ 1750 г.). Впрочемъ нужно сказать, что Лейхъ велъ свое дѣло не особенно хорошо; онъ слишкомъ полагался на копію, сдѣланную другимъ лицомъ (Драудомъ), и печатая съ нея, почти совсѣмъ не справлялся съ подлинною рукописью; поэтому онъ надѣлалъ не мало ошибокъ. Для продолженія дѣла, по указанію Маскова, избранъ былъ Яковъ Рейске (Reiske, 1716—1774), и это былъ наиболѣе къ тому подходящій человѣкъ. По своему отличному знанію латинскаго языка и особенно греческаго онъ стоялъ на ряду съ первѣйшими еллинистами того времени, голландцами, Гемстерхузіемъ и Валькенеромъ; но, сверхъ того, онъ былъ также замѣчательнымъ оріенталистомъ. Еще будучи студентомъ Лейпцигскаго университета, мало посѣщая лекціи, но чрезвычайно ревностно, хотя безъ порядка и плана, предаваясь научнымъ занятіямъ, Рейске напалъ на мысль объ изученіи арабскаго языка и литературы. Видя, что въ Лейпцигѣ онъ не можетъ достигнуть въ этомъ желаемыхъ успѣховъ, онъ отправился въ Голландію, не смотря на отсутствіе достаточныхъ средствъ къ жизни, чтобы пользоваться рукописями Лейденской библіотеки и слушать лекціи знаменитаго оріенталиста Шультенса. На чужбинѣ Рейске снискивалъ себѣ пропитаніе корректурными трудами, уроками греческаго и латинскаго языковъ, работами для другихъ ученыхъ; онъ успѣлъ въ арабскомъ на столько, что скоро оставилъ позади себя Шультенса и нашелъ еще возможность заниматься медициною, какъ средствомъ для пріобрѣтенія средствъ къ жизни (Brodstudium); онъ получилъ степень доктора. Послѣ возвращенія въ Германію (1746 г.) Рейске цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ бѣдствовалъ, жилъ въ крайней нуждѣ работалъ на другихъ по заказу за самое скудное вознагражденіе, и даже когда сдѣлался профессоромъ арабскаго языка въ Лейпцигскомъ университетѣ, то получалъ не болѣе ста талеровъ въ годъ: только впослѣдствіи онъ достигъ сноснаго положенія, какъ ректоръ Nikolaischule, но тогда онъ уже прославилъ свое имя цѣлымъ рядомъ первостепенныхъ трудовъ въ области древней филологіи, значенія которыхъ, впрочемъ, долго не хотѣли признавать цеховые присяжные филологи, соперники и завистники рѣзкаго на языкъ и самостоятельнаго ихъ собрата [1]) Именно въ періодъ крайней нужды

[1]) О жизни и трудахъ Рейске, котораго Моммсенъ называетъ *несравненнымъ*, можно почерпать свѣдѣнія изъ его собственной автобіографіи, изданной послѣ его смерти его женою и сотрудницею въ изданіи классиковъ: S. Jacob Reiskens von ihm selbst aufgesetzte Lebensbeschreibung. Leipzig. 1783. Ср. *Bursian*, Gesch. der class. Philologie, 407—416.

(въ 1750 г.), Масковъ обратился къ Рейске съ предложеніемъ продолжать трудъ Лейха. Пересмотрѣвъ то, что было приготовлено, Рейске счелъ необходимымъ еще разъ сличить копію, сдѣланную для печати, съ подлинною рукописью и на основаніи этого сличенія исправилъ наиболѣе вопіющія ошибки предшественника; ему пришлось возстановлять цѣлыя строки, цѣлые періоды, обезображенные пропусками словъ и предложеній, одинаково оканчивающихся въ подлинномъ текстѣ (ὁμοιοτέλευτα); поправки такого рода, относящіяся уже къ отпечатаннымъ листамъ, указаны были точнымъ образомъ въ комментаріяхъ; дальнѣйшій текстъ, приготовленный къ печати самимъ Рейске, отличается несравненно большею исправностью, хотя онъ все-таки не уничтожилъ всѣхъ погрѣшностей, всѣхъ необычайныхъ и странныхъ чтеній, какими первоначальный списокъ былъ наполненъ. Если, по приговору Нибура, рецензія Рейске не можетъ быть признана во всѣхъ отношеніяхъ совершенною, то безусловной похвалы заслуживаютъ его комментаріи, въ которыхъ онъ съ величайшимъ успѣхомъ разъясняетъ самыя темныя стороны чужаго и совершенно своеобразнаго быта, удачно толкуетъ слова, совсѣмъ недоступныя пониманію обыкновенныхъ филологовъ; знаніе арабскаго языка въ этомъ случаѣ весьма пригодилось Рейске и сослужило тѣмъ бо́льшую службу, что въ самомъ византійскомъ придворномъ церемоніалѣ оказывались восточныя вліянія. Лессингъ, который былъ въ числѣ немногихъ современниковъ, умѣвшихъ оцѣнить высокіе таланты и большія заслуги Рейске, вопреки записнымъ спеціалистамъ классикамъ, провозгласилъ его трудъ „удивительнымъ и достойнымъ стать наравнѣ съ самыми славными произведеніями въ своемъ родѣ“

Изданіе явилось въ двухъ томахъ подъ такимъ заглавіемъ: „Constantini Porphyrogeniti, imperatoris Constantinopolitani. Libri duo de cerimoniis aulae Byzantinae, prodeunt nunc primum graece cum latina interpretatione et commentarii. Curarunt Io. Henricus Leichius et I. Iacobus Reiskius. Первый томъ, содержащій въ себѣ первую книгу или первую часть сочиненія, изданъ былъ въ 1751 г., а второй въ 1754 году.

Въ первомъ томѣ, кромѣ предисловія, написаннаго Рейске, находилась еще біографія Константина Багрянороднаго, составленная Лейхомъ и уже обнародованная въ отдѣльномъ видѣ за пять лѣтъ предъ тѣмъ (конечно, на латинскомъ языкѣ). Прежде чѣмъ перейдемъ къ предисловію Рейске, замѣтимъ, что въ самомъ текстѣ подлинника, благодаря особымъ видамъ Лейха, была сдѣлана перестановка противъ рукописи. Кодексъ начинается двумя особыми статьи-

ями съ отдѣльными заглавіями, въ которыхъ содержатся, вопервыхъ, описаніе порядковъ, какіе соблюдались въ случаѣ личнаго участія императора въ военномъ походѣ еще во времена Константина Великаго, и вовторыхъ, наставленія императора Константина Багрянороднаго относительно военнаго дѣла, обращенныя къ его сыну Роману и касающіяся опять того случая, когда самъ государь принимаетъ предводительство надъ войскомъ. Лейхъ обѣ эти начальныя статьи пропустилъ и началъ печатаніе съ 21-го листа рукописи; дѣло въ томъ, что онъ занимался военными греческими и византійскими авторами—тактиками и стратегиками, и собирался издать все въ одной коллекціи, въ которую должны были войдти и эти главы Константина Багрянороднаго. Понятно, что Рейске долженъ былъ включить опущенное въ первый же томъ; онъ такъ и сдѣлалъ, помѣстивъ въ концѣ его обѣ главы въ видѣ приложеній (appendix). Безъ всякой нужды этотъ порядокъ сохраненъ и въ боннскомъ изданіи (t. I, pagg. 444—445 и 455—508).

Предисловіе Рейске заслуживаетъ полнаго вниманія. Прежде всего онъ старается въ краткихъ чертахъ обозначить содержаніе и высокій интересъ издаваемаго сочиненія. Не только въ этомъ вѣкѣ, говоритъ Рейске,—но и вообще едва ли когда появлялось сочиненіе, столь много дающее для познанія римской и византійской исторіи. При этомъ, какъ филологъ, Рейске все-таки настаиваетъ на томъ, что оно имѣетъ отношеніе и къ классической древности Византійскій дворъ во многихъ отношеніяхъ представлялъ тѣнь или блѣдную копію императорскаго римскаго. Съ другой стороны, можно утверждать, что нѣтъ такой стороны государственнаго или церковнаго быта, которой бы сочиненіе не касалось. Если кто занимается церковною исторіей, то отсюда онъ можетъ узнать, каково было состояніе греческой церкви въ десятомъ вѣкѣ, какой существовалъ способъ избранія патріарховъ, какія формы соблюдались въ сношеніяхъ патріарховъ съ царями, какое было церковное устройство, и какіе церковные обряды, какъ торжествовались праздники, и какія когда совершались процессіи и т. д. Если кого больше интересуетъ гражданская исторія, то онъ найдетъ для себя обильный запасъ поучительныхъ свѣдѣній. Избраніе императоровъ, брачные пиры, обряды при крещеніи царскихъ дѣтей, при назначеніи подданныхъ на высшія государственныя должности, при возведеніи въ тотъ или другой санъ, царскіе выходы и пріемы, выѣзды въ подгородные дворцы, на сборъ винограда, на уборку хлѣба, все это здѣсь тщательно описано;

здѣсь мы видимъ, какъ цари держатъ рѣчь къ подданнымъ въ силенціяхъ, какое участіе принимаютъ въ конскихъ ристалищахъ и въ играхъ цирка, какъ они выслушиваютъ привѣтствія и требованія партій, обозначаемыхъ разными цвѣтами, какъ раздаютъ награды побѣдителямъ, какъ слѣдятъ за плясками, смотрятъ на готскія игры, празднуютъ брумаліи, даютъ торжественные пиры, какъ отправляются въ военный походъ, что дѣлаютъ въ лагерѣ, какъ возвращаются въ тріумфѣ, раздаютъ жалованье военнымъ людямъ какъ снаряжаютъ флотъ и морскія экспедиціи, принимаютъ иностранныхъ пословъ, отправляютъ своихъ, видимъ весь этотъ блескъ и пышность, сквозь которые иногда просвѣчиваетъ бѣдность и убожество, провожаемъ наконецъ императора въ погребальной церемоніи. Подъ руководствомъ этой книги мы можемъ обозрѣть самыя гробницы императоровъ, взглянуть на ихъ саркофаги съ подлинными на нихъ надписями и встрѣтимъ здѣсь такія имена, какихъ напрасно стали бы искать въ Византійскихъ фамиліяхъ Дюканжа. Съ нею мы можемъ проникнуть въ императорскую сокровищницу, гдѣ хранятся регаліи, царскія украшенія и одежды, осмотрѣть самые ящики (arcas) съ царскимъ гардеробомъ. Лучше чѣмъ изъ какого-либо другаго источника, отсюда можно узнать составъ и іерархію чиновъ придворныхъ, военныхъ, гражданскихъ, познакомиться съ различнаго рода гвардейскими отрядами, держащими караулъ въ длинныхъ переходахъ и портикахъ дворца, составляющими охрану императора и т. д. Описаніе всего этого относится главнымъ образомъ къ десятому вѣку, къ періоду Македонской династіи, и если тогдашній придворный бытъ во многомъ удалился отъ обычаевъ времени Ѳеодосія и Константина, то все-таки онъ гораздо больше сохраняетъ слѣдовъ римской древности, чѣмъ послѣдующая эпоха Комниновъ и Палеологовъ, извѣстная намъ по описаніямъ Кодина и въ свою очередь представляющая большія отличія отъ того, что находимъ въ сочиненіи, приписываемомъ Константину Багрянородному.

Особенную цѣну Рейске придавалъ тому обстоятельству, что, можетъ быть, въ издаваемомъ имъ произведеніи заключается еще новый остатокъ изъ драгоцѣнныхъ, но утраченныхъ для насъ сборниковъ, составленныхъ по приказанію Константина Багрянороднаго и содержавшихъ въ себѣ извлеченія изъ древнихъ писателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрывокъ изъ упоминаемаго только Свидою творенія Петра Патриція, современника Юстиніану I. Рейске имѣетъ при этомъ въ виду рядъ статей въ первой книгѣ (отъ главы 91-й по 97-ю), гдѣ съ

большою подробностью описывается провозглашеніе и восшествіе на престолъ императоровъ Льва I (456—475), Анастасія (491—518), Юстина I и Юстиніана. Онъ полагаетъ, что эти драгоцѣнныя главы, проливающія новый свѣтъ на соотвѣтствующія давнія событія, входили въ составъ перваго, потерянаго для насъ, отдѣла (titulus) въ коллекціи Константиновскихъ Извлеченій (Collectanea, Excerpta), именно отдѣла, носившаго заглавіе. о провозглашеніи императоровъ, περὶ βασιλέων ἀναγορεύσεως. Во всякомъ случаѣ Рейске не сомнѣвается, что эти подробныя и очевидно весьма точныя реляціи заимствованы изъ очень древняго и своевременнаго фактамъ источника, имя котораго стоитъ выше впереди 84-й главы: ἐκ τῶν μαγίστρου Πέτρου, изъ сочиненія магистра Петра, а объ этомъ Петрѣ есть свѣдѣнія у Прокопія Кесарійскаго и Кассіодора, а также у Свицы; послѣдній сообщаетъ намъ и заглавіе его большаго труда: о гражданскомъ устройствѣ, περὶ πολιτικῆς καταστάσεως [1]). Въ другомъ отдѣлѣ (титулѣ) извлеченій Багрянороднаго, именно въ отдѣлѣ о посольствахъ (de legationibus, περὶ πρεσβειῶν) тоже встрѣчаются разказы, заимствованные у Петра, но они доходятъ тамъ только до времени Юліана отступника. Такимъ образомъ Рейске думаетъ, что такъ или иначе—посредственно или непосредственно—все заключающееся въ означенныхъ главахъ сочиненія De cerimoniis(87-я—96-я включительно), между прочимъ извѣстія о готско-испанскомъ посольствѣ къ Юстиніану, о присылкѣ Западнымъ императоромъ Анѳимiемъ своего портрета Льву I, Восточному императору, все это заимствовано изъ Петра Патриція. Понятно, что такой значительный отрывокъ потеряннаго сочиненія времени Юстиніана кажется Рейске нѣкоторою жемчужиною, украшающею первый томъ изданія. Во второмъ томѣ, который здѣсь въ предисловіи обѣщается, подобное же, хотя не совсѣмъ по степени равное значеніе должно принадлежать книгѣ Филоѳея, императорскаго протоспаѳарія и атриклина, составляющей обширную 52-ю главу второй книги подлинника и втораго тома въ изданіи Рейске. Сочиненіе Филоѳея посвящено преимущественно описанію церемоніала, соблюдаемаго при царскомъ столѣ въ опредѣленные дни пиршествъ. Оно драгоцѣнно также и тѣмъ, что сообщаетъ по этому поводу полный списокъ военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ и ранговъ,

[1]) Ср. теперь *Mai*, Scriptorum veter. Nova collectio, t. II. De fragmentis Petri ut videtur Magistri officiorum περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης. *Waeschke*, Ueber das von Reiske vermuthete Fragment der Excerpte Constantins περὶ ἀναγορεύσεως Progr. Dessau. 1878.

въ извѣстной очереди и опредѣленномъ порядкѣ приглашаемыхъ къ столу. Оно писано, при императорѣ Львѣ Мудромъ, отцѣ Константина.

Затѣмъ Рейске указываетъ, что въ той и другой книгѣ, въ томъ и другомъ томѣ изданія находится множество мѣстъ, на основаніи которыхъ могли бы быть восполнены пробѣлы въ византійскихъ историкахъ; сюда, конечно, слѣдуетъ отнести и 96-ю главу первой части, гдѣ говорится о восшествіи на престолъ Никифора Фоки, событіи, позднѣйшемъ въ отношеніи ко времени Константина Багрянороднаго (разказъ объ этомъ прибавленъ къ предполагаемымъ извлеченіямъ изъ Петра Патриція); сюда относятся данныя о сношеніяхъ византійскихъ съ сарацинами-мусульманами, особенно интересныя для оріенталистовъ, разказъ о пріемѣ Ольги Русской и т. д., Рейске вспоминаетъ Дюканжа, говоритъ о дополненіяхъ, какія можно будетъ сдѣлать въ его Фамиліяхъ на основаніи издаваемаго сочиненія, указываетъ поправки, которыя дѣлаются очевидно небходимыми въ Христіанскомъ Константинополѣ относительно, напримѣръ, положенія дворца Магнауры, указываетъ на противорѣчіе мнѣнія Бандури о положеніи Золотыхъ воротъ совершенно яснымъ указаніямъ новаго источника.

Разсуждая затѣмъ о заглавіи сочиненія, Рейске указываетъ, что данное при печатномъ изданіи заглавіе—De cerimoniis aulae Byzantinae — оставлено по примѣру Майя и Фабриція; на самомъ же рукописномъ экземплярѣ, на кожаной его обложкѣ, значится другое надписаніе - De regalibus institutionibus, а впереди самаго текста длинно и съ титулованіемъ изложенное сообщеніе, что это есть нѣкоторый сводъ (синтагма) христолюбиваго царя Константина и трудъ по истинѣ достойный царскаго усердія, то-есть, помѣщается такое надписаніе, которое не могло быть никакъ сдѣлано самимъ авторомъ и которое совсѣмъ не указываетъ содержанія труда [1]). Нужно при этомъ прибавить, что теперешнее греческое заглавіе: ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως (описаніе царскаго чина), правда, заимствовано изъ введенія, написаннаго самимъ составителемъ книги, но вынесено на верхъ заглавія только редакторомъ позднѣйшаго боннскаго изданія, Нибуромъ [2]). Кто

[1]) Приводимъ заглавіе въ латинскомъ переводѣ какъ оно значится въ боннскомъ изданіи: [De cerimoniis aulae byzantinae] Constantini Christum amantis et in eodem Christo aeterno rege imperatoris filii Leonis sapientissimi et perpetua memoria celebrandi imperatoris *Syntagma* et imperatoria industria vere dignum opus.

[2]) По русски это греческое заглавіе можно переводить такъ: „Изложеніе

былъ дѣйствительнымъ авторомъ сочиненія, составленнаго, какъ заявляется въ предисловіи къ нему, на основаніи древнихъ источниковъ, устнаго преданія и собственныхъ наблюденій, то и этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ Рейске, такъ какъ уже онъ не считалъ возможнымъ остановиться на показаніи чьей-то позднѣйшей и посторонней надписи, что это есть сводъ царя Константина, сына Льва, оказывающійся достойнымъ царскаго прилежанія. Въ сводѣ находится не мало такихъ мѣстъ, которыя этому противорѣчатъ и указываютъ на болѣе позднее время. Такъ въ главѣ, посвященной перечисленію императорскихъ гробницъ (42-я второй книги) отмѣчена гробница самого Константина Багрянороднаго, а также и его внука Василія II Болгаробойцы, скончавшагося 65 годами позднѣе дѣда. Въ концѣ первой книги есть глава, уже помянутая, описывающая провозглашеніе императора Никифора Фоки, что̀ случилось черезъ четыре года по смерти Константина, въ 963 году. На основаніи такихъ данныхъ возможно двоякое рѣшеніе возникающаго вопроса. Или нужно считать авторомъ сочиненія другаго, младшаго Константина, сына Романа и внука Константина VII (сына Льва Мудраго), того, который по смерти своего брата Василія (Болгаробойцы) одинъ правилъ имперіей отъ 1025 по 1028 годъ; или слѣдуетъ предположить существованіе интерполяцій въ произведеніи, первоначальнымъ авторомъ котораго былъ Константинъ VII, сынъ Льва. Рейске склоняется въ пользу втораго рѣшенія дилеммы. Новѣйшіе изслѣдователи (см. Rambaud, L'empire grec au X-me siècle, Constantine Porphyrogénète. Paris. 1870, p. 131) указываютъ еще большее количество мѣстъ и главъ, не могущихъ принадлежать Константину VII, чѣмъ отмѣчено у Рейске, но въ концѣ концовъ все-таки признаютъ, что основа принадлежитъ Константину Багрянородному, сыну Льва Мудраго. Прежде всего ему принадлежитъ то, что̀ теперь помѣщается въ концѣ первой книги сочиненія въ видѣ приложенія (appendix), затѣмъ первыя 83 главы первой книги; да и во второй части болѣе безпорядочной и, очевидно, редактированной въ

царскаго чина". Другіе называютъ сочиненіе *Обрядникомъ Византійскаго двора*, придерживаясь общепринятаго латинскаго обозначенія. Такъ въ книгѣ: „Изслѣдованія и замѣтки князя М. А. Оболенскаго по русскимъ и славянскимъ древностямъ" (С.-Пб. 1875) приводятся: „Отрывки изъ *Обрядника* Византійскаго двора Константина Порфирогенита". Отрывки эти слѣдующіе: 1) что̀ должно наблюдать при коронаціи императора, 2) что̀ должно соблюдать при коронаціи Августы, 3) что̀ должно соблюдать при избраніи кесаря, 4) что̀ должно наблюдать при производствѣ въ патриціи, стр 436—450.

концѣ X вѣка, есть фрагменты, переносящіе насъ въ царствованіе Константина VII. Вся компиляція въ совокупности есть дѣло того редактора, который занимался обработкою второй книги.

Въ предисловіи ко второму тому Рейске еще разъ обращается къ клиторологію (κλητωρολόγιον) Филоѳея, то-есть, къ изложенію послѣдовательности и порядка, въ какихъ различные сановники и чины вызываются къ представленію предъ императоромъ при обычныхъ раздачахъ царскаго жалованья и подарковъ въ извѣстные опредѣленные дни и въ какихъ должны быть размѣщаемы за столомъ при царскихъ обѣдахъ; сочиненіе тѣмъ болѣе авторитетное, что оно составлено спеціалистомъ дѣла, архитриклиномъ или гофмаршаломъ при дворѣ царей Льва и Александра, содержитъ въ себѣ полное перечисленіе всѣхъ тогдашнихъ военныхъ и гражданскихъ должностей и ранговъ (оно составляетъ 52-ю главу второй части) Равнымъ образомъ отмѣчаются другія, болѣе интересныя статьи—изложеніе обрядовъ и обычаевъ при пріемѣ пословъ съ указаніемъ формулъ обращенія къ иностраннымъ государямъ, соблюдаемымъ въ византійской дипломатикѣ, отчетъ о снаряженіи критской и лангобардской экспедицій и т. д.

О своемъ переводѣ Рейске говоритъ, что онъ усердно старался сколько возможно содѣйствовать устраненію темноты, которая, съ одной стороны, обусловливается содержаніемъ оригинала, а съ другой—самымъ стилемъ автора соотвѣтствующимъ вѣку, когда онъ жилъ; эпитеты, какими издатель, великій знатокъ и цѣнитель классической прозы, ея изящества и простоты, характеризуетъ писателя, которымъ онъ съ такою преданностью занимался, не заключаютъ въ себѣ ничего лестнаго или даже снисходительнаго: dictione satis horrida utitur. Примѣчаніями своего предшественника Рейске воспользовался, не измѣняя ихъ существенно, но размѣщая ихъ по надлежащимъ мѣстамъ, и включая, гдѣ нужно, въ составъ собственнаго комментарія.

О высокомъ достоинствѣ комментаріевъ Рейске мы уже говорили. Для молодыхъ начинающихъ ученыхъ, желающихъ посвятить часть своихъ трудовъ серьезнымъ занятіямъ византійскою исторіей и запастись надлежащимъ пониманіемъ совершенно особенной терминологіи, служащей для обозначенія всевозможныхъ сторонъ византійскаго быта, нельзя рекомендовать лучшей точки отправленія для этихъ занятій, какъ внимательное чтеніе избранныхъ отдѣловъ изъ книгъ О царскомъ чинѣ съ толкованіями Рейске. Кто пропустилъ къ тому случай и время, кто и потомъ не заглядываетъ въ нихъ чаще, тотъ осужденъ дѣлать совершенно неожиданные для себя промахи, по-

тому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не спасаетъ и справка съ Глоссаріемъ Дюканжа: величайшій, но совершенно извинительный, недостатокъ Глоссарія именно въ томъ и состоитъ, что онъ появился раньше комментарія Рейске и раньше, чѣмъ сдѣлалось извѣстно о самомъ существованіи сочиненія De cerimoniis. Мы могли бы привести весьма поучительные примѣры подразумѣваемыхъ промаховъ изъ своего личнаго опыта, а также изъ наблюденій надъ другими, самыми почтенными и заслуженными спеціалистами, но здѣсь тому не мѣсто. Въ заключеніе нужно прибавить для свѣдѣнія, что самъ Рейске успѣлъ издать только комментаріи, относящіеся къ первой книгѣ сочиненія или къ первому тому его изданія. Комментаріи ко второй книгѣ должны были появиться отдѣльно въ видѣ третьяго тома, но для этого тома уже не нашлось издателя, прежній отказался, ибо онъ не хотѣлъ подвергать себя дальнѣйшему имущественному разоренію, rei familiaris jacturam augeri nolebat, по выраженію Нибура. Бумаги Рейске послѣ его смерти были куплены датскимъ историкомъ Сумомъ (Suhm), а отъ него поступили въ Копенгагенскую библіотеку; послѣ они были оттуда доставлены въ Германію изъ уваженія къ ходатайству Нибура, когда этотъ знаменитый историкъ поднялъ вопросъ о новомъ изданіи сочиненія De cerimoniis со всѣми комментаріями незабвеннаго Рейске. Такое намѣреніе осуществилось въ 1829 году [1]).

Изданія сочиненій Малалы, Генесія, Константина Багрянороднаго, хотя они вышли внѣ парижской коллекціи, находятся во внутрен-

[1]) Кромѣ вышеуказаннаго общаго сочиненія о Константинѣ Багрянородномъ *Альфреда Рамбо*, можно указать· нѣсколько устарѣлое русское сочиненіе, харьковскаго профессора *Зернина* „Жизнь и литературные труды Константина Багрянороднаго“ (Харьковъ. 1858; мы знаемъ только первый выпускъ, посвященный біографіи Константина; втораго, въ которомъ приходилось бы спеціально заниматься его сочиненіями, не появлялось), а также соотвѣтствующее, не столь обширное въ сравненіи съ французскимъ, нѣмецкое изслѣдованіе Гирша: *F. Hirsch*, Kaiser Constantin VII Porphyrogennetos (Berlin. 1873); для ознакомленія съ содержаніемъ книгъ о царскомъ чинѣ (De cerimoniis) можно указать небольшую статью аѳинскаго профессора *Каллиги*, Περὶ τοῦ τυπικοῦ τῆς βυζαντίου αὐλῆς (О придворномъ византійскомъ уставѣ: Καλλιόγα, Μελέται καὶ λόγοι. Ἐν Ἀθήναις. 1882). Извлеченія изъ „Церемоній“ встрѣчаются наконецъ въ сочиненіи Краузе о византійскомъ бытѣ (*Krause*, Die Byzantiner), о которомъ еще придется упомянуть во второй части нашего обозрѣнія. *Waeschke* (Studien zu den Ceremonien des Konstantinos Porphyrogennetos (Begrussungsschrift zu d. 37 Philologen Versammlung. Zerbst. 1884) старается отыскать слѣды стихотворныхъ размѣровъ въ разнаго рода торжественныхъ привѣтствіяхъ и восклицаніяхъ, приводимыхъ у Константина.

ней связи съ нею и должны быть разсматриваемы какъ ея естественное продолженіе. Такое же отношеніе существуетъ между луврскимъ собраніемъ и двумя позднѣйшими римскими изданіями, изъ коихъ одно прямо заявляетъ себя какъ Appendix, прибавленіе къ Corpus historiae byzantinae, притомъ новое, такъ какъ имѣлся въ виду образецъ, поданный изданіемъ Пахимера (Поссиномъ), которое тоже вышло въ Римѣ. Томъ in folio, который мы имѣемъ въ виду, появился въ 1777 году и содержитъ въ себѣ сочиненія Георгія Писидійскаго или, какъ его у насъ обыкновенно называютъ, Писиды, Ѳеодосія Діакона и латинскія стихотворенія Коринна, относящіяся по своему содержанію къ исторіи Восточной имперіи въ VI вѣкѣ [1]). Издателемъ былъ Фоджини (Foggini, Fogginius), ученый флорентіецъ (1713—1783), съ начала завѣдывавшій Лаврентіанскою библіотекой и прославившій себя открытіемъ одного изъ наиболѣе важныхъ и древнихъ списковъ сочиненій Виргилія, затѣмъ — членъ папской исторической академіи, учрежденной Бенедиктомъ XIV, книгохранитель (кустосъ) въ Ватиканской библіотекѣ, а по смерти Еводія Ассемани, знаменитаго оріенталиста,—ея ефектъ. Въ ватиканскомъ собраніи рукописей онъ между прочимъ открылъ и впервые издалъ сочиненіе Епифанія Саламинскаго о драгоцѣнныхъ камняхъ. Что касается сочиненій Георгія Писидійскаго, то они уже давно интересовали ученыхъ. Отъ византійскаго лексикографа Свиды знали, что это былъ діаконъ и сосудохранитель Константинопольской великой церкви (св. Софіи), что онъ написалъ большую поэму на мірозданіе, такъ-называемый Шестодневъ, а также нѣсколько стихотвореній, воспѣвающихъ подвиги императора Ираклія въ борьбѣ съ персами и аварами. Шестодневъ былъ уже разъ изданъ, хотя и въ неисправномъ видѣ, Фредерикомъ Морелемъ. Другія (стихотворныя) сочиненія Георгія были извѣстны по ватиканскимъ рукописямъ Гольстену, который даже переписалъ ихъ для извѣстнаго намъ сотрудника первыхъ парижскихъ византинофиловъ Мальтре, но дѣло на этомъ и остановилось: Мальтре только заявилъ о фактѣ въ предисловіи къ изданію Прокопія, а изъ твореній Георгія ничего не обнародовалъ. Ученый Пажи (Pagi), разбирая Анналы Баронія

[1]) Corporis Historiae byzantinae. Nova Appendix, Opera Georgii Pisidae, Theodosii Diaconi et Coryppi Africani Grammatici continens. Romae, apud Benedictum Francesium. 1777. Съ посвященіемъ папѣ Пію VI отъ имени издателя: Petrus Franciscus Fogginus.

и чувствуя крайнюю скудость свѣдѣній въ наличныхъ источникахъ о времени Ираклія, пытался отыскать манускриптъ Гольстена, предполагая, что подлежащія сочиненія Георгія содержатъ въ себѣ подробную хронику царствованія. Въ этомъ онъ ошибался; тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ дѣло остается въ такомъ положеніи, что для исторіи знаменитой борьбы Ираклія съ новоперсидскимъ царемъ Хозроемъ, для исторіи походовъ Ираклія въ прикавказскія и приевфратскія области, для исторіи страшнаго нашествія аваръ со славянами на Константинополь, въ 626 году, піитическія по формѣ, преувеличенно панегирическія по содержанію произведенія Георгія составляютъ наше главное пособіе и источникъ. Въ обнародованіи ихъ и заключается главная заслуга Novae Appendicis, хотя и все другое, что̀ здѣсь сдѣлано было для болѣе исправнаго изданія, а также для объясненія (комментаріи) духовной поэзіи Георгія Писиды, достойно вниманія: указываемъ, напримѣръ, на обширное и важное изслѣдованіе о Шестодневахъ, то-есть, о другихъ болѣе древнихъ греческихъ произведеніяхъ, описывающихъ созданіе міра въ шесть дней съ прибавленіемъ естественно-историческихъ свѣдѣній о землѣ и ея тваряхъ (извѣстенъ Шестодневъ Василія Великаго). Но издателю и комментатору византійскаго творенія, конечно, были не извѣстны его древніе славянскіе переводы, которые можно было бы не безъ пользы привлечь къ дѣлу при установленіи текста, дошедшаго до насъ въ довольно испорченномъ видѣ. Впрочемъ, нужно сказать, что по отношенію къ Писидѣ Фоджини былъ только издателемъ, приготовилъ сочиненія Георгія къ печати и комментировалъ ихъ соотечественникъ Фоджини, ученый флорентіецъ Кверчи (Quercius), знакомый съ греческими рукописями не только своего роднаго города, но также Вѣны, въ которой онъ провелъ нѣсколько времени, и самой Ватиканской библіотеки, гдѣ онъ занимался подъ руководствомъ Фоджини. Въ посвященіи тома папѣ Пію VI Фоджини говоритъ, что Кверчи взялся за трудъ по его внушенію и совѣту (consilio suasuque). Кверчи, вопервыхъ, написалъ обширное изслѣдованіе о трудахъ Георгія Писидійскаго, помѣщенное въ началѣ тома и служащее общимъ введеніемъ къ первой его и болѣе обширной половинѣ. Хотя оно и страдаетъ, можетъ быть, нѣкоторыми излишними подробностями и длиннотами, но все-таки достигаетъ главной цѣли: окончательно устраняетъ множество неточныхъ представленій о жизни и трудахъ Георгія Писидійскаго, которыя были возможны вслѣдствіе неправильнаго толкованія относящейся къ нему статьи Свиды и по

другимъ причинамъ,—были такіе ученые, которые даже смѣшивали нашего автора-поэта съ хронографомъ Георгіемъ Амартоломъ; далѣе общее введеніе сообщаетъ довольно полныя и отчетливыя свѣдѣнія о рукописяхъ, въ какихъ дошли до насъ сочиненія Георгія. Въ одной только Ватиканской библіотекѣ Кверчи нашелъ пять кодексовъ, заключающихъ въ себѣ сочиненія Писиды; сверхъ того, онъ имѣлъ въ рукахъ сборники Флорентійской и Туринской библіотекъ; онъ зналъ о существованіи многочисленныхъ списковъ внѣ Италіи (пяти въ Парижской, одного въ Вѣнской, Ескуріальской), но не имѣлъ возможности пользоваться сими послѣдними. Иные изъ нихъ, какъ Вѣнскій, по сообщеніямъ, которыя сдѣланы были съ мѣста, не представляли большой важности; за то одинъ изъ парижскихъ послѣ послужилъ къ исправленію многихъ испорченныхъ стиховъ въ историческихъ поэмахъ Георгія [1]). Этимъ изданіемъ установлена была принадлежность Георгію Писидійскому слѣдующихъ произведеній: 1) Εἰς τὴν κατὰ Περσῶν ἐκστρατείαν Ἡρακλείου βασιλέως: На походъ противъ персовъ императора Ираклія. Писида, какъ очевидецъ, воспѣваетъ въ трехъ отдѣленіяхъ, называемыхъ· ἀκροάσεις, своимъ особымъ размѣромъ (ямбическій триметръ) военныя доблести и первые успѣхи царя въ борьбѣ съ Хозроемъ. 2) Εἰς τὴν γενομένην ἔφοδον τῶν βαρβάρων καὶ εἰς τὴν αὐτῶν ἀστοχίαν ἤτοι ἔκθεσις τοῦ γενομένου πολέμου εἰς τὸ τεῖχος τῆς κωνσταντινουπόλεως μεταξὺ Ἀβάρων καὶ τῶν πολιτῶν: На бывшее нашествіе варваровъ и ихъ неудачу, или описаніе бывшей войны подъ стѣнами Константинополя между аварами и жителями этого города. Короче сказать, эта поэма (541 стихъ, предыдущая 1098) называется Bellum Avaricum, πόλεμος ἀβαρικός. 3) Ἀκάθιστος ὕμνος: Акаѳистъ, несѣдальная пѣснь — въ честь Богоматери, какъ главной защитницы христіанской столицы. Написанное по случаю побѣды надъ аварами, это произведеніе доселѣ остается въ церковномъ употребленіи; оно пѣлось, а теперь читается въ субботу пятой недѣли великаго поста. Принадлежность его Георгію, хотя и не опирается на прямомъ свидѣтельствѣ рукописей, съ большою правдоподобностью разъяснена комментаторомъ, который отмѣтилъ и встрѣчающіеся въ акаѳистѣ намеки на аваровъ и персовъ, а также присоединилъ находящійся въ греческой Тріоди синаксарь о троекратномъ нашествіи невѣрныхъ на христіанскую столицу и троекратномъ ея избавленіи

[1]) Имъ воспользовался *Пиндеръ*, который сдѣлалъ сличеніе для Боннскаго изданія.

заступленіемъ Богородицы (нашествіе персидское и два арабскихъ). 4) Εἰς τὴν ἁγίαν ἀνάστασιν τοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν: на Воскресеніе Христово. Небольшое стихотвореніе религіознаго содержанія съ намеками на современныя автору событія, на аваровъ и персовъ. 5) Ἡρακλιὰς ἤτοι εἰς τὴν τελείαν πτῶσιν τοῦ Χοσρόου βασιλέως: Иракліада или на конечное паденіе царя Хозроя—въ двухъ частяхъ (ἀκροάσεις), заключающихъ 471 ямбъ. 6) Εἰς τὸν μάταιον βίον: На суету жизни, стихотвореніе нравственно-христіанскаго содержанія. 7) Ἑξαήμερον ἢ κοσμουργία: Шестодневъ или Міросданіе—поэма въ 1910 стиховъ, посвященная патріарху Сергію, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ „естественнаго богословія", между прочимъ содержитъ иногда довольно счастливыя описанія свѣтилъ небесныхъ, земли, людей, животныхъ, растеній, но заключаетъ въ себѣ и полемическій элементъ, направленный прежде всего противъ александрійскаго философа (VI вѣка) Іоанна Филопона; этотъ ученикъ Аммонія въ своихъ комментаріяхъ на Моисея слишкомъ вдохновлялся языческою философіей Платона, Аристотеля и Порфирія; по этому поводу Георгій вооружается противъ ложныхъ понятій о мірѣ не только его самого, но и его авторитетовъ, не исключая Евклида, Галліена, Орфея, Прокла и т. д; для примѣра можно указать попытку осмѣянія теоріи Аристотеля о происхожденіи града. Ясно, что сочиненіе имѣетъ большое значеніе для исторіи естествознанія или по крайней мѣрѣ для исторіи понятій о природѣ и для характеристики образованія въ данный періодъ. 8) Κατὰ δυσσεβοῦς Σευήρου Ἀντιοχείας: противъ нечестиваго Севера Антіохійскаго. Обличеніе (опять-таки въ стихахъ) еретическихъ монофизическихъ мнѣній давно уже осужденнаго церковью восточнаго епископа (жилъ въ шестомъ вѣкѣ), вызванное, вѣроятно, оживленіемъ надеждъ остающихся его послѣдователей въ Арменіи и Персіи, съ которыми вступалъ въ примирительные переговоры царь Ираклій во время своихъ походовъ на востокъ 9) Ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον Ἀναστάσιον μάρτυρα: похвала св. мученику Анастасію, пострадавшему въ Персіи—единственное прозаическое сочиненіе Георгія. Существованіе его давно было извѣстно по указанію Свиды, но ученые напрасно разыскивали самый текстъ, пока онъ не былъ найденъ Кверчи въ флорентійской библіотекѣ; болландистами была издана другая редакція. Житіе Анастасія представляетъ большой историческій интересъ, такъ какъ оно характеризуетъ внутреннее броженіе и религіозную борьбу въ Сассанидской монархіи во время войнъ съ Ираклiемъ и на канунѣ ея окон-

чательнаго паденія [1]). Наконецъ 9) къ изданію сохранившихся сочиненій Писиды Кверчи присоединилъ различныя эпиграммы его, а также отрывочные стихи и выраженія, собранныя отчасти изъ древнихъ ватиканскихъ рукописей, частію изъ позднѣйшихъ византійскихъ писателей (Свиды и проч.); иное приписано здѣсь Георгію только по догадкѣ. Такимъ образомъ съ величайшимъ вниманіемъ собрано было все, что можно было найдти изъ сочиненій Георгія Писидійскаго, и напечатано въ означенномъ порядкѣ въ сопровожденіи латинскаго перевода. Содержаніе и значеніе отдѣльныхъ произведеній ближе разъясняются въ особомъ введеніи (monitum) къ каждому; сверхъ того, каждое снабжено своимъ комментаріемъ. Комментаріи обнаруживаютъ громадную начитанность въ богословской литературѣ греческой; но менѣе удовлетворительны по отношенію собственно къ историческимъ поэмамъ; для критической разработки текста оставалось еще многое сдѣлать, такъ какъ Кверчи располагалъ не всѣми древними списками сочиненій Георгія, а съ другой стороны, въ его время еще не вникали въ законы и пріемы позднѣйшаго греческаго стихосложенія, какъ это начинаютъ дѣлать теперь [2]). Редакція остальныхъ частей тома „Новаго прибавленія“

---

[1]) Анастасій былъ сынъ персидскаго мага; ближайшимъ поводомъ къ его обращенію въ христіанство послужило то движеніе въ умахъ, которое было вызвано перенесеніемъ въ персидскіе предѣлы величайшей христіанской святыни-Креста Господня, похищеннаго послѣ взятія Іерусалима Хозроемъ: Анастасій отправился въ Іерусалимъ, находившійся подъ властью Персовъ, принялъ тамъ крещеніе и воротился обратно съ цѣлью обличать огнепоклонниковъ; былъ взятъ и замученъ. Въ житіи впрочемъ, есть указанія вообще на широкое распространеніе христіанства въ Персіи. Изданные болландистами акты мученичества св. Анастасія собственно старше Похвалы ему, сочиненной Георгіемъ, и послужили для послѣдняго источникомъ.

[2]) Мы уже указали, что историческія поэмы были переизданы въ Боннскомъ изданіи Э. Беккеромъ, который отчасти воспользовался коллиціями *Пиндера* въ Парижскомъ собраніи рукописей, гдѣ нашелся одинъ очень хорошій экземпляръ трудовъ Писиды. Новое и лучшее изданіе Шестоднева принадлежитъ *Герхеру*: Claudii Aeliani varia historia ex recognov. *Hercherio* Accedunt — — Georgii Pisidae Hexaemeron. Lipsiae; 1866. Славянскій переводъ Шестоднева изданъ *И. А. Шляпкинымъ* въ *Памятникахъ древней письменности* (С.-Петербургъ. 1882), сборникѣ, издаваемомъ Обществомъ любителей древней письменности. Что можетъ дать славянорусскій текстъ (къ рукописи 1385) для возстановленія испорченныхъ и темныхъ мѣстъ въ подлинникѣ, объ этомъ можно судить по интересной статьѣ проф. *П. В. Никитина*: „Замѣчанія къ тексту Шестоднева Георгія Писидійскаго“—*Журналъ Мин. Нар. Просв.* январь 1888 г. О стихосложеніи Геор-

принадлежитъ самому Фоджини, который, впрочемъ, былъ нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ Кверчи, ибо ему предстояло издавать не новое, а уже ранѣе извѣстное въ печати. Сюда принадлежатъ: 1) Θεοδοσίου διακόνου περὶ Κρήτης ἁλώσεως ἀκροάσεις πέντε: Діакона Θеодосія о завоеваніи Крита пять пѣсней. Поэма, которой предшествуетъ прозаическое посланіе автора къ патрицію Никифору, воспѣваетъ морской походъ и борьбу съ Сарацинами за обладаніе островомъ въ 960 году, въ царствованіе Романа II, героемъ которой былъ будущій императоръ Никифоръ Фока; именно этотъ великій подвигъ на пользу христіанства, состоявшій въ возвращеніи подъ власть имперіи такой старинной греческой области послѣ вѣковаго порабощенія Сарацинами (съ 824 года), прославилъ Никифора и открылъ ему путь къ престолу. Произведеніе Θеодосія было уже разъ напечатано венеціанцемъ Флам. Корнели въ изданіи, посвященномъ древностямъ Крита: Cornelius, Creta sacra (Venet. 1755). Фоджини присоединилъ свои примѣчанія, которыя, впрочемъ, теперь важнаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ они основаны на указаніи параллельныхъ мѣстъ только у продолжателей Θеофана, у Кедрина и другихъ вторичныхъ компиляторовъ; исторію Льва Діакона знали тогда по однимъ извлеченіямъ Пажи (Pagi), а житіе Аѳанасія Аѳонскаго и совсѣмъ было не извѣстно (объ этомъ рѣчь будетъ ниже). 2) Стихотворенія африканскаго поэта и ученаго Флавія Кресконія Корипна, жившаго во второй половинѣ VI вѣка: a) Flavii Cresconii Corippi Africani fragmentum carminis Panegyrici seu praefationis librorum de laudibus Justini Augusti Minoris; b) Carmen panegyricum in laudem Anastasii Quaestoris et Magistri: небольшое стихотвореніе, которое, подобно предыдущему, служитъ какъ бы введеніемъ къ слѣдующему, болѣе обширному; и c) De laudibus Justini Augusti Minoris libri IV. Корипнъ, еще болѣе извѣстный своимъ сочиненіемъ (тоже въ стихахъ) о войнахъ Ливійскихъ (de bellis Libycis), гдѣ идетъ рѣчь о борьбѣ имперіи съ Маврами послѣ разрушенія Вандальскаго царства Юстиніаномъ, подъ главнымъ начальствомъ магистра Іоанна (сочиненіе поэтому носитъ другое названіе „Іоаннида“), написалъ очень пространный панегирикъ по случаю восшествія на престолъ

гія см. еще статьи *Гильберга* (Hilberg) въ *Wiener Studien*, VI (18.6), pag. 293, IX (1887), pag. 207, *Е. Миллера* (Miller) въ *Journal des Savants*, Fevrier 1875, pag. 120, и также въ сочиненіи *Е. Bouiry*: Poètes et mélodes. Etudes sur les origines du rythme tonique dans l'hymnographie de l'église grecque. Nimes. 1886, p. 168.

Юстина II; главное содержаніе его заключается въ описаніи обрядовъ, церемоній и торжествъ, сопровождавшихъ это событіе, и притомъ сообщаются драгоцѣнныя подробности о придворныхъ чинахъ, объ ихъ одеждахъ, о зданіяхъ константинопольскихъ; однимъ словомъ, здѣсь заключается матеріалъ, который слѣдуетъ принимать въ разчетъ при изученіи сочиненія De cerimoniis Константина Багрянороднаго; упоминается здѣсь также о посольствѣ аварскомъ. Панегирикъ Юстину былъ изданъ въ первый разъ (въ 1581) испанцемъ Рюицемъ (Ruizius) по рукописи, мѣсто нахожденія которой онъ не далъ себѣ труда указать; позднѣйшіе издатели и комментаторы (Dempsterus, Barthius, Ritterhusius и др.) вновь издавали и поправляли текстъ только при помощи конъектуръ; да и самъ Фоджини шелъ тѣмъ же самымъ путемъ: многія поправки, внесенныя имъ въ текстъ по догадкѣ, признаются теперь счастливыми и удачными, но иныя, не смотря на все остроуміе, произвольными и напрасными. Только новѣйшему издателю сочиненій Коринна (Іоанниды и Похвалъ Юстину II) удалось напасть на слѣдъ и воспользоваться мадритскимъ кодексомъ, который нѣкогда послужилъ Рюицу. Впрочемъ, этотъ издатель, Парчъ (Partsch), сотрудникъ Monumenta Germaniae, отдаетъ всю честь какъ критической проницательности предшественника, такъ въ особенности историческимъ комментаріямъ, которыми Фоджини сопровождалъ напечатанныя имъ поэмы поздняго латинскаго поэта [1]). Въ видѣ приложенія къ тому напечатаны два письма италіанскихъ оріенталистовъ)de Rossi, Augustinus Antonius Georgius), заинтересовавшихся арабскимъ двустишіемъ въ сочиненіи діакона Ѳеодосія, которое онъ передалъ въ греческомъ написаніи.

Дополненіемъ Парижской коллекціи византійцевъ считается также Анонимная Хроника отъ сотворенія міра до царствованія Валентиніана 1-го и Валента, изданная въ 1779 году Біанкони.

---

[1]) См. Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum. Tomi III. Pars posterior (Berolini, 1878). Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt. Recensuit *Josephus Partsch*. Въ предисловіи перечислены и характеризованы предшествовавшія изданія Коринна, которыя теперь утратили всякое значеніе относительно текста, но сохраняютъ цѣнность по комментаріямъ. Нужно упомянуть объ изданіи *Маццукелли* (Іоанниды, 1820) и *Э. Беккера* въ Боннскомъ собраніи (вмѣстѣ съ Меробаудомъ): въ послѣднемъ однѣ перепечатки. Есть еще болѣе новое изданіе Коринна: *M. Petschenig*. Corippi quae supersunt—въ *Berliner Studien fur classische Philologie*. Vierter Band (1886). Erstes Heft. Характеристика автора въ сочиненіи *Гро: Kurt Groh*, Geschichte des ostromischen Kaisers Justin II nebst den Quellen. Leipzig. 1889.

Названный италіанскій аббатъ, уроженецъ Болоньи, ученикъ знаменитаго латиниста Фаччіолатти въ Падуѣ, профессоръ греческаго и еврейскаго языковъ въ Флорентійской академіи (Мингарелли былъ его ученикомъ), во время своего пребыванія въ Миланѣ открылъ въ Амброзіанской библіотекѣ не имѣющую начала греческую рукопись, которая показалась ему заслуживающею вниманія и была имъ напечатана съ присоединеніемъ латинскаго перевода. Впослѣдствіи оказалось, что рукопись такого же точно содержанія находится въ Мюнхенской библіотекѣ, и въ ней отыскался и недостающій первый листъ книги. Здѣсь сочиненіе приписано Юлію Полидевку (Поллуксу), и съ этимъ именемъ хроника была издана по Мюнхенской рукописи нѣсколько позднѣе Гардтомъ (Hardt); за нимъ и Біанкони повторилъ свое изданіе, воспользовавшись дополненіями и лучшими чтеніями баварскаго кодекса [1]). Въ сущности эта компиляція, представляющая почти буквальное сходство съ другими однородными (первою частію Льва Грамматика), не имѣетъ для насъ никакого значенія, такъ какъ и не доходитъ даже собственно до византійскаго періода. Но когда мы будемъ говорить о трудахъ Газе, то-есть, въ частности объ его комментаріяхъ къ Льву Діакону, то мы увидимъ, что въ одномъ томѣ парижскихъ сборниковъ она имѣетъ продолженіе, чрезвычайно важное по содержанію и особенно въ литературно-критическомъ отношеніи.

Наконецъ, въ изданіи византійскихъ историковъ принялъ участіе одинъ изъ ученыхъ іезуитовъ, пережившій закрытіе своего ордена. Это былъ Альтеръ (Alter), уроженецъ Силезіи, учившійся въ Ольмуцѣ, вступившій еще юношею въ братство Іисуса, а послѣ его уничтоженія папою Климентомъ XIV занимавшійся преподаваніемъ въ Пражской гимназіи, потомъ въ Вѣнскомъ Theresianum (лицей); получивъ мѣсто библіотекаря (custos) университетской библіотеки, онъ тѣмъ самымъ пріобрѣлъ право читать лекціи въ университетѣ и преподавалъ древніе языки. Отъ классическихъ занятій, о хорошемъ на-

---

[1]) Anonymi scriptoris historia sacra ab orbe condito ad Valentinianum et Valentem e vetere codice graeco descripta. *J. B. Bianconi* latine vertit, nonnulla adnotavit.—Bononiae, 1779. Julii Pollucis historia physica seu chronicon ab origine mundi usque ad Valentis tempora nunc primum graece et latine editum ab *Ign. Hardt.* Monachii et Lipsiae, 1792.—Julii Pollucis historia physica et chronicon a *J. B. Branconio* e codice Mediolanensi ἀκεφάλῳ primum descripta nunc e codice Bavarico aucta et pluribus emendata. Bononiae, 1795. Ср. объ этой хроникѣ *Hirsch*, Byzantinische Studien p. 92 и сл.

правленіи которыхъ свидѣтельствуетъ извѣстное въ свое время изданіе поэмъ Гомера, Альтеръ перешелъ къ дипломатикѣ; онъ знакомъ былъ также съ восточными языками и въ такой степени обладалъ славянскими, что оставилъ нѣкоторую память о себѣ въ исторіи славяновѣдѣнія. Вообще Альтеръ былъ едва ли не единственнымъ членомъ іезуитскаго ордена, который поддержалъ ученую репутацію своей корпораціи при ея разрушеніи. Большая его заслуга по отношенію къ византійской литературѣ состоитъ въ изданіи хроники Георгія Франдзи [1]), наилучшаго источника для послѣднихъ лѣтъ существованія имперіи, для подробнаго изученія обстоятельствъ, сопровождавшихъ осаду и взятіе Цареграда Магометомъ II, а также послѣдовавшее утвержденіе турецкаго ига въ Пелопоннесѣ, авторъ съ юности или даже съ дѣтства былъ близокъ къ императорскому двору, былъ любимъ фамиліею Палеологовъ, такъ что царь Мануилъ II (1391—1425) завѣщалъ своимъ сыновьямъ быть внимательными къ вѣрному слугѣ, и онъ сдѣлался не только совѣтникомъ, но и другомъ втораго его преемника, несчастнаго Константина XI, хотя и Іоаннъ VI былъ къ нему тоже весьма расположенъ. Благодаря своему положенію, Франдзи могъ писать о томъ, что̀ самъ видѣлъ, что̀ самъ испыталъ и претерпѣлъ; онъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣдней героической борьбѣ грековъ для спасенія города, и послѣ катастрофы попался въ турецкій плѣнъ; освободившись изъ него, онъ посѣтилъ Италію, гдѣ находились послѣдніе отпрыски династіи Палеологовъ подъ покровительствомъ кардинала Виссаріона (между прочимъ и Софія Ѳоминишна, объ обрученіи которой съ однимъ италіанскимъ династомъ говорится въ хроникѣ), и кончилъ свою горькую жизнь въ монастырской кельи на островѣ Корфу (около 1488 года), гдѣ и написалъ свое сочиненіе, проникнутое патріотическою скорбью и горячею преданностью православію, которую онъ сохранилъ среди всѣхъ невзгодъ, будучи далекъ отъ мысли видѣть спасеніе въ измѣнѣ ему въ пользу уніи, какъ Дука. Подробнѣе о Франдзи и его хроникѣ см. въ статьѣ П. Д. Погодина: „Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, августъ 1889 года.

---

[1]) Χρονικον Γεωργιου Φραντζη του πρωτοβεστιαριου εις τεσσαρα βιβλια διαιρεθεν νυν πρωτον εκδοθεν επιμελεια Φραγκισκ. Καρολου Αλτερ διδασκαλου της ελληνικης διαλεκτου δαπανη δε και γραμμασι των Μαρκιδων Πουλιου. ἐν Βιέννῃ τῆς Αουστρίας, 1796.

Уже во второй книгѣ, посвященной царствованію Іоанна VI (1425—1448 гг.), Франдзи разказываетъ отчасти о событіяхъ, въ которыхъ самъ принималъ участіе (дѣла Пелопоннесскія), правда—эпизодически, сбиваясь въ тонъ мемуаровъ; здѣсь же находится и отдѣлъ о Флорентійской уніи. Первая книга составляетъ собственно введеніе, заключая въ себѣ обзоръ исторіи со времени утвержденія династіи Палеологовъ отъ Михаила VIII до Мануила II (1251—1425 гг.), а также взглядъ на образованіе и развитіе могущества османскихъ турокъ: это написано на основаніи прежнихъ лѣтописцевъ (Акрополитъ, Григора) и устныхъ преданій. Вся третья и наиболѣе важная книга посвящена исторіи осады 1453 года. Въ четвертой говорится о турецкихъ походахъ въ Пелопоннесъ противъ деспотовъ Димитрія и Ѳомы, братьевъ погибшаго императора, державшихся на полуостровѣ и продолжавшихъ обычные раздоры, и наконецъ, о собственныхъ приключеніяхъ автора, съ прибавленіемъ различныхъ матерій, нѣсколько посторонних исторической задачѣ: къ подобнымъ вставкамъ Франдзи вообще питалъ особенную склонность (во второй книгѣ—диспутъ царя Іоанна VI съ евреемъ о вѣрѣ, гл. 12—17; въ четвертой—еще болѣе длинное обличеніе магометанства).

Хроника Франдзи не была неизвѣстною и ранѣе Альтера. Она была нѣкогда издана Понтаномъ, но только въ латинскомъ переводѣ, притомъ сокращенномъ противъ подлинника, такъ что переводъ скорѣе имѣлъ видъ извлеченія [1]). Понтанъ объяснялъ такой свой пріемъ крайними затрудненіями, которыя представлялъ подлинникъ, написанный грубымъ и варварскимъ, неправильнымъ и запутаннымъ языкомъ, и дурнымъ качествомъ единственнаго списка, въ которомъ хроника была ему доступна; по его словамъ, онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ іезуитомъ Гретсеромъ иногда просиживали по нѣскольку часовъ за однимъ словомъ и все-таки едва добирались до смысла. Это былъ тотъ самый кодексъ (писанный въ 1677 году) Мюнхенской библіотеки Баварскаго курфюрста, который послѣ былъ въ рукахъ Біанкони

[1]) Вышла вмѣстѣ съ Ѳеофилактомъ Симокатою: Theophylacti Simocattae—Historiae Mauricii Tiberii imp. libri VIII. Item Georgii Phranzae Protovestiarii Chronicorum de ultimis orientalis imperii temporibus, de Sultanorum Osmanidarum origine, successione, rebus gestis, usque ad Mahometem II, de rebus denique Peloponnesiacis ante et post captam Constantinopolim libri III. — — — Omnia ex Bibliotheca Serenissi. Maximiliani utriusque Bavariae principis depromta, in latinum conversa a *Jacobo Pontano* Soc. Iesu. Anno MDCIV, Ingolstadii.

выше упомянутаго болонскаго профессора греческой литературы; послѣдній будто бы не только списалъ текстъ хроники для себя, но даже приготовилъ ея латинскій переводъ, который, однако, остался подъ спудомъ Самъ Альтеръ пользовался тѣмъ же спискомъ и издалъ только греческій текстъ безъ латинскаго перевода. Онъ вообще не думалъ, что при греческомъ текстѣ непремѣнно нужно латинское толкованіе, и самое предисловіе къ изданію (Προοίμιον), очень обширное, написалъ по гречески. Изъ этого предисловія видно, что Альтеру было извѣстно (по каталогамъ и разныхъ сообщеніямъ) существованіе и другихъ списковъ—на островѣ Хіо, въ Константинопольской патріаршей библіотекѣ, въ Туринскомъ собраніи греческихъ рукописей (по указаніямъ Алляція и по каталогу Пасини), но ими онъ не могъ воспользоваться. Баварскій же кодексъ вслѣдствіе ходатайства канцлера князя Кауница былъ присланъ для пользованія Альтера въ Вѣнскую придворную библіотеку. Хотя Альтеръ, какъ видно изъ его замѣчаній объ указаніяхъ каталоговъ, догадывался о существованіи совершенно другой, болѣе краткой редакціи хроники Франдзи, но кажется, не думалъ даже предпринимать какихъ-либо попытокъ для ближайшаго ознакомленія съ нею. Она напечатана была гораздо позже по Ватиканскому списку кардиналомъ Маи (Mai) съ коллекціи *Classici Auctores ex Vaticanis codicibus* Romae. 1827—1837. tom. IX, p. 594—при помощи Авг. Тейнера и нѣмецкаго филолога Франца, изъ коихъ первый снялъ копію, а второй оказалъ содѣйствіе при установленіи текста. Появленіе этой редакціи, обозначаемой надписаніемъ Chronicon minus Γεωργίου Φραντζῆ (χρονικὸν μικρόν), должно было возбудить вопросъ объ отношеніи между двумя изданіями относительно хронологическаго первенства, который впрочемъ никѣмъ еще не былъ подробно изслѣдованъ: предполагается только, что первоначально была написана краткая хроника, отличающаяся совершеннымъ отсутствіемъ литературной обработки въ смыслѣ классической традиціи и свободная отъ эпизодическихъ длинныхъ вставокъ, болѣе имѣющая видъ погодныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Само собою разумѣется, что она могла бы служить немаловажнымъ подспорьемъ и при настоящемъ критическомъ изданіи Большой хроники (Chronicon major), но не только Альтеръ, не дожившій до ея появленія, а даже Эмм. Беккеръ, редакторъ Боннскаго изданія, не употребили въ дѣло этого пособія. Послѣдній, впрочемъ, слегка воспользовался при перепечаткѣ текста Альтера одною, недоступною для послѣдняго, рукописью Парижской библіотеки XII вѣка,

представляющею много хорошихъ варіантовъ. Возвращаемся къ изданію Франдзи.

За текстомъ (стр. 102) слѣдуетъ нѣсколько замѣчаній къ нему грека Пахомія, потомъ подробное оглавленіе (Πίναξ) содержанія на греческомъ языкѣ (стр. 119), указатель мѣстъ и реченій изъ Священнаго Писанія, на которыя прямо или косвенно ссылался Франдзи въ своемъ трудѣ, указатель исправленій, сдѣланныхъ редакторомъ въ текстѣ рукописи (стр. 128—138): ихъ очень много, но остается вопросъ, въ какой степени всѣ они были необходимы, такъ какъ знаніе греческаго классическаго языка еще не ручалось за полное знакомство съ словоупотребленіемъ византійской эпохи, особенно по отношенію къ автору, сильно подчинявшемуся вліянію народной рѣчи. Далѣе слѣдуютъ приложенія: 1) изложеніе вѣры латинами, написанное и посланное папою Григоріемъ Римскимъ Герману (II) патріарху константинопольскому, 2) св. патріарха Константинопольскаго Германа и сущаго при немъ собора (синода) отвѣтъ на исповѣданіе папы и къ фременуріямъ (Fratres minores, миноріты) отъ него посланнымъ, объ исхожденіи Св. Духа (до стр. 149), 3) краткое посланіе (πιττάκιον) папѣ Урбану отъ патріарха Нила, 4) Символы вѣры—Аѳанасія Великаго, апостольскій, никейскій, константинопольскій, 4) Ἱστορία πολιτικὴ Κωνσταντινουπόλεως (Политическая исторія Константинополя), 5) разказъ о разговорѣ (ἱστορία περὶ διαλέξεως), который патріархъ Константинопольскій Геннадій имѣлъ съ султаномъ, послѣ того какъ онъ овладѣлъ городомъ, о чистотѣ и безупречности христіанской вѣры. Латинское изложеніе вѣры и отвѣтъ Германа, какъ объяснено въ общемъ предисловіи къ тому, изданы здѣсь въ первый разъ по рукописи Вѣнской библіотеки изъ собранія Бузбека (содержаніе кодекса подробно описано тамъ же). Краткое посланіе патріарха Нила къ папѣ Урбану тоже издано въ первый разъ по другой рукописи Вѣнской библіотеки. Символы присоединены въ виду того, что въ концѣ сочиненія Франдзи находится его собственное исповѣданіе при постриженіи въ монашество, а также толкованіе на никейско-константинопольскій символъ. Альтеръ помѣстилъ (въ предисловіи) длинное разсужденіе относительно различнаго чтенія того мѣста въ символѣ Аѳанасія, гдѣ говорится объ исхожденіи Св. Духа (самъ онъ нашелъ въ рукописи и читалъ: ἐκπορεύεται ἐκ πατρὸς καὶ ἀναπαύεται ἐν υἱῷ); онъ старается установить настоящее первоначальное чтеніе и приходитъ къ тому выводу, что прибавка „и отъ Сына“ въ греческомъ текстѣ есть позднѣйшая внесенная подъ

вліяніемъ латинскимъ. При этомъ старыя печатныя изданія исповѣданія сравниваются съ рукописными греческими редакціями, а также съ переводными армянскими и особенно со славянскими, которыя Альтеръ приводитъ по тюбингенскимъ изданіямъ катихизиса (Прима Трубера)—глаголическимъ и кириллицею, и по кіевскому катихизису 1737 года. Такъ-называемая Historia politica Constantinopoleos содержитъ въ себѣ отрывочное изложеніе турецко-греческой исторіи со времени императора Мануила II до султана Селима II, съ 1391 по 1578 годъ; присоединенная къ Франдзи ради родства содержанія, она заимствована была изъ Турко-Греціи (Turco-Graecia) Мартина Крузія, который въ свою очередь получилъ списокъ этой небольшой хроники отъ Θ. Зигомалы, протонотарія Великой церкви. Сверхъ того, приложены изображенія Византійскихъ императоровъ съ цѣлью нагляднаго ознакомленія съ подробностями царскаго облаченія. Нужно замѣтить, что всѣ приложенія исчезли въ позднѣйшемъ Боннскомъ изданіи, гдѣ за то присоединенъ къ тексту латинскій переводъ.

Оглавленіе

I. Изданіе источниковъ.

СТРАН.

I. Отъ Іеронима Вольфа до Дюканжа 1

Эпоха возрожденія въ Италіи; занятія греческимъ языкомъ и классическою греческою литературою.—Ученые греки: Хрисолоръ, Виссаріонъ Никейскій, Ѳедоръ Газа и ученики ихъ; Лонардо Бруни и его переводъ Прокопія. Шестнадцатый вѣкъ: эллинизмъ во Франціи, Яни Ласкарисъ, Антоній Епархъ; переводы и изданія Коперника, Беата Ренана, Етьенней во Франціи.—Іеронимъ Вольфъ, какъ основатель византійской исторіи, Бузбекъ, Мартинъ Крузій.—Ксиландръ.—Бонавентура Вулканій.—Галоандръ.—Леунклавій, Гешель, Петавій, Гретсеръ и Понтанъ; Меурсій.—Алеманнъ и Аллацій.

. Время Дюканжа 53

Занятіе византійцами во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV.—Покровители ученыхъ занятій и собиратели греческихъ рукописей.—Людовикъ XIII.—Мазарини, Сегье, Фуке, Кольберъ.—Предшественники Дюканжа: Лаббъ, Фабро, Гоаръ, Комбефизъ, Валуа; изданія Кантакузина, Кедрина и Никиты.—Воззваніе къ ученымъ или протрептиконъ.—Дальнѣйшія изданія: Кодинъ, Дука, Анна Комнина, Георгій Синкеллъ, Ѳеофанъ, его продолжатели и т. д.; труды Дюканжа: Historia Constantinopolitana.—Словарь средневѣковой латыни и греческій.—Топографія Константинополя и Византійскія фамили.—Изданія Зонары, Киннама и Пасхальной хроники.

I

II. Восемнадцатое столѣтіе 149

Ученый кружокъ Сенъ-Жерменскаго аббатства.—Мабильонъ и Монфоконъ.—Буавенъ, Бандури и Лекьенъ.—Изданіе Григоры.—Imperium Orientale Бандури.—Oriens christianus.—Общая характеристика Парижской коллекціи.—Венеціанское изданіе византійцевъ.—Оксфордское изданіе Малалы.—Изданіе Генесія въ Венеціи.—Изданіе De ceremoniis Константина Багрянороднаго въ Лейпцигѣ Яковомъ Рейске.—Писида.—Франдзи Альтера.

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строки.		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
4	3	сверху	рукописи	рукописи;
13	10	„	Зосимы	Зо́сима
14	9	снизу	Уллиса	Улисса
22	7	„	destinavi	destinavi;
„	16 и 12	„	Ѳеодоромъ	Ѳеодосіемъ
29	1	„	Studoi	studio
30	5	„	доведши	доведшій
40	11	„	Кобелутти	Кобиллуціо
51	4	„	Ѳеодоры	Ѳеодора
55	4	„	была рѣчь выше	рѣчь будетъ ниже
60	5	„	Holsten	Holste
102	17	сверху	Пазлеологу	Палеологу
105	12	снизу	отъ Константина Великаго до Юлія Цезаря	отъ Юлія Цезаря до Константина Великаго.
158	9	„	uomni	uomini
178	16	сверху	Ѳеофана	Ѳеофанѳ

ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 21, примѣч. 1. О Дерншвамѣ см. статьи берлинскаго профессора Киперта (Heinr. Kiepert): Hans Dernschwam's orientalische Reise 1553—1555, въ журналѣ Globus 1887 г. (LII, №№ 12—15), гдѣ сообщаются извлеченія изъ его дневника. Онъ сопровождалъ Бузбека и, вѣроятно, имѣлъ въ виду и торговыя дѣла Фуггеровъ, такъ какъ стоялъ на ихъ службѣ.

Стр. 22. О сношеніяхъ Герлаха съ обоими Зигомалами можно теперь читать въ весьма интересной книгѣ Леграна: E. Legrand, Notice biographique sur Jean et Théodose Zygomalas. Paris, 1889.

Стр. 68, примѣч. 3. Обширная корреспонденція Пейреска, столь важная для исторіи ученаго движенія во Франціи XVII вѣка, издается теперь въ отдѣльномъ обширномъ сборникѣ, котораго вышло два тома, подъ редакціею того же де-Ларрока· Lettres de Pieresc aux frères Dupuy, publ. par Tamizey de Larroque. Paris. 1888—1890, въ составѣ Collection de documents inédits sur l'histoire de France. 2-me série. Сверхъ того, нужно отмѣтить Леоп. Делиля (Léop. Delisle): Un grand amateur Français du XVII siècle, Fabri de Peiresc: Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions, Bulletin de Novembre—Decembre 1888 (t. XVI).

Стр. 164. Подробное изложеніе обвинительной рѣчи Иселла противъ Керуларія находится въ статьѣ П. В. Безобразова: „Матеріалы для исторіи Византійской имперіи“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, сентябрь 1889 г.

Стр. 185, примѣч. Относительно принадлежности рисунковъ Ѳеодосіевой колоннѣ Дж. Беллини см. теперь статью Мюнца (Eugène Müntz) въ Revue des études grecs. Tome I (1888), pag. 318—325: La colonne Theodosienne à Constantinople d'après les prétendus dessins de Gentile Beilini, conservés au Louvre et à l'école de beaux arts. Какъ видно изъ заглавія статьи, принадлежность рисунковъ Беллини считается предположеніемъ, ни на чемъ не основаннымъ.

